Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 15

Москва
Академия исторических наук
2012

УДК 82-92 ″1941/45″
ББК 84Р7-4
О80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 15. - М.: Академия исторических наук, 2012. -558 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-25-3 (т.15)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания 46-ти советских воинов-интернационалистов и 5-ти военнослужащих Вооружённых сил Республики Афганистан в период Афганской кампании 1979-1989 годов, а также воспоминание ветерана Вермахта 1945 года, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. Воспоминания представлены в авторской редакции.

Книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются ветераны-авторы статей и их помощники-студенты, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра передаются бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек зарубежных университетов.

Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук все тома размещаются для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства Московского комитета ветеранов войны (Председатель Слухай Иван Андреевич) и Российского благотворительного общественного фонда помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945» (Президент Магомедов Магомед Гаирбекович), при поддержке Муниципального образования «Басманное» в городе Москве (Руководитель Мороз Ива Васильевна).

УДК 82-92 ″1941/45″
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-25-3 (т.15) © Академия исторических наук, 2011
ISBN 5-903076-05-X

Посвящается величию
Подвига Солдата

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

Предисловие к изданию
русский 9
english (trans.Ustinova E.B., Moskow) 22
deutsch (Übersetzung. Stepul-Hesse Olga, Berlin) 34

Мороз И.В. *Война так просто не отпускает*
русский 48
deutsch (Übersetzung. Stepul-Hesse Olga, Berlin) 49

Предисловие к 15-му тому
русский 50
deutsch (Übersetzung. Stepul-Hesse Olga, Berlin) 54

1. **Авдеев Геннадий Петрович** 58
В мой кабинет залетела неуправляемая ракета
(продолжение, часть 2-я, начало в 11-м томе)

2. **Авдеева Людмила Евгеньевна** 83
Раненая книга
(продолжение, часть 2-я, начало в 11-м томе)

3. **Ахмад Шах Зубра** 117
Меня внедрили военнослужащим в ряды армии «Хальк»

4. **Безгин Григорий Владимирович** 120
Мы не оставили в ущелье ни одного своего товарища

5. **Васюхин Александр Александрович** 125
Рота «Тяжелых машин»

6. **Волков Виктор Алексеевич** 129
Это был не наш МиГ-21 и не Су-17, а иранский Phantom

7. **Воробьев Александр Георгиевич** 143
Пел восемь часов подряд, с 9 часов утра до 5 часов вечера

8. **Галич Вячеслав Викторович** 150
Это страшно, когда ребята горят

9. **Галкин Павел Андреевич** 157
История с счастливым окончанием

10. **Григорьев Семен Васильевич** 164
Служить нравилось, так как рядом - плечо друга

11. **Дашкин Равиль Адельшинович** 167
В таком блиндаже круглые сутки темно, но зато всегда спокойно

12. **Джалал Гулям Мухаммед** 173
Моей последней службой была битва за Джелалабад

13. **Довгань Вячеслав Георгиевич** 178
Шёл уже шестой год необъявленной войны

14. **Дудченко Руслан Петрович** 189
А если он неисправен? До пропасти метров двадцать!

15. **Душин Владимир Николаевич** 192
УКВ-радиосвязь получалась только до первого серпантина горной дороги

16. **Ерин Игорь Григорьевич** 201
Мы к ней просто привыкли

17. **Жарова Елена Васильевна** 207
Не забудь пистолет. Сядешь в самом конце аудитории

18. **Иванов-Якушко Игорь Юрьевич** 219
Выходит механик самолета и начинает всем пристегивать парашюты

19. **Костюк Иван Иосифович** 224
У всех на виду проходил расстрел трех девушек душманами

20. **Кулаков Евгений Сергеевич** 229
С меня спрашивали наравне с подсоветным

21. **Лозовенко Леонид Владимирович** 245
Решил ничего не менять

22. **Лысак Сергей Владимирович** 251
Солдаты попросили их не увольнять

23. **Медведев Петр Петрович** 260
Почуствовал удар и мигом оказался под бронёй

24. **Мещеряков Борис Борисович** 266
Наш батальон был как отдельная застава

25. **Миронов Александр Ананьевич** 269
Крупная операция. Поедешь старшим

26. **Мирошниченко Николай Васильевич** 287
Операция в Панджшерском ущелье

27. **Митинский Евгений Викторович** 296
Там будет не до этого

28 **Никишин Александр Николаевич** 302
14-й отдельный трубопроводный батальон

29 **Панин Павел Вячеславович** 308
Они выглядели так, будто их облили красной краской

30. **Позолотин Владимир Анатольевич** 315
Я уже был похоронен и оплакан моими друзьями из других частей

31. **Прохоров Николай Алексеевич** 328
Баграмский батальон разведки

32. **Раздобудько Евгений Александрович** 333
Навыки пловца и помогли мне

33. **Роженцев Алексей Петрович** 338
За два года их было более сорока

34. **Рябко Сергей Анатольевич** 345
Под валуном были танковые домкраты

35. **Савелов Александр Игоревич** 354
Но не дошла до меня эта награда

36. **Санжджар Гафари** 361
Десять лет проработал без каких-либо выходных

37. **Сатарзай Халил** 364
Война была очень жестокой, мы стойко держались

38. **Сенников Александр Юрьевич** 368
9-я рота

39. **Смирнов Андрей Борисович** 379
Спуск оказался еще труднее чем подъем

40. **Стародубцев Владимир Дмитриевич** 391
Вылетел в образовавшуюся в машине пробоину

41. **Стародымов Николай Александрович** 396
Будет приказ, так и поеду

42. **Такдир Наджимулла** 406
С полуночи до шести утра мы вели бой

43. **Темченко Александр Андреевич** 410
Ленточка орденская на знамени. Вот она меня и спасла

44. **Тестов Владимир Алексеевич** 416
За сорок минут боя из 22-х человек только шестеро остались

45. **Титоренко Александр Николаевич** 426
У душманов была преобладающая высота

46. **Уржунцев Вячеслав Васильевич** 437
Помощь от шурави обязательно придёт, только верьте нам!

47. **Черноусов Олег Вячеславович** 453
Нам утвердили вариант ночного рейда

48. **Чубаров Борис Иванович** 513
В глазах его матери я чувствовал немой вопрос

49. **Шаманов Юрий Владимирович** 520
Через два дня вылетаешь. Все подробности, всё там узнаешь.

50. **Шеенков Анатолий Григорьевич** 528
На переговорах буду я, переводчик и связист

51. **Языков Андрей Евгеньевич** 536
Мы должны были сидеть внутри машины

52. **Bitther Ernst** 540
Kampf um den Reichstag. Luftwaffenhelfer bei der Verteidigung des Reichstages
Биттхер Эрнст 548
Битва за Рейхстаг. Участник противовоздушной обороны Рейхстага

Благодарность Оргкомитета 556

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных

военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, героизма, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны (председатель Слухай И.А.) проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии (председатель Пархоменко В.И.), Московского комитета ветеранов войны и факультета военного обучения (начальник Луценко В.Н.) Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета;

- Московского государственного горного университета;
- Московского государственного лингвистического университета;
- Московского государственного строительного университета;
- Московского государственного технического университета имени А.Н. Косыгина;
- Московского государственного университета природоустройства;
- Московского инженерно-физического института (государственного университета);
- Московского энергетического института (технического университета);
- Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Российского государственного технологического университета имени К.Э. Циолковского;
- Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина;
- Кубанского государственного аграрного университета;
- Кубанского государственного технологического университета;
- Кубанского государственного университета.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института (заведующий Порохня В.С.) была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе, а Краснодарского края - в 9-м томе, Республики Коми - в 13-м томе настоящего издания.

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор Порохня В.С.), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 года № ФАО-14868/12-

16 рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению студентов и преподавателей истории для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, в учебном процессе российских университетов внедряется новая элективная форма учебно-исследовательской работы студентов, которая позволит оказать помощь всем российским ветеранам войн в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании. В результате на момент издания 13-го тома для публикации в Академию исторических наук собраны для более 20-ти новых томов мемуаров ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны, подготовку которых осуществили:

1. Брянская государственная инженерно-технологическая академия;
2. Брянская государственная сельскохозяйственная академия;
3. Брянский государственный технический университет;
4. Брянский государственный университет;
5. Воронежский архитектурно-строительный университет;
6. Горский государственный аграрный университет (Владикавказ);
7. Дагестанский государственный педагогический университет;
8. Ивановский государственный архитектурно-строительный университет;
9. Ивановский государственный энергетический университет;
10. Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере (Краснодар);
11. Казанский государственный технический университет имени А.Н. Туполева;
12. Калмыцкий государственный университет;
13. Калужский филиал Российского государственного аграрного университета МСХА имени К.А. Тимирязева;
14. Кемеровский филиал Российского торгово-экономического института;
15. Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова;

16. Краснодарский университет МВД России;
17. Кубанский государственный медицинский университет (Краснодар);
18. Кубанский государственный медицинский университет.
19. Кубанский социально-экономический университет;
20. Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Павлова;
21. Курский государственный технический университет;
22. Курский государственный университет;
23. Липецкий государственный технический университет;
24. Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева;
25. Мордовский государственный университете имени Н.П. Огарева;
26. Московский авиационно-технологический университет;
27. Московский авиационный институт (государственный технический университет).
28. Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина;
29. Московский государственный горный университет;
30. Московский государственный лингвистический университет;
31. Московский государственный строительный университет;
32. Московский государственный текстильный университет имени А.Н. Косыгина;
33. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
34. Московский государственный университет печати;
35. Московский государственный университет природоустройства;
36. Московский инженерно-физический институт (государственный университет);
37. Московский энергетический институт (технический университет);
38. Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского;

39. Санк-Петербургский государственный университет водных коммуникаций;

40 Саратовский государственный социально-экономический университет;

41. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

42. Северо-Кавказский филиал Правовой академии Минюста России (Махачкала);

43. Сибирская автомобильно-дорожная академия (Омск);

44. Славянский-на-Кубани государственный педагогический университет;

45. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России;

46. Старооскольский филиал Воронежского государственного университета.

Работа студентов и преподавателей кафедры истории (заведующий Антипин Л.Н.) Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина опубликована в 2011 году в 14-м томе настоящего издания.

В конце 2008 года Академия исторических наук совместно с кафедрой истории (заведующий Порохня В.С.) Московского авиационного института и Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы (председатель Попов Д.И.) провели эксперимент по подготовке ветеранами-интернационалистами воспоминаний об их участии в боевых действиях в 1979-1989 годах в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. В результате этого эксперимента создан 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне».

В настоящее время студенты и преподаватели кафедры истории Московского авиационного института работают над подготовкой мемуаров участников боевых действий во Вьетнаме и Корее.

Важным событием в развитии проекта явилось пребывание в ФРГ делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года в рамках мероприятий по празднованию 65-летия окончания Второй мировой войны. Инициатор и организатор поездки делегации - Научное учреждение «Академия исторических наук». Главная

цель поездки - вручение комплекта 13-ти томов мемуаров фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» библиотеке Бундестага.

Делегация состояла из 13-ти человек, в которую вошли:

- руководители двух ветеранских организаций России: Карабанов Дмитрий Иванович (Председатель Совета Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов) и Антошкин Николай Тимофеевич (Герой Советского Союза, Заслуженный военный летчик, Председатель Правления Клуба героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров «Ордена Славы», доктор военных наук, профессор, генерал-полковник);
- три фронтовика Великой Отечественной войны: Рунов Борис Александрович (Герой Советского Союза, член Президиума Всероссийской общественной организации ветеранов войны, действительный член Академии исторических наук, бывший заместитель министра сельского хозяйства СССР, участник штурма Берлина), Дементьев Василий Дмитриевич (заместитель Председателя Совета Региональной общественной организации инвалидов Великой Отечественной войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, действительный член Академии исторических наук, доктор военных наук) и Колесникова Зинаида Андреевна (член Совета Региональной общественной организации инвалидов войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии);
- ветеран тыла Великой Отечественной войны Епихин Виталий Иванович;
- руководитель университетского исторического сообщества России Порохня Виктор Сидорович (директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);
- представители Научного учреждения «Академия исторических наук»: Шоль Евгений Иванович (Президент, действительный член Академии исторических наук); Лидяева Наталия Игоревна (Исполнительный секретарь,

действительный член Академии исторических наук), Бояр Александр Михайлович (действительный член Академии исторических наук), Федулова Татьяна Михайловна (действительный член Академии исторических наук, редактор), Головушкин Вадим Игоревич (действительный член Академии исторических наук) и Новиков Игорь Михайлович (военный врач-терапевт).

Финансирование мероприятий делегации осуществлено на благотворительные средства, предоставленные Заслуженным конструктором России Гнездиловым Владимиром Алексеевичем, депутатом Московской областной Думы Аристарховым Владимиром Владимировичем и Академией исторических наук. По поручению первого заместителя Министра иностранных дел России Денисова Андрея Ивановича делегации оказали помощь Посольство России в Берлине (посол Котенёв В.В.) и Российский дом науки и культуры в Берлине (руководитель Владимир М.М.).

От имени Всероссийской общественной организации ветеранов войны делегация провела следующие мероприятия:

- 20 апреля в Трептов-парке (Берлин) и 21 апреля в музейном комплексе на Зееловских высотах (Зеелов) возложила венки к памятникам советским воинам;
- передала в дар восемь комплектов 13-ти томов мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: 20 апреля - Посольству России в Берлине, 21 апреля - музею Зееловских высот (Зеелов), Германо-Российскому музею капитуляции Берлин-Карлсхорст (Карлсхорст) и представителю университета города Лейдена (Голландия, Leiden, Campus Den Haag), 22 апреля - библиотеке Бундестага (Берлин), Российскому дому науки и культуры в Берлине и гимназии имени Лессинга (Берлин), 23 апреля - Фонду «Саксонские мемориалы» (Дрезден).

Важным результатом создания многотомника является проявление социальной ответственности предпринимателей и руководителей органов государственного управления в форме благотворительной помощи в издании мемуаров ветеранов-фронтовиков. Безвозмездную финансовую помощь в издании первых 15-ти томов мемуаров ветеранов-фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» оказали:

- *Аристархов Владимир Владимирович* (6-й и 8-й тома, депутат Московской областной Думы);

- *Благотворительный фонд «Вольное дело»* (5-й том, Председатель совета директоров Дерипаска Олег Владимирович);

- *Гнездилов Владимир Алексеевич* (2-й и 10-й тома, *Заслуженный конструктор России);*

- *Крошнев Евгений Альбертович* (4-й том, Генеральный директор Рекламного агентства «Профис»);

- *Левочкин Станислав Анатольевич* (4-й том, Генеральный директор Группы компаний «Бауфлекс»);

- *Московский комитет ветеранов войны* (15-й том, Председатель Слухай Иван Андреевич);

- *Муниципальное образование «Басманное» города Москвы* (11-й и 15-й тома, Руководитель Мороз Ивисталина Васильевна);

- *ООО «Газпром трансзаз Ухта»* (13-й том, Генеральный директор, депутат Государственного Совета Республики Коми Захаров Анатолий Алексеевич);

- *Префектура Северо-Восточного административного округа города Москвы* (10-й том, Префект Рабер Ирина Яковлевна);

- *Префектура Юго-Западного административного округа города Москвы* (12-й том, Префект Челышев Алексей Валентинович);

- *Префектура Южного административного округа города Москвы* (14-й том, Префект Смолеевский Георгий Викторович);

- *Российская инновационная топливно-энергетическая компания* (9-й том, Генеральный директор Грайфер Валерий Исаакович);

- *Российский благотворительный общественный фонд помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945»* (14-й и 15-й тома, Президент Магомедов Магомед Гаирбекович)

- *фирма Japan Tobacco International в России* (14-й том, Генеральный менеджер Кевин Томлинсон)

- *Читипаховян Петр Степанович* (7-й том, Генеральный директор Балтийской строительной компании);

- *Шапошников Юрий Анатольевич* (3-й том, Генеральный директор типографии МВД);

- *Шоль Евгений Иванович* (1-й том, Президент Академии исторических наук).

Участие спонсоров в издании томов отмечены Оргкомитетом на почетном месте – на обороте титульной страницы соответствующего тома.

Значимость публикуемых работ ветеранов подтверждаются видными российскими общественными, военными и научными деятелями-авторами предисловий к каждому тому. Среди них:

- *Азаров Виктор Яковлевич* (6-й том, Председатель Московского областного Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов);

- *Антипин Леонид Николаевич* (14-й том, заведующий кафедрой истории Московского государственного текстильного института имени А.Н. Косыгина, доктор исторических наук, профессор);

- *Аристархов Владимир Владимирович* (8-й том, депутат Московской областной Думы);

- *Вураки Андрей Фёдорович* (4-й том, член Президиума Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке);

- *Дементьев Василий Дмитриевич* (2-й том, председатель Мемуарного совета Академии исторических наук, профессор);

- коллектив кафедры истории Московского авиационного института (7-й том);

- *Михалкин Владимир Михайлович* (10-й том, маршал артиллерии);

- *Мороз Ива Васильевна* (11-й и 15-й тома, руководитель Муниципального образования «Басманное» города Москвы);

- *Николаев Сергей Дмитриевич* (14-й том, ректор Московского государственного текстильного института имени А.Н. Косыгина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор);

- *Пархоменко Владимир Иванович* (1-й том, Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке);

- *Петрик Анатолий Алексеевич* (9-й том, ректор Кубанского государственного технологического университета);

- *Порохня Виктор Сидорович* (1-й том, директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);

- *Слухай Иван Андреевич* (3-й том, Председатель Московского комитета ветеранов войны, генерал-майор в отставке);

- *Трунов Михаил Петрович* (5-й том, Председатель Совета всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов);

- *Цхадая Николай Денисович* (13-й том, ректор Ухтинского государственного технического университета);

- *Челышев Алексей Валентинович* (12-й том, префект Юго-Западного административного округа Москвы).

В декабре 2011 года студенты и преподаватели кафедры истории (заведующий Паршин В.В.) Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана совместно с Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы (председатель Попов Д.И.) передали в Академию исторических наук рукописи воспоминаний ветеранов Афганских событий 1979-1989 года. Эти материалы опубликованы в 15-м томе.

С юбилейного 15-го тома начинается международный этап развития настоящего многотомного издания. В отличие от предыдущих томов, в 15-й том включены воспоминания зарубежных ветеранов-фронтовиков. В нем представлены воспоминания пяти ветеранов Вооружённых сил Республики Афганистан (1979-1989) и одного ветерана Вермахта Германии (1945).

Работа по подготовке публикации в настоящем томе воспоминания германского солдата Вермахта является результатом реализации мероприятий в Берлине вышеупомянутой делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года по рекомендации

посольства России в Берлине. Руководство ветеранских организации России и Академия исторических наук считают необходимым участие зарубежных ветеранов и студентов в настоящем издании для объективного отражения военных событий, борьбы с фальсификациями истории, и, на их основе, укрепления взаимопонимания и дружбы между народами.

Работа студентов с ветеранами продолжается, её результаты будут основанием для издания очередных томов. Она вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов
4-й гвардейской танковой армии,
генерал-майор в отставке

Попов Дмитрий Игоревич
Председатель 16-го Объединённого совета
Московского комитета ветеранов войны,
Председатель Местной общественной организации
«Общества воинов-интернационалистов Афганистана
района «Басманный» города Москвы

Foreword to the series of books

The Second World War holds a special place in the history of the world. The Soviet soldier became the main hero of the sacred war against fascism. At the terrible hour of danger of death he neither wavered nor lost his courage or bowed down to the invaders. Sparing no effort in fierce fighting for every defense line, objective or high ground he stopped the enemy at the walls of Moscow, weakened and exhausted the crack Nazi troops which conquered Europe and then threw them back for hundreds of kilometers with having gained the first victory of historic importance in the battle of Moscow.

It was the Soviet soldier who surrounded and destroyed large forces of the enemy at Stalingrad, defeated vaunted Nazi tank armadas at the Kursk Bulge, forced a crossing over the Dnieper, liberated besieged Leningrad, all of our land and then people of Eastern Europe, who took Berlin by storm, hoisted the Red Flag over the Reichstag building and brought Victory to the people of the world. This victory became possible due to the great unity of the army and people, organizational activity of the Communist Party and all governmental bodies, the feat of soldiers and those who worked hard on the home front, of partisans and underground members. This undying glory, joy and pride, tears and bitterness of loss, a vow to remember those fallen in battle and the ability to win will serve as a lesson to foes who have their eye on somebody else's lands. The victory is a banner which joins together all the people of the World.

An outstanding military commander and Marshal of the Victory, Georgy Zhukov, set a high value on the role of the soldier in this war: "With the blood and sweat of the soldier we gained the Victory over a strong enemy, the soldier who was able to look straight into the eyes of deadly peril, who showed the highest military valour and heroism. There is no limit to the splendour of his deed." The celebrated marshal dedicated his famous book of memoirs "*Reminiscences and Reflections*" to the Soviet soldier.

The universal and historic significance of the Great Victory is described and proven in the postwar period in a number of fundamental war-related works on history, research and investigation of the World War II experience.

However, one can notice that there is a predominance of military commanders and prominent military leaders' reminiscences in the war-related memoirs. Even memoirs of army commanders began to appear only in the last decade. Such memoirs as those of privates, sergeants, sergeant majors, platoon commanders, company commanders, battalion commanders and similar of various corps and service branches are very rarely published.

But there is no army without soldiers and a battle without fighters. They constitute the bulk of direct participants of combat operations, performers of all plans and decisions of commanders and chiefs. They met the enemy face to face, they were within a hair's breadth of death but it turned out for them to live. They are bearers and the primary source of the most detailed, objective and reliable information, integration and analysis of which made it possible for commanders and headquarters to get the most complete, correct and reasonable assessment of the progress and results of a battle.

The first who tried to collect and publish the memoirs of soldiers were well-known writers, Sergey Smirnov and Konstantin Simonov. Their speeches broadcasted on TV and radio and articles in the press were very popular, but for a number of objective reasons, such as significant cost of work and insufficient material and technical level of publishing facilities, this work was not continued and developed further. There were also some subjective reasons, which include underestimation of the soldiers' memoirs importance.

The memory of the war is not subject to the influence of time. Interest in the heroic exploit of the army and people continues to increase. New pages of patriotism, heroism, firmness, fortitude, fidelity to duty, courage, honour and valour are being opened. They are the keys to solving many of the problems that modern society is facing now.

Folk wisdom says that in order to understand and evaluate the present and to look into the future, one should know and remember the past. Memories of the war direct our thoughts to patriotic goals for the benefit of the people and the country.

Celebration to mark the 60th anniversary of the Great Victory has confirmed the importance of soldiers' memoirs as a source of new knowledge about the war.

The number of veterans becomes fewer every day so an authentic and simple soldier's truth about the war becomes invaluable. In this regard the need to collect, preserve and publish the memoirs of all those who took part in combat operations in war times became even more important and urgent.

War veterans' movement has become widespread and gained rather a great authority in the country. Veterans' organizations together with educational institutions have become a leading force in achieving the goal of cultivating patriotism, a high sense of duty and readiness to serve the country in the people of young generation.

Thanks to the assistance and active participation of the Moscow War Veterans Committee (chaired by I.A. Slukhay) a serious work has been done in preparing a multivolume series of books to include memoirs of all those who took part in combat operations during the Second World War whether they are soldiers or generals. A higher education student is appointed to render help to each veteran in the process of memoirs preparation. Joint work of war veterans and students is of vast educational importance.

The currently achieved level of computerization in educational institutions and up-to-date printing facilities contribute a lot to solving the problem of veterans' memoirs publication. It became possible to publish a series of books with high quality and within a short time with each volume containing up to 50 reminiscences together with photographs of a veteran and a student who helped him. Due to the sponsorship of businessmen, companies and organizations the previous volumes were published in 750-850 copies. At the request of veterans and students the number of copies was increased up to 1000 beginning with the 7th volume: 2 copies are given free of charge to veterans and students and the remaining 800 copies to the libraries of leading universities, museums, veterans' organizations and heads of executive authorities in all regions of Russia as well as to the libraries of leading foreign universities.

In 2003-2005 the experience of cooperation between the war veterans' organization of the 4th Guards Tank Army (chaired by V.I. Parkhomenko), Moscow War Veterans Committee and the department of military training (headed by V.N. Lutsenko) of the Moscow Aviation Institute (State University of Aerospace Technologies) in the course of preparing memoirs of war veterans

began to be used by faculties and departments of military training in fourteen more institutions of higher education in Russia. They are:

- Moscow University of Aviation and Technology;
- Moscow State University of Mining Engineering;
- Moscow State Linguistic University;
- Moscow State University of Civil Engineering;
- Moscow State Textile University named after A. Kosygin;
- Moscow State University of Environmental Engineering;
- Moscow Engineering and Physics Institute (State University);
- Moscow Power Engineering Institute (Technical University);
- Lomonosov Moscow State University;
- Russian State University of Aviation Technology named after K. Tsiolkovsky;
- Moscow State Agroengineering University named after V. Goryachkin;
- Kuban State Agrarian University;
- Kuban State University of Technology;
- Kuban State University.

A work to involve first-year students into this activity has been carried out at the history department of the Moscow Aviation Institute (headed by V.S. Porokhnya) since October 2003. Voluntary activity of the students exceeded all expectations: they are capable to prepare materials for an entire volume within one term only. The results of their work are given in the 7th volume.

The acquired experience was used by universities and youth organizations of Moscow, Moscow Region, Smolensk and Tambov Regions and is given in the 8th volume of the present publication and those of Krasnodar Territory and the Komi Republic are given in the 9th and 13th volumes, respectively.

At the initiative of Inter-University Center for historical education in technical institutions of higher education (headed by V.S. Porokhnya) the Federal Education Agency of the RF Ministry of Education and Science with its letter No. FAO-14868/12-16 dtd. October 1, 2008 recommended that institutions of higher learning in Russia will carry out work to involve History lecturers and students in making its own volume of memoirs by each institution

of higher education. Following this recommendation a new elective form of students' educational and research work is being introduced in the academic process of Russian universities which will make it possible to help all Russian war veterans in preparing manuscripts of their memoirs for publication in the present series. As a result, at the time of the 13th volume publication the materials for more than 20 new volumes of memoirs of veterans who took part in the Great Patriotic War were collected in the Academy of Historical Sciences. The materials were prepared by:

1. Bryansk State Academy of Engineering Technologies;
2. Bryansk State Agricultural Academy;
3. Bryansk State Technical University;
4. Bryansk State University;
5. Voronezh University of Architecture and Civil Engineering;
6. Gorsky (Mountain) State Agrarian University (Vladikavkaz);
7. Daghestan State Pedagogical University;
8. Ivanovo State University of Architecture and Civil Engineering;
9. Ivanovo State Power Engineering University;
10. Institute of Economics and Management in Medicine and Social Sphere (Krasnodar);
11. Kazan State Technical University named after A. Tupolev;
12. Kalmyk State University;
13. Kaluga branch of Russian State Agrarian University (MTAA) named after K. Timiryazev;
14. Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics;
15. Kostroma State University named after N. Nekrasov;
16. Krasnodar University of MVD (Ministry of Internal Affairs) of Russia;
17. Kuban State Medical University (Krasnodar);
18. Kuban State Medical University;
19. Kuban Socio-Economic University;
20. Kursk State Academy of Agriculture named after I. Pavlov;
21. Kursk State Technical University;
22. Kursk State University;
24. Lipetsk State Technical University;
25. Mordovia State Pedagogical University named after M. Evsevyev;
24. Mordovia State University named after N. Ogarev;
25. Moscow University of Aviation and Technology;

26. Moscow Aviation Institute (State University of Aerospace Technologies).
27. Moscow State Agroengineering University named after V. Goryachkin;
28. Moscow State University of Mining Engineering;
29. Moscow State Linguistic University;
30. Moscow State University of Civil Engineering;
31. Moscow State Textile University named after A. Kosygin;
32. Lomonosov Moscow State University;
33. Moscow State University of Printing Arts;
34. Moscow State University of Environmental Engineering;
35. Moscow Engineering and Physics Institute (State University);
36. Moscow Power Engineering Institute (Technical University);
37. Russian State University of Aviation Technology named after K. Tsiolkovsky;
38. Saint-Petersburg State University for Waterways Communications;
39. Saratov State Socio-Economic University;
40. Saratov State University named after N. Chernyshevsky;
41. North-Caucasian branch of the Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice (Makhachkala);
42. Siberian State Automobile and Highway Academy (Omsk);
43. Slavyansk-on-Kuban State Pedagogical University;
44. Stavropol branch of Krasnodar University of MVD (Ministry of Internal Affairs) of Russia;
45. Staryy Oskol branch of Voronezh State University.

The results of the work performed by the students and lecturers of the history department (chaired by L.N. Antipin) of the Moscow State Textile University named after A. Kosygin was published in 2011 as the 14th volume of the present publication.

In late 2008, the Academy of Historical Sciences in cooperation with the history department (headed by V.S. Porokhnya) of the Moscow Aviation Institute and the community based organization "Society of peacekeeping soldiers who served in Afghanistan" of Basmanny district of Moscow (headed by D.I. Popov) carried out an experiment on preparation of peacekeeping veterans' memoirs related to their participation in combat operations of 1979-1989 when serving in the Limited Contingent of Soviet Forces in Afghanistan. As a result of this experiment the

11th volume of memoirs "*From Soldiers to Generals. Memories of the War*" was composed.

At the moment the students and lecturers of the history department of the Moscow Aviation Institute are working on preparation of the memoirs of those who participated in hostilities in Vietnam and Korea.

A visit of Russian veterans' organizations delegation to the Federal Republic of Germany was of great importance to the project development. It took place on April 20-25, 2010 within the framework of events to mark the 65th anniversary of World War II. This visit was initiated and arranged by the Academy of Historical Sciences. The main purpose of the trip was to give a set of 13 volumes of veterans' memoirs to the Bundestag Library.

The delegation consisted of 13 people as listed below:

- heads of two veterans' organizations of Russia: Dmitry Ivanovich Karabanov (Chairman of the Council of the All-Russian Public Organization of Veterans (Pensioners) of War, Labour, Armed Forces and Law-Enforcement Agencies) and Nikolay Timofeyevich Antoshkin (Hero of the Soviet Union, Honoured Military Aviator, Chairman of the "Club of Heroes of the Soviet Union, Heroes of the Russian Federation and Full Cavaliers of the Order of Glory" organization, Doctor of Military Science, Professor, Colonel General);
- three veterans of the Great Patriotic War: Boris Aleksandrovich Runov (Hero of the Soviet Union, member of the Bureau of the All-Russian Public Organization of War Veterans, full member of the Academy of Historical Sciences, Ex-Deputy Minister of Agriculture of the USSR, participant of the storming of Berlin); Vasily Dmitriyevich Dementyev (Deputy Chairman of the Council of Regional Public Organization of Disabled Veterans of the Great Patriotic War – Veterans of the 4th Guards Tank Army, full member of the Academy of Historical Sciences, Doctor of Military Science); and Zinaida Andreyevna Kolesnikova (member of the Council of Regional Public Organization of Disabled War Veterans – Veterans of the 4th Guards Tank Army);
- Vitaliy Ivanovich Yepikhin, veteran of the Great Patriotic War (home front worker);
- Victor Sidorovich Porokhnya, head of the historical community of universities of Russia (Director of the Inter-University Center for Historical Education in Technical Institutions of Higher

Education of Russia, Head of the History Department of the Moscow Aviation Institute, Professor, Doctor of Historical Sciences);
- representatives of the Academy of Historical Sciences scientific institution: Evgeniy Ivanovich Shol (President, full member of the Academy of Historical Sciences), Natalia Igorevna Lidyayeva (Executive Secretary, full member of the Academy of Historical Sciences), Aleksandr Mikhaylovich Boyar (full member of the Academy of Historical Sciences), Tatyana Mikhaylovna Fedulova (full member of the Academy of Historical Sciences, editor), Vadim Igorevich Golovushkin (full member of the Academy of Historical Sciences) and Igor Mikhaylovich Novikov (military physician).

Financing of the events carried out within the framework of the delegation visit was provided on charity basis by Vladimir Gnezdilov, Honoured Designer of the RF; Vladimir Aristarkhov, Deputy of the Moscow Regional Duma, and the Academy of Historical Sciences. Under the instruction of Andrey Denisov, First Deputy Foreign Minister of the Russian Federation, the assistance was provided to the delegation by the Russian Embassy in Berlin (V. Kotenev, Ambassador) and by the Russian House of Science and Culture in Berlin (headed by M.M. Vladimir).

The following events were held by the delegation on behalf of the All-Russian Public Organization of War Veterans:
- On April 20, 2010 in Treptow Park (Berlin) and on April 21 in the museum complex at the Seelow Heights (Seelow) they laid wreaths at the monuments of Soviet soldiers;
- eight sets of memoirs "*From Soldiers to Generals. Memories of the War*" each consisting of 13 volumes were given: on April 20 – to the Russian Embassy in Berlin, on April 21 – to the museum of the Seelow Heights, the German-Russian Museum Berlin-Karlshorst (of the surrender of the German armed forces) and to the representative of the University of Leiden city (Campus Den Haag, Leiden, the Netherlands); on April 22 – to the Bundestag Library (Berlin), to the Russian House of Science and Culture in Berlin and to the Lessing-Gymnasium (Berlin); on April 23 – to the Saxon Memorial Foundation (Dresden).

There is a very important thing that resulted from the process of the present multivolumed series creation which is a social responsibility of businessmen displayed by them in the form

of a charitable donation to help in publishing of war veterans' memoirs. Free financial assistance in publishing of the first 15 volumes of veterans' memoirs "*From Soldiers to Generals. Memories of the War*" has been provided by:

- *Vladimir Vladimirovich Aristarkhov*, Deputy of the Moscow Regional Duma – Volumes 6 and 8;
- *"Volnoe Delo" Private Charity Foundation* (Oleg Vladimirovich Deripaska, Chairman of the Board) – Volume 5;
- *Vladimir Alekseyevich Gnezdilov*, Honoured Designer of the Russian Federation – Volumes 2 and 10;
- *Evgeniy Albertovich Kroshnev*, General Director of "Profis" Advertising Agency – Volume 4;
- *Stanislav Anatolyevich Levochkin*, General Director of BauFlex Group of companies – Volume 4;
- *Moscow War Veterans Committee*, headed by Ivan Andreyevich Slukhay – Volume 15;
- *"Basmannoye" Municipality of Moscow headed by* Ivistalina Vasilyevna Moroz – Volumes 11 and 15;
- *OOO Gazprom Transgaz Ukhta* (LLC) (Anatoly Alekseyevich Zakharov, General Director; deputy of the State Council of the Komi Republic) – Volume 13;
- *Prefecture of Northeast Administrative Okrug of Moscow* (Irina Yakovlevna Raber, Prefect) – Volume 10;
- *Prefecture of Southwest Administrative Okrug of Moscow* (Aleksey Valentinovich Chelyshev, Prefect) – Volume 12;
- *Prefecture of South Administrative Okrug of Moscow* (Georgy Viktorovich Smoleevsky) – Volume 14;
- *Russian Innovation Fuel and Energy Company* (OAO RITEK) (Valery Isaakovich Grayfer, General Director) – Volume 9;
- *"Viktoria-1945" Russian Charity Foundation of Aid to Disabled Veterans and Participants of the Great Patriotic War* (Magomed Gairbekovich Magomedov, President) – Volumes 14 and 15;
- *Japan Tobacco International company Russia* (Kevin Tomlinson, General Manager) – Volume 14;
- *Petr Stepanovich Chitipakhovyan,* General Director of Baltic Building Company – Volume 7;
- *Yuri Anatolyevich Shaposhnikov*, General Director of MVD (Ministry of Internal Affairs) Printing House – Volume 3;

- *Evgeniy Ivanovich Shol*, President of the Academy of Historical Sciences – Volume 1.

Participation of sponsors in publication of volumes is mentioned by the Organizing Committee in the most honourable place of each volume, i.e. on the reverse side of the title page of a respective volume.

The importance of veterans' reminiscences publishing is confirmed by prominent Russian public figures, military leaders and scientists who became authors of forewords to each respective volume. Among those are:

- *Victor Yakovlevich Azarov*, Chairman of the Moscow Regional Council of Veterans (Pensioners) of War, Labour, Armed Forces and Law-Enforcement Agencies (Volume 6);
- *Leonid Nikolayevich Antipin*, Head of the History Department of the Moscow State Textile University named after A. Kosygin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Volume 14);
- *Vladimir Vladimirovich Aristarkhov*, Deputy of the Moscow Regional Duma (Volume 8);
- *Andrey Fedorovich Vuraki*, member of the Veterans' Council Bureau of the 4th Guards Tank Army, retired Major General (Volume 4);
- *Vasily Dmitriyevich Dementyev*, Chairman of the Council for Memoirs of the Academy of Historical Sciences, Professor (Volume 2);
- *Team of the History Department of the Moscow Aviation Institute* (Volume 7);
- *Vladimir Mikhaylovich Mikhalkin*, Artillery Marshal (Volume 10);
- *Iva Vasilyevna Moroz*, head of "Basmannoye" Municipality of Moscow (Volumes 11 and 15);
- *Sergey Dmitriyevich Nikolayev*, Rector of the Moscow State Textile University named after A. Kosygin, Honoured Science Worker of Russia, Doctor of Engineering, Professor (Volume 14);
- *Vladimir Ivanovich Parkhomenko*, Chairman of the Veterans' Council of the 4th Guards Tank Army, retired Major General (Volume 1);
- *Anatoliy Alekseyevich Petrik*, Rector of the Kuban State University of Technology (Volume 9);
- *Victor Sidorovich Porokhnya*, Director of the Inter-University Center for Historical Education in Technical Institutions

of Higher Education of Russia, Head of the History Department of the Moscow Aviation Institute, Professor, Doctor of Historical Sciences (Volume 1);

- *Ivan Andreyevich Slukhay*, Chairman of Moscow Committee of War Veterans, retired Major General (Volume 3);

- *Mikhail Petrovich Trunov*, Chairman of the Council of the All-Russian Organization of Veterans (Pensioners) of War, Labour, Armed Forces and Law-Enforcement Agencies (Volume 5);

- *Nikolay Denisovich Tskhadaya*, Rector of the Ukhtinsk State Technical University (Volume 13);

- *Aleksey Valentinovich Chelyshev*, Prefect of Southwest Administrative Okrug of Moscow (Volume 12).

In December 2011 the students and lecturers of the history department (headed by V.V. Parshin) of the Moscow State Technical University named after N. Bauman in cooperation with the community based organization "Society of peacekeeping soldiers who served in Afghanistan" of Basmanny district of Moscow (headed by D.I. Popov) gave manuscripts of reminiscences of Afghan war veterans about their participation in combat operations of 1979-1989 to the Academy of Historical Sciences. These materials have been published in the 15th volume of the present series.

Beginning with the anniversary 15th volume an international stage has started in the project of publishing the present multivolumed series of books. As opposed to the previous volumes the 15th volume includes reminiscences of foreign war veterans. It represents memoirs of four veterans of the Armed Forces of the Republic of Afghanistan (1979-1989) and one veteran of the German Wehrmacht (1945).

The memoirs of the German Wehrmacht soldier being prepared for publication in this volume is a result of activities held by the above-mentioned delegation of Russian veterans' organizations which took place on April 20-25, 2010 in Berlin as recommended by the Russian Embassy in Berlin. Heads of veterans' organizations of Russia and the Academy of Historical Sciences consider it necessary that foreign veterans and students take part in this project in order to have an unbiased view and representation of war events, to struggle against falsification of history and thus to strengthen mutual understanding and international friendship.

Joint work of students and veterans is continued and its results will become a basis for the future volumes to be published. Such work makes us feel certain that the motto of multivolumed memoirs "*From Soldiers to Generals. Memories of the War*" being composed is true to life: "Nobody is forgotten, nothing is forgotten".

Evgeniy Shol
President of the Academy of Historical Sciences

Vladimir Parkhomenko
Chairman of the Veterans' Council
of the 4th Guards Tank Army, Major General (retired)

Dmitriy Popov
Chairman of the 16th Joint Council
of the Moscow Committee of War Veterans,
Chairman of the community based organization
"Society of peacekeeping soldiers who served in Afghanistan"
of Basmanny district of Moscow

Vorwort

In der Weltgeschichte nimmt der Zweite Weltkrieg einen besonderen Platz ein. Der Hauptheld im Großen Vaterländischen Krieg gegen den Faschismus war erd sowjetische Soldat. In schrecklichen Stunden tödlicher Gefahr behielt er die Fassung, verlor nie den Mut und hat seinen Kopf vor den Eroberern nicht gebeugt. Ohne sich in heftigen und erbitterten Kämpfen zu schonen, kämpfe er um jede Kampfstellung und Höhe, und hielt den Gegner vor den Toren Moskaus auf. Er hatte den Elitetruppen des Feindes, die Europa erobert haben, schwere Verluste beigebracht, hatte sie um Hunderte Kilometer zurückgeworfen und den ersten historischen Sieg bei Moskau errungen.

Bei Stalingrad hat er die größte Feindgruppierung eingekesselt und vernichtet, die viel gepriesene gepanzerte Armada im Kursker Bogen zerstört, den Dnjepr überwunden, das belagerte Leningrad und unser ganzes Land und dann die Völker Osteuropas befreit, Berlin erstürmt, die rote Fahne über dem Reichstag gehisst und den Menschen der Welt den Sieg gebracht. Dieser Sieg wurde möglich im Ergebnis der großen Einheit von Armee und Volk, durch die große organisatorische Tätigkeit der KPdSU sowie aller öffentlichen Einrichtungen, durch die Heldentaten der Soldaten und Arbeiter an der Heimatfront, durch die Partisanen und Untergrundkämpfer. Dieser Ruhm bleibt für ewig. Ebenso die Freude und der Stolz, die Tränen der Trauer um die im Kampf Gefallenen und der Schwur, sich ihrer immer zu erinnern. Diese Kunst zu siegen soll eine Lektion für die Feinde sein, die nach fremden Ländern streben. Der Sieg ist das Banner, dass alle Menschen der Erde vereint.

Der herausragende Befehlshaber und Marschall des Sieges G.K. Shukow hat die Rolle des Soldaten in diesem Krieg immer hochgeschätzt: «Mit dem Blut und dem Schweiß des Soldaten wurde der Sieg über einen mächtigen Feind errungen. Er sah der tödlichen Gefahr direkt ins Auge und zeigte höchste militärische Tapferkeit und Heldenmut. Seine Heldentat ist beispiellos». Sein

berühmtes Werk «Erinnerungen und Reflexionen» hat der ruhmreiche Marschall dem sowjetischen Soldaten gewidmet.

Die historische Bedeutung des Großen Sieges wurde in der Nachkriegszeit beschrieben und durch zahlreiche grundlegende Schriften zur Militärgeschichte, zur Forschung und über die Erfahrungen des Zweiten Weltkrieges belegt.

Zugleich dominieren in der Literatur über diesen Krieg die Erinnerungen von Befehlshabern und angesehenen Militärs. Erst in den letzten zehn Jahren erschienen die Memoiren von Armeebefehlshabern. Äußerst selten werden Memoiren von Soldaten, Zugführern, Unteroffizieren, Kompaniefeldwebeln, Bataillonskommandeuren und anderen der verschiedenen Truppengattungen und Dienstellen veröffentlicht.

Es gibt keine Armee ohne Soldaten und keinen Kampf ohne Kämpfer. Sie stellen den Großteil der direkten Teilnehmer an den Kampfhandlungen dar, die die Pläne und Entscheidungen der Kommandeure und Chefs umsetzen. Von Angesicht zu Angesicht trafen sie auf den Feind, der Tod lauerte in ihrer Nähe, aber sie waren dazu bestimmt, zu überleben. Sie sind Träger und Quelle ausführlicher, detaillierter, objektiver und zuverlässiger Informationen, deren Einbeziehung den Kommandeuren und Stäben ermöglichte , eine vollständige, wahrheitsgetreue und aussagekräftige Bewertung des Fortganges und der Ergebnisse der Schlacht zu bekommen.

Die ersten, die versucht haben, Memoiren von Soldaten zu sammeln und zu veröffentlichen, waren die namhaften Schriftsteller S.S. Smirnov und K.M. Simonov. Ihre Auftritte im Fernsehen, im Rundfunk und in der Presse genossen eine große Popularität. Jedoch durch eine Reihe von objektiven Gründen, wie zum Beispiel erhebliche Kosten und der Mangel an Material und technischen Niveau der Verlage wurde diese Arbeit weder fortgesetzt noch weiterentwickelt. Außerdem spielten dabei auch subjektive Gründe eine Rolle wie die Unterschätzung der Bedeutung von Soldatenmemoiren.

Die Erinnerung an Krieg ist nicht der Zeit unterworfen, das Interesse an Heldentaten der Armee und des Volkes wächst auch

weiterhin. Es öffnen sich neue Seiten des Patriotismus und Heldentums, der Ausdauer und Tapferkeit, der Pflichterfüllung sowie von Mut und Ehre. Sie sind Schlüssel zur Lösung vieler Probleme der modernen Gesellschaft.

Die Volksweisheit lautet: um die Gegenwart zu verstehen und bewerten zu können, um die Zukunft zu antizipieren, muss man die Vergangenheit kennen und sie in Erinnerung halten. Die Erinnerungen an diesen Krieg richten unsere Gedanken auf die patriotischen Taten im Interesse des Volkes und des Staates.

Die Feierlichkeiten anlässlich des 60. Jahrestages des Großen Sieges bestätigten die wichtige Bedeutung von Soldatenmemoiren als Quelle neuer Erkenntnisse über den Krieg.

Die Reihen der Veteranen lichten sich, und daher ist die authentische, glaubwürdige und einfache Soldatenwahrheit über den Krieg ein unschätzbares Gut. In diesem Zusammenhang ist es aktueller denn je, die Erinnerungen aller Teilnehmer an den Kämpfen zu sammeln, zu bewahren und herauszugeben.

Die Veteranenbewegung hat an Ausmaß und Autorität im Land gewonnen. e Veteranenorganisationen haben sich gemeinsam mit Bildungseinrichtungen zu einer führenden Kraft in der Erziehung der jungen Generation im Sinne des Patriotismus, der Pflichterfüllung und Bereitschaft, dem Vaterland zu dienen, zusammengeschlossen.

Dank der Hilfe und der aktiven Beteiligung des Moskauer Komitees der Kriegsveteranen (Vorsitztender Sluchay I.A.) wurde eine große Arbeit geleistet zur Erstellung einer mehrbändigen Reihe von Memoiren aller Teilnehmer der Kampfhandlungen des Zweiten Weltkrieges - vom Soldaten bis zum General. Bei der Vorbereitung der Erinnerungen wurde jedem Veteranen ein Hochschulstudent zur Unterstützung zugewiesen. Die gemeinsame Arbeit von Veteranen und Studenten ist von großem pädagogischem Wert.

Das erreichte Niveau der Computerisierung der einzelnen Bildungseinrichtungen und der modernen Polygraphie trägt dazu bei, die Veröffentlichungen der Memoiren der Teilnehmer des Krieges zu gewährleisten. Dadurch ist es möglich geworden, in kurzer Zeit eine Reihe von Büchern mit bis zu 50 Erinnerungen in

jedem Band nebst Fotografien des jeweiligen Veteranen und seines zugewiesenen Studenten in hoher Qualität zu veröffentlichen. Durch das Sponsoring von Unternehmern und Organisationen konnte man die bisherigen Bände in einer Menge von 750-850 Exemplaren herausgegeben. Ab dem 7. Band erhöhte sich auf Wunsch der Veteranen und Studenten die Auflage auf 1000 Exemplare: 2 Exemplare erhalten die Veteranen und Studenten unentgeltlich, die restlichen 800 Exemplare gehen an Bibliotheken führender Universitäten, Museen, Veteranenorganisationen und an einige Leiter der Exekutive in allen Regionen Russlands sowie an Bibliotheken führender ausländischer Universitäten.

Die Erfahrung der gemeinsamen Arbeit der Veteranenorganisation der 4. Gardepanzerarmee (Vorsitzender Parchomenko V.I.), des Moskauer Kriegsveteranenausschusses und der Fakultät für militärische Ausbildung (Leiter Lutzenko V.N.) an der Moskauer Hochschule für Luftfahrt (Staatliche Technische Universität) bezüglich der Vorbereitung der Erinnerungen der Kriegsveteranen begann man in den Jahren 2003-2005 an den Fakultäten und Fachbereichen der militärischen Ausbildung an vierzehn weiteren russischen Hochschulen zu verwenden:

- Universität für Luftfahrttechnologie Moskau;
-·Staatlichen Bergbauuniversität Moskau;
-·Staatlichen Linguistischen Universität Moskau;
-· Staatlichen Universität für Bauwesen Moskau;
- Staatlichen Technischen Universität «Kossygin» Moskau ;
- Staatlichen Universität für Naturgestaltung Moskau;
- Staatlichen Ingenieur-physikalischen Hochschule (Technische Universität) Moskau
- Hochschule für Energetik (Technische Universität) Moskau;
-·Staatlichen Universität «Michail Lomonossow» Moskau;
-·Russischen Staatlichen Universität für Technologie «K.E. Zyolkovski»;
-·Staatlichen Universität für Landwirtschaftsingenieure «V.P. Gorjatschkin» Moskau;
-· Staatlichen Agraruniversität Kuban;
-· Staatlichen Universität für Technologie Kuban;

-· Staatlichen Universität Kuban.

Seit Oktober 2003 wurden am Lehrstuhl für Geschichte an der Moskauer Hochschule für Luftfahrt (Leiter Porochnja V.S.) Studenten des 1. Studienjahres in diese Arbeit einbezogen. Die freiwilligen Aktivitäten der Studenten haben alle Erwartungen übertroffen - innerhalb nur eines Semesters ist es ihnen gelungen, Material für einen ganzen Band vorzubereiten. Ihre Arbeit ist im 7. Band enthalten.

Die gesammelten Erfahrungen setzte man an Universitäten und in Jugendorganisationen Moskaus, der Regionen Moskaus, Smolensk und Tambow um. Diese werden im 8. Band vorgestellt und die Region Krasnodar und die Republik Komi - 9.Band.

Auf Initiative des Interuniversitären Zentrums für geschichtliche Ausbildung an den technischen Hochschulen der Russischen Föderation (Direktor Porochnja V.S.) hat die föderale Agentur für Bildung des Ministeriums für Bildung und Wissenschaft der Russischen Föderation mit Schreiben vom 1. Oktober 2008 № FAO-14868/12-16 den Hochschuleinrichtungen Russlands empfohlen, Studenten und Dozenten der jeweiligen Hochschulen bei der Schaffung eines eigenen Bandes einzubeziehen. Dank diesem Vorschlag wird in den Lernprozess der russischen Universitäten eine neue ausgewählte Form der Lehr -und Forschungsarbeit von Studenten integriert. Dabei werden alle russischen Kriegsveteranen in die Vorbereitung von Manuskripten für weitere Veröffentlichung ihrer Memoiren in diesem Band unterstützt. Zum Zeitpunkt der Veröffentlichung des 13. Bandes sind in der Akademie der Geschichtswissenschaften Memoiren von Veteranen des Großen Vaterländischen Krieges für weitere mehr als 20 neue Bände gesammelt worden, an deren Vorbereitung folgende Hochschulen migewirkt haben:

1. Akademie für Ingenieurwesen und Technologie Brjansk;
2. Staatliche Akademie für Landwirtschaft Brjansk;
3. Staatliche Technische Universität Brjansk;
4. Staatliche Universität Brjansk;
5. Universität für Architektur und Bauwesen Woronesh;
6. Gorsky -Agraruniversität (Wladikawkas);

7. Staatliche Pädagogische Universität Dagestan;

8. Staatliche Universität für Architektur und Bauwesen Ivanovo;

9. Staatliche Universität für Energetik Ivanovo;

10. Hochschule für Ökonomie und Management in der Medizin und im Sozialwesen (Krasnodar);

11. Staatliche Technische Universität «A.N. Tupolev» Kasan;

12. Staatliche Universität Kalmykien;

13. Filiale der Russischen Staatlichen Agraruniversität der Moskauer Akademie für Landwirtschaft «K.A.. Timirjasew», Kaluga;

14. Filiale der Russischen Handels -und Wirtschaftshochschule Kemerovo;

15. Staatliche Universität «N.A. Nekrasov» Kostroma;

16.Universität des Innenministeriums Russlands, Krasnodar;

17. Staatliche Universität für Medizin Kuban, Krasnodar;

18. Staatliche Universität für Medizin Kuban;

19. Universität für Sozialwesen und Wirtschaft Kuban;

20. Staatliche Akademie für Landwirtschaft «I.I. Pavlov» Kursk;

21. Staatliche Technische Universität Kursk;

22. Staatliche Universität Kursk;

23. Staatliche Technische Universität Lipezk;

24. Staatliche Pädagogische Universität «M.E. Evsejev» Mordowien;

25 Staatliche Universität «N.P.Ogarjov» Mordowien;

26. Universität für Luftfahrttechnologie Moskau;

27. Hochschule für Luftfahrt Moskau (Staatliche Technische Universität);

28. Staatliche Universität für Landwirtschaftsingenieure «V.P.Gorjatschkin» Moskau;

29. Staatliche Universität für Bergbauwesen Moskau;

30. Staatliche Linguistische Universität Moskau;;

31.Staatliche Universität für Bauwesen Moskau;

32. Staatliche Universität für Textilwesen «A.N. Kossygin» Moskau;

33. Staatliche Universität «Michail Lomonossow» Moskau;
34. Staatliche Universität für Druckwesen Moskau;
35. Staatliche Universität für Naturgestaltung Moskau;
36. Staatliche Ingenieur-physikalische Hochschule (Technische Universität) Moskau;
37. Hochschule für Energetik (Technische Universität) Moskau;
38. Russische Staatliche Universität für Technologie «K.E. Zyolkovski»
39. Staatliche Universität für Wasserkommunikationen Sankt Petersburg;
40 Staatliche Universität für Wirtschaft und Sozialwesen Saratov;
41. Staatliche Universität «N.G. Tschernyschewski» Saratov;
42. Filiale der Akademie für Recht des Justizministeriums der Russischen Föderation Nordkaukasus (Machatschkala);
43. Akademie für Autoverkehr und Straßen Sibirien (Omsk);
44. Staatliche pädagogische Universität Slawjansk am Kuban;
45. Filiale der Universität des Innenministeriums Russlands Krasnodar (Stavropol);
46. Filiale der staatlichen Universität Voronesh (Stary Oskol).

Die Arbeit von Studenten und Dozenten des Lehrstuhls für Geschichte (Leiter Antipin L.N.) der Staatlichen Universität für Textilwesen «A.N. Kossygin» in Moskau wurde 2011 im 14. Band veröffentlicht.

Ende 2008 führte die Akademie für Geschichtswissenschaften in Zusammenarbeit mit dem Lehrstuhl für Geschichte (Leiter Porohnya V.S.) der Moskauer Hochschule für Luftfahrt und der in Moskau ansässigen gesellschaftlichen Organisation «Gesellschaft der Soldaten-Internationalisten in Afghanistan des Bezirkes Basmanny» (Vorsitzender Popov D.I.) ein Experiment zur Vorbereitung der Erinnerungen von Veteranen-Internationalisten über ihre Beteiligung an den Kampfhandlungen in den Jahren 1979-1989 - als Teil des begrenzten Kontingents der sowjetischen Streitkräfte in Afghanistan - durch. Als Ergebnis dieses

Experiments erschien der 11. Band de Memoirenreihe «Vom Soldaten bis zum General. Erinnerungen an den Krieg».

Derzeit arbeiten Studenten und Dozenten des Lehrstuhls für Geschichte (Leiter Porohnya V.S.) der Moskauer Hochschule für Luftfahrt an der Vorbereitung der Memoiren von Teilnehmern an den Kriegshandlungen in Vietnam und Korea.

Ein wichtiges Ereignis bei der Entwicklung des Projektes war der Aufenthalt einer Delegation russischer Veteranen-Organisationen vom 20. bis 25. April 2010 in der BRD im Rahmen der Veranstaltungen anlässlich des 65. Jahrestages der Beendigung des Zweiten Weltkrieges. Initiator und Organisator der Reise dieser Delegation war die wissenschaftliche Einrichtung «Akademie für Geschichtswissenschaften». Der Hauptzweck der Reise war die Übergabe von 13 Bänden der Memoiren von Kriegsteilnehmern aus der Serie «Vom Soldaten bis zum General. Erinnerungen an den Krieg» an die Bibliothek des Bundestages.

Die Delegation bestand aus 13 Personen:

- Leiter zweier Veteranen-Organisationen in Russland: Karabanov Dmitri Iwanowitsch (Vorsitzender des Rates der öffentlichen Organisation der Veteranen (Rentner) des Krieges, der Arbeit, der Streitkräfte und Rechtschutzkräfte Russlands) und Antoschkin Nikolai Dmitrijewitsch (Held der Sowjetunion, Verdienter Militärpilot, Vorstandsvorsitzender des Klubs der Helden der Sowjetunion, der Helden der Russischen Föderation und der Vollen Kavaliere des «Ordens des Ruhmes», Doktor für Militärwissenschaften, Generaloberst);

- Drei Frontsoldaten des Großen Vaterländischen Krieges: Runov Boris Alexandrowitsch (Held der Sowjetunion, Mitglied des Präsidiums der öffentlichen Organisation der Kriegsveteranen Russlands, ordentliches Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften, ehemaliger Stellvertretender Minister für Landwirtschaft der UdSSR, Teilnehmer der Erstürmung Berlins), Dementjev Vassily Dmitrijewitsch (Stellvertretender Vorsitzender der regionalen öffentlichen Organisation der Invaliden des Großen Vaterländischen Krieges - Veteranen der 4. Gardepanzerarmee, ordentliches Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften,

Doktor für Militärwissenschaften) und Kolesnikova Sinaida Andrejewna (Mitglied der regionalen öffentlichen Organisation der Invaliden des Krieges - Veteranen der 4. Gardepanzerarmee);

- Epichin Vitaly Ivanowitsch, Veteran der Heimatfront des Großen Vaterländischen Krieges;

- Leiter der Universitären Geschichtsgemeinschaft Russlands Porochnja Viktor Sidorowitsch (Direktor des Interuniversitären Zentrums für geschichtliche Ausbildung an technischen Hochschulen Russlands, Leiter des Lehrstuhls für Geschichte an der Hochschule für Luftfahrt Moskau, Professor und Doktor für Geschichtswissenschaften);

- Vertreter der wissenschaftlichen Einrichtung «Akademie für Geschichtswissenschaften: Scholl Evgeny Ivanowitsch (Präsident, ordentliches Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften);

- Lidjaeva Natalia Igorevna (Geschäftsführende Sekretärin, ordentliches Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften),

- Bojar Alexander Michajlowitsch (Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften), Fedulova Tatiana Michajlowna. (ordentliches Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften, Redakteurin),. Golovuschkin Vadim Igorewitsch (ordentliches Mitglied der Akademie für Geschichtswissenschaften) und Novikov Igor Michajlowitsch (Militärarzt).

Die Finanzierung der Aktivitäten der Delegation erfolgte durch karitative Mittel, zur Verfügung gestellt durch den Verdienten Konstrukteur Russlands Gnesdilov Vladimir Alexejewitsch, den Abgeordneten der Moskauer Gebietsduma Aristarchov Vladimir Vladimirowitsch und die Akademie für Geschichtswissenschaften. Im Auftrag des 1. Stellvertretenden Ministers für Auswärtige Angelegenheiten der Russischen Föderation, Andrej Iwanowitsch Denisov, wurde die Delegation durch die Botschaft der Russischen Föderation in Berlin (Botschafter Kotenev V.V.) und das Russische Haus der Wissenschaft und Kultur in Berlin (Direktor Vladimir M.M.) unterstützt.

Im Namen der öffentlichen Organisation der Kriegsveteranen Russlands hat die Delegation folgende Veranstaltungen durchgeführt:

- Kranzniederlegung an den Denkmälern für die gefallenen sowjetischen Soldaten am 20. April im Treptow-Park (Berlin) und am 21. April an der Gedenkstätte Seelower Höhen (Seelow) ;

- Übergabe von acht Exemplaren der bisher 13-bändigen Ausgabe der Memoiren "Vom Soldaten bis zum General. Erinnerungen an den Krieg“: am 20. April – an die Russische Botschaft in Berlin, am 21. April – an die Gedenkstätte Seelower Höhen, an das Deutsch-Russische Museum Berlin-Karlshorst und an einen Vertreter der Universität Leiden (Niederlande, Leiden, Campus Den Haag), am 22. April – an die Bibliothek des Deutschen Bundestages (Berlin) und an das Russische Haus der Wissenschaft und Kultur in Berlin sowie an das Lessing-Gymnasium (Berlin)und am 23. April – an die Stiftung "Sächsische Gedenkstätten" (Dresden).

Als ein wichtiges Ergebnis bei der Schaffung der mehrbändigen Ausgaben fungiert die Manifestation der sozialen Verantwortung von Unternehmern in Form einer karitativen Hilfe bei der Veröffentlichung der Memoirenserie von Kriegsveteranen. Eine unentgeltliche finanzielle Unterstützung bei der Herausgabe der ersten 15 Bände der Memoirenserie von Kriegsveteranen «Vom Soldaten bis zum General. Erinnerungen an den Krieg» wurde von folgenden Personen und Organisationen gewährt:

- *Aristarchov Wladimir Wladimirowitsch* (6. und 8. Bände, Abgeordneter der Moskauer Gebietsduma);

- *Wohltätigkeitsstiftung «Wolnoje delo»* (5.Band, Vorsitzender des Direktorenrates Deripaska Oleg Vladimirowitsch);

- *Gnesdilov Vladimir Alexejewitsch* (2. und 10. Bände, Verdienter Konstrukteur Russlands);

- *Kroschnev Jewgwnij Albertowitsch* (4. Band, Generaldirektor der Werbeagentur «Profis»);

- *Levotschkin Stanislav Anatoljewitsch* (4. Band, Generaldirektor der Unternehmensgruppe «Bauflex»);

- *Kriegsveteranenausschuss Moskau* (15. Band, Vorsitzender Sluchay Ivan Andrejewitsch.);

- *Munizipalgemeinde «Basmannoje» Moskau* (11. und 15.Bände, Leiter Moros Ivistalina Vassiljewna.);

- *GmbH «Gazprom Transgaz Uchta»* (13. Band, Generaldirektor, Abgeordneter des Staatsrates der Republik Komi Sacharov Anatolij Alexejewitsch);

- *Präfektur des Verwaltungsbezirkes Nord-Ost Moskau* (10. Band, Präfektin Raber Irina Jakowlewna);

- *Präfektur des Verwaltungsbezirkes Süd-West Moskau* (12. Band, Präfekt Tschelyschev Alexej Valentinowitsch.);

- *Präfektur des Südlichen Verwaltungsbezirkes Moskau* (14. Band, Präfekt Smolejevski Georgi Viktorowitsch.);

- *Russisches Innovatives Unternehmen für Treibstoff und Energetik* (9. Band, Generaldirektor Grayfer Valeri Isaakowitsch);

- *Russische karitative öffentliche Stiftung zur Unterstützung von Kriegsversehrten und Teilnehmern des Großen Vaterländischen Krieges «Victoria 1945»* (14. und 15. Bände, Präsident Magomedov Magomed Gairbekowitsch)

- *Unternehmen Japan Tobacco International in Russland* (14. Band, Generalmanager Kevin Tomlinson)

- *Tschitipachovjan Pjotr Stepanowitsch* (7. Band, Generaldirektor des Baltischen Bauunternehmens);

- *Schaposchnikow Jurij Anatoljewitsch* (3. Band, Generaldirektor der Druckerei des Innenministeriums);

- *Scholl Jewgenij Ivanowitsch* (1. Band, Präsident der Akademie für Geschichtswissenschaften).

Die Teilnahme der Sponsoren an der Veröffentlichung der Bände wurde durch das Organisationskomitee auf der Rückseite der Titelseite des entsprechenden Bandes hervorgehoben.

Die Bedeutung der veröffentlichten Schriften der Veteranen wird von prominenten russischen Personen des öffentlichen Lebens, Militärs und Wissenschaftlern – Autoren der Vorworte zu jedem Band - betont. Zu ihnen zählen:

Asarov Viktor Jakowlewitsch (6. Band, Vorsitzender des Moskauer Gebietsrates der Veteranen (Rentner) des Krieges, der Arbeit, der Streitkräfte und Rechtschutzkräfte);

- *Antipin Leonid Nikolajewitsch* (14. Band, Leiter des Lehrstuhls für Geschichte an der Staatlichen Hochschule für Textilwesen «A.N. Kossygin» Moskau, Doktor der Geschichtswissenschaften, Professor);

- *Wladimir Wladimirowitsch Aristarchov* (8. Band, Abgeordneter der Moskauer Gebietsduma);

- *Vuraki Andrej Fjodorowitsch* (4. Band, Mitglied des Präsidiums des Veteranenrates der 4. Gardepanzerarmee, Generalmajor a. D.);

- *Dementjev Vasily Dmitrijewitsch* (2. Band, Vorsitzender des Rates für Memoirenliteratur an der Akademie für Geschichtswissenschaften, Professor);

- *Mitarbeiter des Lehrstuhls für Geschichte der Hochschule für Luftfahrt Moskau* (7. Band);

- *Michalkin Vladimir Michajlowitsch* (10. Band, Marschall der Artillerie);

- *Moros Ivistalina Vasiljewa* (11. und 15. Bände, Leiterin der kommunalen Einrichtung «Basmannoje» Moskau);

- *Nikolajev Sergey Dmitrijewitsch* (14. Band, Rektor der Staatlichen Hochschule für Textilwesen «A.N. Kossygin» Moskau, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Doktor der technischen Wissenschaften, Professor);

- *Parchomenko Vladimir Iwanowitsch* (1. Band, Vorsitzender des Veteranenrates der 4. Gardepanzerarmee, Generalmajor a. D.);

- *Petrik Anatoly Alexejewitsch* (9.Band, Rektor der Staatlichen Universität für Technologie Kuban);

- *Porochnja Victor Sidorowitsch* (1. Band, Direktor des Interuniversitären Zentrums für geschichtliche Ausbildung an den technischen Hochschulen Russlands, Leiter des Lehrstuhls für Geschichte an der Hochschule für Luftfahrt Moskau, Professor, Doktor der Geschichtswissenschaften);

- Sluchaj Ivan Andrejewitsch (3. Band, Vorsitzender des Moskauer Komitees der Kriegsveteranen, Generalmajor a. D.);

- *Trunov Michail Petrowitsch* (5. Band, Vorsitzender der Russischen Organisation der Veteranen (Rentner) des Krieges, der Arbeit, der Streitkräfte und Rechtschutzkräfte);

- *Tzchadaja Nikolaj Denissowitsch* (13.Band, Rektor der Staatlichen Technischen Universität Uchta);

- *Tschelyschev Alexej Valentinowitsch* (12.Band, Präfekt des Verwaltungsbezirkes Süd-West Moskau).

Im Dezember 2011 übergaben Studenten und Dozenten des Lehrstuhls für Geschichte (Leiter Parschin V.V.) der Moskauer Staatlichen Technischen Universität „N.E. Baumann“ gemeinsam mit der in Moskau ansässigen gesellschaftlichen Organisation «Gesellschaft der Soldaten-Internationalisten in Afghanistan des Bezirkes «Basmanny» (Vorsitzender Popov D.I.) die Niederschriften von Veteranen des Afghanistan-Krieges 1979-1989 an die Akademie für Geschichtswissenschaften. Diese Materialien sind im 15. Band veröffentlicht.

Ab dem 15. Jubiläumsband beginnt der internationale Abschnitt in der Entwicklung dieser mehrbändigen Ausgabe. Im Gegensatz zu früheren Bänden enthält der 15. Band Erinnerungen von ausländischen Kriegsveteranen. Das Buch stellt die Erinnerungen von vier Veteranen der Streitkräfte der Republik Afghanistan (1979-1989) und eines Wehrmachtsveteranen in Deutschland (1945) vor.

Die Arbeit zur Vorbereitung für die Veröffentlichung der Memoiren eines deutschen Wehrmachtssoldaten in diesem Band ist auf Empfehlung der Botschaft der RF in Berlin das Ergebnis der Aktivitäten der o. g. genannten Delegation russischer Veteranen-Organisationen in Berlin vom 20. bis 25. April 2010 . Die Leitung der Veteranen-Organisationen Russlands und der Akademie für Geschichtswissenschaften halten die Teilnahme ausländischer Veteranen und Studenten an dieser Publikation für einen notwendigen Teil im Interesse einer objektiven Darstellung von Kriegsereignissen, der Bekämpfung von Geschichtsverfälschungen und es dient der Festigung eines gegenseitigen Verständnisses und der Freundschaft zwischen den Völkern.

Die Studenten arbeiten weiterhin mit Veteranen zusammen. Die Ergebnisse dieser Arbeit bilden die Grundlage für die Veröffentlichung der nächsten Bände. Sie bestätigt die Wahrhaftigkeit der Devise der mehrbändigen Memoiren «Vom Soldaten bis zum General. Erinnerungen an den Krieg»: «Niemand ist vergessen, nichts ist vergessen».

Scholl Evgeny Ivanowitsch
Präsident der Akademie für Geschichtswissenschaften

Parchomenko Vladimir Ivanowitsch
Vorsitzender des Veteranenrates
der 4. Gardepanzerarmee
Generalmajor a. D.

Popov Dmitri Igorewitsch
Vorsitzender des 16. Vereinten Rates des
Kriegsveteranenausschusses,
Vorsitzender der in Moskau ansässigen gesellschaftlichen
Organisation «Gesellschaft der Soldaten-Internationalisten in
Afghanistan des Bezirkes «Basmanny»»

Война так просто не отпускает!

Война в Афганистане проходит красной нитью через историю нашей страны. Мне, как медику, отдавшей 41 год этой профессии, было очень тяжело и больно смотреть на приходящих ко мне на приём молодых ребят с увечьями и различными заболеваниями. Более того, у внешне здоровых людей наблюдался посттравматический синдром или как его называли в народе – «афганский синдром». Это было следствием пребывания в экстремальных ситуациях, на грани жизни и смерти. К сожалению, нет точной статистики, сколько ветеранов этой войны ушло из жизни уже на родной земле, но эти цифры внушительны и, возможно, значительно больше боевых потерь. Одних погубили болезни, приобретённые на чужой земле, других – наркомания и алкоголизм, есть и те, кто так и не смог найти себя в послевоенное время. Война так просто не отпускает!

Я рада, что есть люди, которые пытаются сохранить и открыть всем малоизвестную страницу нашей истории, и не просто сохранить, а ещё и привлечь к этой нелёгкой работе молодёжь. Общаясь с ветеранами Афганской войны, студенты узнают о героизме, мужестве, смелости и стойкости наших солдат, поколение которых выросло на примере высшей воинской доблести, смелости и отваги своих отцов и дедов. Надеюсь, что благодаря общению с героями этой войны, у нашей молодёжи возникнет уважение к её участникам, укрепится патриотизм и любовь к своему Отечеству.

Мороз Ива Васильевна
Заслуженный врач Российской Федерации
Руководитель внутригородского
Муниципального образования
«Басманное» в городе Москве,
Председатель муниципального собрания

Krieg lässt nicht einfach los!

Der Krieg in Afghanistan zieht sich wie ein roter Faden durch die Geschichte unseres Landes hindurch. Für mich als Medizinerin, die 41 Jahre in diesem Beruf aufopferungsvoll gearbeitet hat, war es sehr schwer und schmerzhaft, junge Männer mit Verstümmelungen und verschiedenen Krankheiten in meinen Sprechstunden zu sehen. Es ist umso schwerer, als bei vom Äußeren her gesunden jungen Männern ein posttraumatisches Syndrom oder wie im Volksmund genannt – das afghanische Syndrom, festzustellen war. Dies war die Folge der Extremsituationen, in denen sie sich befanden, wenn es um Leben und Tod ging. Leider gibt es keine genaue Statistik, wie viele Veteranen dieses Krieges aus diesem Leben bereits auf heimischem Boden verschieden sind. Diese Zahlen sind aber sehr beeindruckend und übersteigen bei weitem die Kriegsverluste. Die einen sind den auf fremdem Boden eingehandelten Krankheiten zu Opfer gefallen, die anderen starben an Drogen- und Alkoholmissbrauch. Es gibt auch solche, die sich in friedlicher Nachkriegszeit im Leben nicht zurechtfanden. Der Krieg lässt nicht einfach los!

Ich freue mich, dass es Menschen gibt, die es versuchen, diese wenig bekannte Seite unserer Geschichte aufzubewahren und aufzuschlagen. Sie bewahren sie nicht nur auf, sie versuchen, auch Jugendliche für diese nicht einfache Arbeit hinzuzuziehen. Während eines Dialoges mit Veteranen des Afghanistan-Krieges erfahren Studenten über Heroismus, Tapferkeit, Unerschrockenheit und Standhaftigkeit unserer Soldaten, deren Generation an Beispielen höchsten militärischen Heldenmutes sowie an Beispielen der Tapferkeit und Kühnheit unserer Väter und Großväter erzogen wurde. Ich hoffe, dass dank eines Dialogs mit den Helden dieses Krieges unsere Jugend Achtung vor dessen Soldaten entwickelt, dass dadurch Patriotismus und Liebe zu ihrem Vaterland geweckt werden.

Moros Iva Vasiljewna
Verdiente Ärztin der RF
Leiterin der örtlichen gesellschaftlichen Einrichtung «Basmannoje» Moskau,
Vorsitzende der Kommunalversammlung

Предисловие к 15-му тому

Воспоминания ветеранов, которые представлены в этом томе, я начал собирать сразу после издания 11-го тома в 2009 году. Каждому новому рассказу я радовался, как счастливый добытчик найденному алмазу, ведь рассказы собирались на протяжении трёх лет буквально по крупицам.

Очень непросто найти среди ветеранов людей, желающих рассказать историю своей жизни, историю своей войны. Еще сложнее организовать их работу с добросовестным студентом, который найдет время и желание помочь ветерану вспомнить и записать его рассказ.

Чтобы получился этот 15-й том, пришлось провести работу более чем с 250-ми ветеранами и с 300-ми студентами.

Найти деньги на издание, оказалось самым легким из всего процесса. Хотя и этот вопрос непростой и я очень благодарен за помощь в финансировании этого издания:

- Московскому комитету ветеранов войны и его председателю Слухаю Ивану Андреевичу;

- Муниципальному собранию ВМО «Басманное» города Москвы и её руководителю Мороз Иве Васильевне.

С 1989 года свою жизнь я посвятил общественной работе в ветеранском движении и мне больно видеть и чувствовать, порой, безразличное и циничное отношение отдельных граждан к нашей категории ветеранов. Про войну в Афганистане не было снято ни одного нормального художественного фильма, где был бы показан крупным планом — ЧЕЛОВЕК.

Неудачи всех вышедших на большой экран фильмов об этой войне, на мой взгляд, кроются в том, что писали сценарии и снимали эти фильмы люди, не испытавшие на себе тяготы военных будней и склонные красочно показать сражения и баталии. Крайне скупо или вообще не показывается то, о чем думает, мечтает, переживает, как живет и служит человек - Солдат, который жертвуя здоровьем и рискуя жизнью, готов умереть, выполняя приказ. Вот почему зрители и, особенно, участники войны в Афганистане не находят в этих фильмах искренности и правдивости.

Поэтому необходимо, чтобы с таким трудом собранная, «окопная правда» легла в основу сценария к фильму, который будет достойным продолжением фильмов о Великой Отечественной войне, сделанных её фронтовиками, таких как «А зори здесь тихие...», «В бой идут одни старики», «Судьба человека», «Баллада о солдате» и других прекрасных фильмов, которые по-прежнему с удовольствием смотрят самые разные поколения людей, и не только нашей страны.

Если о войне не расскажет сам ветеран, то за него о ней расскажут другие, причем в том контексте, в котором им будет нужно. И собирать рассказы ветеранов нужно было еще «вчера», поскольку количество участников Афганской войны неумолимо сокращается, а события, люди и факты забываются.

Издание воспоминаний – это ещё и попытка изменить отношение общества к ветеранам локальных войн и военных конфликтов, основное количество которых составляют ветераны войны в Афганистане.

В Федеральном законе «О ветеранах» говорится, что он «направлен на создание условий, обеспечивающим ветеранам достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе». Но, к сожалению, расхожая фраза конца 80-х годов: «Мы Вас туда не посылали...», по-прежнему жива в умах многих наших сограждан, порой занимающих высокие государственные посты, как отражение ненужной войны и соответственно, ненужных ветеранов.

Очень надеюсь, что этот том понравится читателю и он узнает много новых и интересных фактов об Ограниченном контингенте Советских войск в Афганистане. Хочется верить, что и участники Афганской войны, и студенты-помощники будут проявлять желание и инициативу принять участие в работе по изданию новых томов мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне».

Материал, содержащийся в воспоминаниях, даёт пищу и творческим людям, которые своим поэтическим словом рассказывают другим об Афганской войне. Известная поэтесса, член Союза писателей России, Нина Попова, прочитав 11-й и рукописи 15-го тома, написала в декабре 2011 года стихотворение-диалог «Афганские письма»:

Здравствуй, мама! Как часто в Афгане мне снится,
Что по нашему лугу иду босиком,
И журчит так спокойно в овражке криница,
А земля будто пахнет парным молоком.

Сыночек, родной, твои письма сегодня читала,
Хоть помню, конечно, их все наизусть.
Что же ты о себе всегда пишешь так мало?
Ты пиши, я молчания больше боюсь.

А у нас здесь весна, расцветают тюльпаны,
И колышут ветра это море цветов,
На вершине – снега, а в пустыне – барханы,
Всё как будто застыло на срезе веков.

Мой родной, я так много тебе написала,
Жду ответа, а его почему-то всё нет,
В сельсовет я ходила и там узнавала,
Может быть, затерялся на почте ответ.

Здравствуй, мама, подходит к концу это лето,
Понемногу и пыль, и жара улеглись,
Не волнуйся, когда не приходит ответа,
Каждый день за меня ты, родная, молись.

Засыпаю, сынок, и встаю я с молитвой,
Целый день я шепчу, тихо Бога моля:
«Сохрани и спаси! Будь Ты сыну защитой,
И помилуй его – он один у меня...».

Ты не плачь, потерпи ещё самую малость,
Я ведь знаю, считаешь и ночи, и дни.
До приказа сто дней мне всего-то осталось!
Ты, родная, не плачь, пробегут и они.

Осень... Стыло... И старого тополя ветки
Ветер рвёт и бросает ко мне на порог.
Из центральных газет вырезаю заметки,
Вдруг мелькнёт про тебя там хоть несколько строк?

Знаешь, мама, колодец я наш вспоминаю,
Той прохладной воды мне б напиться сейчас!
Я верблюжью колючку кипятком заливаю,
И лишь фляга одна – весь дневной мой запас.

Ты послушай, сынок, я прошу тебя снова,
Если очень устал или тяжко писать,
Напиши мне всего лишь одно только слово,
Что ты жив – и мне легче тебя будет ждать.

Вот и вышел приказ, скоро борт до Ташкента,
А потом я на поезде – прямо домой,
И останутся в прошлом войска контингента,
И останутся в прошлом душманы и зной.

А над миром, по-прежнему, солнце восходит
И весной птицы гнёзда торопятся свить,
Только к матери письма давно не приходят,
И не будут уже никогда приходить...

Попов Дмитрий Игоревич
Председатель 16-го Объединённого совета
Московского комитета ветеранов войны,
Председатель Местной общественной организации
«Общества воинов-интернационалистов Афганистана
района «Басманный» города Москвы

Vorwort zum 15. Band

Die Geschichte von Veteranen, um die es in diesem Band geht, begann ich gleich nach der Veröffentlichung des 11. Bandes 2009 zu sammeln. Jede neue Erzählung freute mich, wie der Fund eines Diamanten einen Diamantenförderer freut. Umso mehr, als die Erzählungen innerhalb von 3 Jahren mit viel Mühe gesammelt wurden.

Es ist nicht einfach, unter den Veteranen Leute zu finden, die von ihrem Leben und von ihrem Krieg erzählen möchten. Noch schwerer ist es, ihre Arbeit mit einem gewissenhaften Studenten zu organisieren, der die Zeit und den Wunsch hat, dem Veteranen zu helfen, sich an die Geschichte zu erinnern, um sie dann aufzuschreiben.

Damit dieser 15. Band geschrieben werden konnte, musste eine Arbeit mit mehr als 250 Veteranen und 300 Studenten durchgeführt werden.

Das Geld für die Auflage zu finden, war das Leichteste während des ganzen Prozesses. Obwohl diese Frage auch nicht einfach war und ich für die Hilfe bei der Finanzierung dieser Auflage sehr dankbar bin.

Ich möchte Dank aussprechen an:

- das Moskauer Komitee der Kriegsveteranen und seinen Vorsitzenden, Sluchaj Ivan Andrejewitsch;
- die Kommunalversammlung der örtlichen Kommunaleinrichtung (WMO) «Basmannoje» der Stadt Moskau und ihre Vorsitzende, Moros Ivistalina Vasiljewna.

Mein ganzes Leben widmete ich der ehrenamtlichen Arbeit bei der Veteranenbewegung und es tut mir weh, manchmal gleichgültiges und zynisches Verhalten einzelner Bürger gegenüber unseren Veteranen zu sehen. Über den Afghanistankrieg wurde kein einziger vernünftiger Spielfilm gedreht, in dem im Großformat ein MENSCH gezeigt würde.

Misserfolge aller auf großen Leinwänden über diesen Krieg gezeigten Filme bestehen meiner Meinung nach darin, dass die Menschen Drehbücher geschrieben und Filme gedreht haben, die am eigenen Leib Entbehrungen des Kriegsalltags nicht erfahren haben und dazu neigen, Kämpfe und Gefechte verklärt darzustellen. Es wird sehr selten, wenn überhaupt, das gezeigt, worüber der Mensch, der Soldat nachdenkt und sich Sorgen macht, wovon er

träumt, wie er lebt und dient. Er, der seine Gesundheit opfert und sein Leben riskiert, der zu sterben bereit ist, während er einen Befehl ausführt. Das ist der Grund warum die Zuschauer und besonders Veteranen des Afghanistankrieges in diesen Filmen keine Aufrichtigkeit und keine Wahrheitstreue finden können.

Deswegen ist es notwendig, dass diese mit so viel Kraft zusammengetragene «Schützengrabenwahrheit» zum Grundstein eines Films wird, der eine würdige Fortsetzung der Filme über den Großen Vaterländischen Krieg darstellen wird, die von dessen Veteranen gedreht wurden. Dies sind solche Filme wie: «Im Morgengrauen ist es noch still», «In den Kampf ziehen nur die Alten», «Menschenschicksal», «Soldatenballade» und andere hervorragende Filme, die nach wie vor unterschiedlichste Generationen von Menschen nicht nur in unserem Land gern sehen.

Wenn über den Krieg ein Veteran nicht erzählen kann, dann machen es statt seiner die anderen und zwar in dem Kontext, in dem sie es für notwendig erachten. Und mit der Sammlung von Veteranenerzählungen hätte man noch «gestern» anfangen müssen, da die Zahl der Veteranen des Afghanistan-Krieges sich drastisch verkleinert und Ereignisse, Menschen und Fakten in Vergessenheit geraten.

Die Veröffentlichung von Erinnerungen ist auch ein Versuch, das Verhältnis der Gesellschaft gegenüber den Veteranen von Lokalkriegen und militärischen Auseinandersetzungen zu verändern, deren größeren Teil Veteranen des Afghanistankrieges ausmachen.

Im föderalen Gesetz «Über Veteranen» steht, dass dieses Gesetz «an die Schaffung von Bedingungen gerichtet ist, die den Veteranen ein Leben in Würde, aktive Tätigkeit, Ehre und Achtung in der Gesellschaft ermöglichen». Aber leider ist der bekannteste Spruch der 80-er Jahre: «Wir haben Euch dahin nicht geschickt…» noch fest in den Köpfen vieler unserer Mitbürger verankert, von denen manche hohe Positionen innehaben, wie ein Spiegelbild eines unwillkommenen Krieges und dementsprechend unwillkommener Veteranen.

Ich hoffe sehr, dass dieser Band dem Leser gefallen wird und er viele neue und interessante Fakten über das begrenzte Kontingent sowjetischer Truppen in Afghanistan erfahren wird. Ich möchte daran glauben, dass sowohl die Veteranen des Afghanistan-Krieges, als auch Studenten, die ihnen helfen, den Wunsch und die

Initiative an den Tag legen, an der Arbeit zur Veröffentlichung neuer Erinnerungsbände «Vom Soldaten bis zum General. Erinnerungen an den Krieg» teilzunehmen.

Das Material, das diese Erinnerungen enthält, nährt auch Künstler, die mit ihrem poetischen Wort anderen Menschen über den Afghanistan-Krieg erzählen. Die berühmte Dichterin, Nina Popova, Mitglied des Schriftstellerverbandes Russlands, nachdem sie den 11. Band und die Manuskripte zum 15. Band gelesen hatte, schrieb im Dezember 2011 das Gedicht «Briefe aus Afghanistan»:

Hallo Mama! Wie oft ich in Afghanistan davon träume,
dass ich auf unserer Wiese barfüßig laufe,
Und eine Quelle gluckert in der kleinen Schlucht
Und die Erde nach frischgemolkener Milch riecht

Söhnchen, mein Liebster, ich las heute deine Briefe,
Obwohl ich sie auswendig kenne.
Wieso schreibst Du von Dir immer so wenig?
Schreib mir, ich habe mehr Angst vor dem Schweigen

Bei uns ist Frühling, Tulpen blühen auf,
und Winde wiegen dieses Meer von Blumen,
auf der Bergspitze – Schnee, in der Wüste – Wanderdünen,
Als ob alles am Rand der Jahrhunderte stehen geblieben wäre

Mein Lieber, ich schrieb Dir so viel,
ich warte auf die Antwort, aber bekomme von Dir immer noch keine,
war in der Dorfverwaltung und erkundigte mich dort,
vielleicht ist der Antwortbrief auf dem Postwege verlorengegangen?

Hallo Mama, dieser Sommer geht dem Ende zu,
Langsam haben sich der Staub und die Hitze gelegt,
Mach dir keine Sorgen, wenn Du nichts von mir hörst,
Bete jeden Tag, meine Liebe, für mich.

Ich schlafe mit einem Gebet ein und wache damit auf,
ich flüstere jeden Tag und bitte leise Den Gott:
„Bewahre und Beschütze! Werde zum Schutz für meinen Sohn,
er ist bei mir der einzige..“

Weine nicht, hab noch ein wenig Geduld,
ich weiß doch, du zählst Nächte und Tage.
bis zum Entlassungsbefehl sind es nur noch 100 Tage!
Weine nicht, meine Liebste, sie werden auch vorbeigehen.

Herbst…kalt.. und die Zweige der alten Pappel
werden vom Wind abgerissen und an meine Türschwelle geworfen.
Aus Zeitschriften schneide ich Artikel aus,
Vielleicht sind dort ein paar Zeilen über dich?

Weißt Du, Mama, ich erinnere mich an unseren Brunnen,
Ich würde so gern das kalte Wasser daraus trinken!
Ich gieße den Kameldorn mit kochendem Wasser auf,
und nur diese eine Feldflasche ist meine ganze Tagesration

Hör auf mich, mein Söhnchen,
wenn du müde bist oder es dir schwer zu schreiben fällt,
schreib mir, bitte, nur ein Wort, dass Du am Leben bist, dann fällt es mir leichter, auf dich zu warten.

Der Entlassungsbefehl wurde bereits verabschiedet,
bald fahre ich mit einem Schiff nach Taschkent,
Die Truppen des Kontingents werden bald
der Vergangenheit angehören, sowie die Taliban und die Hitze.

Und über der Erde geht wie immer die Sonne auf
Und im Frühling beeilen sich die Vögel, ihre Neste zu bauen,
Nur die Mutter bekommt seit langem keine Briefe mehr,
und wird sie auch nie mehr bekommen….

Popov Dmitrij Igorewitsch
Vorsitzender des 16. vereinten Rates
des Kriegsveteranenausschusses Moskau,
Vorsitzender der örtlichen gesellschaftlichen Organisation
«Gesellschaft der Soldaten-Internationalisten
in Afghanistan des Bezirkes» «Basmannij» Moskau

Авдеев Геннадий Петрович

В мой кабинет залетела неуправляемая ракета
(продолжение, часть 2-я, начало в 11-м томе)

Встречи в Президентском дворце

Афганистан вошел в мою судьбу задолго до начала ввода в страну Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в 1979 году.

После окончания в 1969 году Института восточных языков при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, в течение нескольких лет я работал переводчиком на строительстве Исфаганского металлургического комбината в Иране, а после возвращения в СССР был принят на работу в Союз советских обществ дружбы (ССОД) Ответственным секретарем Советского общества дружбы с Афганистаном. На этой должности занимался научным изучением этой древней страны, неоднократно выезжал в Кабул в составе делегаций и специализированных туристических групп.

Думаю, небезынтересно вспомнить исторические события тех лет, чтобы теперь, по истечении десятилетий, попытаться объективнее оценить те годы «необъявленной войны», очевидцами и участниками которой стали тысячи и тысячи наших соотечественников, в результате которой мы понесли невосполнимые человеческие, материальные и моральные потери.

Помню газетные сообщения о том, что в Афганистане 27 апреля 1978 года пал феодально-помещичий режим аристократической верхушки во главе с первым президентом М. Даудом – ближайшим родственником короля Захир Шаха, находившимся в изгнании в Италии. Вместе с Даудом во время штурма президентского дворца погибли его родственники и несколько высокопоставленных чиновников. Это была, так называемая, Саурская революция, совершённая группой просоветски настроенных военных - в основном выпускников советских военных учебных заведений, опиравшихся на узкий круг недовольных политикой правящей династии.

Вожди Саурской революции провозгласили о создании Демократической Республики Афганистан (ДРА) во главе с Народно-демократической партией (НДПА) марксистского толка и освободили из тюрем политических заключенных. Среди освобожденных был Нур Мохаммад Тараки – основатель НДПА, писатель, неоднократно бывавший в Советском Союзе, избранный Премьер-министром ДРА на заседании Революционного совета через несколько дней после победы революции.

СССР был первой страной, признавшей новую власть в Афганистане и подписавшей 5 декабря 1978 года Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Одновременно было заключено более 100 контрактов на строительство промышленных и хозяйственных объектов и других различных работ. Тысячи советских специалистов с небывалым энтузиазмом направились в молодую республику строить, лечить, учить, делиться опытом строительства социализма, создавать центральные и местные органы власти, обучать армию владеть современным оружием.

Народную революцию с энтузиазмом восприняли и члены Советского общества дружбы и культурного сотрудничества с Афганистаном (СОДКСА). Среди них были как видные деятели культуры, литературы, искусства, известные ученые-востоковеды, так и представители заводов, школ, вузов, сельскохозяйственных организаций. И это неудивительно, ведь отношения СССР с развивающимися странами строились на принципах дружбы, братства, солидарности, бескорыстной помощи в развитии экономики и

культуры. Воспитанные на идеалах интернационализма, наши люди были готовы всесторонне помогать афганскому народу в строительстве новой жизни, содействовать развитию образования, здравоохранения, культуры. Вопросы дальнейшего экономического развития аграрной страны, перспективы сотрудничества на правительственном и общественном уровне с огромной заинтересованностью обсуждались на заседаниях правления, на собраниях актива. Проводились мероприятия, читались лекции по истории Афганистана и советско-афганских отношений.

Однако, специалистам-востоковедам с самого начала было ясно, что пришедшие к власти афганские коммунисты неизбежно столкнутся с враждебным сопротивлением внутренней и внешней оппозиции. Понимая это, высшее советское руководство, наряду с активной помощью новой власти по государственной линии для установления и укрепления всесторонних связей и расширения базы сотрудничества с афганской общественностью, приняло решение активно включить в эту деятельность СОДКСА. В ДРА была направлена делегация СОДКСА для подписания Договора о дружбе между советской и афганской общественностью, способствующего взаимному ознакомлению широких слоев населения с жизнью наших стран.

Такая делегация была сформирована осенью 1978 года во главе с членом ЦК КПСС, Министром мясной и молочной промышленности СССР, бывшим послом СССР в Афганистане Сергеем Федоровичем Антоновым, который в тот период возглавлял СОДКСА. В состав делегации вошел также Энвер Мехтиевич Алиев, профессор Высшей дипломатической школы, блестящий переводчик с языков фарси и дари, работавший на переговорах советских руководителей на высшем уровне во время их визитов в Иран и Афганистан. В состав делегации был включен и я, как Ответственный секретарь СОДКСА. К этой поездке я готовился со всей ответственностью, понимая не только её общественную важность, но и политическую значимость - как первых шагов реальной поддержки кабульского режима.

Мы вылетели утренним спецрейсом из Внуково. Сделали непродолжительную остановку в аэропорте Ташкента, куда на

своем огромном ЗИЛе приехал на встречу с главой делегации член политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов. Беседа двух советских государственных и политических руководителей проходила с глазу на глаз. О чём шла речь – было не трудно догадаться. Так, во время полёта С.Ф. Антонов дал нам понять, что Председатель Совета Министров СССР Н.А. Косыгин накануне дал ему чёткое указание оказать любую помощь новым афганским руководителям, чтобы избежать падения режима от надвигающегося антиправительственного наступления со стороны непримиримой оппозиции. А что представляли собой афганцы как нация, мы хорошо знали из истории: как ни старались англичане в ходе трёх войн покорить Афганистан, им это так и не удалось сделать. По всему было видно, что С.Ф. Антонов в тревожном настроении летел в Кабул выполнять свою миссию, понимая какую «шкатулку Пандоры» открыл ввод советских войск на территорию Афганистана.

В тот же день мы были в Кабуле, и в этот же день нашу делегацию приняли два афганских руководителя: Президент Афганистана Нур Мохаммад Тараки и его заместитель по партии НДПА Хафизулла Амин.

В Президентский дворец нас сопровождал советский посол Александр Михайлович Пузанов, который хорошо знал обоих руководителей страны и пользовался у них большим авторитетом.

С каждым лидером беседа продолжалась в течение получаса и проходила в их очень скромных кабинетах, в которых не было никаких признаков роскоши. Оба первых лица государства проявляли заинтересованность в укреплении сотрудничества между нашими странами по всем направлениям. Приняли делегацию тепло и сердечно и Мохаммад Тараки, и Хафизулла Амин.

Тараки произвел на меня впечатление человека мягкого и даже как бы стеснявшегося своего высокого поста. Говорил он тихим голосом, употребляя выражения, характерные для лексики партийных агитаторов. Он был родом из пуштунского племени Тараки. Название племени и стало его фамилией. Родился он в 1917 году, в год Октябрьской революции. Этим он, то ли в серьез, то ли в шутку, но гордился. Он был

неплохим писателем-прозаиком, поэтому речь его была правильной, литературной. В движениях он был немного медлительным, по сравнению с Амином, выглядевшим очень энергичным и целеустремленным. Но в то время как для доверчивого, прямого, честного Тараки открытость и принципиальность были естественны, честолюбивый Амин сумел продолжительное время хорошо играть роль принципиального человека. Он неоднократно публично заявлял, что для него Саурская революция - продолжение Великой Октябрьской революции. Каждое произнесенное им слово дышало уверенностью в конечной победе Апрельской революции. Он постоянно благодарил Советский Союз за поддержку НДПА. Говорил он очень быстро, но речь и манеры у него были хорошо поставлены.

Хафизулла Амин был человеком образованным. Он окончил педагогическое училище-интернат в Кабуле и факультет естественных наук Кабульского университета по специальности «Физика и математика», получил научную степень магистра в США при Колумбийском университете. Получал он и стипендии от Агентства международного развития США. Находясь в Америке, Х. Амин был председателем Союза афганских студентов, обучавшихся в США. Когда собирался в Штатах защищать докторскую диссертацию, узнал, что создается НДПА, и направил письмо Тараки, чтобы его считали членом этой партии. Вернувшись в Афганистан, он сблизился с Тараки и быстро вошел в руководство партии. Курировал партийную работу в армии и постоянно соперничал с другими членами партии за укрепление своих позиций в руководстве, вступая в конфликтные отношения, из-за чего не был избран в Политбюро, а за месяц до Саурской революции восемь человек проголосовали за исключение Амина из ЦК за раскольническую деятельность. На защиту Амина выступил Тараки, и Амина оставили в ЦК из-за уважения к авторитету Тараки. Насколько амбициозным был этот человек, потом показало время. Мы, члены делегации, тоже отметили слащавость речей Амина, чрезмерно пересыпанных коммунистической риторикой, что выдавало некоторую неискренность собеседника. Амин вообще был из тех людей, что умеют быть вежливыми, обходительными,

внимательными. Поэтому, видимо, многим слишком поздно удалось понять его истинную сущность. Возможно, уже тогда в сознании Амина зрел план физического устранения Тараки.

В то время, хотя Тараки был женат, детей у него не было, но он по-отечески относился к сыну умершего брата Шер Ахмад Тараки, выпускника юридического факультета Высшей следственной школы МВД в Волгограде. Уже в 90-е годы племянник Тараки обучался в аспирантуре юридического факультета МГУ, а его жена была аспиранткой стоматологического института. У физически крепкого и молодого Амина, наоборот, была большая семья: семеро детей – три сына и четыре дочери, и очень много родственников, которые заняли высокие посты, когда он пришел к власти. Но в те дни гостеприимных встреч и доверительных бесед в Президентском дворце мы, члены делегации, не могли предположить, какие кровавые трагедии ждут страну впереди, и с интересом знакомились с новыми реалиями страны победившей революции.

На первом этапе

Программа знакомства нашей делегации с первыми достижениями новой Демократической республики Афганистан была насыщенной, хотя мы и были ограничены временем пребывания. На следующий день состоялось торжественное собрание в кинотеатре «Кабул нандери», где переполненный зал встретил шквалом аплодисментов советскую делегацию, как посланцев великой страны, оказывающей братскую помощь афганскому народу. Это было искренним проявлением уважения, так как афганцы на том первоначальном этапе выражали неподдельную радость от надежд на социальные перемены, способные вырвать страну из мира отсталости, бедности и неграмотности.

Начальный период революции не предвещал серьезных осложнений для СССР, который был готов оказывать материальную, экономическую помощь, поддерживать революционный режим. Да и сам народ приветствовал Апрельскую революцию, связывая с ней улучшение жизни, политическое обновление страны, в которой после свержения в 1973 году короля Захир Шаха воцарился политический хаос.

Обстановка в стране была спокойной, и отношение к «шурави», так называли советских людей, было вполне лояльным на начальном этапе Апрельской революции и в период начавшихся социально-политических преобразований. В 60-е годы афганцы ценили помощь советских людей, когда на многочисленных стройках работали советские специалисты, обучавшие афганцев необходимым специальностям. Они с искренним уважением относились к русским, с удовольствием приглашали к себе в гости.

Возглавлявший нашу делегацию Сергей Федорович Антонов, бывший в эти годы послом СССР в Афганистане рассказывал, как хан одного их племен в труднодоступном горном районе Вазиристане пригласил его, советского посла, в гости. Правивший тогда король Захир Шах, узнав о приглашении, предложил усиленное военное сопровождение, так как даже афганские государственные чиновники выезжали в эти горные районы только в случае крайней необходимости. Сергей Фёдорович отказался от охраны и поехал в племя вместе с посольскими сотрудниками без сопровождения. За несколько километров от кишлака их встречали как самых почетных гостей нарядно одетые всадники. Причем оказалось, что это племя образовалось много веков назад из остатков армии Александра Македонского, осевших в этих краях во время похода его в Индию. Жители этого племени были голубоглазы, что совсем не типично для смуглых черноволосых и черноглазых афганцев.

В то время на всей территории царил мир и спокойствие. Антонов рассказывал, как он однажды решил поехать в СССР через афгано-советскую границу сухопутным путём, ночью сбились с пути в безлюдной степи. Решили заночевать, и утром афганский пастух указал дорогу к границе, которая оказалась в пяти километрах от того места, где застала их ночь. И таких актов помощи, уважения, внимания, гостеприимства со стороны афганцев было множество.

Первый этап Саурской революции был действительно созидательным. Сразу же были приняты декреты, направленные на улучшение положения народа. Малоземельные и безземельные крестьяне получали согласно земельной реформе землю, был введен семичасовой рабочий день, возрос жизненный уровень населения, были снижены

цены на товары первой необходимости и лекарства, увеличены зарплаты рабочим, начата борьба с безработицей и безграмотностью.

Кстати, бывшие вооруженные силы после революции в основном были сохранены, не считая упраздненной республиканской гвардии и ряда командных кадров. Много было сделано для улучшения материального положения солдат, их медицинского, культурного, бытового обслуживания. Позднее, когда я уже стал работать в Кабуле, мне неоднократно довелось видеть благоустроенные казармы, бывать в солдатских столовых. Выезжая с лекциями в афганские подразделения, я вплотную общался с афганскими военнослужащими и видел их жизнь изнутри. Вообще социальные преобразования касались всех категорий населения. Не были забыты ни рабочие, ни крестьяне, ни интеллигенция, ни ремесленники, ни кочевники, ни кочевые племена. И хотя речь шла о социалистических преобразованиях, государство гарантировало свободу религиозной деятельности, восстанавливало мечети, что на сторону новой власти привлекло немало духовных лиц и верующих мусульман. Безусловно, в обществе и после революции было расслоение, но на первом этапе большинство простых людей позитивно приняло новый режим, немало было и тех, кто лояльно относился к изменениям в стране, кто-то занимал выжидательную позицию.

Но здесь новым руководством Афганистана была допущена ошибка. Стремясь форсировать социальные преобразования, власти проигнорировали веками сложившиеся традиции, обычаи, религиозные требования ислама, не учли, что часть населения еще не готова к воплощению в жизнь ряда социально-политических лозунгов, не способна так быстро расстаться со своими отсталыми взглядами. Поэтому события в стране стали развиваться по неблагоприятному сценарию. Через несколько месяцев, после теплой встречи нашей делегации с Тараки и Амином, по приказу Амина, было совершено злодейское убийство Тараки, которое привело к необратимому политическому кризису в стране. При Амине были казнены видные партийные и государственные деятели Афганистана, и в целом на него была возложена личная ответственность за гибель приблизительно

шести тысяч человек - политических противников, членов фракции «Парчам» НДПА.

Расскажу о людях, павших и пострадавших при аминовском режиме, тем более, что со многими из них меня сводила судьба как в Москве, так и в Афганистане, как в годы работы в стране, так и после окончания «необъявленной войны». Уверен, что мы не должны забывать не только имена наших отважных ребят, честно и до конца выполнявших свой интернациональный долг, но и имена тех афганцев, которые искренне любили нашу страну и верили в демократические идеалы, жертвуя жизнью. Я расскажу о них в отдельной главе «Живые и павшие».

Сложившаяся к тому времени политическая обстановка в Афганистане привела к тому, что 27 декабря 1979 года в Афганистан по многочисленным просьбам и обращениям руководства страны был введен Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ). Перед советскими военнослужащими была поставлена задача закрыть афгано-пакистанскую границу с целью предотвращения вооруженной помощи оппозиции со стороны Пакистана.

Известия о свержении 27 декабря 1979 года правительства Амина и вводе ОКСВ не было полной неожиданностью, так как ситуация в ДРА была постоянно в центре внимания политиков и дипломатов.

Уже летом и осенью 1979 года народная власть ДРА столкнулась с яростным сопротивлением революционным преобразованиям, чем воспользовался Амин, который в начале октября 1979 года фактически совершил государственный переворот, убив Тараки. Начавшиеся массовые репрессии против духовенства, интеллигенции и партийных кадров ослабили госаппарат и партию, что затормозило дальнейшие демократические преобразования. При Амине многие прошли через тюрьму Поли Чархи (в переводе «Колесный мост»), одну из самых страшных тюрем в окрестностях Кабула, где через реку Кабул (Кабулка) построен каменный мост для проезда гужевого транспорта.

У многих партийцев к тому времени сформировалось подозрение о связях Амина с ЦРУ и Пакистаном. Много вопросов вызывало и то, что, когда 26 апреля 1978 года прошли аресты руководителей НДПА, Амин был арестован

позже других и почему-то находился не в тюрьме, а под домашним арестом. Считалось, что он первым отдал приказ офицерам поднять вооруженное восстание, ставшее началом Апрельской революции, да и советские войска были введены по его личной просьбе, поэтому он рассчитывал на поддержку своего режима. Несмотря на это, при штурме Президентского дворца 27 декабря 1979 года, Амин был убит.

Как выяснилось, при Амине все важные должности занимали его многочисленные родственники, что вызывало недовольство. Так, старший брат Амина Абдулла, у которого после смерти отца воспитывался будущий президент, был при правительстве Дауда уволен с государственной службы за злоупотребления. При Амине он стал директором Афганской текстильной компании и одновременно ответственным за безопасность нескольких провинций. Его сын, племянник Х. Амина Асадулла, женатый на дочери Х. Амина (своей двоюродной сестре), был обычным выпускником медфака Кабульского университета (КУ), но Х. Амин назначил его заместителем министра здравоохранения и руководителем органов госбезопасности. Был зять Амина и председателем Общества советско-афганской дружбы, и членом ЦК НДПА. После падения режима Х. Амина, 9 июня 1980 года, были опубликованы сообщения об их казни по приговору специального трибунала. Решением трибунала, по обвинению в убийстве Тараки, были казнены несколько человек, в том числе начальник разведки полка гвардии Президентского дворца Мохаммад Экбаль. Двоюродный брат Амина Ахмадулла, занимавший посты министра, губернатора, директора завода, успел уехать на жительство в США. Еще один родственник Амина, женатый на его двоюродной сестре, Абдул Расул Сайаф, получивший духовное образование, окончив шариатский факультет Кабульского университета, после падения режима Амина переселился в Пакистан и выдвинулся в группу лидеров афганской оппозиции. В 1989 году он был избран премьер-министром переходного правительства.

Еще одни родственник Мохаммад Фарук Кармонд, получивший образование в Ленинграде и женатый на русской, был заместителем министра иностранных дел, занимался преподавательской и партийной работой, был освобожден из

тюрьмы по настоянию советского правительства и в 1992 году поселился с семьёй в Санкт-Петербурге.

В условиях продолжающихся репрессий против партийных и государственных деятелей, растущего сопротивления новому режиму, уже нельзя было игнорировать многочисленные просьбы о помощи, и ОКСВ был введен на территорию страны. Введение войск рассматривалось советским руководством как необходимая поддержка революционного правительства и афганского народа, а также как защита южных границ нашей страны. Временное пребывание наших войск было оговорено и определено специальным договором.

В Афганистан вместе с советскими войсками прибыл Бабрак Кармаль, который был также одним из основателей НДПА, имел юридическое образование, работал в Министерстве образования. Он всегда соперничал с Тараки за руководство партией, претендуя на роль партийного идеолога, что привело к расколу партии на две фракции «Хальк» и «Парчам». Имя Кармаль (Труженик) он взял в 1957 году, когда его призвали в армию. Когда в Афганистане начались военные действия с участием советской армии, население страны резко раскололось на сторонников и противников коммунистического режима, и Афганистан из тихой страны превратился в бурлящий котел гражданской междоусобной войны, охватившей все провинции и кишлаки. Начался и массовый процесс эмиграции из Афганистана. Немало афганцев оказалось и на территории Ирана, в том числе в Тегеране.

Новая встреча с горами Гиндукуша

Новая встреча с Афганистаном произошла в 1985 году, когда я приехал в длительную командировку в Кабул как первый секретарь посольства и директор Дома советской науки и культуры (ДСНК). Страна была уже окончательно втянута в страшное многолетнее кровопролитие. И если в первые годы после ввода наших войск в Афганистан средства массовой информации действия советской армии старались связывать с оказанием гуманитарной помощи, со строительством школ, больниц, элеваторов, дорог, то к этому

времени сообщения из Афганистана стали походить на боевые сводки. Ни сообщения прессы, ни тем более непосредственное нахождение в стране не оставляли ни малейших сомнений, что наша армия основательно втянута во внутреннюю гражданскую войну, приобретающую характер нарастающего всенародного сопротивления «коммунистическому» режиму.

Жестокие репрессии при Амине, направленные на духовных лиц, сделали своё дело и давали повод мусульманскому духовенству как в Афганистане, так и в других мусульманских странах распространять информацию о безбожном правительстве и призывать к борьбе за спасение ислама. Антисоветская широкомасштабная пропаганда во многом строилась на том, что русские безбожники не помогут, а уничтожат страну, веру, традиции, обычаи. Мулла, особенно в сельских местностях, в отсталой стране был и учителем, и судьей, и духовным отцом, к голосу которого прислушивались. Мулла был обязательным на свадьбе, рождении ребенка, на похоронах. Правоверные мусульмане, привыкшие к пятиразовой молитве – намазу, которую необходимо исполнить, где бы не застало время намаза: на улице, в поле, в мечети, горной тропе, в чужом доме. Многие посетители ДСНК, носили с собой молельные коврики, четки, и наши сотрудники не препятствовали им в исполнении намаза, если время молитвы заставало их в библиотеке или на каком-то мероприятии.

Как я писал выше, с двумя первыми президентами ДРА Нур Мохаммадом Тараки и Х. Амином мне пришлось встречаться и беседовать лично. Теперь предстояло работать в период правления Бабрака Кармаля, занявшего после падения режима Амина пост Генерального секретаря ЦК НДПА и премьер-министра. Был он также и Председателем Революционного совета. Позднее, уже 30 сентября 1986 года, он получил пост Председателя Президиума Революционного совета. Однако, уже через несколько дней, 3 октября, был снят и по решению советского руководства заменен на посту президента Наджибуллой.

Хочу напомнить, что введение ОКСВ на территорию Афганистана и назначение Бабрака Кармаля было неоднозначно воспринято как афганцами - членами НДПА, так и многими видными советскими учеными-востоковедами.

Бабрак Кармаль был политической фигурой, вызывавшей много споров с самого начала. Ученый-востоковед, афганист Ежов Георгий Петрович, работавший в одно с нами время в Кабуле в Торгпредстве и плотно общавшийся с афганцами, занимавшими посты в государственных органах, получившими образование в советских вузах, рассказывал следующее. Многие из тех, кто приветствовал физическое уничтожение Амина, но колебался в необходимости ввода советских войск, были противниками руководства Кармаля, считая его тщеславным, конфликтным человеком. Среди них бытовало мнение, что для дальнейшего развития событий в Афганистане не столь опасен ввод советских войск, как назначение Бабрака Кармаля. Припоминали, что в 1967 году из-за тщеславного характера Кармаля, претендовавшего на роль партийного идеолога, партия раскололась на фракцию «Парчам» (Знамя), возглавляемую Бабраком, и «Хальк» (Народ) во главе с Тараки, который на Учредительном съезде 1965 года был избран самым первым Генеральным секретарем и членом Исполнительного комитета партии. Амин тоже вошел в это крыло партии и руководил в НДПА вербовкой среди военнослужащих.

Число терактов и выступлений оппозиции при Бабраке практически не уменьшалось. Вооруженные банды использовали неграмотность людей, глубокую религиозность, веками воспитанную покорность, заставляя отказываться брать землю, посещать курсы борьбы с неграмотностью, забирали молодых сильных мужчин угрозами в банды, убивали активистов и их семьи, устраивали теракты на улицах, в школах, больницах, даже в мечетях, взрывы в автобусах, магазинах. Мы были очевидцами того, что в Афганистане противники режима постоянно совершали теракты то в больнице, то в школе, то на стадионе, а чаще просто на улицах, в общественных местах. Вооруженные отряды нападали на кишлаки, школы, полицейские участки, больницы. Отряд, в котором было около 700 человек, под руководством получившего религиозное образование Шафиуллы, члена движения исламской революции Афганистана, напал даже на Кабульский аэропорт. Жестокими были расправы над сторонниками народно-демократической

власти, активистами, членами партии и общественных организаций.

Были случаи отравления питьевой воды, использования паралитических газов. Но, тем не менее, с внутренней реакцией со стороны бывших феодалов, духовенства революционная правительственная армия, отряды самообороны, царандой (народная милиция) смогли бы справиться сами, но реакцию поддерживали США и страны НАТО. В этой необъявленной войне афганскому народу нужна была помощь советских войск, также как и помощь советских специалистов в восстановлении и развитии национального хозяйства, экономики. И наши специалисты, инженеры различных специальностей, врачи, медсестры, педагоги продолжали ехать в Афганистан, несмотря на боевые действия, уверенные, что раз между нашими странами на протяжении истории были добрососедские отношения, то помочь построить отсталому аграрному государству новую жизнь дело чести и долга.

Одним из таких уголков новой жизни для афганского народа был наш ДСНК, который среди афганцев назывался Культурным центром. Сюда приходило немало афганской молодежи, тянувшейся к новой жизни. Активно работали курсы русского языка, где преподавали советские женщины, в том числе и моя жена Людмила, филолог, журналист-международник, одновременно заведовавшая библиотекой для афганцев. Библиотеку активно посещала городская молодежь, служащие государственных учреждений, приезжали за книгами и журналами из других городов, провинций и даже кишлаков. В большом актовом зале проходили просмотры советских фильмов, концертные и праздничные программы.

Так как работа ДСНК строилась на укреплении контактов с партийными и общественными организациями, то здесь же проходили совещания и конференции Народно-демократической партии Афганистана, Демократической организации молодежи Афганистана, с участием государственных, военных, партийных деятелей страны, деятелей культуры и искусства, журналистов и писателей, дипломатов. Неудивительно, что антиправительственные группировки воспринимали наш Советский культурный центр, как место присутствия оккупационных сил и неоднократно

совершали теракты, обстреливали здание. О некоторых случаях терактов против ДСНК я и моя жена подробно рассказали в предыдущих воспоминаниях в 11-м томе настоящего издания.

Были у меня и сотрудников ДСНК частые непосредственные контакты с армейскими подразделениями нашей 40-й армии и афганскими подразделениями правительственных войск. Я часто выезжал на 13-ю и 15-ю заставы с лекциями. Мы снабжали наших солдат литературой и кинофильмами. Я всегда сопровождал приезжавшие из Москвы и других городов делегации артистов, певцов, писателей и журналистов, которые выезжали с концертами и беседами на заставы, расположенные вокруг Кабула.

Навсегда запомнил Кундузскую дорогу, расположенную в ложбине среди гор, которую постоянно обстреливали силы оппозиции, и плодородную долину Бехсабз, которая к тому времени превратилась в выжженную солнцем землю, а высохшие колодцы использовались боевиками в качестве укрытий. Сколько физических сил и мужества требовалось от наших солдат на этих передовых позициях, сколько терпения, чтобы выносить и выпавшие испытания жестокой войны, и трудности армейских условий жизни, и климатические тяготы горной местности и палящего солнца.

Встречал я за эти годы в Афганистане и ребят, окончивших в 80-е годы Институт стран Азии и Африки. Их посылали в Афганистан военными переводчиками, где они участвовали в боевых действиях, получали ранения и погибали.

В этой необъявленной войне противники режима не гнушались никакими методами. Сколько было случаев зверской, варварской расправы над нашими бойцами и над афганцами - сторонниками революционной власти. В первый же год работы в Кабуле буквально всех потрясла жестокость засевших в засаде около речки Кабулки боевиков, которые порубили саперными лопатками восемнадцать безоружных солдат из строительного батальона, заготавливавших песок, а потом ещё и надругались над телами погибших. А сколько опасностей скрывала, так называемая, «зеленка». Если для мирного населения, да и для жен наших специалистов, слово «зеленка» было связано с Кабульским базаром, где можно

было купить разнообразную зелень к обеду, то для тех, у кого за спиной военные дороги, «зеленка» - это кустарник или деревья вдоль дороги, виноградники в горах, за которыми душманские банды устраивали засады.

В своих предыдущих воспоминаниях я описал не один случай героизма и стойкости наших солдат, с которыми встречался, выезжая на заставы. У меня всегда вызывали чувство уважения эти, совсем еще молодые, ребята, многие из которых после окончания школы, пройдя в армии курсы военной подготовки, попали сюда на самые опасные участки «необъявленной войны» и в тяжелейших военных и климатических условиях проявляли твердость характера, смелость и мужество, достойное их дедов, прошедших дорогами Великой Отечественной войны. Но это была совсем иная война, и поэтому все эти долгие военные годы и наши соотечественники, и афганцы жили ожиданием скорейшего окончания военных действий, принесших столько горя и тому и другому народу.

Но до окончания войны еще были годы. Несмотря на все усилия СССР по поддержке режима Бабрака Кармаля, реализация ряда социальных реформ тормозилась, а действия оппозиции разворачивались. Нужны были новые изменения в правительственных программах и новый президент.

Несмотря на политику национального примирения, столкновения с вооруженной оппозицией участились. Наши военные специалисты, ближе знакомые с обстановкой, говорили, что оппозиционеры стали применять новые боевые средства, стали более активны, афганские моджахеды разнообразили методы партизанской войны, устраивали засады в горах с гранатометами и крупнокалиберными пулеметами и, хотя «наши» действовали решительно, начались разговоры о необходимости поэтапного вывода советских войск. Заговорили о горном перевале Саланг, через который уже позднее, в феврале 1989 года, бесконечным потоком, грохоча, пойдут колонны бронетехники и подразделения 40-й армии из Кабула назад, на Родину. Причем, хотя и были договоренности с оппозицией о перемирии, обстрелы колонн, минирование дорог с целью помешать движению военной техники будут продолжаться. А после вывода ОКСВ выступления группировок еще более усилятся. Однако,

немаловажно, что Демократическая республика Афганистан прочно стояла на избранных позициях настолько, что противникам народного режима понадобился не один год, чтобы развалить национальную армию изнутри.

Павшие и живые

За прошедшие два с лишним десятилетия после вывода Ограниченного контингента советских войск и в Афганистане, и в нашей стране произошло немало судьбоносных событий. Многое забывается, но никогда не забудутся люди, с которыми сводила судьба. Мы хорошо знаем имена многих наших героев, парней из различных городов нашей, тогда необъятной, страны, тех, кто беззаветно исполнял свой интернациональный и гражданский долг. Когда собираются те, кто прошел Афганистан, имена живых и павших однополчан звучат как пароль, как присяга дружбе и верности.

Но мне бы хотелось вспомнить и рассказать о тех преданных идеалам революции афганских революционерах, членах НДПА, которые стали жертвами порочной политики, партийных ошибок, о тех бескорыстных, честных людях, с которыми сводила меня жизнь и на Родине, и в Афганистане. Все они были преданы идеалам революции, с искренним уважением и любовью относились к нашей стране. Среди них было немало выпускников советских вузов.

Первого президента ДРА Нур Мохаммада Тараки можно считать первой жертвой межпартийных разборок после победы Апрельской революции. После визита в Кабул летом 1978 года правительственной делегации для подписания Договора о дружбе, в составе которой был и я, состоялся официальный визит Тараки в СССР, где 5 декабря 1978 года был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Меньше чем через год Тараки был убит Амином. О готовящемся заговоре, вероятно, были осведомлены в нашем руководстве, потому что, когда 9 сентября 1979 года Тараки возвращался из Гаваны и был проездом в Москве, он встречался с Л.И. Брежневым. В последствии сообщалось в прессе, что Леонид Ильич предупреждал Тараки о возможном захвате власти Амином. Однако, Тараки, будучи человеком добрым, доверчивым,

открытым, верил своим соратникам и никаких мер предосторожности не предпринял.

14 сентября во время обсуждения очередных разногласий в рядах партии между телохранителями Тараки и Амина произошла перестрелка. Был убит адъютант Тараки, командующий царандоем (милицией) Саид Дауд Тарун, получивший высшее образование в Ленинграде.

15 сентября Тараки был арестован Амином, который организовал пленум ЦК НДПА. На пленум «поступила просьба Тараки, освободить его по состоянию здоровья со всех постов и передать все руководство Амину». Тараки в то время было 62 года, и он был вполне здоров, энергичен и полон планов. Тараки содержался под арестом в Президентском дворце, а 9 октября по приказу Амина был убит (задушен подушкой). Место его захоронения неизвестно.

Получив власть и заняв все высокие правительственные и партийные посты, Амин стал жестоко расправляться со своими личными противниками, с видными партийцами, с которыми у него были ранее разногласия. Цифра жертв аминовского режима среди политических противников приближается к шести тысячам человек. Амин устранял самых ярких, позитивно относящихся к Советскому Союзу людей. Все выступавшие при Тараки против Амина, после захвата им власти, поплатились жизнью.

Были казнены многие преданные революции и питающие самые искренние чувства к советскому народу партийные и государственные деятели. Это Абдул Карим Мисок (участник 1-го съезда НДПА, министр финансов при Тараки), Салех Мохаммад Зерай (один из руководителей партии «Хальк», окончивший медицинский факультет Кабульского университета, министр здравоохранения при Тараки), Тахер Бадахши (министр просвещения, участвовавший в создании НДПА, руководитель Революционной организации трудящихся Афганистана), начальник госпиталя Мир Али Акбар, генерал Шахпур и еще 15 человек видных партийных деятелей, а также тысячи простых партийцев и сторонников Тараки.

Сами партийцы-афганцы, по многим более поздним версиям, предполагали, что целая серия политических

убийств, начиная с 1977 года, самых значительных и преданных людей была организована также Амином.

В ноябре 1977 года был убит Али Ахмад Херрам - министр планирования, высокообразованный человек, всегда позитивно относящийся к СССР. Он был убит при выходе из министерства человеком, близким к Амину, объяснявшем на суде, что хотел захватить машину Хайбара, которая не досматривалась, въехать во дворец и убить Дауда. В том же году был убит И. Гран - пилот авиакомпании «Ариана», живший в одном доме с Бабраком Кармалем в новом микрорайоне, и Моманд - главный врач армейского корпуса. Были и попытки покушения на Бабрака Кармаля.

Среди павших - Мир Акбар Хайбар, который совсем молодым слушателем военного училища был брошен в тюрьму, за то, что входил в комитет, обсуждавший возможность «проведения преобразований в стране с помощью армии». В тюрьме он познакомился в Бабраком Кармалем и, выйдя на свободу, основал марксистский кружок, а потом стал одним из создателей НДПА. Профессиональный военный, член ЦК партии он был убит после посещения военно-воздушной базы в Баграме за 10 дней до революции. Его убийство ускорило революционное выступление и вылилось в антиправительственную демонстрацию. Похоронили его с почестями у подножия крепости Бала Хиссар. У него осталась жена и четверо детей.

Амина не останавливали даже высокие должности послов. Так, был казнен бывший посол Афганистана в Москве (с февраля 1974 года по октябрь 1976 года), посол в Италии, Пакистане, высокообразованный человек, бывший министр иностранных дел, Премьер-министр Нур Ахмад Эттемади, с которым я неоднократно встречался в середине 70-х в посольстве и на мероприятиях в Москве.

Еще один посол ДРА в СССР, с которым у меня были теплые отношения, Саид Мохаммад Гулабзой, чудом остался жив и был послом уже после вывода советских войск из Афганистана. По совместительству он был послом в Финляндии и Румынии. Биография этого человека насыщена событиями. Выпускник летного училища ВВС, учился на военных курсах в СССР, и у нас же получил высшее юридическое образование. Активно участвовал в

революционных событиях, был ранен, долго находился в госпитале. Был старшим адъютантом Тараки, который назначил его на должности министра связи, министра внутренних дел в 1978-1979 годах. Он поддержал Тараки в его конфликте с Амином и был вынужден после гибели Тараки скрываться в подполье. При Бабраке он был уже генерал-майором, членом ЦК и Политбюро. После окончания срока на должности посла остался в России, так как был ложно обвинен в участии в путче Таная против Наджиба, хотя был в Москве.

В 80-е годы в Кабуле министром внутренних дел в звании генерал-майора был Мохаммад Ватанджар, танк которого 27 апреля 1978 года первым подошел к Президентскому дворцу. За поддержку Тараки в конфликте с Амином, ему, занимавшему при Тараки должности начальника Генштаба, министра обороны и министра внутренних дел, грозили тюрьма и смерть. Вместе с другими членами «группы четырёх» - Гулабзоем (будущим послом ДРА в Москве), Асадуллой Сарваром (руководителем органов безопасности при Тараки), Ш. Маздурьяром (министром внутренних дел при Тараки), Мохаммад вынужден был уйти в подполье. Все они советскими спецслужбами были вывезены из Афганистана. Вернувшись в Кабул при президенте Наджибе, Ватанджар получил звание генерала и должность министра обороны в 1990 году, а после гибели Наджиба перешел на сторону Гольбуддина Хекматьяра в поддержку исламского режима. Но позднее, вместе с семьей, имея шестерых детей, переехал в Одессу, где и умер в 2002 году.

Генерал Абдул Вахид окончил в Москве Академию имени Ленина и Академию Генерального штаба. Будучи человеком чести и долга застрелился после неудачной операции в октябре 1982 года под Асадабадом, где погибли 500 человек правительственных войск.

Асадулла Сарвари, окончивший летное училище в СССР, участвовал в бомбардировке Президентского дворца. За поддержку Тараки Амин отстранил его от всех должностей и заменил на посту руководителя органами безопасности своим племянником Абдуллой Амином. При Бабраке Кармале он был отправлен послом в Монголию и Южный Йемен.

Еще один сторонник Тараки - Маздурьяр, окончивший Военную Академию, тоже командовал танком, ворвавшимся

во дворец Дауда. При Тараки он был министром внутренних дел и по делам границ.

При Амине брошен в тюрьму Поли Чархи. В 80-е годы, когда я работал в Кабуле, он был членом ЦК, министром транспорта, министром гражданской авиации. После падения режима Наджибуллы участвовал в подписании соглашения о перемирии с президентом Раббани и занял пост Премьер-министра, но в 1996 году, после захвата Афганистана движением Талибан, эмигрировал в Иран.

Вместе с президентом Наджибом погибли преданные ему два брата, оба выпускники советских вузов - Сиддик Якуби, филолог, окончивший Ленинградский университет, и Факир Якуби, окончивший аспирантуру МГУ, по специальности - физик, был несколько лет деканом Кабульского политехнического института и министром просвещения, а также Председателем Ассоциации выпускников советских учебных заведений.

Переосмысливая минувшее

Хотя события афганской войны, участниками и свидетелями которой мы были, уходят все дальше, но в памяти они остаются не только как символы личной судьбы, но и как страницы истории советского и афганского народов. Афганистан разделил жизнь каждого, в чью судьбу вошел, надвое: «до» и «после», заставил изменить свое отношение ко многому.

На алтарь афганской войны по официальной статистике было положено 15 тысяч жизней советских воинов, 36 тысяч раненых и более 300 пропавших без вести. Истрачено на поставку оружия и боеприпасов своим и афганским боевым соединениям, воевавшим на стороне правительства ДРА около 60 миллиардов рублей. А в результате последствиями этой акции стали необратимые процессы, приведшие к распаду СССР и к политическим изменениям во всем мире. Все этапы советского военного присутствия в ДРА достаточно полно и убедительно описаны в отечественной и зарубежной прессе.

Споры о том, стоило ли вводить войска, нужны ли были эти 9 лет, 1 месяц и 18 дней «необъявленной войны»

продолжаются и среди военнослужащих, и среди ученых-востоковедов, и среди простых людей.

Сегодня исследователи дают самые разные объяснения причинам ввода войск. Искать ошибки, конечно, легче, чем истину, но я как востоковед, посвятивший научному изучению Ближнего и Среднего Востока не одно десятилетие жизни и проведший немало лет в странах этого региона, хотел бы обобщить ряд наиболее частых мнений и версий.

Большинство остается на той точке зрения, что ввод ОКСВ был обоснован Договором о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве. У советского руководства была обеспокоенность укреплением исламского фундаментализма на рубежах с мусульманскими советскими республиками. Одной из самых часто повторяющихся версий стала версия о возможном вторжении в Афганистан США, после потери ими Ирана. Основанием для ввода войск называется и угроза не только гражданской войны, развязанной внутренней афганской оппозицией, но и намерение США, совместно с международным империализмом, помешать развитию социальных реформ и социалистическим преобразованиям в Афганистане, что в свою очередь угрожало южным границам СССР.

О планах США и крупномасштабной антисоветской пропаганде теперь известно много из периодической печати, архивов, многочисленных изданий. Оторвав Афганистан от долгосрочных и взаимовыгодных отношений с СССР, США рассчитывали разместить разведывательную аппаратуру, находившуюся ранее в Иране, на афганской границе с СССР.

Не надо забывать, что уже в марте 1981 года США публично признали свою помощь афганской реакции оружием, техническими средствами и массированной антиправительственной и антисоветской пропагандой на радио и телевидении.

За 14 лет народно-демократической власти в Афганистане сменилось четыре президента, при которых развивались трагические и героические события. Мои воспоминания дадут читателям также пищу для собственной оценки прошедших событий, если вспомнить, что «политика национального примирения», начатая в Афганистане в

середине 80-х годов была провозглашена почти одновременно с политикой «нового мышления» М. Горбачева.

Афганскую оппозицию поддерживали в то время не только США, но и влиятельные мусульманские страны, такие как Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Египет и другие крупнейшие страны мира, оказывая финансовую и военную помощь. Против Демократической республики Афганистан и Советского Союза шла мощная идеологическая и информационная война всеми возможными средствами, результатом чего стало поражение Апрельской революции в Афганистане и развал Советского Союза.

На мой взгляд, основные ошибки, допущенные советским руководством в Афганистане за годы «необъявленной войны», связаны с незнанием и непониманием ислама и его влияния на менталитет афганцев.

Фактом остается то, что с приходом в Афганистан советских войск в страну были направлены тысячи советников, которые понятия не имели о специфике жизни афганского народа и его истории. Мы пытались насадить советскую модель политического устройства и методы хозяйствования в стране, в которой существовали еще родоплеменные отношения с остатками феодально-бюрократической системы государственного управления. Догматизм советской идеологии и несогласованность многих ведомственных представительств мешали принимать правильные и быстрые решения. Вовремя не были реализованы предложения об открытом диалоге с лидерами вооруженной оппозиции как внутри страны, так и за ее пределами. Слишком часто менялись советские послы, из которых только один был профессиональным дипломатом, ранее работавшим на Востоке. Во всем этом еще предстоит разбираться специалистам, но то, что те события никогда не изгладятся из памяти, можно сказать уверенно.

И сегодня, когда на афганской земле по-прежнему неспокойно, когда свои правила жизни афганскому народу диктует США, афганцы, даже те, кто с оружием в руках сражался против советских солдат, начинают тоже переосмысливать исторические страницы и понимать, что шурави-русские не представляют угрозы для их страны.

Мне приходится встречаться с членами афганской диаспоры в Москве, и они вспоминают помощь советских специалистов в развитии народного хозяйства, в борьбе с неграмотностью, в подъеме сельского хозяйства, и я часто слышу их искренние слова надежды на возобновление дружеских отношений Афганистана с Россией.

Вспоминаю официальный визит в Москву президента Хамида Карзая, который в 2001 году возглавил переходное правительство, принял верховную власть в торжественной обстановке от Раббани – Президента Исламского Государства Афганистан, духовного идеолога, возглавившего Комитет по примирению.

20 сентября 2011 года Раббани погиб в результате теракта.

На встрече с Президентом России Дмитрием Анатольевичем Медведевым 21 января 2011 года Президент Афганистана Хамид Карзай признал, что в Афганистане рассматривают Россию, как мощную державу, с которой необходимо устанавливать партнерские отношения и развивать совместные технические и экономические проекты. Президент России, в свою очередь, выразил надежду, что Афганистан сможет самостоятельно защищать свою независимость и безопасность.

На 2014 год запланирован вывод американских войск с территории Афганистана. Хочется надеяться, что настанет время спокойной жизни в стране, которая стала частью биографии тысяч советских людей. Надеюсь, близко время, когда наши страны снова будут мирно сотрудничать, так как Афганистан остается нашим ближайшим соседом, с которым Россия имеет длительные исторические связи.

Сейчас я профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, политолог, востоковед-историк, автор учебных пособий и монографий по Ирану, многочисленных научных статей в академических изданиях, коллективных трудах, сборниках, журналах.

Участвую в ветеранском движении как член Российского союза ветеранов Афганистана, как член Объединения воинов-интернационалистов Афганистана Басманного района города Москвы и Председатель окружной комиссии Центрального

административного округа города Москвы по военно-патриотическому воспитанию.

Награжден:

- орденом Петра Великого 3-й степени;

- медалями: «Ветеран-интернационалист», «За верность долгу и Отечеству», «За вклад в дело дружбы», «От благодарного афганского народа», «К 20-летию вывода советских войск из Афганистана», «Участнику локальных конфликтов», «За заслуги», «За мужество и любовь к Отечеству»;

- юбилейными медалями и другими знаками отличия.

Работал на дипломатической работе в Иране в период революции и ирано-иракской войны в 1979-1983 годах, в Афганистане в 1985-1987 годах и в Пакистане в 1993-1997 годах.

Сентябрь 2011 года

Авдеева Людмила Евгеньевна

Раненая книга
(продолжение, часть 2-я, начало в 11-м томе)

Перед тем, как сесть за письменный стол, чтобы написать эти воспоминания, я думала, что об Афганистане за два с лишним десятилетия я опубликовала немало статей, поэтических книг, сделала много радиопередач и интервью. Незабываемые для меня события и дорогие имена вошли в первую часть моих воспоминаний, опубликованных в 11-м томе мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» (-М,: Академия исторических наук, 2008. Стр. 21-47). Но память продолжает из каких-то своих кладовых извлекать страницы тех 9 лет 1 месяца и 18 дней «необъявленной афганской войны», из которых два с половиной года я была очевидцем тех исторических событий. И хотя со временем детали становятся бледнее, забываются даты и названия, исчезает острота прежних ощущений, но на помощь приходят письма, которые сберегли близкие, и сохранившиеся дневниковые записи. И снова снятся узкие улицы Кабула, мальчишки из детского дома «Ватан» («Родина»), госпитальные палаты, напевные стихи на дари и солдатские песни под гитару вперемежку со взрывами, похожими на раскаты грома, возвращая к прошлому, к городам и людям, ставшим частью судьбы.

Хочется рассказать о многом и о многих, чтобы те, кто никогда не был на афганской земле, поняли, в какой стране и в каких непростых условиях разворачивались героические и

трагические события, вызывающие до сих пор споры и дискуссии.

Мой рассказ о времени, «которое выбрало нас», о людях, советских и афганских гражданах, которые, каждый на своем месте, честно выполняли свой интернациональный и гражданский долг.

К штыку приравняйте Поэта строку.
Пусть Память доверится снова перу,
Чтоб вспомнили старый Кабул и Герат,
Те грозные годы, советских солдат,
Врачей, медсестричек, мальчишек в пыли -
Афганских сирот… Чтобы залпы войны
Остались в блокнотах, в письме, в дневниках,
В стихах и поэмах о павших друзьях.
К штыку приравняйте перо и тетрадь,
Умевшие Словом от смерти спасать.

Нас встретили чужие города

Мартовским днем 1985 года самолет приземлился в Кабульском аэропорту, и мы с мужем на два с половиной года стали не только свидетелями, но и участниками незабываемых исторических событий. Хотя с момента ввода в Афганистан Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) прошло к тому времени уже более пяти лет, в страну продолжали направлять специалистов самых разных профессий: учителей, инженеров, преподавателей вузов, ученых, журналистов, врачей, медсестер…

«Делать добрые дела» для незнакомого народа многие ехали по зову сердца, добровольно, ведь недаром у слов добро, доброта и доброволец один корень. Кто знал тогда, что противники новых социальных преобразований в стране, которых сначала называли «духами», «душманами», «мятежниками», скоро станут «широкомасштабной вооруженной оппозицией», и судьба афганской революции будет столь трагична.

То, что в ДРА, наряду с военными действиями, идут социальные преобразования, бросалось в глаза сразу же. Нельзя было не замечать, как меняется Кабул - древняя

столица Афганистана, город с более чем двухтысячной историей. В старой части города были узкие улочки и, в основном, глинобитные дома, карабкающиеся на горные склоны. И хотя в городе был водопровод, в горы воду носили водоносы в мешках из козьих шкур. Но жилищное строительство велось весьма интенсивно, и на месте обветшавших, без удобств домов появлялись современные здания, в которые также заселяли и наших специалистов.

Новая часть города, называемая на наш лад Микрорайоном, с асфальтированными улицами, офисами, магазинами, кинотеатрами, достаточно зеленая, выглядела современно. Микрорайон был самым ухоженным местом в Кабуле.

Когда мы приехали, уже был заложен парк афгано-советской дружбы. Кабульским домостроительным комбинатом строились новые дома по советской технологии. Старую и новую часть города отделял проспект Мейванд. Центром Кабула была старинная крепость Бала Хиссар, насчитывающая более шести веков. На площади, недалеко от Президентского Дворца, на постаменте из гранита стоял танк, на котором в день революции 27 апреля 1978 года первым к резиденции правительства короля Дауда подошел Мохаммад Ватанджар, окончивший военное училище в Кабуле и ставший при первом Президенте ДРА Тараки министром обороны. При Амине он вынужден был уйти в подполье и перебраться в СССР. В середине 80-х, когда мы приехали в Кабул, он был министром внутренних дел в звании генерал-майора и при президенте Наджибулле занимал пост министра обороны и имел звание генерала (умер он в ноябре 2002 года в Одессе).

У подножья крепости Бала Хиссар был похоронен герой революции Мир Акбар Хайбар, убитый за 10 дней до начала революции. Говорили, что убийство было организовано Амином и совершено, когда Мир Акбар Хайбар возвращался с военно-воздушной базы в Баграме. Его похороны вылились в многотысячную антиправительственную манифестацию, а последовавшие аресты руководителей Народно-демократической партии привели к вооруженному восстанию, которое возглавил полковник Абдул Кадыр. В 1985 году, к моменту нашей командировки, он был генерал-полковником и министром национальной обороны.

Памятник героям революции был расположен недалеко от восьмиметровой колонны Независимости, установленной еще в 1919 году. А на выступе горы Шердарваза можно было видеть пушку, которая когда-то извещала жителей о наступлении полудня, и выступ продолжали называть «высотой полуденной пушки» и даже иногда о времени говорили «два часа после пушки, час до пушки», т.е. до полудня.

Мы жили и работали на улице Дар-оль-Аман, где находился ДСНК или просто - Культурный центр. Это было здание со своеобразной, необычной для стран Востока архитектурой, построенное по проекту выпускника советского вуза - киприота Маркуса. После падения революционного режима оно было разграблено и разрушено в ходе военных столкновений, и теперь в сохранившихся жилых и служебных помещениях жили беженцы.

Недалеко располагалось здание советского посольства. Перед выводом ОКСВ посольство напоминало крепость с многотонными стальными воротами, с колючей проволокой по стенам, с бомбоубежищем, с опустевшим теннисным кортом и бассейном. В январе 1993 года оно тоже было разрушено в результате боев с правительственными войсками президента Раббани Партии исламского единства Афганистана (ПИЕА), возглавляемой шейхом Абдуллой Али Мазари, взявшего посольство России под свою охрану.

Обстановку в городе можно было в какой-то степени безошибочно определять по работе базара, который был своеобразным барометром спокойствия или напряжения. Если дуканы с утра открыты, и народ мирно беседует, можно было выйти в город без особых волнений и пройтись по ремесленным и продуктовым лавчонкам одной из торговых улиц, которую наши специалисты с юмором называли Чикет-стрит (Куриная улица).

Комендантский час действовал в Кабуле где-то с десяти часов вечера до четырех-пяти часов утра. В это время на дорогах стояли военные патрули, проверявшие документы и останавливающие редкие машины. В ночной тишине нередко можно было слышать грозный окрик: «Дриш!» («Стой!»).

Естественно, что нас сразу же ознакомили с теми социальными реформами, которые продолжали проводить в

стране, несмотря на сложную политическую обстановку и действия оппозиционных формирований. Согласно правительственным реформам малоземельные и безземельные люди получали земли, шло снижение цен на товары первой необходимости и лекарства, велась широкомасштабная борьба с безработицей и неграмотностью.

Значительные преобразования были в здравоохранении. Советские врачи и медперсонал оказывали профилактическую и скорую помощь населению. В здании Центрального военного госпиталя всегда было много народа, а на стеле была сделана надпись «Советско-афганская дружба вечна и нерушима».

Чтобы вывести быстрее страну из вековой отсталости, проводились регулярные добровольные народные субботники в нерабочие дни на государственных предприятиях. Обстановка в Кабуле была относительно спокойная, но по работе приходилось бывать и в других городах, о которых всегда вспоминают, говоря о войне в Афганистане.

Важнейшее значение для Афганистана, страны аграрной, земледельческой и животноводческой, имела кольцевая трасса Кабул – Кандагар – Герат – Сазари - Шариф – Кабул, соединявшая Кабул с северными провинциями. Часть этой трассы была сооружена при экономическом и техническом содействии СССР советскими и афганскими специалистами еще в 60-х годах. Это именно та автострада на перевале Саланг, с темными стенами протяженностью 400 км в горных хребтах Гиндукуша, где с высоты гор сходят снежные лавины и по этому огромному, мрачному, высокогорному туннелю в феврале 1988 года проходил вывод из страны частей и подразделений 40-й армии, назад - в Советский Союз.

Вторым по величине городом Афганистана считается Кандагар, торговый и культурный центр юга страны. В годы нашей командировки там работали фабрики и завод, был международный аэропорт. И, конечно, достопримечательностью города был знаменитый шумный базар с торговцами-зазывалами, веселыми грязными ребятишками, просящими бакшиш.

На северо-западе Афганистана одним из древнейших очагов восточной цивилизации считался промышленный и торговый центр – город Герат. Приезжавшим всегда

показывали гробницу Алишера Навои – гениального поэта Востока.

Город Мазари-Шариф – центр северной провинции Балх, был промышленным центром, но знаменитая Голубая мечеть – шедевр мусульманского зодчества - делала его уникальным центром культуры. В годы необъявленной войны здесь душманами была уничтожена библиотека с редкими книгами, в том числе с редкими изданиями Корана. В Мазари-Шарифе похоронен третий президент ДРА Бабрак Кармаль, пришедший к власти вместе с вводом ОКСВ и умерший в Москве в декабре 1996 года.

В московский период жизни Кармаля мне приходилось встречать его на мероприятиях афганской диаспоры, состоящей в основном из семей бывших партийных деятелей, живущих в СССР после падения революционного режима.

Во всех городах основным транспортом были редкие автобусы, буквально облепленные пассажирами, висящими на подножках. А множество лавчонок торговали шерстяными, хлопковыми, меховыми, кожаными изделиями, коврами, сухофруктами, орехами. Все эти товары были основным экспортом Афганистана и пользовались популярностью и у наших специалистов.

Гражданская война приобретала все больший размах. Почти ежедневно поступала информация о том, что душманы отравили воду, использовали в школе нервно-паралитический газ, сожгли дизельную электростанцию, устроили взрыв на стадионе, в магазине, автобусе, в больнице и даже в мечети, где совершали намаз свои же единоверцы.

Насколько жестоко ведутся военные действия антиправительственной оппозицией против собственного народа и собственной культуры, можно было видеть в музее при Академии царандоя – афганской милиции. Среди множества экспонатов было оружие, взятое в боях с душманами, и, кроме того, оружие, используемое для убийства мирных жителей. Был здесь посох, украшенный лентами и монетами, с железным концом, которым наносился страшный удар. Был козлиный рог, от удара которым происходит внутреннее кровоизлияние. Были карабины английского производства, винтовки пуштунов-кочевников, сабли, кастеты с выдвигаемым лезвием, всевозможные ножи. Много оружия

было представлено и в Кабульском национальном музее, который всегда охранялся автоматчиками. Среди экспонатов был ядовитый нож со сталью, которая выделала яд при соединении с кровью. Достаточно одной маленькой царапины для наступления смерти. Причем этот яд, как говорили, будет выделяться еще долгие годы.

В одном из залов были собраны ценные и очень редкие старинные вещи: скульптуры, светильники, статуэтки, кувшины из слоновой кости, драгоценные камни, которые враги собирались вывести в Пакистан, но были задержаны на границе.

Оппозиционные формирования уничтожили редкие исторические ценности в Кабуле, скульптуры и реликвии Кушанского царства, находившиеся близ Джелалабада.

Сообщения о зверствах в отношении активистов, партийцев, членов кооперативов, даже беззащитных женщин и детей, приходили ежедневно из разных регионов страны, в том числе из городов: Герат, Кандагар, Кабул, Джелалабад, Ханабад, Шиберган, Мазари-Шариф. В этих древних городах, их окрестностях, в провинциях и кишлаках в результате военных столкновений погибали наши солдаты. Для меня эти города Афганистана связаны с конкретными именами павших, памяти которых я посвятила немало стихов в своих книгах.

Особенно много воспоминаний, конечно, связано с Кабулом. Не забудется веселый рабочий паренек из Загорска (ныне Сергиев Пасад) Александр Карявин, закрывший своим телом командира в бою в горах у речки Кабулки. Однополчане поставили ему памятник на афганской земле. Но, видимо, его разобрали, как и многие другие железные пирамиды с пятиконечными звездами на вершине. Когда наши войска уходили, то снимали стоявшие вдоль дорог памятники павшим, советскую символику, чтобы никто не посмел глумиться потом над их памятью. Навсегда будут «стоять комком в горле» воспоминания о трагической судьбе 18 ребят из строительной роты, которые были зверски убиты осенью 1986 года в 10 км от Кабула возле той же речки Кабулки.

Помнит речка Кабулка и сыпучий песок,
Как стреляли им в глотки, как лопатой – в висок.
И рассыпанный гравий не забудет тех дат,

Когда вспыхнул, как факел, подожженный солдат.
Им глаза вырывали. Землю сыпали в рот.
Они были солдаты из строительных рот…
Налетевшая банда озверевших душман
Обгоревшие трупы оставила нам….
Сколько гнева и боли, сколько крови и ран
Вписал в память и в сердце нам навеки Афган.

А когда я прохожу мимо московской школы №354, вспоминаю её выпускника Игоря Гарнова, 20-летнего лейтенанта, погибшего в 1985 году в городе геологов Шибергане, имя которого всегда с гордостью вспоминают на уроках мужества.

20 лет - это время влюбляться.
20 лет - за спиною крылья.
20 лет - спорт, гитара, танцы…
Но в чужом, незнакомом мире,
На Востоке, в стране далекой,
Там, где солнце безумно жарит,
Рвались бомбы. Война жестока.
И обычный московский парень
В старом городе Шибергане,
Среди гор и рек пересохших,
Умирая, думал о маме,
И глядел на ночные звезды .
Вспомнит школа его подростком,
Стройным юношей, загорелым.
Не успел стать мальчишка взрослым.
Но навеки остался смелым.

Герат заставляет меня вспоминать Владимира Селиванова из Брянска, с безутешной матерью которого, Марией Николаевной, мы долгие годы переписывались. Город Ханабад связан для меня с именем командира взвода, связистом, лейтенантом Лобачевским, который в 1987 году недалеко от города, в кишлаке Малям Гулям, был смертельно ранен в сердце.

Пуля сердце наметила точно.
Подгадала злодейски под взрыв.
«Разрешите мне выйти из связи.
Я не ранен. Я просто убит».
Лишь мгновенье для жизни осталось.
Даже не было сил вспоминать.
«Разрешите мне выйти из связи.
Не оставьте, товарищи, мать»…
Кружит птица и стонет печально.
В кишлаке наступает рассвет.
А в России в селении дальнем
Мать ждет сына, которого нет.

Судьбы этих ребят, проживших очень короткие жизни, о многом заставляют думать, и в первую очередь о том, что война – это ад, мерзость, зло, которое умеет маскироваться и менять личину. Но тогда, молодые, сильные, наши ребята верили, что каждый следующий бой будет крайним, а не последним (слово последний в Афганистане произносить не любили не только военнослужащие). Мы все, каждый на своем месте, верили, что в этой сложной обстановке, когда социальным преобразованиям в стране так яростно сопротивляются контрреволюционные силы, афганскому народу необходима наша поддержка и помощь.

Тебе, Афганистан, знакомый нам по сказкам,
Свет помощи и дружбы мы несли.
Сияли звезды мирные на касках,
А на броне весенние цветы.
Солдаты наши называли мамой
Афганских женщин, приносивших хлеб.
Афганистан, ты в сердце - боль и рана,
И символ дружбы и больших побед.
В Афганистане, путь, куда не близкий,
Где горы всех древнее пирамид,
Мы дружбе воздвигали обелиски
И знали, что друзей не предают…

Двери в Культурный центр открыты

Моя работа заведующей библиотекой в Доме советской науки и культуры (ДСНК) и преподавателем русского языка одновременно с журналистской деятельностью открывала широкие возможности для знакомства с повседневной жизнью людей, живущих в этой стране. Мне встретилось в те годы немало интересных, умных, настоящих друзей и среди своих соотечественников, и среди афганцев. В советский Культурный центр ежедневно приходили сотни людей разных профессий и разного возраста, а на мероприятия, посвященные знаменательным датам, собирались многочисленными семьями. Услугами библиотеки пользовались афганские студенты, учители школ, преподаватели вузов, врачи, журналисты, военные, государственные служащие, даже священнослужители.

Посетители хотели поближе познакомиться с историей и многонациональной советской культурой, выучить русский язык, получить свежие газеты и журналы. Приезжали и из других городов, провинций, кишлаков. Желающих изучать русский язык было так много, что кроме командированных женщин-преподавателей работали несколько жен советских специалистов и даже русская жена афганца, выпускника нашего технического вуза. К слову, для так называемых «совгражданок» - молодых женщин из России и Украины, которые в годы революционных преобразований охотно выходили замуж за афганцев, обучавшихся в российских вузах, мы открыли «Клуб соотечественниц», где можно было заниматься рукодельем, смотреть фильмы, обсуждать прочитанные книги. Потом, когда обстановка стала опасной, эти женщины стояли в очередях в советское консульство, желая вернуться на Родину, не только с детьми, но и с мужьями-афганцами.

Часто в Кабул приезжали артистические коллективы и отдельные исполнители. За годы нашей работы на сцене ДСНК выступали: Иосиф Кабзон, Лев Лещенко, Нани Брегвадзе, Александр Розенбаум. Они выступали перед афганскими зрителями, советскими специалистами и обязательно в подразделениях 40-й армии перед нашими

солдатами и офицерами. Это было делом чести, и зрителям запоминалось надолго.

Незабываемыми для населения Кабула были Дни культуры союзных республик – Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Азербайджана, на которых они могли познакомиться с национальным прикладным искусством, выступлениями вокально-танцевальных коллективов этих республик.

На тематических встречах огромный интерес вызывали документальные фильмы о жизни в СССР и союзных республиках. В большом актовом зале регулярно проходили партийные конференции афганского актива с участием высокопоставленных государственных, военных деятелей, представителей культуры, искусства, литературы ДРА, дипломатов. Афганские журналисты освещали в прессе и на телевидении все крупные мероприятия и особенно красочные программы, посвященные афгано-советской дружбе.

Со временем, наши контакты с афганцами стали намного шире служебных. Нам неоднократно приходилось бывать на афганских свадьбах, уже современных, когда был введен запрет на ранние и насильственные браки и отменена выплата калыма, из-за отсутствия которого мужчины поздно женились. Свадьбы теперь проходили в непринужденной обстановке без лишней помпезности. Главой семьи по-прежнему оставался мужчина, хотя женщины получили немало социальных и имущественных прав, могли работать, учиться, заниматься общественной деятельностью.

Все, с кем мы общались, отличались необычайным гостеприимством, независимо от материального достатка. Гостеприимство - одна из отличительных черт характера афганцев. По неписанному вековому кодексу чести, афганец обязан каждому перешагнувшему порог его дома, дать пищу, если надо предоставить жилье. Особенно это было характерно для сельских районов и кишлаков.

Но, безусловно, военные условия, постоянная обстановка напряженности, сложившаяся в середине 80-х, наложили отпечаток на отношение местного населения к людям незнакомым, тем более иностранцам. И немало можно привести примеров, когда наших советских солдат и офицеров, также как военнослужащих Народной армии и

царондоя (народной милиции), заманивали приглашением отведать плова или выпить горячего чая, а потом зверски убивали. О зверствах тех, кто уничтожал своих же соотечественников: учителей, врачей, местных активистов, членов кооперативов, кто не щадил детей и женщин, писала местная пресса, рассказывали посетители ДСНК. Сами же душманы называли себя освободителями, маджахедами - защитниками исламской веры, правоверными мусульманами. Используя вероломство и обман, они часто переодевались в форму солдат и офицеров армии ДРА, и даже в советскую форму, и устраивали демонстративные жестокие убийства, а также занимались поборами, разбоем, нарушая веками сложившиеся традиции и обычаи.

За время нашей работы в Кабуле боевики попытались совершить несколько терактов, которые могли привести к большим жертвам во время проводимых мероприятий. Через своих агентов они следили и за графиком мероприятий, и за теми, кто посещал ДСНК. Так, в августе 1987 года, во время заседания актива было сделано три запуска ракет, одна из которых разорвалась во внутреннем дворике, снеся кусок стены и контузив солдата из охраны. Осколок другой влетел в библиотеку, где я работала, и застрял в толстом переплёте альбома. А 8 октября того же года в результате спланированного теракта против азербайджанской делегации, с которой мы с мужем работали, было много жертв среди местных жителей. В воспоминаниях, опубликованных в 11-м томе, я описала эти события более детально.

Нам, сотрудникам ДСНК, приходилось немало работать и вне стен Культурного центра (в комнатах афгано-советской дружбы на предприятиях, на хлебозаводе, на ремонтном заводе, в вузах).

Тесные контакты были установлены с членами общественных организаций. В 1979 году в Афганистане была создана Демократическая организация молодежи (ДОМА), которая стала членом Всемирной федерации демократической молодежи. Она шефствовала над пограничными войсками, создавала в армии отдельные молодежные батальоны, бригады общественного порядка, издавала газету «Знамя молодежи». В организацию входила патриотическая молодежь от 15 до 30 лет, а ребята от 10 до 15 лет были членами пионерской

организации. Ребята носили красные пионерские галстуки, и когда я приходила в школы, то всегда вспоминала свое пионерское детство. Помню энергичных, уверенных в себе молодых девушек и юношей, идущих в колонах с флагами, с красочными транспарантами, с портретами руководителей. Они скандировали лозунги революции, осуждающие вмешательство США во внутренние дела ДРА, и были благодарны за бескорыстную помощь советских людей.

Прочные отношения сложились и с Демократической организацией женщин Афганистана (ДОЖА), создателем и руководителем которой была Анахита Ратебзад, врач по образованию, выпускница первой группы женщин-врачей Кабульского университета. В 80-е годы она была министром просвещения, председателем Всеафганского совета женщин, председателем организации мира, солидарности и дружбы. Ее дочь Джамиля была замужем за братом президента Бабрака Кармаля Махмудом Баръялая. Женские общественные организации объединили в своих рядах десятки тысяч передовых женщин, игравших значительную роль в борьбе с неграмотностью и в вопросах воспитания молодежи. Повсеместно работали женские клубы, в некоторых мне приходилось бывать и видеть, как ведется работа на курсах грамотности. Добрые отношения у меня были с Президентом программы ликвидации неграмотности Рукия Хабиб, женщиной принципиальной и смелой, писателем, поэтом, редактором, членом Афганского исторического общества. Она работала директором лицея, много ездила по стране и представляла интересы афганских женщин в других странах. А среди женщин Афганистана в тот исторически сложный период таких мужественных женщин с сильным характером было немало.

Никогда не забуду почти легендарную историю о героической гибели активистки одного из кишлаков, вдовы героя революции, матери четырех маленьких детей Зухры. Эта женщина после гибели мужа организовала в кишлаке Чапа обучение женщин грамоте, рассказывала о жизни в Советском Союзе, о помощи наших воинов в строительстве школ, дорог, больниц. Группа вооруженных людей ворвалась в ее дом ночью. Страшно истязали молодую женщину, били ногами, а затем, привязав к лошади, на веревке поволокли к ущелью, где

снова глумились над ней, нанесли множество ножевых ран, стреляли в уже бездыханное тело, а потом сбросили в глубокое ущелье. Нашли ее по разбросанным по дороге к ущелью кольцам и пластинкам браслета, который узнали односельчане. Браслет был подарком погибшего мужа, и с ним Зухра никогда не расставалась. Женщина, когда ее тащили к ущелью, бросала пластинки браслета на дорогу в надежде, что ее найдут - живую или мертвую. Похоронили ее в родном кишлаке, а отряду самообороны присвоили имя отважной женщины. Ее четверо детей были отправлены в Кабульский детский дом «Ватан» («Родина»).

В 80-е годы Президентом этого образцового детского дома была Махбуба Кармаль, жена Бабрака Кармаля, окончившая Кабульский университет и относившаяся с большим вниманием к детишкам-сиротам. У нее самой было четверо детей - две дочери и два сына. Многих ребятишек из этого детского дома я знала. Те, что постарше, приходили на наши мероприятия, пели песни, читали стихи, танцевали, изучали русский язык.

Несмотря на постоянные угрозы и зверства оппозиции в общества советско-афганской дружбы и в ряды молодежных и партийных организаций вступали всё новые и новые члены. Число членов НДПА за годы войны выросло с 15 тысяч до 120 тысяч человек. Этому в немалой степени способствовала деятельность активистов, учителей школ, преподавателей лицеев и вузов, журналистов местных газет и журналов.

К штыку приравняли перо

Кроме заведования библиотекой ДСНК и преподавания русского языка на курсах, я была, как специальный корреспондент по Афганистану, постоянным автором рубрики «Весь мир» в московской «Учительской газете». Поэтому у меня были прочные контакты с работавшими в Кабуле советскими корреспондентами АПН, ТАСС, ТВ и афганскими коллегами - журналистами. О работе и наших, и афганских журналистов мне бы хотелось рассказать, так как «с лейкой и с блокнотом, а то и с пулемётом» им тоже приходилось быть на переднем крае.

С Агентством печати «Новости» (АПН) я сотрудничала еще в Москве, а в Кабуле оказался наш хороший знакомый и друг Александр Сухопаров, работавший в АПН. С ним мой муж учился в институте восточных языков (ИВЯ). Так что я стала делать материалы и для АПН. Саша требовал материалов «горячих», точных, но «без розовых соплей». Работал в АПН и журналист-востоковед Руслан Сикоев, с которым судьба нас уже сводила на дипломатической работе в Иране. Сейчас он работает заведующим сектора Афганистана в Институте востоковедения РАН в Москве.

От телевидения (ТВ) работали супруги - оператор Михаил Лещинский и корреспондент Ада Петрова, которые делали репортажи со всех мероприятий ДСНК. Их репортажи часто показывали по московскому ТВ.

Западная пропаганда в то время очень много вещала на Афганистан, всячески извращая в своих передачах смысл политики СССР, называя ввод ОКСВ оккупацией. Все материалы западной прессы, также как листовки оппозиции, твердили о спасении ислама и мусульман от советских безбожников. Шла целенаправленная идеологическая диверсия, разжигание антисоветских настроений не только в Афганистане, но и в других мусульманских странах. Пропаганда против демократического режима велась почти сотней журналов и газет, десятками зарубежных радиостанций, распространялись антиправительственные и антисоветские листовки на языках дари, пушту и русском. Поэтому была очень важна позиция афганских журналистов. Авторы многочисленных афганских журналов в своих статьях давали серьезный отпор противникам народно-демократической власти и постоянно сотрудничали с коллегами из советских издательств.

В период нашей командировки установились прочные рабочие контакты Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) и афганского крупнейшего агентства БАХТАР. Президентом агентства новостей БАХТАР был Абдул Кадер Маль. Он же был и членом контрольно-ревизионной комиссии Союза журналистов Афганистана. Помню многолюдную площадь Зарнигар, где у газетных витрин с сообщениями афганского информационного агентства о разгроме бандитских формирований, об отличившихся солдатах и

офицерах, о положении в провинциях и в кишлаках, о ремонте мостов и дорог, о братской помощи ДРА со стороны СССР, всегда собирался народ обсудить события. ТАСС безвозмездно передало необходимое оборудование своим коллегам в БАХТАР и сообщало полученные от них новости более чем в 80 стран мира. Радиовещание для безграмотного в основном населения Афганистана было главным средством получения информации. Директором Радио Афганистана был Махмуд Хабиби, доктор литературы и гуманитарных наук. До революции он был министром культуры, но под давлением духовенства был отправлен в отставку за содействие празднованию в Кабуле 100-летия со дня рождения В.И. Ленина.

Махмуд Хабиби был членом комиссии по разработке проекта новой революционной конституции. Его жена Шафика, мать пятерых детей, была ведущей радио и телепрограмм, а старший брат Абдул Хай Хабиби был профессором истории в Кабульском университете (КУ) и автором интересных трудов по истории Афганистана и конституционного движения.

Еще об одном его родственнике Велаяте – генерале медицинской службы, выпускнике Ленинградской военно-медицинской академии, и встречах с ним в Центральном Военном госпитале Кабула, где он был начальником, я подробно писала в предыдущих своих воспоминаниях. Среди знакомых мне сотрудников афганского радио была Фарани Нур Джахан, моя ровесница, выпускница КУ, одна из первых афганских журналистов–женщин. Она работала диктором и комментатором радио Кабула, готовила передачи для женщин, детей, сельских жителей.

В Кабуле издавалось значительное число журналов, освещавших детально обстановку в стране. Среди таких журналов выделялся «Анис» («Голос»), главным редактором которого был журналист и юрист Абдул Хамид, бывший ранее начальником информационного агентства БАХТАР, а потом губернатором, секретарем общества советско-афганской дружбы и заместителем министра просвещения. Его жена, выпускница литературного факультета КУ, Нафиса Мобарез была генеральным директором женской ассоциации и

редактором женского журнала «Мирман», в котором публиковались и мои статьи.

Издателем женского журнала была и 36-летняя Мина, создательница революционной ассоциации женщин Афганистана. Это была очень энергичная, умная женщина, занимавшаяся благотворительной деятельностью, организацией школ и интернатов. В 1987 году она была убита в городе Кветте на открытии госпиталя. К слову надо сказать, Мина, как и некоторые из коллег-журналистов других изданий, была противницей ввода в Афганистан ОКСВ, считая, что свои внутренние разногласия афганцы смогли бы преодолеть сами.

В 1986 году я познакомилась с 26-летним Ответственным секретарем Ассоциации молодых писателей при СП ДРА Фаруком Фарда, который, несмотря на молодость, успел после окончания лицея окончить математический факультет КУ, курсы редакторов, выучить русский язык, поработать в Министерстве культуры. Фарук воевал в отряде народной милиции, участвовал в ликвидации банд в Пагмане, Логаре, под Кабулом. Он интересовался работой советских журналистов в Афганистане, плотно сотрудничал с АПН, с «Комсомольской правдой», опубликовал более 200 стихотворений, среди которых есть и посвященные советско-афганской дружбе. Написал он и интересную яркую повесть о несгибаемых, сильных людях - героях Саурской революции.

Редактором журнала «Жвандун» («Слово»), а потом и журнала «Хальк» («Народ»), основанного еще до революции будущим первым президентом ДРА Нур Мухаммадом Тараки, работал Барек Шафии, Председатель Союза журналистов ДРА, лауреат премии советско-афганской дружбы, посвятивший свою жизнь и творчество революции, в своих статьях и стихах клеймящий американский империализм. Он долгое время возглавлял в одной из провинций борьбу с контрреволюционными группировками, после революции был министром культуры.

Я сотрудничала с журналом «Жвандун», где были изданы переведенные на дари мои стихи и статьи о маршале Жукове, о Великой Отечественной войне. Потом мы

встречались в Москве, где до лета 1992 года Барек Шафии был советником посланника посольства.

Главным редактором журнала ЦК НДПА «Партийная жизнь» и ректором Института общественных наук был Абдул Рахим, получивший образование и защитивший диссертацию в СССР.

В газете «Правда Апрельской революции» работал Кавун Туфани, член Президиума и ответственный секретарь СП ДРА. Он писал произведения высокого политического накала, среди которых была поэма «Розы Апреля и Октября», получившая премию советско-афганской дружбы.

Одно время главным редактором «Правды Апрельской революции» был Махмуд Баръялай, брат Бабрака Кармаля, окончивший экономический факультет Московского государственного университета (МГУ).

Председателем Госкомитета по радио, ТВ и кинематографии в годы нашей работы в Кабуле был член-корреспондент Академии наук Саид Мохаммад Хайдар Масуд, окончивший факультет журналистики МГУ и защитивший диссертацию по теме «История печати Афганистана». При Амине он был арестован и брошен в тюрьму, а при Кармале и Наджибулле работал на ответственных постах. После гибели последнего, переехал жить в Москву.

Многие писатели и журналисты были членами отрядов самообороны. На боевом посту погиб 44-летний Махмуд Сангар, страстно воспевавший в своих стихах свободный труд.

Редактором газеты «Солдатская правда» был генерал, писатель и поэт Мир Джамалуддин Фахри, автор словаря военной терминологии и других трудов. Ему помогала 20-летняя дочь Рона Фахри, член Демократической организации женщин Афганистана, мечтавшая учиться в СССР. Генерал Фахри был убит вместе с Наджибуллой. Рона после гибели отца уехала в СССР и окончила Воронежский университет.

Поэт Латиф Педрам был заместителем главного редактора газеты ЦК партии «Пайям». После падения режима Наджибуллы, я видела его в Москве, но потом он уехал жить в Таджикистан.

Журналистикой занимались не только партийные работники. Народно-демократическое правительство не мешало и духовным лицам, лояльно относящимся к

преобразованиям в стране, вести издательскую деятельность. Так, Абдулла Бахтани, сын муллы, был главным редактором газеты «Хевад», талантливым поэтом, членом Президиума Союза писателей и неоднократно получал премии советско-афганской дружбы.

У афганских журналистов и писателей были прочные контакты с советскими литераторами. Когда в Афганистан приезжали делегации писателей из Москвы и союзных республик, то всегда проводились творческие встречи. Несколько раз приезжал наш хороший друг, писатель Валерий Поваляев. Были Ким Селихов, Юрий Верченко, которых уже нет в живых, Станислав Куняев, ныне главный редактор журнала «Современник». Все эти встречи широко освещались как в нашей, так и афганской печати. Писатели выезжали на встречи в 40-ю армию. Вернувшись на родину Поваляев, Селихов и Верченко издали путевые заметки, которые и сегодня не потеряли своей актуальности, как и те стихи и песни, которые были написаны нашими солдатами и офицерами, прошедшими Афган.

Поэзия необходима народу, как патроны солдату

Насколько велика роль хороших стихов и песен, как они могут поддержать, вернуть веру и силы в сложных военных условиях, написано немало. Вот и Афганская война создала целую поэтическую и песенную энциклопедию произведений, написанную теми, кто был в составе ОКСВ.

Это стихи и песни хорошо известного Владимира Мазура, музыкальных групп «Голубые береты», «Каскад», стихи Станислава Юрко, награжденного медалью «За отвагу», старшего лейтенанта Сергея Ермака, талантливого Константина Долбилина, написавшего пронзительную песню «Засада», трепетные стихи погибшего от ранения в грудь Сергея Голикова и многих других. О них еще немало расскажут их боевые друзья, а мне бы хотелось рассказать об афганских поэтах, которые были преданы своей Родине и искренни в своем уважении и любви к нашей стране.

Когда-то Владимир Маяковский написал: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». Когда свершилась Саурская революция, молодой афганский поэт Асадулла Хабиб писал,

перекликаясь с русским поэтом-трибуном: «Отцвела поэзия алой розы и голосистого соловья. Время новой поэзии – смелого сердца и горячей крови, звонкого голоса, поднимающего солдат в смертельную атаку».

«В годы революции и необъявленной войны, поэзия необходима народу, как патроны солдату в борьбе с душманами», - любил повторять Председатель правления Союза писателей ДРА Гулям Дастагир Панджшири, который за свои убеждения при короле Дауде пять лет провел в тюремных застенках, а при Амине был брошен в «одиночку».

На Всесоюзной конференции молодых писателей Бабрак Кармаль говорил, что литераторы Афганистана глубоко осознали свою миссию по защите завоеваний революции.

Почти все члены Союза писателей Афганистана прошли через тюрьмы Дауда и Амина. На холме Топе-Шухада в Кабуле был мемориал борцам за Победу революции, и среди имен на обелиске были и имена поэтов-певцов революции. Не уверена, что уцелел мемориал, но уверена, что имена настоящих героев и настоящих поэтов в истории бессмертны. Афганская восточная мудрость гласит: «Талантливый поэт - дитя Аллаха на земле и его стихи бессмертны».

В Афганистане судьба свела меня с писателями-воинами, борцами. Их творчество стало частью политической и общественной жизни страны. О писателях-трибунах Панджшири, Асадулле Хабибе, Абдулле Наиби и других, кто свое перо приравнял к штыку, я подробно писала в предыдущих воспоминаниях. Теперь хочу рассказать и о других ярких, талантливых литераторах, с кем была знакома.

Начну с первого - президента ДРА, зверски убитого, талантливого писателя-прозаика Нур Мухаммада Тараки. Я серьезно заинтересовалась его творчеством еще учась на первых курсах филфака МГУ. В то время, в начале 60-х годов, Тараки приезжал в Москву и встречался с Р.А. Ульяновским, заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС. Его короткие, но емкие, содержательные рассказы и повести уже были переведены на русский язык. Литературный талант у будущего президента ДРА проявился рано, но обстоятельства сложились так, что, прежде чем закончить английскую вечернюю школу в Бомбее, куда он был направлен на работу от компании по экспорту фруктов, ему

пришлось более пяти лет поработать на чужбине клерком. Вернувшись на родину, он занялся литературной деятельностью, увлекся русской литературой, делал переводы статей с английского языка о советской литературе и вошел в общественное литературное движение «Пробудившаяся молодежь».

До революции Тараки работал сотрудником управления печати, был владельцем переводческого бюро, интересовался марксизмом. Он перевел с английского на дари учебник «Основы марксизма–ленинизма», назвав книгу «Новая жизнь». Постепенно Нур Махамад выдвинулся в число руководителей зарождавшегося освободительного движения, став одним из основателей НДПА.

В апреле 1978 года Тараки по приказу Дауда был арестован, а 27 апреля, после победы революции, освобожден и избран Генеральным секретарем ЦК НДПА и Премьер-министром.

Тараки был человеком очень доверчивым, открытым, искренним. О трагической судьбе этого, преданного идеалам революции, человека, выходца из простого народа, подробно пишет в своих воспоминаниях мой муж Геннадий Авдеев, который с ним встречался и беседовал и в Москве, и в Президентском дворце в Кабуле.

Неоднократно и в Москве, и в Кабуле приходилось встречаться с талантливым поэтом, министром по делам национальностей и племен, Президентом Академии наук ДРА, членом ЦК НДПА Сулейманом Лаеком, автором Гимна революционной республики, лауреатом премии советско-афганской дружбы. При Тараки он был министром радио и ТВ. При Амине Лаек был брошен в тюрьму и освобожден после ввода ОКСВ. Он запомнился мне очень темпераментным, увлекающимся, энергичным человеком с ранней сединой на голове и аккуратной бородкой. Он вместе с сотрудниками министерства проводил огромную разъяснительную работу среди племен, привлекал совет старейшин и племенных вождей к распределению гуманитарной помощи из СССР, которую направляли вертолетами и машинами в сельские местности. Но при этом говорил, что во всем доверять племенным вождям нельзя, хотя надо принимать ряд их условий, чтобы те сотрудничали с

народной властью. Он был уверен, что Афганистан выстоит, окрепнет и сможет щедро отблагодарить советских людей за поддержку. Когда народно-демократическая власть в Афганистане пала, Лаек, у которого было пятеро детей, уехал в Германию. В 2011 году ему исполнилось 80 лет. В годы революции Лаек посвятил не один цикл стихов Советскому Союзу, мужеству и благородству советских воинов.

О советско-афганской дружбе и интернациональной помощи много писал и брат Лаека Башир - журналист, выпускник университета в Ростове-на-Дону, работавший помощником Президента Афганистана Наджибуллы.

В период нашей командировки в Кабуле сотрудником Министерства просвещения и членом Президиума Союза писателей был талантливый поэт Бахтари Васефа, которому при Амине также пришлось пройти через тюремные камеры.

Наряду с писателями старшего поколения, прошедшими через ад тюрем и жестокие испытания, знала я и совсем молодых, романтичных, талантливых поэтов. Их стихи звучали на митингах, с экранов телевидения, призывая к защите социальных завоеваний и к дружбе с народами СССР.

Фариду Ахмаду Маздаку, молодому поэту, было всего 22 года, когда свершилась революция, в которой он принял активное участие. При короле Дауде он, совсем еще юный член НДПА, отбывал тюремное заключение за распространение партийной литературы и подвергался жестоким пыткам электрическим током. Фарид окончил Высшую комсомольскую школу ЦК ВЛКСМ в Москве, был первым секретарем ЦК ДОМА, членом ЦК и Политбюро ЦК НДПА. Фарид выступил организатором Всеафганской конференции молодых писателей. Семья у Фарида была большая – три брата и три сестры. После гибели Наджибуллы он вместе с женой и двумя детьми переехал в Москву, где долгое время возглавлял торговую фирму.

В 1986 году я познакомилась с сотрудницей Академии наук Коброй Мазхари, которая заведовала отделом ЮНЕСКО и уже была известной поэтессой и автором рассказов о современном Афганистане.

Добрые отношения складывались у нас и с Вали Латифи, племянником драматурга и актера Абдур Рашида Латифи, постановщика и режиссера первого афганского

художественного фильма «Любовь и дружба», основоположника афганского театра. Вали Латифи окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве в 80-е годы. Совместно с советскими кинематографистами он создал фильм «Жаркое лето в Кабуле» о событиях того времени. О трагическом и героическом времени страны афганскими прозаиками и поэтами написано немало, но эти произведения остаются неизданными, в силу многих причин, а их авторы разбросаны жизнью по разным странам.

Учитель, перед именем твоим…

О мужестве афганских учителей, которые все годы борьбы за народную власть были на переднем крае, я, как спецкор московской «Учительской газеты», писала практически в каждый номер газеты. Материалы о самоотверженных людях вызывали эмоциональный читательский отклик.

В области образования в ДРА были предприняты очень внушительные реформы, при колоссальном содействии наших советских специалистов. Введено было всеобщее обязательное начальное образование, открывались повсеместно бесплатные курсы по ликвидации безграмотности, вечерние школы рабочей молодежи, развивалась сеть профессионального образования. Планы были грандиозные.

К 1988 году, году вывода ОКСВ, всё городское население от 10 до 50 лет должно было стать грамотным, а к 1990 году предполагалось, что будут грамотными и люди, живущие в сельских местностях. Для тех, кто посещал кружки грамотности, рабочий день был сокращен на два часа с сохранением зарплаты. Министерство образования разработало программу перехода с 12-летнего обучения на 10-летнее.

Большое внимание уделялось спорту, и в школах действовали программы физического воспитания детей. Так как зимы в Кабуле холодные, то для экономии топлива и электроэнергии занятия в городских школах начинались в марте после праздника Новруза (Восточного Нового года) и продолжались до декабря. А зимой каникулы продолжались

три месяца. В тех районах Афганистана, где климат теплее, занятия начинались, как у нас, в сентябре.

В годы моей работы в Кабуле особое место занимал Кабульский военный лицей, в который принимали в первую очередь сирот, чьи родители погибли, а также детей военнослужащих, рабочих, ремесленников, крестьян. Здесь из «Гаврошей», воспитывали грамотных, политически активных специалистов. Одним из старейших в Кабуле был лицей Хабибия, который окончили многие видные деятели партии НДПА и деятели культуры.

Профессия учителя требовала гражданского мужества, особенно от женщин-учителей. Афганские газеты писали о случаях, когда сжигали живьем учителей и учеников, отрубали школьникам пальцы. Врезался в память рассказ об 11-летнем школьнике, с которого живьем содрали кожу.

Помню молодого директора Кабульской женской школы Анис Атмар, учительницу физики и математики, которая не раз подвергалась угрозам. Учениц и преподавателей запугивали, и Анис часто провожала девочек до дома. В школе была пионерская организация, а старшеклассницы состояли в Демократической организации молодежи.

Масума Эсмати, выпускница литературного факультета КУ, была преподавателем и директором в нескольких кабульских лицеях. В 1987 году она, беспартийная, стала Председателем Всеафганского совета женщин, а при Наджибулле в 1990 году - министром просвещения.

Хочу вспомнить и жену президента Наджиба - Фатану, выпускницу исторического факультета КУ, которая работала директором средней школы, хотя у неё было трое маленьких детей: дочери-погодки Хеля и Унай, рожденные накануне революции, и Муска, родившаяся в 1983 году.

Много среди учителей было и тех, кто прошел через ад тюрем, работал в подполье, как директор известного Кабульского лицея Экстекляль Абдул Азиз, признанный лучшим учителем.

За годы работы в Кабуле я постоянно общалась со студенческой молодежью и преподавателями вузов, среди которых были и советские преподаватели из разных городов.

Вузов в столице ДРА было немало. Крупнейшим вузом страны был Кабульский университет. Здесь работал рабфак,

выпускники которого зачислялись на факультеты без экзаменов. Факультетов было более десяти. Наибольший интерес у юношей вызывали факультеты: инженерный, экономический, медицинский, юридический, политических наук. Девушек больше привлекали - педагогический, сельского хозяйства, фармацевтический, домоводства. Пользовался спросом факультет подготовки административного персонала. Готовил КУ и работников культуры – литераторов, журналистов, искусствоведов, художников.

По качеству подготовки специалистов не уступал Политехнический институт, построенный при содействии специалистов из СССР, ставший кузницей технических кадров для революционного Афганистана. Работали Учительская и Медицинская академии, Химический институт, Институт общественных наук для партийных и армейских кадров с факультетом армейских политработников. Очень популярен был автомеханический техникум, построенный при помощи советских специалистов.

В Центральном военном госпитале (ЦВГ), о работе и сотрудниках которого я рассказывала в 11-м томе настоящего издания, помимо лечебного центра, поликлиники, станции переливания крови, был научный центр, где велась широкая научная работа. Были и в других городах страны хорошие учебные заведения.

Союз советских обществ дружбы установил пять стипендий для афганских студентов. Желающих поехать учиться в СССР было чрезвычайно много и среди юношей, и среди девушек, а отбор был жесткий. За годы демократической власти тысячи и тысячи молодых афганцев получили образование в вузах, техникумах, ПТУ различных городов России и союзных республик, и большинство их них, возвращаясь на родину, трудились на партийной и хозяйственной работе, часто занимая высокие посты. Многие из выпускников афганских и советских вузов отдали свои жизни в борьбе за народно-демократическую власть, многим пришлось покинуть родину после смены режима.

Вспоминая выпускников советских вузов

В ДСНК, в годы нашей работы в Кабуле, часто собирались афганцы - выпускники советских вузов. Это были преданные друзья СССР, люди, искренне желавшие установления стабильной народно-демократической власти, способной вывести Афганистан из вековой отсталости. Среди них было немало тех, кто в тяжелые годы революции и войны занимал высокие посты в стране. Со многими приходилось общаться в Кабуле, а потом и в Москве. Были у нас среди афганцев настоящие друзья, а забывать друзей безнравственно.

Расскажу о некоторых. Практически все они прошли в разное время через тюрьмы, а после гибели президента Наджиба и падения революционного режима, вынуждены были покинуть родину.

Согласно приказу 1998 года лидера исламского движения Талибанмуллы Мохаммада Омара и комментариям к нему муллы Вакиля Ахмада, все «идеологические коммунисты» должны быть уничтожены. Как указано в документах оппозиции - за активную партийную деятельность и за то, что «открыли дорогу для направления советских войск и продолжают заниматься культурно–политической деятельностью, должны быть найдены, опознаны, осуждены и казнены строго по законам шариата».

Об этом неоднократно сообщали средства массовой информации, в том числе Исламское агентство в Кабуле, Исламское агентство в Кандагаре и газета «Шариат». Мулла Омар, полное имя которого Саид Мохаммад Омар Ахундзаде, до Апрельской революции был муллой в провинции Кандагар, имел четырех жен и с самого начала выступал на стороне оппозиции. Из-за ранения потерял глаз. В 1983 году от вооруженной борьбы отошел и занялся религиозной деятельностью, создав в Пакистане движение Талибан (дословно - движение студентов, ищущих знаний). В апреле 1996 года объявил себя «повелителем правоверных» и заявил о переименовании Исламского государства Афганистан в Исламский Эмират Афганистан.

Угрозы со стороны оппозиции вынудили сторонников революции уйти в подполье или эмигрировать. География их

нынешнего пребывания широка. Немало афганцев - бывших выпускников советских вузов - проживает сейчас в Москве.

Ассоциацией выпускников советских учебных заведений в Кабуле, в период нашего пребывания в Афганистане, руководил Факир Мохаммад Якуби - физик, окончивший аспирантуру при МГУ, член Академии наук ДРА. До середины 80-х годов он был деканом Кабульского политехнического института, министром просвещения. Его брат генерал Гулам Фаруег Якуби погиб в перестрелке в 1992 году, защищая президента Наджибуллу.

Министром горных дел и промышленности в это же время был Абдулла Шарек, получивший образование в Ленинграде, а ректором Кабульского политехнического института - Мохаммад Хусейн Хелали, член ЦК партии, вице-президент Академии наук, окончивший химфак и аспирантуру Харьковского университета. Его брат Абдул Хаким Хелали после окончания литературного факультета КУ, защитил диссертацию в СССР и был директором Института общественных наук, из стен которого вышли тысячи образованных партийных работников. В 1993 году братья с семьями из-за угроз оппозиции вынуждены были уехать в Москву.

После падения народно-демократического режима переехал на жительство в Москву к русской жене и Саид Мохаммад Хайдар Масуд, окончивший в Москве факультет журналистики МГУ и защитивший там же диссертацию. При Амине он был брошен в тюрьму, а после освобождения и в годы нашей работы в Кабуле был Председателем Госкомитета по радио, ТВ и кинематографии и членом-корреспондентом Академии наук. В Москву переселился доктор философии Махмуд Яфтали, выпускник Московского химико-технологического института имени Менделеева. Здесь он возглавил организацию афганских граждан, находящихся за пределами родины.

Сложной оказалась и судьба нескольких бывших послов Афганистана в СССР, с которыми мы были хорошо знакомы. С 1980 по 1987 год в Москве послом ДРА был Хабиб Мангал, по специальности врач, выпускник КУ. Долгие годы он находился на партийной работе, подвергаясь и при Дауде, и при Амине арестам и заточениям в самую страшную тюрьму

Поле-Чархи, где находился и его двоюродный брат Насрулла, позднее директор строительной компании. Старший брат посла Сарвар Мохаммад окончил Харьковский и Одесский институты народного хозяйства. В 80-е годы он был Председателем Госплана ДРА. Все три брата были членами НДПА, а посол - членом ЦК НДПА и членом Парламента. После 1992 года, когда произошла смена власти, Хабиб Мангал с женой и дочерью уехал из Кабула в Москву, которая стала для них второй родиной.

С Раз Мохаммадом Пактином у нас были добрые отношения еще в бытность его послом в Москве в 1978-1979 годах. Энергичный, хорошо образованный, очень доброжелательный человек, свободно владевшим английским и русским языками, выходец из крестьянской семьи, он окончил Московский энергетический институт и долго преподавал в Кабульском политехническом институте. В период нашей работы в Кабуле он был министром водных ресурсов и энергетики, членом ЦК партии. После падения режима Наджибуллы Пактин с женой и тремя детьми стал жить в Москве.

В 1990-1992 годы послом в СССР был Мохаммад Дауд Размьяр, окончивший экономический факультет КУ и факультет международных отношений Киевского университета. По окончании срока дипломатической работы в связи с гибелью Наджиба и падением режима на Родину не вернулся, остался в Москве, а позднее вместе с братом Наимом, бывшим сотрудником афганского МИДа, уехал на Запад.

В Болгарии живет Абдул Кадер, министр обороны ДРА, сыгравший важную роль в победе Апрельской революции тем, что в решающую минуту поднял военные самолеты с авиабазы Баграм для поддержки восставших. При Амине он был брошен в тюрьму, подвергался жестоким пыткам и был приговорен к смертной казни. Ввод ОКСВ освободил его 27 декабря 1979 года, и он снова стал министром обороны. Сегодня многие участники Саурской революции вынуждены жить вдали от родины. Их диаспоры есть в России, Таджикистане, Болгарии, Германии, Испании, Швейцарии и многих других странах. Многие из тех, кто занимал высокие посты в годы

«необъявленной войны» живут в США, Англии, Франции, Пакистане, Иране.

Чтобы не искажать правду, скажу, что среди получивших образование в наших советских вузах, не все были сторонниками ввода советских войск на территорию Афганистана. Ярым противником был, например, доктор философии, специалист в области языка, литературы и социальных наук Ахмад Насри. После Саурской революции он был назначен генеральным директором публикаций министерства информации и культуры. После ввода ОКСВ он, через непродолжительное время, вместе с женой и пятью детьми уехал в Австрию, где до революции проходил научную стажировку и написал книгу «История советской агрессивной политики в Афганистане». Я эту книгу видела во время одной из недавних научных командировок в Иран. Она была издана в Тегеране.

Стал сторонником оппозиции и бывший первый секретарь посольства и временный поверенный в Москве Энаят Мадани, который в 1985 году был арестован в Кабуле за организацию попытки устроить взрыв на Московском фестивале молодежи и студентов.

В 1980-1983 годах в посольстве ДРА в Москве работал первым секретарем, а в отсутствии посла - временным поверенным, Абдул Маджид Мангал, мой ровесник. Он окончил КУ по специальности «Политические науки и дипломатия». Во время революции был переводчиком английского языка при Тараки и одновременно заместителем начальника управления по делам ООН МИД. Он всегда хорошо отзывался о помощи СССР Афганистану, много добрых слов о советско-афганской дружбе говорил на приемах. Но когда в 1984 году его срок работы в Москве закончился, он в Кабул не вернулся, а уехал с женой и двумя детьми в Пакистан, а в 1985 году перебрался в США, где стал сотрудничать с оппозицией.

После падения режима Амина переселился в Женеву его бывший секретарь Маруфи, ставший дипломатом в миссии при ООН в Нью-Йорке.

Среди ярых врагов Апрельской революции оказалось немало тех, кто имел вузовские дипломы и считался образованным человеком в Афганистане. Так, широко

известному Гульбуддину, называвшему себя инженером, выпускником Политехнического института, Амин отводил роль Премьер-министра. После падения режима Амина Гульбуддин объявил «священную» войну (джихад) новому революционному правительству ДРА, а себя назначил командиром всех контрреволюционных сил.

А Раббани, духовный идеолог контрреволюции, который 20 сентября 2011 года погиб во время теракта в Кабуле, тоже имел соответствующую биографию. Раббани родился в семье муллы и получил религиозное образование на шариатском факультете КУ, где был потом деканом и профессором теологии. Он защитил диссертацию по творчеству замечательного поэта Востока Джами. До революции он владел крупными поместьями. После свержения Амина создал антиправительственную партию «Исламское общество Афганистана». В годы «необъявленной» войны был лидером ведущей оппозиционной силы как в районе Кабула, так и в провинциях. За его группировками числятся самые подлые преступления, в том числе массовое отравление школьников, убийства духовных лиц, поддержавших революцию. После падения режима Наджибуллы именно этот человек стал Президентом Исламского государства Афганистан (выборы не поводились) и был у власти четыре года. Только 22 декабря 2001 года Раббани официально передал власть главе Временного переходного правительства Хамиду Карзаю, а сам возглавил Комитет по примирению с талибами. С осени 2001 года в связи с международным терроризмом, одним из центров которого стала территория Афганистана, захваченная 27 сентября 1996 года движением Талибан, снова в средствах массовой информации заговорили об Афганистане.

А таких «спасителей» страны в годы «необъявленной» афганской войны было немало. Писатель Валерий Поваляев, приезжая в Кабул для сбора материала для книги, рассказывал, что имел возможность пообщаться с одним из арестованных руководителей оппозиционной группы. На вопрос, сколько ему платили за убийство партийных активистов, тот ответил, что это была корзина с запечатанными пачками, которые он не пересчитывал.

Вспоминая далёкие годы «необъявленной» войны и жестокие испытания, через которые пришлось пройти тем

афганцам, которые искренне верили в возможность создания народно-демократического государства, ценили бескорыстную помощь СССР, относились с благодарностью к советским специалистам, к советским солдатам и офицерам, я отдаю дань уважения всем, кто остался верен исторической дружбе наших народов.

Не расставаться с памятью

В памяти еще остаются многие и многие кадры тех лет, и лежат на столе написанные страницы, которым придется ждать своей очереди.

Всё написанное еще раз подтверждает, что позиция СССР никогда не носила конъюктурного характера по отношению к ДРА. Поэтому и был период, когда афганцы в тех напряженных исторических условиях говорили о возможности вхождения ДРА в состав СССР, как еще одной шестнадцатой республики. С высоты времени четко видно, как разнились планы на будущее Афганистана у Советского Союза и у США с союзниками по НАТО, планировавшими столкнуть интересы Москвы и мусульманских государств, лишить стабильности весь регион Центральной Азии. Афганскую оппозицию поддерживали в то время и влиятельные мусульманские страны, такие как Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Египет, оказывая финансовую и военную помощь. Против Демократической республики Афганистан и Советского Союза шла целенаправленная идеологическая война.

В общей сложности 14 лет просуществовала народно-демократическая власть, из которых 9 лет 1 месяц и 18 дней шла кровопролитная война. Но за эти годы с помощью СССР было построено 190 различных жизненно важных объектов, в то время как ущерб, нанесенный реакцией и оппозицией, оценивался в 35 миллиардов афгани (около 800 млн. долларов). Недаром, те, кто бывает в настоящее время по роду своей деятельности в Афганистане, рассказывают, что афганцы спрашивают их: «Когда вы, русские, вернетесь?» Афганцы вспоминают и совместную работу с советскими специалистами, и гуманитарную помощь, которую оказывали продуктами, одеждой, оборудованием. Приходит понимание

того, что советские люди честно выполняли свой гражданский, воинский, интернациональный долг, проявляли мужество и героизм, защищая простых людей.

Жива у афганского народа позитивная память о «шурави», в отличие от негативного восприятия действий американцев. В 2014 году планируется вывод американских войск из Исламского государства Афганистан. Этот факт, а также государственная политика примирения, проводящаяся в Афганистане, как и состоявшаяся в январе 2011 года встреча Президента России Д.А. Медведева с Президентом Исламского государства Афганистан Карзаем, отмечавшим необходимость восстановления сотрудничества с Россией, вселяют надежду, что на древней земле Афганистана, политой кровью наших солдат и офицеров, воцарится мир. Хочется верить, что корни исторически заложенной дружбы наших народов дадут свежие побеги для взаимовыгодных партнерских отношений между нашими странами.

Закончить эти воспоминания я хочу одним из своих стихотворений. Пусть эти строки будут светлой памятью о тех, кто пал в те роковые годы афганской войны и искренним уважением ко всем вернувшимся и сохранившим верность дружбе и боевому братству.

Поминальные сдвинув столы,
Жгучей водкой наполнив стаканы,
Вспомним всех, кто навеки ушли,
Повенчавшись судьбою с Афганом.
Кандагара припомним рассвет,
За Гератом горбатые горы.
Сколько горьких и тягостных лет
Об Афгане идут разговоры.
Мы бы много могли рассказать
О войне необъявленной этой,
Но чужим никогда не понять,
Как солдат становился поэтом.
Знаем цену и лжи, и словам.
Слезы нам проливать не пристало,
Но оставил в сердцах нам Афган
Злополучный осколок металла.
Он сжимает нам болью сердца,

И комком пробирается в души,
Но забвенья сухая трава
Нашу память уже не задушит.
Павшим жить, пока память жива.
Журавлями лететь в небе синем.
Помни вечно, Отчизна моя,
Поклонись всем погибшим, Россия!
И как мать, всех пришедших прими
Вместе с вечною болью души.

Сегодня я член Российского союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, Международной федерации журналистов и автор тридцати книг, в том числе посвященных военной и афганской тематике:
- Авдеева Л.Е. У памяти в плену;
- Авдеева Л.Е. Одни нам светят звезды;
- Авдеева Л.Е. Озера памяти;
- Авдеева Л.Е. Не разлучай людей, война;
- Авдеева Л.Е. Дорогами Победы;
- Современный Афганистан. Справочник (соавтор)

Имею многочисленные материалы по Афганистану в российских периодических изданиях: «Наука и религия», «Культура и жизнь», «На боевом посту», «Советская культура», «Учительская газета», «Театр», «Советское кино», «Советский экран», «Детская литература» и других.

В период работы в Афганистане публиковалась в афганских журналах «Урду» («Армия»), «Жвандун», («Слово»), «Джаван» («Молодежь»), «Занане-е Афганистан» («Женщины Афганистана»), «Аваз» («Голос»), «Мирман» и других, неоднократно выступала на национальном афганском телевидении. Была членом Советско-Афганского общества дружбы.

Награждена:
- медалью «Ветеран-интернационалист»;
- медалью «За верность долгу и Отечеству»;
- медалью «От благодарного афганского народа»;
- медалью «К 20-летию вывода советских войск из Афганистана»;

- юбилейными и литературными премиями СПРФ;
- дипломом «За вклад в отечественную литературу»*;*
- дипломом «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству» Московского Фонда культуры им. А. Твардовского за цикл стихов военной тематики;
- специальным призом Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого (Санкт-Петербург);

Являюсь лауреатом:
- конкурса авторов патриотической песни;
- конкурса песни о Советской Армии»;
- фестиваля «Строкой стиха Победу славим»;
- конкурса имени Назыма Хикмета в Турции;

Сентябрь 2011 года.

Ахмад шах Зубра

Меня внедрили военнослужащим в ряды армии «Хальк»

Я родился 4 февраля 1955 года в городе Кабуле. Уже в средних классах я являлся активным членом Народно-демократической партии (НДПА).

В 1978 году произошла революция и я, по окончании школы, пошел в армию солдатом.

Партия НДПА распалась на две фракции – «Хальк» и «Парчам». Лидеры «Хальк» пошли против устоявшихся в Афганистане исламских правил и традиций, они хотели привнести в страну западную культуру. Провели не совсем удачную земельную реформу. В совокупности все это привело к тому, что в неспокойной стране народ взбушевался ещё сильнее. Для того, чтобы не делиться своей властью с оппозиционной партией «Парчам», они посадили лидеров партии «Парчам» в тюрьмы.

На этом этапе революции я служил в армии и являлся сторонником партии «Парчам». Меня внедрили военнослужащим в ряды армии «Хальк». Если бы меня раскрыли, то расстреляли бы без суда и следствия. Многие мои товарищи так и погибли.

Спустя девять месяцев начался второй этап революции. Меня пригласили работать в городской комитет партии Кабула в качестве заместителя партийной обороны Кабула. В этот

период времени общеполитическая обстановка в Кабуле была очень неспокойная. Произошла первая попытка свергнуть революцию с помощью простого народа. И поскольку я был солдатом, то боролся против них.

В конце 1980-го года я приехал в Россию в качестве сотрудника НДПА. Так как высшего образования у меня не было, мне позволили получить его здесь. В 1986 году я окончил факультет международного права МГИМО. Работал в МИД Афганистана в 3-м отделе (в отделе СССР) и в этот же период служил добровольцем в армии.

Три месяца в Кандагаре и три месяца в Пактии

В 1986-1987 годах провинция Пактия являлась самой горячей точкой боевых действий. Там, вместе с советскими войсками, мы защищали свой народ, свою свободу, интересы своей партии. Некоторые люди сейчас говорят, что русские разрушали наши жилища, убивали невинных. Это совсем не так, потому что русские сражались с нами бок о бок, оказывали боевую поддержку в борьбе с душманами.

Когда я служил в Кандагаре, в течение двух месяцев по ночам я стоял на посту, охраняя военную часть. Ночи тогда были безумно темные - видимость была в пределах метра. Единственный способ остаться в живых и не дать врагу проникнуть в часть - находиться в постоянном движении. Фонари включать мы не могли, так как при свете мы тут же становились мишенями для снайперов, находившихся в горах. Ответственность за жизни солдат все время была на плечах постовых, было очень тяжело психологически осознавать, что в любую минуту нас могут убить, начав стрелять в наши спины.

В период примирения с моджахедами, когда СССР начал вывод своих войск, в нашу часть приехала мирная делегация (как мы тогда думали), состоящая из душманов, пятеро из которых решили добровольно вступить в наши ряды. Однажды, ночью, когда все спали, они схватили свое оружие и начали расстреливать спящих в казармах солдат одного за другим, приближаясь к той комнате, в которой вместе с сослуживцами спал и я. Услышав звуки стрельбы, мы тут же вооружились автоматами, которые всегда находились при нас.

Началась перестрелка, в ходе которой нам удалось бандитов обезвредить.

После шести месяцев службы меня перевели обратно в Кабул и назначили Временно поверенным в посольстве Монголии. В это время мне довелось сотрудничать с членами политбюро, такими как Лукьянов.

Вместе с окончанием вывода войск 15 февраля 1989 года, прекратилось и финансирование со стороны СССР, что привело к тому, что войскам Афганистана пришлось воевать в тяжелейших условиях нехватки вооружения, бензина и пищи. К тому же, после нескольких лет непрерывной войны, страна практически не имела урожаев.

Все члены партии добровольно пошли в армию, но вопреки нашим стараниям в 2002 году к власти пришли моджахеды. Поскольку моя жена имела российское гражданство, то я уехал в Россию, где работал в посольстве Афганистана до 2006 года. Теперь я юрист Афганской диаспоры в России. Имею две награды от правительства Монголии за дружбу между странами.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Салахеев Ильдар Наилович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Безгин Григорий Владимирович

Мы не оставили в ущелье ни одного своего товарища

Я родился в Москве, окончил восемь классов школы, потом ПТУ. В 1980 году, получив среднее специальное образование, пошел работать на завод слесарем. Через несколько месяцев мне пришла повестка – призыв в армию.

Я попал в учебную часть в Самарканде и три месяца проходил курс молодого бойца, потом был направлен в медицинский учебный батальон в город Теджен, где мне предложили остаться и обучать молодых бойцов. Но мне хотелось любыми путями попасть в Афганистан. Я прилагал максимум усилий - писал рапорт, разговаривал с командиром, но мне объясняли, что я должен учить молодых бойцов.

И вот, однажды, я пошел на хитрость, и у меня получилось. Я сделал так, что три раза подряд попал на гауптвахту. В один из дней меня подняли в пять часов утра, зачитали приказ о моем направлении в Афганистан, посадили на самолет и отправили туда, куда я так рвался.

Почему я не остался в учебной части? Потому что почти все ребята, с которыми я призывался на службу, стали не только моими друзьями, а можно сказать братьями, они были уже там, в Афганистане, и мне хотелось быть вместе с ними. Тогда мы были очень молоды, амбициозны и не задумывались над тем, какие опасности поджидают нас там, в горах

Афганистана. Это сейчас, по прошествии многих лет понимаем, что это было иностранное вмешательство в афганский внутриполитический кризис, который являлся следствием борьбы за власть. Тогда мы шли выполнять свой долг перед Родиной.

Конечно, я не жалею, что прошел афганскую школу выживания, хотя ни одному человеку не пожелал бы такого, не пожелал бы пройти такой путь, но мы выполняли свой долг.

Я занимался борьбой. На тренировках мы еще шутили: «Поедем в Кабул на белом верблюде», а через некоторое время эта шутка стала явью. Спорт помог мне выжить в горах. Пригодилась спортивная подготовка.

Мой первый день в Афганистане начался с того, что комбриг собрал всех только что прибывших в открытом кинотеатре и сказал: «Если старослужащий сказал вам, что это черное - значит это черное и не важно, какого это цвета». То есть, все основывалось на опыте и знаниях тех, кто пробыл там уже не один день. Конечно, нам сказали, вы можете и не прислушиваться к тому, что говорят вам старшие товарищи, но исход тогда может быть плачевным.

Нам «желторотикам» тогда было трудно отличить простых жителей от бандитов, которые ничем не отличались от мирного населения. Большинство из них в дневное время вели обычный образ жизни добропорядочных граждан, а с наступлением сумерек брали оружие и шли воевать. Вооруженные банды состояли, в основном, из местных жителей и их родственников из других провинций. При этом многие из них проходили подготовку в Пакистане или Иране. Возглавляли эти бандформирования бывшие офицеры, муллы и высокопоставленные чиновники бывшего правительства. Все формирования были всем хорошо обеспечены.

Когда я попал в Афганистан, то у нас в роте было всего только три русских парня, остальные были узбеки, казахи, таджики, чеченцы, дагестанцы. Никакого национализма у нас не было, мы жили одной большой армейской семьей.

Практически сразу, как только приехал в Афганистан, я попал на первую Панджшерскую операцию. Весной 1982 года моджахеды практически ежедневно обстреливали советские автоколонны в ущелье. Они избегали открытого столкновения, рассеивались на мелкие группы и смешивались с местным

населением. На входе в ущелье и внутри него были заминированы отдельные участки единственной дороги (вдоль реки Панджшер), и были устроены на ней завалы.

Я был санитарным инструктором роты и всегда находился вместе со своей ротой. Хочу сказать одно - быть санитарным инструктором роты очень непросто. Санитарному инструктору приходится ходить на все операции и во все дозоры. Если бойцы сменяли друг друга, то санитарному инструктору приходилось участвовать во всем. Всё это время я работал на износ: пришел, поспал несколько часов и опять в боевой дозор. Однажды я даже уснул стоя. Сказывались и бессонные ночи, и неделями накапливаемая усталость, и слабый рацион.

В отличие от других мне, кроме своего медицинского инвентаря, приходилось еще носить то, что положено любому бойцу - автомат АКМ, бинокль ночного видения, а также запас сухого пайка, воды и боекомплекта на трое суток, все - весом до тридцати килограмм. И ничего - не умер.

Во время Панджшерской операции наша рота разделилась на четыре взвода, которые пошли навстречу другой группе военнослужащих, прочесывая кишлаки вдоль реки в поисках моджахедов. Три взвода встретились с другой группой военнослужащих, а один взвод попал в засаду. И вот я, ротный и еще семь человек из нашей роты вступили в бой за освобождение попавших в окружение ребят. Это был очень жестокий бой, из которого вернулась только половина ребят. Несмотря на все трудности, мы не оставили в ущелье ни одного своего товарища. В расположение части мы принесли всех раненых и убитых. Вот так, попав в Афганистан, я сразу попал в такую кровавую переделку. Под ногами вспенивались фонтанчики из пуль, но тогда мы были молодыми и бесстрашными. За операцию в Панджшерском ущелье я награжден медалью «За отвагу», был представлен к ордену Красной Звезды. Но орден я так и не получил.

Наш батальон дислоцировался на заставах, на каждой из которых находилось от взвода до усиленной роты, и был растянут почти на шестьдесят километров. По долгу службы мне приходилось много перемещаться между заставами.

Особенности передвижения по Афгану на БМП таковы: сядешь вниз – при подрыве машины все внутри убиты.

Поместишься сверху – любой «дух» из автомата «снимет» тебя с брони безо всяких усилий. Поэтому выбираешь из двух зол меньшее и устраиваешься обычно сверху, на броне. Выделяешь каждому бойцу сектор для наблюдения, а оружие все держат на коленях. Тут самое главное – не расслабляться ни на секунду.

Наша база имела ещё одну особенность, связанную с рельефом местности. Мы находились в долине, по которой, словно по аэродинамической трубе, гулял ветер. Обычно, сначала он дул в одну сторону, потом наступало затишье, а затем начинал задувать в другую. «Духи» это хорошо знали и били по нам в момент, когда ветер стихал. Днём так бывало в обеденное время, и ещё затишье наступало ночью.

В Афганистане я просто выполнял свою работу - помогал раненым. Там в горах я встретился с парнем, с которым когда-то учился в параллельном классе и дружил. Мы столько лет не виделись на родине, и вот пришлось встретиться в таких условиях на чужбине. К моему большому сожалению, его убили.

Вдали всегда думаешь о доме. И чем ближе подходил срок возвращаться домой, тем сильнее я тосковал - по дому, по родным и близким, по друзьям. Я тосковал даже по нашим московским дворикам и простой русской березке.

И вот до возвращения домой оставалось совсем немного, но тем тревожнее становилось у всех на душе. Почему-то, как замечали многие из нас, часто смерть настигала ребят в последние дни, когда до отправки домой оставалась самая малость.

И вот в конце своего рассказа хотелось бы поведать об одном интересном моменте. Когда я уходил в армию, я взял с собой ключ от дома и верил, что если ключ всегда будет со мной, то со мной ничего не случится, и я вернусь живой. Всю войну я носил этот ключ с собой, и он, как верный друг, прошел со мной всю войну. К концу службы ключ сильно заржавел от сырости. Но я все равно продолжал свято верить, что ключ от дома, хотя и сломанный, поможет мне вернуться живым.

Мой «дембельский» аккорд был из госпиталя. Я подорвался на мине, но остался живой. Наверное, моя вера помогла мне пройти тяжелыми афганскими дорогами. Я вернулся домой, поднялся на лестничную площадку своей

квартиры, вставил ключ в замочную скважину, и ключ разломился пополам. Возможно, это был символ окончания войны, окончания всех тех кошмаров, которые мне пришлось пережить. Но я ничуть не жалею об этом трудном, но важном испытании в моей жизни.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Черномор Андрей Александрович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Васюхин Александр Александрович

Рота «Тяжелых машин»

Я родился 6 апреля 1961 года в Серпуховском районе Московской области. По национальности - русский.

Переехал в Москву в 1976 году. Отец с матерью жили в Москве, но были в разводе, а я жил у бабушки, в Подмосковье.

В 1976 году поступил в ПТУ №45 учиться на электромонтажника. По окончании обучения, до начала 1980 года, работал на стройке электромонтажником, в районе Отрадное. В том же году окончил автошколу ДОСААФ. 10 мая был призван в армию Москворецким военкоматом. У меня был год отсрочки из-за работы, поэтому, когда я получил повестку из военкомата, мне уже было 19 лет. Первые полгода служил и учился на механика-водителя в учебном подразделении (учебке) в Воронежской области. После окончания службы в учебном подразделении, в октябре 1980 года, была сформирована команда для отправки в Афганистан.

В Афганистане мы оказались по разным причинам: некоторые писали рапорты, а я попал туда по распределению. На службе были нужны механики-водители. В нашей части отдельно была сформирована рота «Тяжелых машин».

Когда мы прибыли на место службы, то были очень удивлены, казалось, что эта страна уснула среди высоких гор. Вокруг сплошная пустыня, воды нет. Правда, молодыми мы тогда были, поначалу в какой-то мере это было даже интересно

и познавательно, но потом все же осознали, что будет не так легко.

О том, что нас ожидает, мы тогда почти ничего не знали. Конечно, до нас доходили рассказы старослужащих. Мы знали, что многие погибают, но не знали, что в таком количестве. Только потом мы стали понимать, куда попали и что это не шутки. Раз присягу принимали и поклялись «мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами», значит нужно отдать Родине долг. А куда ты попадешь - это как повезет.

В Афганистан мы прибыли 17 ноября 1980 года. Сначала попали в Баграм, в войсковую часть п/п 80-0-51. При части была сформирована отдельная рота «Тяжелых машин». В Баграме мы прослужили около восьми месяцев, после чего, летом 1981 года, наш взвод в Ашхабаде получил машины и был прикомандирован в Шинданд. Там я занимал должность заместителя командира взвода.

С большинством сослуживцев я был уже знаком еще с «учебки», а с некоторыми сдружились уже в Шинданде. С некоторыми мы сдружились еще ближе, сформировался костяк. Нас было четверо: Миронов Андрей (с ним мы дружили с детства и до сих пор дружим, родители наши знали друг друга), Кузнецов Сергей - из Волоколамска, Свистунов Сергей - из Костромы и я. Были сослуживцы и моложе нас. Очень хорошие ребята. Дедовщины не было, но конечно, что молодым делать положено, то они делали, по мелочам: за дровами сбегать или может быть костер разжечь и т.п. Когда мы прибыли, нас старослужащие о многом предупреждали, а потом уже мы вновь прибывших учили. Рассказывали, где больше всего обстреливают, что делать, если попал под обстрел. Говорили, что одному нельзя ходить, а с оружием и боеприпасами никогда нельзя не расставаться. Да и с населением нужно было уметь общаться, в основном они хорошо к нам относились, но бывало разное. В городах одно отношение, а в провинциях другое. Например, к тому времени в городах молодежь «продвинутая» уже была, большинство женщин не носило паранджи, а в провинциях - иначе. Во-первых, если даже и встретишь, то они сразу убегают, а во-вторых, строго все женщины носили паранджи.

Шла активная переписка с родителями, друзьями, сестрой. Полевая почта хорошо работала и достаточно быстро. Правда цензура многого нам не позволяла говорить, например, нам нельзя было говорить о том, где мы проходим службу. Родителям говорили, что живы и здоровы, про Афганистан не рассказывали, потому что, во-первых, цензура, а во-вторых, не хочется рассказывать родителям о боевых походах и обстрелах, чтобы не волновать их.

Порой нам казалось, что мы напрасно сюда пришли. Поначалу считали, что мы им поможем, но затем это уже казалось бесполезным. Как и все, мечтал как можно скорее вернуться домой. Многие умирали, очень тяжело видеть, как товарищи по оружию умирают. С нами был очень хороший парень, Вася Василенко. Он дважды попадал под обстрел. Его машину обстреляли из гранатомета, машина сгорела, а он чудом жив остался. Но потом погиб под обстрелом в «зеленой зоне» в Герате.

Очень запомнился один случай. Однажды, мы ехали в Джелалабад. Нужно было забрать машины, которые в ущелье попали под обстрел. С нами в сопровождении было восемь танков и три вертолета. Один танк подбили. Танкиста на руках перенесли на другую машину, чтобы отвезти в госпиталь, но, к сожалению, ему уже ничем помочь нельзя было. Вертолеты не могли спуститься вниз, потому что наверху в ущелье были душманы.

Около трех часов мы провели под обстрелом. Затем вовремя подоспела пехота, и минометы «Васильки» стали обстреливать горы. Душманы разбежались, после чего вертолеты смогли спуститься. Многие получили ранения, в том числе и я, но незначительное.

Ближе к окончанию службы я заболел гепатитом и в феврале из Шинданда был отправлен в Самарканд, в госпиталь. Не знаю, из-за чего заболел, возможно, из-за воды, хотя мы ее кипятили, набирали во фляжки. С водой заваривали верблюжью колючку, она делала воду горькой, и пить меньше хотелось. Можно было и покупную воду пить, но не всегда была такая возможность. В госпитале я пробыл до апреля, а затем оттуда отправился в Москву. А ребята где-то в июне из Шинданда поехали в Баграм, а потом уже домой. Замена к нам пришла заранее, поэтому с этим никаких затруднений не было.

В Москву я приехал с четырьмя сослуживцами. Конечно, нас встретили, по этому случаю праздник устроили.

Потом был награжден медалями «За боевые заслуги», «В память 10-летия вывода советских войск из Афганистана», «В память 15-летия вывода советских войск из Афганистана» и знаком «Воину-интернационалисту».

Война в Афганистане, длившаяся десять лет, была безжалостной и беспощадной с обеих сторон. Опасности подвергались не только солдаты, но и гражданские лица. Пусть уже прошло много времени с окончания войны, но человек, бывший участником и очевидцем этих событий, никогда не забудет пережитого, поэтому состою в Совете ветеранов Афганистана «Регистан».

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Иванов Наур Замирович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Волков Виктор Алексеевич

Это был не наш МиГ-21 и не Су-17, а иранский Phantom

Родился я 21 марта 1958 года в Крыму.

Мой отец служил офицером, мать работала директором школы. Отец родом из Брянской области, но в связи с оккупацией этой территории фашистами, семья вынуждена была переехать в Пермский край. В 1944 году, достигнув 17-летия и будучи комсомольцем, он пошел в военкомат и записался добровольцем на фронт. Записаться добровольцем он пытался и раньше, но из-за юного возраста его не взяли. Сначала его направили в военное училище. В конце 1944 года, окончив училище, он принял участие в Восточно-Прусской операции в качестве моториста бомбардировщика. Бригада в которой он служил, ремонтировала, снаряжала бомбардировщики, которые бомбили Кенигсберг.

Два моих деда, оба офицеры, тоже воевали в Великую Отечественную войну, один из них остался жив. Другой погиб в 30 километрах от родного города Новозыбково, что на Брянщине, во время операции по освобождению Гомеля. Прадед мой, также был офицером, участвовал в Брусиловском прорыве на Венгерском фронте во время Первой мировой войны.

Служить Отчизне было почетно, и я с гордостью продолжил семейную традицию, связав свою судьбу с армией.

В 1973 году я поступил в Киевское суворовское военное училище. По окончании, в 1975 году, я был зачислен

курсантом Хмельницкого высшего артиллерийского командного училища, которое окончил в 1979 году, после чего был направлен для прохождения службы в город Кушка Туркменской республики (самая южная точка СССР).

Когда мы прибыли в Кушку, то узнали о ещё более южных населенных пунктах, находившихся прямо на границе с Афганистаном, ближе к афганскому Тургунди. Там жили семьи бандеровцев, которых после войны выгнали с Карпатских гор. Там образовались две украинских деревни: южнее Кушки - Полтавка, а севернее – Моргуновка. В то время об этом никто не говорил, не писал, но, таким образом, обе деревни населяло русскоязычное население. А в Кушке находилась 5-я гвардейская мотострелковая дивизия, куда я попал служить командиром батареи реактивных установок. Прослужив там 3 месяца, однажды, 13 декабря, нас подняли по тревоге.

Не учебная тревога

Все думали, что тревога учебная. Мы зарядили все сорок стволов боевыми снарядами, снаряженными взрывателями.

Призвали местное население, в основном туркменов из ближайших аулов. У меня в батарее было 30 солдат срочной службы, и человек 50 мы набрали по мобилизационному призыву, так называемых «партизан», взрослых мужчин лет по 45, а самому мне тогда было 20 лет. Они нам казались очень старыми, очень взрослыми, у некоторых из них было по 5 детей.

Так случилось, что я был единственным офицером в батарее, поэтому на мои юные плечи была возложена задача - подготовить личный состав, напомнить навыки боевой работы. Необходимо заметить, что в Советской Армии, в свое время, готовили ребят очень серьезно, поэтому мои туркмены, лет двадцать как забывшие что такое автомат и реактивная установка, возобновили свои навыки очень быстро, военную науку они помнили на уровне мышечной памяти.

В Кушке тогда снега выпало очень много. Сугробы были прямо по колено. Для Кушки это было стихийным бедствием: рыхлый снег, легкий гололед, машины буксуют. В Кушке гор нет, но есть глиняные сопки. В них мы прятались от спутников

американской разведки, и как раз там проходило наше боевое слаживание. А через две недели, 28 декабря 1979 года, рано утром мы вошли в Афганистан.

Александрия-Ариана

Перейдя границу 28 декабря, по пути в Герат, который был когда-то построен Александром Македонским, как Александрия-Ариана, с нами произошли три удивительных явления. Переехав через перевал, который представлял собой голые скалы, песок и ни одного деревца, мы спустились в долину, и первым чудом, которое мы увидели, были изумрудно зеленые поля. После заснеженных холодных утесов и скал, теплая долина, наполненная сиянием солнца, показалась нам райским уголком. Особый колорит ей придавала очень старая мечеть середины XI века. Её четыре минарета высились чуть поодаль от дороги как четыре старца, так как все они были разной формы и наклонились от времени. Это не тот напыщенный пафос современных мечетей, которые мы можем увидеть, а старческое величие памятника мировой культуры.

Дальше, двигаясь по объездной дороге вокруг Герата, на холме, мы увидели четыре английские брошенные пушки, времен последней англо-афганской войны (1919 г.). Из нескольких тысяч английских солдат, стоявших в этом городе, остался в живых только один человек, и то, только потому, что он был врач - профессия очень редкая и очень уважаемая в этих местах. Он и поведал нам об обороне города и гибели всего гарнизона, о своей незавидной судьбе на чужбине. По-моему об этих событиях и писал Редьярд Киплинг. У него есть целое произведение в стихотворной форме, где рассказывается, что из целого корпуса в живых остался только один боец. Спустя какое-то время, пушки эти куда-то пропали, из четырех минаретов осталось два. Рассказывали, что в минарете засел какой-то снайпер, и один из наших лихих наводчиков ЗСУ «Шилка» (это четыре ствола 23-миллиметровых пушек) навел и буквально срезал минарет. Сам по себе Герат - место очень древнее и в мусульманском мире высокочтимое место.

В пустыне, знаете ли, жарко…

Мы прошли южнее Герата километров на двести и остановились в Шинданде. Я шел со своей батареей в составе головного отряда. Нашей задачей было захватить шиндандский аэродром, на котором базировалось порядка 30% всей афганской авиации, остальные 70% были разбросаны между Кандагаром, Баграмом и Кабулом. Там было много авиации, и, несмотря на то, что самолеты были старые, они могли доставить нашим колоннам много хлопот.

Из России в Афганистан ведет фактически одна дорога, с которой никуда не свернешь, потому что кругом пропасти, и по этой дороге идет вереница наших войск. Водители, уставая, засыпали на ходу. То кто-то «воткнется» в идущую впереди машину, то танк собьет сосну, и пока её уберут, проходит время. Колонна растянулась, и в случае авианалёта противника, даже при наличии средств ПВО, самолеты неприятеля могли создать серьезные неприятности.

Расхожее мнение, что афганцы мало летали – является ошибочным. Когда я потом участвовал в боевой операции под Фарахом, это ближе к Иранской границе, был свидетелем того, как афганцы использовали даже пятитонную бомбу. Её сбросил реактивный бомбардировщик Ил-28 афганской армии.

Достаточно быстро мы с разведбатом вышли на рубеж прямой видимости аэродрома, развернули наш дивизион из 18-ти боевых установок, а разведбат окружил аэродром. Мы предъявили ультиматум: «Если хотя бы один самолет поднимется в воздух, наши боевые машины в течение 20 секунд выбросят на вас 720 снарядов одновременно». Они быстро осознали и согласились с тем, что Амин был тираном и его надо свергнуть, а также проголосовали за то, чтобы на его место встал прибывший из Чехословакии Бабрак Кармаль.

Мы общались с афганскими летчиками, почти все они учились у нас, говорили по-русски, мы поддерживали с ними шефско-дружеские отношения. Кроме того, у них был бассейн, а в пустыне жарко, и искупаться в нем было счастьем.

В Афганистане я начал служить командиром батареи в звании лейтенанта, получил там старшего лейтенанта. В 1980 году мне предложили возглавить комсомольскую организацию

полка. Получается, я прослужил ровно 2 года - с 28 декабря 1979 года до 28 декабря 1981 года.

Конечно, много было печальных моментов. Но так устроена человеческая память, что плохое стирается быстрее, чем хорошее. Вот как раз один из забавных моментов.

В первое время войны не было, в начале все было тихо, мирно и даже дружелюбно. И вот, когда мы въехали в Герат, нас больше всего поразила нищета. По улицам бегали полураздетые босые дети, у многих к ногам привязаны были куски автомобильных покрышек, это было подобием калош. Дети были очень изможденными и голодными и с радостью нас встречали. Мои бойцы свой сухой паёк (рыбные консервы, тушенку, сгущенное молоко), выданный им на трое суток, видя такую нищету, весь раздали детям. Этим детям невозможно было отказать. В итоге, пока кухня дошла, пока развернулась, пока наладили выпечку хлеба, три дня мы ели пресные сухари и печеночный паштет. До конца жизни пропало желание - есть печеночный паштет. Причем я предупреждал своих бойцов: «Ребята, имейте в виду, жрать нечего будет». Но, они, тем не менее, все раздали. Кидали эти банки прямо в толпу, ребятишки их хватали и убегали.

Южная новогодняя ночь

Первую зиму мы прожили в палатках, рядом стоял средневековый караван-сарай, там был колодец, неимоверно глубокий, рядом ручей какой-то пробегал, который летом пересыхал. В руинах этого караван-сарая водились очень большие, эпические кобры (метра по четыре длинной).

Личный состав жил в больших палатках человек по 25-30. Офицеры - в обычной десятиместной палатке. Единственное, для того, чтобы там можно было ходить в полный рост, мы вырывали землю на метр в глубину, а периметр обшивали досками. Там не было холодно, но ветры были мерзкие. Для чрезвычайных случаев была печка, которую топили чем попало. Вторую зиму я проспал на ящиках с гранатами, без запалов, разумеется. А потом нам построили модули из сэндвич-панелей по американской технологии. Построили два барака и казарму для полка. Потом зимой я жил в составе полка в этих «новостройках», было

комфортно. А летом мы жили в палатках, потому что эти панели очень сильно нагревались, и находиться там было невозможно. В общем, быт наш был нехитрым.

Итак, мы отметили первый Новый год в Афганистане. Кругом летают трассирующие пули. Палят дозорные туркмены, а палят на любой шорох, вроде, когда автомат стреляет - тебе самому не страшно. Летают трассеры, осветительные ракеты. Стояла целая дивизия - такая орава тысяч в 30, наверное. И было ощущение, что на нас кто-то напал, а главное - страшно, непонятно, непривычно.

Южная ночь – темнота такая, что хоть глаз выколи. Кругом горы высотой три тысячи метров, а мы на плоскогорье стоим. Вот и первая новогодняя ночь: у кого-то «брало» радио, у меня была бутылка шампанского, которое мне отдала жена, когда я уходил в армию, и бутылка крымского вина, которое я привез из Крыма, поскольку перед тем, как отправиться в Кушку, мы ездили отдыхать в Крым, в «Солнечную долину». Нас было 18 офицеров в дивизионе, и вот каждому досталось по полглотка шампанского и по столовой ложке вина. Вот так мы отметили свой первый Новый год на афганской земле.

Первые проблемы

Первые проблемы начались у нас примерно в мае 1980 года. Это была моя первая боевая операция. Я как раз получил телеграмму, о том, что у меня родилась дочь. Мы немножко отметили, как могли, отмечать-то особо нечем было. Где-то 9-10 мая мы выступили в район Фараха, где вступили в бой с международной бандой. Банда состояла из 19-ти американцев и местных душманов.

Молодежь – везде молодежь

Выжить в годы войны помогала, прежде всего, дружба. Все практически были одногодки. Видимо кто-то знал заранее, что в Афганистан входить будут, поэтому дивизию развернули. Туда прибыло 350 молодых лейтенантов, большинство были примерно одного года, с кем-то я учился в Киевском суворовском, кто-то заканчивал Киевское общевойсковое, как братья были. Хранило нас то, что нас

ждали, хранила дружба. Песни под гитару. Молодежь – она везде молодежь. Находили себе способ отвлечься, развлечься.

Требовательный командир

Свободного времени почти не было, постоянно требовалось совершенствовать боевую подготовку, на войне ведь как: хлопнул ушами - и тебя уже нет. Когда я стал руководить комсомольской организацией, был очень требовательным командиром, и нормативы по боевой работе мои подчиненные перевыполняли более чем в два раза. Это однажды спасло нам жизнь. Когда мы попали в засаду, то за считанные секунды смогли расчехлить машины. Важно, что из «Града» нельзя стрелять через головы своих войск ближе чем на пять километров, радиус рассеивания очень велик, когда стреляешь на близкое расстояние. Поэтому цель выбирается не меньше пяти километров между позицией и целью. А нам пришлось расчехлить оружие и ударить по пулемету, обстреливающему нас с расстояния около шестисот метров. Его просто снесло, а то, что осталось, рассматривать мы не стали, потому, что все мы были серьезно напуганы, свернулись и уехали обратно.

Провидение

Не забуду, как мы совершали очень длинный переход. У меня был очень молодой боец, прослужил всего месяца три, еще не окреп, но сам по себе прыткий был, аварец из Дагестана, Джамал. Он не мог привыкнуть к военному распорядку, и все время обращался ко мне на «ты». Я ему говорил: «Ты дискредитируешь меня перед подчиненными». И он с очень удивленными глазами отвечал мне: «Ну, ты же один, как я тебя могу на «вы» называть, если бы ты был двое, я бы тебя называл – вы». Самое забавное, у меня парень был – туркмен, с какого-то дальнего аула, совсем не умел по-русски разговаривать. Ему очень тяжело было запомнить мою фамилию, и называл он меня: «Сан Меджеков». Меджек - это волк по-туркменски.

Получалось так, что на боевых операциях офицеров, кроме меня, в батарее не было. Однажды мы совершали очень

длинный переход, и я ехал в кабине машины с Джамалом. Я, видя, как он буквально засыпает за рулем, предложил ему поменяться, а ехали мы на ГАЗ-66, у которого очень тяжелое переключение передач, рычаг сзади. Мы немного оторвались от остальных, а вокруг пыли много – особенности местных почв. В общем, поменялись мы с ним местами, я машину завел, двинулись. А дорога плохая, да и автомобилистом я был тогда неважным. В итоге, машина у меня заглохла. И тут вдруг повисла тишина, которую рассек свист, и впереди я увидел рой «светлячков».

Когда стреляешь из пулемета, трасса пуль только первое время остается ровной. У трассирующих пуль заряд сгорает неравномерно - у какой-то быстрее, а у какой-то медленнее и, в конечном итоге, они летят огромным роем. В общем, душман выбрал хорошее место для засады - справа от дороги были овраги, а слева холмы, и он решил выстрелить в нас на опережение. Но, слава Богу, я как-то неправильно переключил передачу, и машина заглохла, а если бы машина не встала, мы бы как раз на эту очередь и налетели. А в кузове у меня, под обыкновенным тентом, восемь ребят сидело. И все эти пули просвистели буквально в одном или полутора метрах от моего носа. Четверо парней, ехавших наверху вместе со старшиной, открыли беспорядочный огонь в ту сторону, откуда стреляли. Скорее всего, пулеметчик понял, что может нарваться на серьезное сопротивление, и больше стрелять не стал. Таким образом, само провидение спасло нам жизнь.

«Славно покатались»

Были и курьезы. В ходе одной операции мы штурмовали горный массив. Командование сообщило, что там засела большая душманская банда, но точного их месторасположения не дали. А куда я должен привести свое подразделение? У меня все-таки шесть боевых машин, шесть транспортно-заряжающих. Поскольку у меня была третья батарея, то за мной был тыл: кухня, водовозка, машина-радиостанция, да чего только не было. А мне ответили так: «Ты езжай вот за этой БМП, и она тебя направит куда надо. А колонна пойдет за тобой».

Конечного места мне не указали. Едем. Стемнело. БМП встала – колонна встала. Я вижу задний бампер БМП, тут я моргнул, закрыл глаза ночью, а открыл ранним утром. БМП растворилась вместе с ночью. В общем, марши ночами, недосыпание, недоедание - все это сыграло с нами недобрую шутку. БМП уехала… И куда ехать дальше?

Вышли, осмотрелись, решили ехать по следам. Вроде должны были ехать на запад, вокруг горного массива. А там за ночь кто только и на чем только не ездил. Наши, не наши? Поди разбери. Подходит ко мне начальник штаба дивизиона и спрашивает: «Что случилось?» А я отвечаю: «БМП уехала» Он и говорит: «Ты - старший начальник. Ты и разбирайся».

Решили ехать по следам. Едем. Встает солнце, и мы видим, что оно встает перед нами. Тут я понимаю, что если мы едем на восход, значит, мы едем на восток, а должны были ехать на запад. Спрашиваю у начальника штаба: «Есть связь?» Связи нет. Куда ехать не знает даже начальник штаба дивизиона, а он достаточно большой военный начальник.

Разворачиваемся, едем на запад, и действительно, где-то километров через 50, с опозданием буквально на 30 минут, мы догнали своих. Никто даже ничего не понял. Мы, конечно, потом никому об этом не рассказывали.

Только расположились, как вдруг над нами метрах в пятидесяти-шестидесяти с диким ревом пролетает реактивный самолет. Только когда он уже ушел, я понял, что это был не наш МиГ-21 и не Су-17, а иранский Phantom. Мы были недалеко от иранской границы, и он, видимо, прилетел посмотреть, что же там делают шурави. Вот такая была история.

Корректировка огня

Открытых столкновений у артиллерии немного. Мы, в основном, поддерживали мотострелковые подразделения. Когда мне доводилось ходить корректировать огонь, естественно, идешь с мотострелковыми подразделениями, взаимодействуешь с пехотными офицерами. И самый запоминающийся момент был как раз во время вышеописанной операции. Очень большая банда расположилась в ущелье. А перед ущельем была невысокая

гора, но она образовывала мертвую зону. И мы собрали совет, чтобы решить, что же делать? Решили, что первая батарея бьет по основанию горы, где возможно были мины, которые должны были сдетонировать. Вторая батарея обрабатывает середину ущелья. Ну, а моя батарея должна веером по ширине, накрыть все ущелье и перебить снайперов, засевших в пещерах.

Мало кто, даже из давно служащих офицеров, видел полный залп реактивного дивизиона. Это когда 720 снарядов за 20 секунд вылетают из 720 стволов, летят на разное расстояние, потом они начинают взрываться, и все это сливается в непонятный гул, который напоминает игру безумного оркестра, играющего то ли стройный победный марш, то ли прощальную эпитафию. Все это сопровождается абстрактными картинами из дыма и вспышек рвущихся снарядов.

Мы сделали залп, после чего мотострелки двинулись вперед и продвинулись довольно далеко, им надо было поставить блокпосты, но они ушли ночью, а утром стали возвращаться обратно. А душманы, быстро похоронив своих, возобновили огневые точки, и наши снова попали под обстрел. Вот тогда бомбардировщик сбросил пятитонную бомбу. Мы вели бой более активно, чем первая и вторая батареи, и, расстреляв весь боекомплект, я послал машину за снарядами. Чтобы, ожидая её, я не сидел без дела, меня отправили корректировать огонь батареи. Решив провести психологический эксперимент, я построил батарею и сообщил, что надо идти в горы корректировать огонь, и попросил сделать шаг вперед того, кто пойдет со мной. И когда весь мой личный состав сделал шаг вперед, я понял, что состоялся как офицер и воспитатель. Мне, конечно, нужно было всего три человека, но когда вышли все, я испытал огромную радость и благодарность за этот поступок, ощутил, что мы единая команда.

И вот мы пошли по ущелью. От вида кусков тел, разбросанных по отвесным скалам ущелья, запаха гниющей плоти, мух, поднимающихся с разлагающихся трупов и садящихся на тебя, конечно, от этого все нутро выворачивало наизнанку. Самым драматичным был момент, когда над нами зависли два вертолета, прилетевшие для зачистки и огневой

поддержки. И вот они выходят на штурмовку, ложатся на боевой курс, а их пулеметы, с калибром 7.62мм на консолях, людей превращают в решето за считанные секунды. А связи-то с ними нет! Нашу связь ретранслировала группа, которая шла по гребню, а мы шли по низу ущелья. И вдруг, чудом появляется сигнал связи, мы успеваем заорать благим матом, чтобы дали отбой вертолетам. Доли секунды спасли нас от смерти, от пуль, выпущенных нашими вертолетами.

Живые и невредимые

Я считаю самым главным достижением всей своей воинской службы то, что за два года, проведённых в Афганистане, в моем подразделении не погиб ни один человек, что все они вернулись домой. Не было в моём подразделении и «дедовщины». Я сразу сказал ребятам: «Самый главный «дед» у вас - я. А тот, кто сможет больше меня отжаться, подтянуться, или лучше и точнее меня стреляет, будет иметь право на какие-то преференции». А если вдруг возникало какое-то непонимание или назревал конфликт я отдавал приказ на построение: все одевали каски, бронежилеты, брали табельное оружие, патроны, вещмешки, и в полной боевой выкладке -километров шесть туда и обратно. Такие пробежки и спесь сбивали, и пыл охлаждали, а главное - физическую выносливость тренировали. А чтобы никто не подумал, что это издевательство, я бегал наравне со всеми. Очень важно было завоевать у солдат авторитет, чтобы они чувствовали во мне не только командира, но и заботливого «отца». Чтобы мои слова никто не оспаривал, а приказы не обсуждал. Именно строгость и дисциплина, во многом, позволили сохранить их здоровье и жизни. Этому меня самого научили в военном училище, которое я окончил с отличием.

Как-то раз, прочесывали мы одну территорию и наткнулись на душманскую базу, где хранилось очень много белой материи, из которой они себе чалмы делают. Так мы часть себе перетащили, и в моём подразделении полтора года с подшивочным материалом для подворотничков проблем не было. Всегда бойцы были опрятные и чистые.

А еще одного паренька как-то командировали на операцию вместе с мотострелками, а когда он вернулся, то у

него вшей нашли. Так мои старослужащие его раздели донага, отмыли с дустовым мылом, одежду выстирали в бензине и в воде, разложили на камнях, чтобы бензин полностью высох, после чего одели бойца в чистое. Вокруг бушевал брюшной тиф и гепатит, а с моими ребятами, слава Богу, все в порядке.

…И можно погибать

Больше всего мы скучали по родным и близким. Это сегодня супружеские пары знают уже на четвертом месяце беременности, кто у них родится: мальчик или девочка. Когда я входил в Афганистан, моя жена была на пятом месяце, и я, конечно, не знал, кто родится. Было жутко любопытно, и я думал: «Ну, все, узнаю, кто родится и можно погибать». А когда тёща прислала телеграмму, что у меня родилась дочь, я подумал: «Ну, все, увижу хоть одним глазком, хоть издалека, и можно погибать». А когда я съездил в отпуск в 1980 году и увидел этот маленький комочек, подумал: «Нет, брат, ты должен выжить, ведь кто-то должен этого человечка вырастить, кто-то же его должен воспитывать». Вот тогда уже погибать судорожно не хотелось. Конечно, больше всего не хватало любимых: жены и дочери. Безусловно, скучал и по маме с папой, ведь мы сами тогда были 20-летними юнцами.

Подчиненных уберег, а сам захворал

Последний год службы был более спокойным, поскольку меня избрали секретарём комсомольской организации, и передо мной стояли несколько иные задачи. Проведя отчетно-выборное собрание, я с нетерпением ждал сменщика из Союза. А он по какой-то причине задерживался.

Вдруг заболел мой старший товарищ, Николай Пугачев, секретарь парткома, подхватил непонятную болезнь. У него была высокая температура, я, как мог, за ним ухаживал. У Коли поднялась температура, и его госпитализировали. А через некоторое время захворал и я, появились все симптомы ангины. Анализы показали, что у меня брюшной тиф.

Вот так, перед самой заменой, я на месяц «загремел» в госпиталь, а за день до выписки, мне на игле занесли гепатит. Афганские инфекции - это ещё один очень страшный и

коварный враг, который всё время сидел в засаде и бил исподтишка.

Холодная встреча

К моменту выписки из госпиталя я уже получил документы о том, что могу ехать домой. Одновременно получил направление в госпиталь, по которому я должен был направиться в Ташкент. В то время в Союзе были клиники для лечения больных гепатитом, но тиф — болезнь очень опасная и заразная, поэтому лечить его полагалось на месте. Все ближайшие госпитали были забиты, и я рисковал оказаться на берегу Аральского моря. Понимая, что если жена узнает, что для меня война закончилась, то примчится ко мне куда угодно, поэтому решил, что лучше уж я к ней, чем она ко мне.

Благополучно долетев из Кабула до Самарканда, наш самолёт должен был дальше лететь коммерческим рейсом до Ташкента. Советских рублей на билеты у нас не было - в Афганистане нам платили чеками, и перед нами открывалась перспектива застрять на несколько дней в Самарканде. И вот тогда, мы, четверо боевых офицеров, договорившись с пилотами, за что я им благодарен до сих пор, долетели до Ташкента «зайцами».

К моменту прибытия в Ташкент, я уже пожелтел от гепатита, а товарищ, тоже только что перенесший тиф, постоянно падал в обмороки. С большим трудом, поменяв чеки на рубли, мы столкнулись с тем, что билетов ни на один из рейсов нет. Мы были уже готовы лететь куда угодно, лишь бы поближе к дому. На наше счастье, кто-то сдал два билета до Львова. А от Львова до Хмельницкой, где жила моя жена, ехать всего-то четыре часа поездом. В общем, долетели. Потом на ж/д вокзал, позвонил жене, чтоб встречала.

И вот он, наконец, настал счастливый момент встречи! Жена пытается броситься мне на шею, хочет обнять, поцеловать, а я вдруг резко так ей говорю: «Стоп! Назад!» А она не понимает, что происходит и, обескураженная, стоит, готовая расплакаться.

Утром я отправился в ближайший военный госпиталь. Там, конечно, боялись, что я вызову эпидемию тифа, но, к

счастью, он у меня уже прошел, а гепатит молодой организм победил быстро.

Награды за Афганистан:
- медаль «За боевые заслуги»;
- грамота Президента СССР М.С.Горбачева;
- медаль «Воин-интернационалист»;
- медаль Республики Афганистан «От благодарного афганского народа».

Всего 11 наград.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Костин Дмитрий Валерьевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Воробьев Александр Георгиевич

Пел восемь часов подряд, с 9 часов утра до 5 часов вечера

Я родился 13 октября 1958 года в городе Даугавпилс. Это второй по величине и значению город Латвийской ССР. По национальности - русский, исповедую христианство.

Не состою ни в одной из общественных организаций. В 1975 году окончил обычную школу в Алабкино. В этом же году поступил в Благовещенское высшее танковое краснознаменное училище, которое в 1979 году окончил с золотой медалью. Позже проходил службу в Центральной Европе, в Прибалтийском военном округе, откуда был переведен в Туркестанский военный округ, а затем в 1984 году был направлен в Афганистан (1984-1986).

В Калининграде в ноябре 1984 года я был командиром роты. Когда рота приняла присягу, меня вызвал в штаб командир дивизии и сообщил мне, что было принято решение об отправке меня в Афганистан для исполнения интернационального долга.

Я сильно не переживал по этому поводу, потому что в Афганистане уже пять лет проходили боевые действия, и некоторые мои одноклассники и друзья уже успели там побывать. Некоторые из них вернулись, а кто-то нет, поэтому я был готов к любому развитию событий и хорошо понимал, на что иду. К тому же я прекрасно осознавал, что рано или поздно я там окажусь, и это был только лишь вопрос времени. Я

человек военный, поэтому для меня это не было потрясением, морально я уже был готов уехать в любой момент.

Родные, конечно, были шокированы этим известием, и тут же прилетели все близкие и друзья, чтобы поддержать меня. Все происходило очень быстро, мне сообщили 10 ноября о моем переводе, и через пару дней я уже уехал. В Афганистан входил в звании капитана, будучи командиром роты в составе 12-го полка. Входили мы при полном вооружении, колонной на бронированной технике, в бронежилетах, в хорошей экипировке. Вообще, в плане технического оснащения, вооружения и бытовых условий все было достаточно хорошо организованно.

Вошли мы через Кушку. От Кушки до Герата около 100 километров. Там, за Гератом, стоял наш 375-й мотострелковый полк. В полукилометре от него, на достаточно большом плато, развернули палатки, выкопали землянки. Я жил в землянке.

Первые два месяца нас не трогали - к боевым действиям не привлекали. С третьего месяца начались выезды на спецзадания.

4 марта 1985 года я был представлен к награждению орденом Красной Звезды за участие в военной операции, в которой нам было поручено специфическое и серьезное задание. Мы выполнили его, и за это мне была присвоена такая высокая правительственная награда.

Встреча и потеря хорошего друга

В июне 1985 года я ушел в отпуск, а по возвращении попал в госпиталь. Сами понимаете – война. В госпитале я познакомился с командиром нашего дивизионного разведывательного батальона - Иваном Васильевичем Плотицыным, который тогда был капитаном.

Пока мы лежали в госпитале, ему пришло известие о том, что погиб его заместитель. Тогда он предложил мне перейти из мотострелкового полка в разведчики, и я перешел в отдельный разведывательный батальон, который тогда еще был под командованием Плотицына.

Мы с ним в то время поддерживали очень хорошие отношения, были друзьями. Я знал его родителей. Сам он был родом из Минска. Но, к сожалению, меньше чем через год, в

марте 1986 года, во время проведения боевых действий он был убит. Я к тому времени уже заменился, ждал его, но из-за трагических обстоятельств так и не дождался этой встречи.

Тяготы военного быта

Впечатления об окружающих людях и обстановке были очень тяжелые и мрачные, потому что сложившиеся обстоятельства очень сильно людей как сплачивали, так и разделяли, причем вне зависимости от воинских званий. Люди были разделены на группы: в одних люди были полностью боеспособные, а в других были люди, скажем так, неприспособленные выполнять разного рода боевые задачи. К тому же, мне довелось увидеть войну в полном её масштабе. Особенно, когда я служил в разведбате, немало довелось потерять офицеров и молодых бойцов, у каждого из них впереди мог быть еще долгий жизненный путь, но, увы, эти пути так и остались неизведанными. Это не так легко забыть, поэтому в памяти остаются картины, даже не то, чтобы неприятные, а самые обидные и жгучие. Потеря друзей не забывается.

Боль и награда

За все время моего пребывания в Афганистане я получил немало боевых ранений. У меня были ранения в руки, в ноги, я был контужен, но, слава Богу, все это уже позади и не помешает мне продолжать полноценную жизнь.

В 1986 году я был награжден медалью «От дружественного афганского народа», так как я служил в разведке и приходилось очень часто контактировать и вести совместные боевые действия, можно сказать, плечом к плечу, с военными подразделениями республики Афганистан, а также с бандами, которые были лояльно настроены по отношению к советским войскам.

Проверка тела и духа на прочность

О многом я не мечтал. Все мысли и действия были направлены на то, чтобы сохранить как можно больше ребят из

моей роты и вернуть их домой к семьям. Это была моя самая основная задача. О героизме для меня тогда и речи не шло. Какой героизм? Мне нужно было думать о том, что у меня есть ребята, за каждого из которых я отвечаю, и я должен был заботиться о том, как сохранить их жизни. Тем более, что героизм оценивается не тобой, а твоими командирами.

Лично мне больше всего запомнились походы на высокогорный Чикчиран, когда ты недели по две-три ешь, спишь, воюешь на бронетехнике, когда по пять суток не смыкаешь глаз. Это такая маленькая война на месяц, но походы эти были самыми тяжелыми.

Были еще и локальные походы, когда мы ходили на караваны, на срабатывание минных полей, но это происходило относительно быстро, хотя и очень часто, поэтому запомнилось только в общих чертах. Если оценивать по степени опасности, то такие мероприятия, как правило, проходили ночью, и в любой момент могло произойти всё, что угодно. Но если удавалось всем возвращаться живыми - это, конечно, была огромная радость. Самое большое счастье – это когда возвращаешься в том коллективе, с которым ушел.

Мечты и переживания

Что касается общепринятых понятий, конечно же, я мечтал о военной карьере. Как говорил Наполеон: «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл».

Как и любому человеку, мне хотелось быть рядом со своей семьей. Мне тогда было только 26-27 лет, еще молодой. Ощущение того, что ты тут балансируешь на грани между жизнью и смертью, было не самым приятным. К тому же, к нам поступала пресса, мы читали газеты, журналы и прекрасно понимали, как мы отрываемся от жизни, вернее - не чувствуем самой жизни. Я понимал, что где-то на Родине бурлит мирная жизнь - люди танцуют на дискотеках, смотрят фильмы в кинотеатрах, а мои ребята здесь заняты совершенно другим делом. Но, мы прекрасно осознавали важность и значительность нашего дела.

Что касается переписки с родными и близкими, не могу сказать, что она чем-то отличалась от других. Родные беспокоятся, молятся Богу, чтобы я вернулся живой, каждое

письмо начинается со слов «Береги себя!» и заканчивается тем же. А ты пишешь, что все хорошо: мол, сплю хорошо, ем хорошо, живу хорошо, чтобы не нагонять лишних переживаний. Не станешь же рассказывать, как у тебя здесь погибают бойцы, какие сложные и опасные поставлены задачи перед нами.

Афганские традиции

В бою был убит мой предшественник Толя Ященко, а в Афганистане была такая традиция: только тот, кто пришел на место убитого, может зайти в его жилое помещение. Я до сих пор помню тот момент, когда я заходил в его комнату. У меня было ощущение, будто человек только что вышел, ведь если человек идет в бой, то он долго не собирается, потому что не готовится умереть.

Мы писали письма близким на случай гибели. Когда ты заходишь в комнату погибшего, а там чашки, кружки, какие-то личные принадлежности, одежда и все остальное, что ему принадлежало, испытываешь жуткие чувства, но, в то же время, эти ощущения лишний раз напоминают тебе, где ты находишься, и призывают быть как можно аккуратней. Когда понимаешь, что этого человека больше нет в живых, что это в любой момент может случиться и с тобой, приходит осознание окружающей суровой реальности. Это чувство я никогда не забуду.

Но были и более приятные впечатления. Например, в один прекрасный день ты узнаешь, что к тебе едет замена, и с этого момента тебе больше не разрешается ходить на войну. Это известие приходило примерно за месяц до самой замены. Ощущения от этой вести тоже какие-то двоякие: с одной стороны уже вроде как всё, твоя война закончилась, а с другой - в бой ещё ходят твои товарищи, а тебе уже нельзя, и остается только Бога молить, чтоб они все вернулись. Ну и, конечно, ты с нетерпением ждешь этот день. Я его до сих пор очень хорошо помню.

Это было 26 сентября 1986 года, я уже до этого, наверное, раз пять или шесть ездил в аэропорт, каждый день, числа с двадцатого, но по тем или иным причинам на борт не попадал. И вот 26-го числа прилетел этот долгожданный Ил-18. Я в него

сел, и даже как-то не верилось, что это случилось. У меня даже сейчас начинается ностальгия, когда вспоминаю этот момент. С одной стороны летишь домой, а с другой - уезжаешь от друзей, с ними ведь тоже расставаться не хочется. Хоть это и мужское мероприятие, все равно без слез не обходилось.

Контрольная проверка

Конечно же, не обходилось и без весёлых моментов. Был у меня начмед (начальник медицины) Миша Белоногов. Как-то раз он напросился вместе со мной на задание. Цель этого задания состояла в том, чтобы выбить одну банду из кишлака, который был расположен недалеко от Кандагара. Я согласился взять его с собой, но строго-настрого запретил ему отходить от меня.

После очередного обстрела, я попросил Мишу проверить одну «мазанку» - не осталось ли там «духов». Миша, ничуть не растерявшись, достает гранату и кидает её в эту самую мазанку. Слышу взрыв, оборачиваюсь, стоит Белоногов и докладывает: «Нет никого, товарищ капитан!» Я думал он просто пойдет и посмотрит, а Миша, кроме как гранату кинуть, другого способа не нашел.

Наши развлечения

В наш лагерь довольно часто приезжали разные музыканты, артисты и художники. Приезжал Александр Яковлевич Розенбаум. Были художники художественной студии имени Митрофана Борисовича Грекова, которые делали зарисовки мест, где проходили боевые действия, и т.д.

Еще как-то раз к нам в лагерь приезжал Иосиф Кобзон. Он давал для нас концерт на импровизированной сцене, которой служила грузовая машина с открытыми бортами. Этот концерт мне очень хорошо запомнился, потому что Иосиф Давыдович тогда пел восемь часов подряд, с 9 часов утра до 5 часов вечера. Спел нам все свои песни, а когда они закончились, спросил: «Какие песни вам еще хотелось бы услышать?» Заказов, конечно, поступило немало, ведь каждому хотелось услышать что-то близкое своей душе, своему сердцу.

Я был очень удивлен тем, что он спел почти все заказанные песни.

Возвращение домой

Когда я вернулся домой, не все друзья меня сразу узнали, так как я стал весить 69 килограммов, при росте метр восемьдесят. Я был «насквозь пропитан духом войны». Конечно же, все были очень рады моему возвращению - и друзья, и родственники. Начался новый этап моей жизни.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Добровольский Никита Сергеевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Галич Вячеслав Викторович

Это страшно, когда ребята горят

Я родился в Москве 17 апреля 1958 года. Окончил десять классов школы №350 города Москвы в 1975 году.

Учась в школе, увлекался самбо. В шестнадцать лет меня приписали в воздушно-десантные войска. Пройдя подготовку, совершил три прыжка с парашютом. Понял, что это моё. Занимался парашютным спортом, ездил на сборы.

После окончания школы пытался поступить в Коломенское артиллерийское отделение самоходных установок, но не прошел по конкурсу. В мае 1976 года я был призван в армию в воздушно-десантные войска, прошел обучение в прибалтийском учебном подразделении. По окончании учебного подразделения меня перебросили в воздушно-десантную дивизию, которая дислоцировалась в Фергане.

После службы в воздушно-десантных войсках я мечтал стать военным офицером и поступил на сверхсрочную службу в Академию бронетанковых войск в качестве прапорщика. В то время я увлекся борьбой каратэ. Это воспитывало мой характер, а также помогло во время боевых действий.

Не оставляя своей мечты, окончил экстерном Московское пехотное общевойсковое училище имени Верховного Совета РСФСР. Когда я узнал о событиях в Афганистане, будучи преисполненным национального долга, добровольно написал рапорт о направлении меня на службу в

Демократическую республику Афганистан (ДРА).

Летом 1981 года окончил училище, а 17 декабря 1981 года я уже был в Афганистане.

Когда я прибыл в 177-й полк по предписанию на должность командира гранатометно-пулеметного взвода, полк находился на операции по зачистке в районе Таджикана.

Меня поставили исполнять обязанности начальника досмотрового контрольно-пропускного пункта (ДКПП). Моей задачей был контроль за пропуском колонн в сторону Кабула. Колонны шли один день из Кабула, в другой день - в сторону Союза.

Однажды мне дали приказ не пропускать афганские колонны в сторону Таджикана, поскольку была зачистка. Ко мне подъехала санитарная машина. УАЗик остановился, и на хорошем русском языке афганец в форме царандоя сказал, что ему нужно в сторону Таджикана. Я обратил внимание, что все они были в совершенно новенькой форме. Это очень бросалось в глаза. Мне это показалось странным, и я не пропустил машину в сторону Таджикана. В этот момент ко мне начали подходить афганцы, требуя, чтобы я начал пропускать колонны вниз. Афганцы в УАЗике выбрали момент, когда я разбирался с колоннами, машина объехала вокруг меня и поехала в сторону, где проходила операция. Я из автомата стал стрелять по машине, которая уже удалялась. Она съехала в кювет. Ребята из бронегруппы, которые охраняли выход войск из «зеленки», кричали мне: «Что ты наделал!» Когда я пошел к этой машине, по нам начали вести огонь. Через некоторое время выяснилось, что я расстрелял машину с наемниками.

Через два-три дня, когда закончилась операция, я находился не в роте, а был вечером на КПП, часов в 17-18. По дому, в котором мы с бойцами находились, был произведен выстрел из гранатомета, в результате чего я получил контузию, был засыпан камнями, а один солдат сгорел. Это страшно, когда ребята горят: кожа вздымается волдырями, ты это видишь, но сделать ничего не можешь, а он еще живой. Все произошло в очень короткий промежуток времени. Когда я очнулся, по нашему домику вели огонь. Я, ничего не понимая, тоже начал вести огонь по огонькам выстрелов, которые я видел со стороны зеленой зоны. Затем заговорил

БТР, затем зенитные установки из колонн. В результате огонь противника был подавлен. Была хорошо организована оборона, и ни одна наша машина не взорвалась и не сгорела. Только у одного солдата была разорвана ладонь, а мой солдат сгорел.

С 1 января 1982 года я приступил к обязанностям командира гранатометно-пулеметного взвода. Было психологически очень тяжело в роте, когда многие офицеры и солдаты роты погибли во время Пандшерской операции. Мне стало легче находить общий язык с солдатами, когда они узнали, как я себя повел во время обстрела на ДКПП.

Прошел месяц, я нашел общий язык с солдатами. Практически все солдаты в роте были дембелями, и получилось так, что в роте из командования только я оставался молодым взводным и ещё один командир взвода. Остальные - кто увез погибших, кто был ранен.

В наш полк никто не хотел ехать на службу, потому что мы находились на открытом склоне горы. Регулярно, один или два раза в неделю, нас обстреливали. Мы были как на ладони. Все передвижения по полку фиксировались «духами», и они выбирали удобный момент, чтобы нас обстрелять. А мы не имели права вести огонь по домам, на которых висели красные флаги. «Духи» этим пользовались и вели огонь с очень близкого расстояния. Еще мы не имели права входить в афганские дома без сопровождения хада и царондоя — представителей афганской власти. Из-за этого много ребят погибло, «духи» били в упор. Много времени уходило на определение места, откуда ведется огонь, из-за чего мы теряли много людей.

Весной нас отправили в сторону перевала Саланг, потому что меняли батальон. Когда мы начали подниматься в горы, я потерял сознание. Был очень сильный звон в ушах, болела голова - сказалась моя контузия. Месяца полтора я провел в медсанбате в Баграме. После выписки, на которой сам настоял, я вернулся в свою воинскую часть.

Пока находились на Саланге, мы часто сталкивались с афганской армией и её солдатами. И я достаточно хорошо научился разговорному афганскому языку, и это помогло мне выжить. Когда знаешь язык страны, в которой находишься, ты показываешь жителям уважение к их обычаям, к их языку, а

также понимаешь, о чем они говорят между собой - убить хотят или не желают тебе ничего плохого.

Проходили дни, месяцы. На Саланге мы контролировали прохождение колонн, чтобы их не обстреливали. От места расположения нашего полка и до Хинджана была зона ответственности, которую нес наш полк по защите колонн от душманов. Находясь в горах, я видел, как красив Афганистан, как красивы горы, когда цветет миндаль, когда цветет гранат. Очень красиво. Ощущение непередаваемого запаха весны - это совершенно незабываемое чувство.

«Духи» очень часто обстреливали наши колонны, и мы выезжали на место обстрела. Мне довелось охранять переговоры с душманами. Они настолько презрительно к нам относились, что, когда я с одним из них разговаривал, он произнес: «Легче зарезать шурави (в переводе «советского солдата»), чем барана. Барана мне жалко».

Страшно было видеть последствия нападения душманов, когда летом 1982 года они расстреляли нашу совместную афганско-советскую колонну между Сомедой и Колотаком. Шесть километров смерти. Мы шли под солнцем по колено в пепле. Было видно, как наш КАМАЗ врезался в стену афганского дома, что он еще работает, завален глиной, но работает, а из этой глины торчит рука нашего мальчика. Когда, спасаясь от пуль, наш солдат вбежал в лавку, его в упор расстреляли сзади. Это было видно, потому что человек обычно наклоняется вперед, когда падает. Его разрезало очередью, и кишки его были на стене, а сам он сломался пополам. Там, от взорвавшегося танка, мы собрали всего полтора вещмешка того, что осталось от сгоревшего экипажа, вместе с накладкой от автомата. Когда человек сгорает, он становится на 2/3 меньше: просто кусок угля лежит на земле, а над ним вьются огромные зеленые мухи.

Когда мы устанавливали дополнительные секреты (небольшие засадные группы, используемые для поднятия тревоги в случае обнаружения противника) в горах, я поднимался на высоту 2600 метров два раза за день. Это могли сделать только два офицера батальона: я и замполит 6-й роты. Это было очень тяжело. Когда я поднимался в первый раз, я был налегке и шел впереди разведгруппы. «Духи» ушли. Второй раз я поднимался с грузом. Когда солнце в горах

садится, становится невозможно что-либо делать, жизнь прекращается. Я спускался последним со своими мальчиками, и мы пошли не по проторенной дороге, а через кукурузное поле — решили рискнуть.

Посреди этого поля лежали аккуратно сложенные автомобильные баллоны: от КАМАЗов, от грузовиков. Шины были практически новые. Они очень дорого стоили. Я своим мальчикам сказал: «Давайте возьмем баллон, продадим в Лукане и помянем на мальчиков». Откуда-то взялся афганец, такой весь цивильный, не как простой житель. «Ты воруешь, - говорит мне на афганском языке. - Это моё». Но мы же понимали, что эти баллоны он стал считать своими, когда душманы расстреляли нашу колонну. У меня было желание - немедленно его пристрелить! Он это предугадал, весь съежился и говорит: «Там твои командиры, тебе не дадут меня расстрелять». Что мне оставалось делать .

Афганистан - это такая веха в жизни, которая поделила мою жизнь на до и после. Особенно, когда ты видел всю эту наготу грязной войны. Воспоминания достаточно часто всплывают в моей памяти. Прошло уже больше четверти века, а все всплывает резко - как отпечатки кадров.

В Афгане люди проверялись сразу, моментально. Там были либо хорошие, либо плохие. Невозможно было скрыть свои чувства, человеческие отношения проявлялись.

Никогда не забуду, как разбили наемники колонну между Самедой и Колотаком. Когда я начал снимать, как я думал, раненого с подбитой машины, у него упал с головы шлем. И то, что было внутри его головы, вылилось на меня. Человеческое тело пролежало на солнце при температуре больше пятидесяти градусов больше суток. Чем смог, стряхнул с себя. Не было возможности даже сполоснуть, поменять одежду. Ему попала пуля в глаз.

Конечно, служба была мужской. Иногда мы говорили не «служба», а «работа». Это была наша работа. И если ты выполнял свою работу плохо, то из-за этого гибли твои же товарищи.

После того, как нас с Саланга сняли и отправили на переформирование в полк, прошло около месяца. За это время приходилось выезжать на обстрелы колонн. В колонне положено было быть по штатной боевой единице на десять

машин с грузом. «Духи» били первую машину и последнюю, а потом начинался расстрел колонны. Простая тактика. Мне приходилось развозить хлеб в Баграм через Салаг до Дашей.

Один раз я не привез хлеб в полк. Когда я возвращался из Баграма с хлебом, у меня был бронетранспортер (БТР) и «хлебовозка» с суточной нормой на полк, при выезде из Черикара я увидел зарево. «Духи» расстреливали колонну автомашин, «наливников», которые везли бензин и солярку в сторону Баграма. Это был отдельный батальон материального обеспечения. Их машины горели, но часть машин еще не была подожжена. Водителю «наливника» не положено было возить с собой гранаты, у них было только несколько рожков с патронами к автомату. Они и воевать-то не умели, а умели только крутить баранку и сидеть как в аквариуме, и гнать машину, чтобы не быть сожженными. В некоторых машинах мальчишки так и не успели вылезти из кабин.

Я своим БТР с ходу протаранил главную машину, которая горела, и сбросил её в кювет. Уцелевшие «наливники», увидев, что я освободил дорогу, погнали свои машины в сторону Баграма. Я спрятал «хлебовозку» за закопанный танк. В моём БТР тоже был хлеб, который лежал на брезенте.

Я рванул в Баграм за колонной. В моём БТР было очень много раненых, подобранных мной. У кого висела рука на ниточке, у одного в бедре торчал хвостовик от гранатомета. Когда я подъехал к баграмскому медсанбату, то снес ворота. Подбежавшие медсестры стали снимать раненых солдат.

Хлеб я в тот день так и не довез. Весь хлеб в моём БТР был в крови. Кровь просочилась даже через брезент, и запах крови долго был внутри БТР, как мы его не мыли.

Ноябрь 2010 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Крицкова Александра Николаевна****, студентка 4-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Галкин Павел Андреевич

История со счастливым окончанием

Я родился в городе Москве 13 августа 1962 года. По национальности – русский. Христианин, каждую неделю хожу в церковь.

Как все ребята учился в школе, потом окончил автомеханический техникум, а сразу после его окончания был призван в армию в 1981 году.

Идти в армию особого желания не было, но и избежать этого было довольно сложно, да я и не пытался, понимая, что это просто нужно. С самого начала никто и не догадывался, что нас хотят отправить на войну, но, начиная с первых дней призыва, достаточно часто офицеры что-то говорили про Афганистан. Первые три месяца своей службы я провел в Туркмении, где собственно проходил обучение и подготовку, потом нас просто посадили на самолет, сказав, что мы летим в Чехословакию, и примерно через час мы уже узнали, что наш самолет совершает посаду в Афганистане в городе Кабул.

Первые впечатления о городе, в который мы попали, были просто ужасные: осень, сильный дождь, вся взлетно-посадочная полоса покрыта толстым слоем мокрой грязи. Трап, который обычно подается при спуске с самолета, отсутствовал, нам просто приставили какую-то старенькую стремянку к выходу из самолета, и по ней производился спуск.

Сам город никто из нас не увидел, так как нас сразу отправили в военную часть. Я учился на топографа-геодезиста разведки, учился составлять карты местности и прочее.

Когда началось распределение новобранцев по частям, от каждой части приехало по одному офицеру, которые и должны были выбрать себе новобранцев. Нас всех построили и начали задавать бытовые вопросы, и если солдат умел делать что-то, чему нас не учили в части, например, хорошо рисовал, то он делал шаг вперед. Вот так все шагали, шагали. Я посмотрел, по сторонам и понял, что нас осталось пять человек из всего самолета. Только тогда ко мне подошел один из офицеров и спросил, чему меня обучали. Узнав мою специальность, меня направили во 2-ю роту 781-го отдельного разведывательного батальона разведчиком-пулеметчиком в звании рядового.

За все время службы я так и остался рядовым, не был удостоен каких-либо наград и званий. Было первое негласное правило, что если человек получает какое-то серьезное ранение, то он, почти стопроцентно, получает какую-то награду. Из Кабула нас отвезли в город Баграм, находящийся в 60 километрах от столицы Афганистана. Там тоже была достаточно большая военная база, со своим аэропортом, с большим количеством военнослужащих и военной техники. Именно там было наше постоянное место дислокации.

В нашей части мы ночевали в обычных армейских палатках, в которых помещалось человек 30 или 40, спали на кроватях в два яруса. Условия были очень плохими: летом температура воздуха доходила примерно до 40-50 градусов, зимой на равнине - до минус 20 градусов. Из средств обогрева - одежда, матрас и одеяло. Нашей части еще относительно повезло, когда построили бетонный туалет. Наш батальон объездил большую часть Афганистана. Мы были и в таких частях, где для туалета выкапывалась яма примерно метров 6 шириной, метров 12 длинной и глубиной метра 3, на эту яму сверху клались швеллеры. Питьевая вода привозная. Следить за собой, за гигиеной, стирать одежду - крайне проблематично. Соответственно, у всего рядового и офицерского состава был педикулез, и только летом можно было на пару месяцев от него избавиться. Единственным капитальным строением была столовая. Могу сказать, что кормили нас не очень хорошо – сытно, но однообразно, в России кормили примерно также.

Дедовщина была просто страшная, жуткая, я в этой жизни много посмотрел, прошел много чего, но в Афганистане было очень жестоко, крайне жестоко. Подчинение новобранцев старослужащим проявлялось очень явно. Офицерам до нас не было дела, они спали в отдельном деревянном доме, где было свое питание, отопление и все удобства, поэтому о факте дедовщины они знали, но ничего, чтобы это искоренить, не делали. Безусловно, старослужащие чему-то учили и предупреждали о чем-то, хотя, в основном, всему приходилось учиться самому.

Традиция

Помню, была такая традиция - первый месяц вновь прибывших не берут на боевые операции, а оставляют в части. Во всей палатке остаются 2-3 человека. Но вооруженные оппозиционеры, среди солдат их называли душманами, тоже в это время не дремали. Однажды, была какая-то операция дивизионного масштаба - вся часть собралась и уехала со всей техникой и вооружением, кроме тех, кто был первый месяц в части. В их числе был и я. Душманы на машинах прикатили минометы и со всех сторон начали обстреливать нашу часть.

Я сначала не понял, что происходит, но когда вышел из палатки, то увидел зрелище как в фильмах о Великой Отечественно войне - кругом рвутся снаряды, взрывы, только по-настоящему. Мы упали на землю и поползли к бетонному туалету, решили укрыться в нем, так как лучшего места просто не было. Обстрел продолжался. Сидим, бетонные стены снарядом не должно пробить, казалось, все хорошо. Посмотрели вверх. А крыша-то у нас деревянная! Если попадет в неё, то уж тогда все - п точно огибнем. Выползли куда-то. Повезло - все живы остались.

Рыбалка

Обычно на боевых операциях кормили через ночь. Мы в части были очень мало, все время на выездах, засадах, прочесываниях территорий и прочее. Всегда хотелось кушать, молодой организм всегда требует еды. Однажды, нам сказали, что у нас есть примерно часа два свободного времени, а кушать

нечего. Понимаем, если сейчас не поесть, то потом неизвестно, когда будет очередной привал. Рядом с нашей позицией протекала река. Зима, на реке кое-где льдинки, но, в основном, течение есть. Гранат, конечно, полно. Мы взяли и начали гранатами рыбу глушить, а всплывают-то мелкие рыбки, из которых ничего толком не сваришь.

У речки сначала берег пологий, а последний участок берега крутой, а затем обрыв вниз, высотой примерно полтора метра, и сразу начинается река. Мы спустились и бросаем гранаты Ф-1, ручные противопехотные оборонительные гранаты, чтобы оглушить рыбу. Рыба, когда всплывает, когда не всплывает. Один из нас бросил гранату, но не очень далеко и она упала на льдинку метров в пяти от нас. Я никогда так быстро не забирался на крутой берег! Крупную рыбу, которой хоть как-то можно было наесться, наловить так и не удалось.

И на войне везет

В Афганистане была партизанская война. Вот движемся мы колонной, человек 40-50. Местность там гористая. Душманы обычно сооружали пулеметное гнездо, затаскивая крупнокалиберный пулемет на высоту и строя некие ограждения вокруг этого пулемета, и начинали обстреливать наши позиции. Чтобы его ликвидировать, нужно подняться в гору и занять господствующую вершину. Это было очень трудно.

В основном, воевали на равнине, либо в кишлаках, в которых живет местное население. Деревня - это дома, примыкающие к ограждению. По границам своего земельного участка местное население возводит глиняные стены в 3 метра высотой, а к этой стене внутри участка пристраивается дом. Эти заборы называются дувалами, они занимают территорию всей деревни. Между дувалами расстояние от метра до трех. Эти узкие проходы напоминают огромный лабиринт.

Идем мы по этому лабиринту, все очень устали, основная часть роты в середине, а впереди неё метров на 50-100 идет дозорная группа в 2-3 человека, сзади замыкающий, который следит, чтобы сзади никто не зашел. Замыкающий - это я с пулеметом. Все очень устали, идут головы вниз, почти спят на ходу, и выходят на Т-образный перекресток. Я замыкающий,

моя задача смотреть то вперед, то назад. И вот я поворачиваюсь и вижу, как мимо проходят два душмана с автоматами.

Я понимаю, что если я крикну, то все обернутся ко мне, и противник услышит и по нам первым откроет огонь, а я не могу начать стрелять - свои мешают. В итоге получилось так. Каким-то образом дозор заметил душманов и побежал за ними. Как только дозор, догоняя душманов, выскочил на площадь, где проходят различные праздники и прочее, то по нашим двум ребятам начали стрелять из автомата.

Когда основная часть группы догнала их, они уже лежали на земле. Одному парню вся очередь попала в автомат, и осколки лишь повредили зрение, а второму в лоб вошли две трассирующие пули и вышли в районе макушки, не задев мозга. У этого парня была одна привычка: он всегда подходил к новобранцу и спрашивал: «А ты знаешь, как трассер во лбу горит?» В общем, история со счастливым окончанием.

Чего надо опасаться!

Самым страшным было то, что некоторые люди просто полюбили убивать. Некоторым из них убить человека - это верх счастья. Когда двигаешься на какую-то позицию или пробираешься очень тихо, и кто-то из населения встречается на пути, то отпускать его живым ни в коем случае нельзя, стрелять тоже нельзя - слышно. Тогда его берут с собой, потому что, если его отпустить, наше место дислокации станет известно душманам в 95 % случаев.

Душманы - это практически все местное население, а мы для них захватчики, они все хотят нас убить, и любая информация поможет им, они обязательно устроят где-то засаду, а значит - у нас будут потери. Все понимают, что жалко, но его надо убить. И когда решается, кто его будет убивать, то происходит гонка за это убийство, которая пугает, это просто ужас. Когда стреляешь в человека на расстоянии 100-50 метров, он для тебя лишь мишень, ты понимаешь - либо он тебя, либо ты его. Но, когда ты смотришь ему в глаза, это действительно невозможно сделать.

История сослуживца

У нас потери были небольшие - за полтора года из батальона мы потеряли примерно человек 20. Скажу честно, что была такая сильная физическая и эмоциональная усталость, что день прошел, и уже хорошо. И вот в госпитале, который находился в Подольске, я встретил одного парня из своей роты. Год назад он с отрядом ехал на БМП, и в них попали сразу из двух гранатометов. У него, видимо, контузия была, и он меня не сразу узнал. Мы разговорились, и он меня вспомнил. Из любопытства, я спросил о его ощущениях после попадания снаряда в БМП. И он ответил: «Знаешь, я сидел в десанте, (местно в машине, где сидит отряд) курил. Вдруг вижу, влетает в десант маленькая «шаровая молния» и сразу взрывается, и все».

Наконец-то домой

Мне очень хотелось домой. С родными переписывался, но писать было не о чем. Однажды, мы двигались на БМП (боевая машина пехоты). По асфальтированным дорогам старались двигаться быстро, чтобы из гранатомета не попали в машину. Мне, оторвавшимся на скорости фальшбортом, ранило ногу, и домой я возвращался через госпиталь. Очень необычная история. Приказ об окончании моей службы уже вышел, но в госпитале никто не знал, что делать со мной. Тогда они решили отправить меня обратно, чтобы мне уже в Афганистане выдали документы, и только потом уже домой отправили. Слава Богу, все обошлось, и после госпиталя в Подольске я наконец-то полетел домой.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Ильин Илья Юрьевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Григорьев Семён Васильевич

Служить нравилось, так как рядом - плечо друга

Я родился 3 сентября 1964 года в селе Совьяки Боровского района Калужской области. Окончив Боровскую среднюю школу, поступил на курсы трактористов. Работал в совхозе трактористом-комбайнёром. Проводы в армию были быстрыми. 27 сентября была комиссия, а 29 сентября меня уже забрали.

После призыва привезли в Калугу, откуда отправили в Таманскую дивизию. В дивизии одели, обули, погрузили в поезд и отправили в Чирчик. Там, за один месяц, мы прошли курс молодого бойца, после чего, 10 ноября, нас посадили в поезд и отправили в Ашхабад. Здесь - полгода в «учебке», нам не сообщали, что мы попадём в ДРА. После окончания «учебки» пришла разнарядка на отправку в Германию, Монголию и Чехословакию.

Нам дали сухой паёк и посадили в самолёт в Ту-154. Провожал нас командир взвода старший лейтенант Юсупов. Он не сообщил нам, куда мы летим, а только сказал, что мы хорошо подготовлены.

Взлетели, и через два часа уже горы. Ребята закричали: «Монголия!» Приземлились, трап не подали, сказали: «Вы - солдаты, прыгайте!» Прыгнули и увидели аэропорт Кабула. Подошёл служивый с автоматом и спросил: «Земляки есть?» И тогда мы поняли, что попали в Афганистан. Началась моя служба в ДРА.

По распределению попал командиром отделения тяги в 3-ю минную батарею 180-го полка. Наш батальон дислоцировался на дороге Кабул-Джелалабад. Отправили на броне, было жутковато, оружия не было. Оружие дали только в батальоне.

Первое впечатление было страшноватым. Потом я привык и понял, что здесь надо держаться друг за друга. Неделю постояли, затем батальон ушёл в полк.

Из полка ходили на прочёску «зелёнки», ловили душманов. Иногда попадали в засаду. Потери были минимальные. Потом на операции ходили в Пули-Хумри и Джелалабад, теряли своих ребят.

После Джелалабада меня отправили на охрану дороги Кабул-Джелалабад, где попал на 9-й пост Суруби. Обстрелы были практически каждый день. Но служить нравилось, так как рядом - плечо друга. Из Суруби один раз в две недели колонна выдвигалась в Кабул за продуктами, а в Баграм - за боеприпасами. Когда прибыли в Баграм, ребята сказали, что поймали двух «духов», которые сожгли два МиГа и «вертушку». Я ходил смотреть на этих «духов». Когда на гражданке рассказал об этом случае, то оказалось, что с Генкой Филиповым мы в одно время смотрели на этих «духов».

Госпиталь

В госпитале я не был и не хотел туда попасть потому, что там лечили разные болезни, вместе с ранеными лежали и инфекционные больные и можно подхватить какую-нибудь болезнь. Бог отвёл.

Красный день календаря

В этот день мы находились на посту в Суруби. После построения - бег на 5 километров, потом праздничный обед, играла весёлая музыка. Больше всего запомнился Новый год (1984). Отмечали с ребятами, к нам зашёл начальник штаба Сорокин и спросил: «Сколько времени?» Мы ответили: «Два часа ночи». Он говорит: «Что сидим? В Москве Новый год!» Разница с Москвой была на два часа. Последовала команда: «В ружьё!» На улице был салют.

Письма

Письма писал родным, близким и друзьям - всем одинаковые! Не хотел расстраивать родных тем, куда я попал, писал - всё нормально. А сам письма ждал больше всего из дома.

Вот пуля пролетела… и ага

Расскажу о подвиге моего товарища из Самары - Василия Лёвина. Он был надёжным товарищем, не дождался «дембеля», успел переслужить всего полгода. Когда «духи» напали на блокпост, было жарко, Василий выбежал в одних трусах. Не успел он сесть за «василёк», как рядом разорвался фугас. Ваське пробило грудь насквозь. «Духов» отбили, задачу выполнили. Он был награждён орденом.

Трудности климата

Весной москиты кусали «как тигры» - каждая царапина могла превратиться в большую рану.

Война войной, а обед по расписанию

Кормили нормально, когда в рейде на задании сухой паёк надоедал, брал «цинк», набирал воды и варил суп из гречневой каши с тушёнкой. Так я спасал свой желудок от язвы!

Домой - в Союз

Приехали в полк, нашли писаря и посмотрели в полковую книгу. Писарь нас обрадовал - замена есть, можно собираться домой, но прежде – «дембельский аккорд».

Эпилог

После возвращения на Родину я об Афганистане не рассказывал и сейчас не люблю. Вспоминаю только весёлые и юмористические моменты.

Декабрь 2011 года

Дашкин Равиль Адельшинович

В таком блиндаже круглые сутки темно, но зато всегда спокойно

Родился я 1 июля 1964 года в селе Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области.

Семья у нас была большая и дружная. Родители постоянно были заняты работой, и часто хлопоты по хозяйству ложились на наши детские плечи: мои и моих двух старших сестер, да потом надо было еще нянчиться с младшим братом. Из впечатлений детства помню огромные оранжевые апельсины, которые дед привозил из Москвы. Теперь таких нет, потому что те были родом из детства.

Мой дед, по матери, Бараев Насибулла Калимуллович, ветеран Великой Отечественной войны, каждый год в преддверии Дня Победы всегда уезжал в Москву. По раз и навсегда заведенному правилу они с однополчанами встречались в Парке культуры и отдыха. Каждый год он ездил на эту встречу. Хотя это было для него неимоверно трудно - он передвигался на костылях, а тело, иссеченное шрапнелью, плохо подчинялось. Вернувшись однажды из такой поездки, он все свои заслуженные боевые награды отдал мне. До сих пор для меня это загадка. Почему из своих многочисленных внуков, а нас было восемь мальчишек, он отдал свои награды мне? Среди них были - орден Славы, два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Может, в

этом был какой-то скрытый смысл. Может, это была какая-то связь поколений. До сих пор помню, как на наши расспросы о войне он отмалчивался, а потом задумчиво произносил: «Не дай Бог, чтобы кто-то из вас узнал, что такое война». Никто из моих братьев, кроме меня, не воевал.

Будучи старшим сыном в семье, я всегда знал, что обязательно пойду служить в армию, что у младшего брата будет достойный пример для подражания.

Мне довелось узнать, что такое война, когда с оружием в руках, мы, вчерашние пацаны, отправились защищать идеалы Апрельской революции. Мне довелось узнать, что это такое, когда на глазах гибли товарищи, когда кто-то не возвращался из боя. Кем мы были там, зачем лихая судьба занесла нас туда, никто не знал. Только величаво и молчаливо стояла громада Гиндукуша, по горным тропам которого каждый из нас прошел в годы своей юности.

Весна 1983 года стремительно вступила в свои права. Я, студент последнего курса Пензенского совхоза-техникума, готовился к самому мирному занятию - выращивать хлеб. С жадностью слушал рассказы однокурсников, отслуживших срочную службу, про далёкий и загадочный Афганистан, и даже предположить не мог, что совсем скоро солдатская судьба забросит меня туда, что два года без малого протопаю я по пыльной афганской земле.

Позади остались госэкзамены и беззаботная студенческая жизнь. Начинался новый этап - пришла повестка в армию. 24 апреля вся призывная команда, в которую попал и я, была погружена в воинский эшелон, который направлялся из Пензы в Среднюю Азию. Направлялся в неизвестность. Хотя нет, все новобранцы уже знали, что впереди или Афганистан, или Сирия. Слова «интернациональный долг» и «оказание помощи братскому афганскому народу» тогда ещё понимались буквально. Только потом, оказавшись там, в самом пекле афганской войны, и поняв всю нелепость положения, я, как и все, мучился вопросом: «Что мы тут делаем?»

Через двое суток, проехав сотни и сотни вёрст по российским просторам, эшелон прибыл в город Ашхабад. Первые впечатления уроженцев средней полосы от непривычных пейзажей - горы, верблюды и песок. Песок

везде - в глазах, на языке, скрипел на зубах, набивался в малейшие щели. Постоянно хочется пить, мучает жажда, вода отвратительная. Как наваждение, в ушах слышится журчание прохладной родниковой воды, хочется вернуться в детство и накупаться в речке вдоволь.

Но это мечты, а в реальности суровые будни «учебки» - строевая и физическая подготовка, сборка и разборка автомата, освоение техники ЗСУ-23.

Среди однообразия солдатской службы нельзя не вспомнить, с какой теплотой и подкупающим уважением относились к нам и местные жители. Увидев солдат, простодушно и добросердечно приглашали к столу и угощали вкусной домашней едой, от которой мы еще не успели отвыкнуть. Каждую ночь снились мамины пирожки.

Затем воинская присяга. До сих пор в памяти слова: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических республик, вступая в ряды Вооружённых Сил…» И только потом уже Афганистан - бескрайний, загадочный и неизведанный.

Путь туда пролегал из Термеза, куда привезли нас уже в ноябре. Наверно, считалось, что за каких-то шесть месяцев можно из новобранца сделать настоящего солдата. Научить солдата бороться с врагом, но не с собственной слабостью, страхом и другими пороками, присущими человеку.

Итак, Термез. Знаменитый мост через Аму-Дарью и знаменитый Хайратон, огромный перевалочный пункт на границе, откуда путь лежит прямиком в Демократическую республику Афганистан. Впечатления те же - песок, горы, даже глазу зацепиться не за что. Добавилось ещё одно впечатление - в чанах стоит чай, заваренный верблюжьей колючкой, это и для утоления жажды, и антимикробное средство.

Уже не помню, день или два мы были на пересылке, но забирал нас представитель части с эмблемой ВДВ. Приехали в расположение части ночью, но успели заметить, что ребята там ходят в тельняшках. Утром нас построили, и каково же было наше удивление, когда на плече комбата мы увидели мартышку! Игорь Стодеревский сказал слова, которые помню всю жизнь: «Ребята, вы попали! Надо служить!»

А попали мы в 154-й отдельный отряд специального назначения, который дислоцировался в местечке Айбак. В

первое время занимались изучением техники, стрельбами, несли наряды. В ноябре и декабре в Афганистане выпадает снег, который тает под лучами относительно тёплого солнца, а ночью очень холодно - не спасает ни шинель, ни бушлат. Стоишь в наряде в оружейном парке и мечтаешь только о том, чтобы согреться и выспаться в тепле.

В феврале 1984 года наша часть передислоцировалась в Джелалабад провинции Нангархар. Проехали Кабул, до места назначения добирались несколько суток.

На перевале Саланг лежал снег. Техника буксует, летит в пропасть. А люди, хотя и еле держатся на ногах от усталости и напряжения, но продолжают выполнять задачу.

У афганской природы разные лица – в одном месте лежит снег, а в другом – растут вечнозелёные апельсиновые рощи. А в Джелалабаде вообще растут пальмы! Совершенно другой мир!

Несмотря на природные красоты, служба солдатская сурова - жизнь в полевых условиях, вода привозная. Но оливок наелись мы тогда на всю жизнь! Местом нашей дислокации был бывший завод по переработке оливок. Несколько цехов были до отказа забиты банками с консервированными оливками.

Пока мы обустраивались, наши палатки стояли на территории 66-й бригады. Обустройство шло таким образом - взрывалась скальная порода, в скале образовывалась ниша с таким расчетом, чтобы она могла стать жильем для 3-4 человек. В таком блиндаже круглые сутки темно, но зато всегда спокойно - мы были недосягаемы для душманских пуль. Внутри все очень просто - солдатские койки с тумбочками, все одинаковое, только фотографии любимых девушек были разные. Неизменный атрибут - железная печка. Освещалось такое жилище электричеством от аккумуляторной батареи.

Примерно в марте батальон справил новоселье, и пошла суровая служба - взвод ЗСУ был поставлен в боевое охранение. Нашей задачей было недопущение нападения душманов с гор и пресечение обстрелов батальона.

В горах темнеет быстро, как будто кто-то невидимый натягивает огромный полог. Как только опускаются сумерки,

начинает раздаваться душераздирающий вой гиен, от которого становится не по себе.

Стремительно наступила афганская весна, признаком которой являются цветущие тюльпаны. Удивительная картина - везде цветут тюльпаны! Откуда-то из памяти выплывают слова: «Степь в тюльпанах, розово-рассветная». Даже не описать, какого же оттенка цветущие тюльпаны, красные или розовые, или еще какого-то немыслимого оттенка, названия для которого не придумано. Впечатляющий пейзаж!

Кто-то из классиков сказал, что человек ко всему привыкает. Согласен, ко многому можно привыкнуть, к лишениям, к тяготам, но не к свисту пуль над головой. В азарте боя, кажется, их не замечаешь, но потом приходит осмысление, что, если хотя бы одна из них поменяла бы траекторию полёта, тебя могло бы и не быть. И вот тогда становилось страшно по-настоящему.

Но всегда, в любой нештатной ситуации, можно было рассчитывать на поддержку и плечо друга. Крепкая мужская дружба до сих пор связывает нас, однополчан. Не могу не назвать своих друзей: Алексей Зубцов, Алексей Пак, Михаил Степанов, Анатолий Мысякин, Йозас Бразгаускас, Валерий Гольченко, Александр Куценко, Александр Шайкин и Геннадий Воробьёв, которого, к сожалению, нет с нами. Он погиб там, в Афгане. С этими людьми мы делили все тяготы армейской службы.

В Хайратон судьба занесла меня ещё раз, когда весной 1984 года необходимо было получить технику. Туда добрались нормально, вместе с колонной наших. Но на обратном пути нас ждали приключения.

Существует негласное правило: с наступлением темноты прекращается всякое движение по дорогам, и необходимо остановиться в расположении какой-либо части. Мы рассчитывали, что «дотянем», но в какой-то момент закончилось топливо.

Ночь, темнота, хоть «глаз выколи», ничего не видно, незнакомая местность, на дороге мы одни. Взводный даёт приказ: «Ты остаёшься в «шилке» (так в простонародье называли ЗСУ), остальные идут на поиски наших». Приказы не обсуждаются - сижу на броне, справа горы, слева пропасть. Слышу, как с каждой минутой приглушается звук шагов моих

товарищей. В какой-то момент наступает мёртвая тишина, в руках держу автомат готовым к бою.

Сколько времени прошло – не знаю, мне показалось, что целая вечность. Вот тогда было по-настоящему страшно. В какой-то момент слышу автоматную очередь и оклик: «Стой, кто идёт?» В ответ голоса моих товарищей: «Свои!» Оказывается, совсем недалеко была застава. Ребята привезли солярки и приютили нас на ночь. Утром мы отправились дальше и благополучно добрались до родной части.

Вспоминается ещё один случай, связанный с этой «шилкой». Буквально перед моим «дембелем», когда ЗСУ под командованием Алексея Пака была подбита душманами из гранатомёта. Ребята отделались легкими осколочными ранениями.

С волнением жду возвращения своих. Появилась одна «шилка», двух других не видно. Спрашиваю: «Где остальные?» Слышу в ответ: «Твою «шилку» подбили». «Как подбили?» - спрашиваю. Богатое воображение рисовало самые страшные картины. Но через какое-то время на буксире она была доставлена, а, главное, экипаж был жив. После тщательного ремонта установка ЗСУ-23 была возвращена в строй.

А потом долгожданный дембель. Начищена и выглажена парадная форма, все как положено - аксельбанты и голубой берет. 10 мая 1985 года с аэродрома Джелалабада самолёт взял курс на Кабул. Следующий перелёт на Ташкент, затем на Москву. Здравствуй, Родина! Я вернулся! Вернулся совершенно другим человеком, повзрослевшим и возмужавшим.

У каждого свой Афганистан, свой боевой путь, своё видение этой войны. Афганистан многому меня научил - ценить друзей, ценить жизнь, свою и чужую, научил настоящей мужской дружбе и взаимовыручке, готовности всегда прийти на помощь, обостренному чувству справедливости и всему тому, что объединяет нас всех в боевое «афганское» братство.

Ноябрь 2009 года

Джалал Гулям Мухамед

Моей последней службой была битва за Джелалабад

Окончив местный институт, где я учился на сельскохозяйственном факультете, в 1970 году я приехал в СССР. В 1981-1986 годах я учился в Ленинграде, в Высшем политическом училище имени 60-летия ВЛКСМ Внутренних войск МВД СССР.

Прежде чем приехать в Ленинград, я шесть месяцев учился в Ташкенте в военном училище, где прошел переподготовку. Условия проживания там были не самые благоприятные. Разница почувствовалась сразу. Гражданский вуз и сразу армия - в шесть часов подъем, до десяти часов вечера ни разу не присядешь. Смена обстановки произошла молниеносно. Так закалялся мой дух.

После окончания училища я уехал в Афганистан. Уже через год был назначен на достаточно высокую должность начальника политотдела восточной зоны. Прежде чем я стал генерал-губернатором провинции Кунар (самая высокая занимаемая мною должность), я прошел много звеньев, долгое время был начальником отдела кадров главного политуправления. В военном деле я дослужился до звания генерал-майора.

После апрельской революции 1978 года, результатом которой стало установление в стране марксистского просоветского правительства, необходимо было защищать Родину. Гражданское самосознание, мужество, преданность

своей стране толкнули меня вернуться. Единственная мысль, с которой я направлялся домой – не дать никому обижать народ моей страны. Родные восприняли мое решение нормально, с пониманием.

Была попытка покушения на мою жизнь. Однажды я вышел из дома и меня обстреляли. Одна пуля попала, я был ранен. Два дня я пролежал в больнице. После этого я обратился в посольство СССР в Исламабаде и приехал обратно в СССР.

Ребята постарше в армии говорили: «Любить друг друга – это самое главное в армии, в трудных ситуациях не отказывайте в помощи, потому что на войне всякое бывает».

Я получил множество наград – от самых простых до самых высших. Я был удостоен ордена Красной Звезды, причем не одного. В течение одного года я получил четыре очередных воинских звания. Это бывает очень редко. Соответственно, не я один был награжден, но и все, кто выдержал проверку на стойкость, мужество и бесстрашие.

Однажды, мы хотели освободить один кишлак, но попали в окружение. Сорок пять градусов жары. Целых два дня мы страдали от жажды. Воду очищали с помощью глины и одежды. Там мы потеряли товарища.

Заместитель командующего, я и еще один солдат шли в лесу по следам. Все произошло мгновенно: выстрел, солдат упал с пулей в сердце. Естественно, душману нужен был командир. Чудом оставшись в живых, мы убили неприятеля.

Душманы напали на военный караван, который вез оружие и продукты. Свист пуль и разрыв снарядов не смолкали ни на секунду, словно пулеметный дождь. Вся команда была уничтожена. Это чудо, что в мою машину не попала ни одна пуля.

Моей последней службой была битва за Джелалабад.

Вместе с Советскими войсками мы шли на операцию. Взяли в плен раненых душманов. Пленные думали, что советские солдаты будут убивать их долго и мучительно. Оказалось наоборот, русские медсестры им оказывали помощь, причем девушки относились к больным так же, как и к советским солдатам. Это был очень показательный эпизод. В нем проявляется вся человечность людей, оказавшихся в тяжелых жизненных условиях. Это повергло в шок душманов,

которые не моргнув глазом могли выстрелить прямо в лицо, даже ребенку.

Когда рядом с тобой лежит убитый товарищ, очень сложно трезво оценить ситуацию и в порыве ярости не превратиться в бесчеловечное существо. В сердце осталось очень много товарищей, погибших на войне, о которых до сих пор больно вспоминать.

В 1978 году произошла апрельская революция, которая стала для нас войной в Афганистане. В любой революции появляются контрреволюционеры, в борьбе с которыми нужна помощь. Мы все тогда были членами партии, благодаря чему и пошли в армию: с одной стороны это был приказ партии, с другой стороны – добровольный порыв. Главное, что в нас жила уверенность в том, что мы можем победить врага и построить новое общество, в котором дети были бы счастливы, имели бы возможность учиться, верили бы в стабильное будущее, а старики бы жили, получая достойную пенсию, и были бы здоровы. То, что касается военной операции – это не мы навязали эту страшную войну.

Две конкурирующие системы, Варшавский договор и НАТО, имели интерес на нашей территории, а Афганистан – это всего лишь точка преткновения этих систем. Каждый хотел показать свою мощь и захватить первенство в мире. Невинный народ случайно попал в эту ожесточенную борьбу.

Каждая из этих систем хотела иметь своего представителя в правительстве Афганистана - выгодно и с точки зрения экономического интереса, и с точки зрения военно-стратегического значения, и с точки зрения полезных ископаемых. В определенном смысле эта война была не только открытая, но и скрытая, зачастую ведущаяся косвенным образом, через подконтрольные отряды или иные вооруженные силы. Одни политики говорят резкие слова в адрес представителей другой страны, другие тут же закулисно заверяют в дружбе, третьи отвечают угрозами. Одни обвиняют других в поддержке тех или иных сил, противоположная сторона клянется, что этого либо «не может быть в принципе», либо «больше не будет», но ничего, по сути, не делают. И пока идет этот конфликт двусторонних отношений, нам приходится с этим жить.

Когда советские войска пришли на помощь Афганскому народу, НАТО, его союзники и контрреволюционеры стали вооружаться, воевать, взрывать мосты и больницы, убивать врачей, учителей и студентов. Мы вынуждены были защищаться. До сих пор продолжается эта «война», правда поменялась ее форма.

В Афганистане сейчас действуют две главные силы - США с их союзниками, и талибы, в широком понимании этого движения. Военнослужащие из 50-ти стран пришли, когда войска Советского Союза покинули страну. Как и любая другая сторона, прямо или косвенно влияющая на афганский конфликт, Россия может и должна во имя примирения в Афганистане сделать все, чтобы конфликтующие силы сели за стол переговоров, а также стимулировать выработку афганцами своей формулы мира. Не секрет, что на часть командиров и группировок имеют влияние США, на какую-то часть - мы, на третью часть – Россия. Сообща и надо добиваться, чтобы все эти группы собрались и начали вести диалог.

Война пока продолжается, и конца не видно. Что будет дальше? Неизвестно. Талибы – это очень разнородное движение. К нему примкнули и силы, которые себя талибами не считают, но сейчас являются их союзниками. Их сплачивает фактор наличия внешнего врага, оккупантов-американцев, находящихся на территории Афганистана.

Если предположить, что талибы возьмут под контроль территорию всего Афганистана, то сразу же их единство развалится, они распадутся на фракции, отдельные направления, всплывут все те противоречия, которые до сих пор нивелируются фактором наличия внешнего врага. Присутствие американцев стимулирует силу и единство талибов. Поскольку США намерены оставаться, то талибы вряд ли покинут страну. В настоящее время школы, которые разрушили талибы, американцы же и восстанавливают.

Основной принцип талибов: «Долг каждого афганца - защищать от «неверных» свою Родину Афганистан и свою веру - «священный ислам». Правительство предупреждали, что они выпустят «джина из бутылки», который не вернуть обратно. Около 50 тысяч наемников из разных стран воспитывали в США против Советского Союза. Эти люди не

знали ничего, кроме того, что надо убивать неверных. Им нужна только война, воевать - смысл их жизни, их работа, авторитет, продолжение жизни. Ни Советскому Союзу не надо было воевать, ни нам. Да, между Советским Союзом и США могут быть разногласия, но не до такой же степени, чтобы готовить наемников-террористов. Американское правительство создало базу для них в горах Торо-Боро, Жамора (это известные места, где во время присутствия Советских войск, в горах обучали наших врагов). Это высасывает из экономики США огромные деньги. Вопрос в том, насколько общественное мнение в Соединенных Штатах согласится мириться с продолжением расходов на эту кампанию и с неизбежными смертями своих солдат. С моей точки зрения, в Афганистане время работает против Соединенных Штатов.

Эта война не завершена, она продолжается по сей день, и опять неумолимо приближается к российским границам.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Астафьева Анастасия Антоновна****, студентка 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Довгань Вячеслав Георгиевич

Шёл уже шестой год необъявленной войны

Я родился в городе Белгороде 20 октября 1937 года.

Отец мой, Георгий Никифорович Довгань, добровольно вступил в ряды Красной Армии в 1932 году. Моя мама, Александра Яковлевна, окончив Курский железнодорожный техникум, работала на станции Курск багажным билетным кассиром. В предвоенные годы рос я в Белгороде, потом в Курске, затем - в посёлке Идрица Псковского района, где нас застала война. В конце июля маму и меня эвакуировали в город Пугачёв, в который мы приехали уже втроём, поскольку 2 ноября в пути следования родилась моя сестра. После победоносной Курской битвы в сентябре 1943 года мы вернулись в освобождённый Курск.

В 1944 году поступил учиться в начальную школу города Курска. Осенью 1945 года отец, уже в звании капитана, пройдя боевой путь от Идрицы с войсками Карельского, Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского и Украинского фронтов до поверженного Бухареста, приехал к нам в Курск.

А 23 февраля 1946 года семья переехала в город Симферополь, к месту службы отца, в Таврический военный округ.

В 1954 году по окончании средней школы № 7 поступил в Камышинское артиллерийское техническое училище. После его окончания, в сентябре 1957 года, мне было присвоено

воинское звание техника-лейтенанта. Получил назначение на должность старшего техника старто-технической команды (СТК – это группа обеспечения учебного процесса) Ростовского высшего артиллерийского училища. Позже был избран секретарём бюро комсомольской организации СТК.

В 1960 году, в период создания Ракетных войск стратегического назначения, нового вида Вооружённых Сил СССР, я был направлен в ракетный полк (город Житковичи) Мозырской дивизии Смоленской ракетной армии. В октябре этого же года был избран секретарём бюро комсомольской организации дивизиона, а в январе 1961 года был принят в члены КПСС.

В сентябре 1962 года поступил в Военную артиллерийскую инженерную академию имени Ф.Э. Дзержинского. После окончания учёбы, в марте 1967 года, получил назначение в Центр дальней космической связи (ЦДКС) Командно-измерительного комплекса (ЦКИК). Сейчас это Главный испытательный центр испытаний и управления космическими средствами имени Г.С. Титова. В мае 1968 года прошёл специальный отбор в группу управления лунными самоходными аппаратами.

После завершения учёбы и тренировок в составе экипажа по телеоператорному управлению луноходом, мне была присвоена квалификация «водитель лунохода». В этот же период участвовал в работах по забору и доставке на Землю лунного грунта («Луна-15», «Луна-16»), а также по управлению АМС «Марс» и «Венера». После посадки на Луну КА «Луна-17» участвовал в составе наземного экипажа в телеоператорном управлении передвижной научной лабораторией «Луноход-1» (17.11.1970 – 04.10.1971). 16 января 1973 года с посадочной платформы КА «Луна-21» свёл «Луноход-2» на поверхность Луны, который за четыре месяца преодолел расстояние в 37 километров, установив мировой рекорд, зарегистрированный Международной астронавтической федерацией.

После завершения отечественной лунной программы в 1973 году был откомандирован в управление пилотируемых полётов ЦКИКа. В Евпаторийском ЦДКС участвовал в сдаче в эксплуатацию системы управления пилотируемым космическим комплексом «Салют» («Алмаз»), а затем и в

работах с КА «Салют-3» - «Союз-14» (космонавты Павел Попович и Юрий Артюхин) и «Союз-15» (Лев Дёмин и Геннадий Сарафанов).

В октябре 1974 года был назначен в Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (ГВКГ). С сентября 1975 года – начальник отделения, а затем - отдела по эксплуатации и ремонту медицинской техники. Принимал участие в создании службы технического обеспечения медицинских частей и учреждений ВС СССР. Участник тыловых и медицинских учений ряда военных округов.

С января 1982 года – главный инженер - заместитель начальника филиала 35-го НИИ военной медицины (ВНИИ ВМ) по научно-испытательной работе (1-й Краснокурсантский пер., 3). Участник исследовательских учений по применению нейтронного оружия на Семипалатинском полигоне (1984), участник боевых действий в составе ограниченного контингента Советских войск в Афганистане (1985). В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Техническое обеспечение госпитальных баз фронта в наступательной операции».

После увольнения, в декабре 1989 года, из рядов ВС СССР работал в СКБ «Агрокомпьютер», издательстве АПН, Фонде инвалидов войны в Афганистане, преподавателем в медицинском училище и др.

В настоящее время я пресс-секретарь Центрального совета Союза ветеранов Космических войск (ЦС «СВКВ») и председатель комиссии по работе с молодёжью, связям с общественными организациями, воинскими частями и СМИ, член президиума МОО «Объединение ветеранов военно-медицинской службы», председатель Ревизионной комиссии Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского (РАКЦ), член Международного Союза славянских журналистов. Автор более 200 научных трудов, в том числе соавтор шести монографий, пяти авторских свидетельств. Почётный член (академик) РАКЦ, академик Академии медико-технических наук, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (АБОП), член-корреспондент Международной инженерной академии.

Награждён орденами: Ленина, Знак Почёта (СССР), Почёта (РФ), Петра Великого 1-й степени, Александра Невского 1-й степени, Пирогова. 30-ю государственными и ведомственными наградами. Знаком отличия военнослужащих Космических войск «За заслуги», знаками: «Почетный радист СССР» (1971-1974), «Отличник здравоохранения» (1985), «Лучшие люди России» (2004). Федерация космонавтики СССР (РФ) присвоила почётное звание «Ветеран космонавтики».

Шёл уже шестой год этой не объявленной и не афишируемой советской прессой и телевидением войны в Афганистане. А это значит, что среди личного состава ограниченного контингента советских войск (так называлась 40-я общевойсковая армия) были санитарные и боевые потери.

В конце 1981 года меня назначили главным инженером - заместителем начальника филиала 35-го НИИ военной медицины по научно-испытательной работе (НИИ ВМ), занимавшегося разработкой новой техники для военно-медицинской службы. Опыт, приобретённый в ГВКГ, позволил быстро освоиться в новой должности и детально заняться созданием необходимых отечественных разработок, в которых остро нуждались в то время наши военные медики, участвовавшие в боевых операциях советских войск в Афганистане. И мне пришлось неоднократно изучать проблемы совершенствования медицинского обеспечения непосредственно в условиях горно-пустынной местности, в которых дислоцировались воинские части 40-й армии.

В марте 1985 года был издан приказ № 85 начальника ЦВМУ МО о направлении в служебную командировку в ДРА очередной группы специалистов – разработчиков военно-медицинской техники для выполнения боевых и специальных заданий. Командировочные предписания получили: полковник медицинской службы (м/с) Амельченко А.Т. (руководитель группы, начальник отдела медицинского снабжения ЦВМУ МО), полковники-инженеры Довгань В.Г., Шморгунов А.М. (отдел средств розыска, сбора и эвакуации раненых и больных), подполковники-инженеры Сулименко А.В. (ОЭРМТ ГВКГ) и Мартынович В.П. (ОЭРМТ Красногорского ЦВКГ).

О моей службе в Афганистане ни родные, ни близкие родственники, ни друзья ничего не знали – соблюдалась полная конфиденциальность места и срока командировки. В предписании было указано место назначения – город Ташкент, где располагалась медицинская служба ТуркВО.

После специального инструктажа и оформления соответствующих служебных документов, выдачи заграничных паспортов 15 марта в 12 часов 37 минут самолёт Ил-18, на борту которого находилась наша группа, взял курс на аэродром Баграм.

Двухчасовое воздушное «путешествие» было для нас необычным - командир экипажа предупредил о вероятности обстрела самолёта моджахедами над территорией Афганистана снарядами переносного зенитно-ракетного комплекса (ПЗРК). По данным компетентных органов, с января 1985 года ЦРУ стало поставлять моджахедам зенитные ракеты повышенной точности «Ред Ай», «Джевелин» и «Блоупайт».

При подлёте к Кабулу наш самолёт стали сопровождать два вертолёта Ми-8, которые чуть ли не до самой посадочной полосы аэродрома Баграм выпускали имитаторы инфракрасного излучения, создавая ложные цели, защищая наш самолёт от возможного поражения. Посадка прошла благополучно. Затем на вертолёте вылетели в Кабул, где нас встретили старший офицер отделения медснабжения майор м/с Безбородов В.И. и начальник 39 РГМТ старший лейтенант Борода Е.П.

На территории штаба 40-й армии нас разместили в полевой гостинице-модуле типа «бочка». После переодевания в полевую форму одежды без знаков различия, принятой в этих условиях, состоялось совещание, на котором присутствовали начальник медицинской службы армии (начмедарм) подполковник м/с Балыков В.И. и главный хирург полковник м/с Косачёв И.Д.

Здесь был утверждён план действий выполнения нами служебного задания. В основном, оно заключалось в изучении состояния оснащения необходимыми лекарственными средствами и полевой военно-медицинской техникой практически всех медицинских формирований 40-й армии.

К этому времени специалистами нашего института, отдела «Комплектно-табельного медицинского оснащения»

(начальник - полковник м/с А.К.Соболенко), были разработаны уникальные образцы, предназначенные для применения в боевых условиях. К их числу можно отнести, например, аптечку индивидуальную.

В условиях Афганистана применялись не все компоненты существовавшей аптечки АИ-1М. В привезенных нами опытных образцах её содержание дополнилось обезболивающим средством (промедол) в шприц-тюбике, индивидуальным перевязочным пакетом, препаратом для обеззараживания питьевой воды (пантоцид, аквасепт), а также резиновым кровоостанавливающим жгутом.

Экипировка военнослужащего при ведении боевых действий в горах (от 1400 до 4500 метров над уровнем моря) достигала массы 56-63 килограммов, а в низкогорной зоне (от 200 до 1400 метров над уровнем моря) 35-40 килограммов, т.е. составляла соответственно 84-94% и 52-58% массы тела при гигиенических нормативах – 33%.

Экипировка медицинского персонала практически не отличалась, поэтому необходимо было провести оптимизацию сумки медицинской войсковой (СМВ) для санитарного инструктора (для оказания первой медицинской помощи на поле боя), полевого фельдшерского (ПФ) комплекта (для оказания доврачебной помощи) и сумки войскового врача (СВВ) для выполнения неотложных мероприятий первой врачебной помощи.

Модернизированная СМВ была изготовлена из специального материала и надевалась на верхнюю одежду санинструктора при его направлении на боевое задание. Модернизация заключалась в оптимальном размещении на ней ячеек (карманов) для вновь предложенных лекарственных средств, перевязочных материалов, жгутов и, конечно, гранат и боеприпасов (они тоже были необходимы медикам). Также было предусмотрено наличие ремней с быстроразъёмными карабинами для переноски его за спиной.

Вместо металлической укладки комплекта ПФ и СМВ была предложена универсальная полужёсткая укладка «Рюкзак». Необходимые медицинские средства размещались в выемном вкладыше с карманами с эластичными фиксаторами. Он легко трансформировался в рабочее место для работы в полевых условиях. На передней стенке укладки находился

большой карман для размещения перевязочных средств и личных вещей. «Рюкзак» имел широкие лямки, регулируемые по длине, нагрудную перемычку и приспособление для её крепления к поясному ремню.

Анализ особенностей организации сбора и вывоза раненых в горах, населённых пунктах и зелёных массивов показал, что медицинская служба не имела оптимального технического оснащения для решения этой задачи. Обычно применяли традиционные лямки, носилки и подручные средства (плащ-палатка, шинель, одеяло и т.п.) Нашими специалистами были разработаны и доставлены для апробации в реальных условиях горные носилки, облегчённые до одного килограмма. Также для выноса раненых были предложены опытные образцы общевойсковой накидки и мешка-спальника, в конструкции которых предусмотрены специальные дополнительные элементы.

В 1983-1984 годах существенно возросла потребность в инъекционных растворах, в связи с чем увеличилось количество их приготовления в аптеках. Коллективом института при научном руководстве и непосредственном участии генерал-майора м/с А.И. Чиркова была на практике проверена научная разработка потребностей и организация производства инъекционных растворов для лечебных учреждений 40-й армии. Своевременно обеспечить медицинскую службу 40-й армии растворами в необходимом количестве позволили подвижные фармацевтические лаборатории (ПФЛ), смонтированные в специализированных для этих целей кузовах-фургонах. Они были установлены на шасси автомобиля типа ЗиЛ-131, обладающего повышенной проходимостью и предназначенного для перевозки личного состава, военной техники и вооружения.

16 марта. Ночью мы проснулись от звуков обстрела территории штаба. К счастью, обошлось не только без потерь, но и без разрушений. Подъём в 6.00, завтрак в 7.00, а в 8.40 в сопровождении офицеров медотдела армии С.В. Лукьянова и Ю.Н Клевака выехали на гарнизонный медицинский склад, где был заслушан доклад начальника ГРМТ об особенностях эксплуатации и ремонта медицинской техники. На 1 марта укомплектованность медицинской техникой составила 114% (по штату – 751 единиц, в наличии – 853), в т.ч. 373

санитарных машин типа УАЗ-452 и АС-66 (по штату – 401), 213 дегазационно-душевых установок (по штату – 139), МАПО – 249 ед. Укомплектованность специалистами по техническому обслуживанию и ремонту медицинской техники составляет около 60%, что существенно влияет на процесс её эксплуатации.

В 11.10 прибыли в омедб вдд (командир вдд С.С. Яковлев, начмедслужбы А.Я. Кочанов, командир омедб В.Г. Зрелов, начмедснабжения И.А. Широков). Здесь состоялось совещание с личным составом, в ходе которого обменялись мнением о достоинстве и недостатках используемого в боевых операциях медицинского оснащения десантником, санинструктором, фельдшером и врачом. Также провели практические занятия по применению опытных образцов носимых медицинских комплектов. Комплект десантника примерял и демонстрировал рядовой Шумейко Н.Т. (призван из села Джуринка Бершатского района Винницкой области), комплект СМВ - младший сержант Поливач В.Д. (призван из города Борислава Львовской области), комплект ПФ - сержант Гурак И.Д. (призван из села Раковец Городенсковского района Ивано-Франковской области), а комплект СВВ – старший сержант Хворостовский В.В. (призван из посёлка Мушкетинцы Дунаевского района Хмельницкой области). Фотографии этих солдат я, по прибытии в Москву, по почте отправил по адресам местожительства их родителей, как и механика-водителя рядового Мороза А.Г. (призван из села Кольно Житковичского района Гомельской области) и рядового Петрова А.П. (призван из города Куйбышева).

Нескольким медицинским пунктам воздушно-десантных полков, расположенных в Кабуле, Баграме, Кандагаре, Шинданде и других местах были выданы модернизированные носимые медицинские комплекты. В конечном счёте, в опросных листах, выданных военнослужащим, этим комплектам была дана оценка (в основном, положительная), а также были указаны пожелания по усовершенствованию некоторых элементов в комплекте, исходя из реальных климатических условий.

В 15.00 выехали в Кабульский центральный военный госпиталь, рассчитанный на 500 раненых и больных. Начальником госпиталя был подполковник м/с Матвеев В.П.,

который к нашему приезду собрал незадействованный в это время медицинский персонал. Состоялся конструктивный обмен мнениями по реальному состоянию медицинского снабжения и эксплуатации медицинской техники. Конечно, все интересовались обстановкой на родной земле. Было много встреч с сослуживцами, например, со старшими ординаторами ГВКГ Вураки К.А. и Николенко В.М., которые здесь являлись начальниками стоматологического и хирургического отделений.

К 20.00 нас доставили в «бочку». До 22.00 подводили итоги напряжённого дня и составили план работы на следующий день.

17 марта. Работа в Кабульском аэропорту. Ознакомились с работой медицинского вертолёта Ми-8МБ «Биссектриса», особенно, по практике его применения при взятии на его борт раненых на поле боя, оказания им квалифицированной медицинской помощи по жизненным показателям на земле и в полёте, использования медицинского оснащения и др.

С большой заинтересованностью поднялись на борт оказавшегося в это время в аэропорту эвакуационно-реанимационного самолёта Ан-26М «Спасатель». Впервые в нём развернули три функциональных отсека: реанимационно-операционный, интенсивной терапии и эвакуационный. Он предназначался для эвакуации тяжелораненых и тяжелобольных в военные госпитали Кабула и ТуркВО. За его разработку и принятие на вооружение сотрудники нашего института В.А. Вознесенский, Н.В. Стремедловский и В.А. Хализев стали лауреатами Государственной премии.

Потом посетили аэродромный эвакоприемник с целью изучения принципа его работы и оснащения табельным и не табельным имуществом.

В Кабульском военном инфекционном госпитале (также рассчитанном на 500 раненых и больных) уточнили принцип эвакуации, тип транспорта и необходимость в специальных технических средствах для эвакуации больных такого профиля.

В конце дня прибыли в омедб вдд, где продолжили начатую вчера работу.

18 марта. Посещение военного инфекционного госпиталя в Баграме (его вместимость – 400 коек). Задачи те же, что и в Кабульском.

Затем – отдельный полк ВДВ. Задачи те же, что и в омедб вдд.

19 марта. В 8.30 отлёт в Кандагар медицинским самолётом Ан-26. Через 1,5 часа были в военно-полевом госпитале, развёрнутом на 175 коек (начальник В.Ф. Маланин). После проведенной работы и обеда в 14.00 вылетели в Шинданд, а в 15.40 были уже в военном госпитале (начальник подполковник м/с Егоров А.П.). Ознакомление со всеми лечебными и диагностическими отделениями продлилось до 19.00, а с 19.40 до 21.00 состоялось совещание с участием руководства и личного состава госпиталя по результатам совместного обхода. Итогом явился план по устранению недостатков и оказанию помощи со стороны работников отдела медснабжения армии.

20 марта. После завтрака вылетели на вертолёте Ми-8МТ в Герат, где ознакомились с работой медицинского взвода. Во второй половине дня работа продолжилась в Шинданде - сначала в СЭО-53, а затем в подвижном рентгенологическом кабинете, подвижном стоматологическом кабинете, медицинской роте и медицинском складе армии. В 18.00 состоялось совещание, которое проводил прибывший для этой цели начмед дивизии подполковник м/с Корнев В.В. На следующее утро самолётом Ил-18 через сорок минут прилетели в Баграм, а затем на «Биссектрисе» вылетели в Кабул.

В последующие три дня состоялись посещения: 22 марта в Пули-Хумри - 200-коечного военного госпиталя, медицинского склада армии и медицинских пунктов двух полков; 23 марта – омедб в Кундузе и медицинской роты в Гордезе; 24 марта обобщали и анализировали полученные результаты.

В итоге была обоснована система комплектно-табельного оснащения, потребность медицинского имущества для эффективной работы военно-медицинских учреждений и подвижных медицинских установок лечебно-диагностического назначения, что соответствовало задачам и условиям деятельности военно-медицинских формирований при оказании помощи пострадавшим в боевых действиях советских войск в Афганистане. Доклад о проделанной работе был согласован со службой медицинского снабжения и представлен руководству медицинской службы 40-й армии.

25 марта. Заключительный день командировки. Проводы на аэродроме, тёплое расставание с боевыми товарищами и надежда на новые встречи.

При взлёте самолёт набрал высоту до 6 километров (зона достигаемости снарядов ПРЗК), а затем, взял курс на Ташкент. Когда командир доложил о пересечении государственной границы, грянуло: «Ура!» И по русскому обычаю отметили возвращение на Родину. В аэропорту Ташкента нас уже ждал автомобиль медицинской службы ТуркВО.

На следующий день, после отдыха под мирным небом, в штабе округа состоялась встреча с начальником медслужбы генерал-майором м/с Рамодиным Г.И. Ознакомившись с отчётом о нашей командировке, он поблагодарил за проделанную работу и предложил продолжить её через три месяца. Так оно и случилось. Но это уже следующая история.

Сейчас я профессор, Заслуженный испытатель космической техники, кандидат военных наук, генерал-майор.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Хусаинов Наиль Айратович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Дудченко Руслан Петрович

А если он неисправен? До пропасти метров двадцать!

Я был призван в Советскую Армию в ноябре 1984 с призывного пункта города Измаила Одесской области. «Учебку» (автобат) проходил в городе Ашхабаде.

25 апреля 1985 года прибыл в Кабул, а оттуда на «вертушке» (вертолет Ми-8) был отправлен в Баграм, в отдельный батальон материального обеспечения (ОБМО).

После 10-дневной адаптации к климату и сну под отдаленные взрывы и стрельбу, меня, вместе с моим другом Александром Балабаненко, определили в 4-ю роту «наливников» (бензовозы).

Рота была в рейсе, поэтому ночной наряд «патруль вокруг городка» - был наш. Старшина роты, прапорщик Савченко, выдал нам штык-ножи и - вперед. Представьте себе: два 18-летних мальчика без оружия находятся ночью за территорией части, среди свалки старой техники, и патрулируют городок, наступая на гильзы от снарядов. Через некоторое время с какой-то «точки» начали пристреливать «зеленку» трассирующими пулями, которые, казалось, летят прямо над головой. Мы испугаться не успели, как уже лежали в каком-то рве.

Минут через десять все стихло. Через пару часов нас встретил дежурный по части, удивился, что мы без оружия, и

нам выдали «калаши» (автомат калашникова АК-74). Правда, от этого мы смелее не стали, было жутковато.

Первое время я ездил на старой, восстановленной дембелями бортовой «Наташке» - это автомашина «Урал» с маленькими колесами. Маршрут - до баграмской «взлетки» (аэродром), там с грузового борта самолета машину загружали продуктами, далее - я все это вез на дивизионный продуктовый склад.

В августе, наконец-то, я получил рейсовый наливной, настоящий «Урал» и вышел в первый поход в составе колонны «наливников» на Пули-Хумри, через Саланг. На Саланге я понял, что водить машину я толком-то и не умею. Сходил в пару рейсов и наловчился.

Был у меня один курьезный случай. Обычный будний рейс, мы находились на советской стоянке в Пули-Хумри, бочки залиты бензином, завтра выдвигаемся «домой», в Баграм. Вечером на эту стоянку пришла колонна «наливников» третьей роты нашего батальона. У них была задача: залиться топливом и идти на операцию для заправки техники.

В каждой автоколонне есть своя «водовозка». Это был старенький ЗИЛ-130. При переходе через Саланг двигатель ЗИЛа застучал. Надо выручать: мы им свой Урал с водой, а они нам старенький ЗИЛок, мне на жесткую сцепку. Утром выдвинулись, перешли через перевал, начали спускаться.

На Саланге есть такой закон: если колонна не успевает спуститься с Саланга на стоянку в Джабаль-ус-Сарадж засветло, она должна ночевать на стоянке блокпоста в горах. Для того, чтобы поставить свою машину на стоянку, мне нужно было отцепить ЗИЛок и подняться выше метров на триста. Я развернулся, заглушил двигатель и вышел из кабины. Когда подошел к задней части машины, увидел такую картину: молодые солдаты, не подложив под колеса водовозки упоры, сняли сцепку с моего форкопа. Само собой, ЗИЛок начал катиться вниз, они его пытались удержать, но бесполезно. Я инстинктивно побежал за водовозкой, запрыгнул в кабину, и тут в голове у меня мелькнула мысль (все это - секунды): «Тормозов нет, значит - ручник, а если он неисправен? А до пропасти метров двадцать… Все!!!»

Ручник сработал! Правда, как я выходил из кабины - не помню, ребята говорят, что я был белый, как стена. Сейчас думаю, зачем рисковал ради какого-то старого ЗИЛка? Наверное, молодость!

Август 2010 года

Душин Владимир Николаевич

УКВ-радиосвязь получалась только до первого серпантина горной дороги

Мне по долгу службы и по приказу командования пришлось в уже совсем зрелом, для военного человека возрасте возглавить рабочую группу и выполнить специальное задание в далёком и жарком Афганистане. Я воспринял это ответственное и сложное в организационном и техническом плане задание, как большое доверие командования моего института и Главного бронетанкового Управления МО.

Уже шёл первый год нашего присутствия там, как сложилось на жаргоне военных, «за речкой». Теперь, по прошествии многих лет после окончания войны, мы, участники её, считаемся у государства ветеранами боевых действий с положенными документами, льготами, многие с боевыми наградами и знаками за службу в Афганистане.

Боевое братство афганцев, несмотря на неустойчивое положение страны в смутные 90-е годы и организационные трудности, не распалось, а сумело сплотиться и достойно объединиться в ветеранские организации. Я, вот уже восьмой год, являюсь членом самой многочисленной и деятельной региональной организации инвалидов войны в Афганистане Южного административного округа города Москвы. Организация носит знаменательное и памятное для нас название «Панджшер».

Я родился в городе Москве 18 декабря 1936 года. Родители мои были служащими. Мама всю жизнь, до выхода

на пенсию, работала в союзном Министерстве лесной, бумажной и деревоперерабатывающей промышленности. Она работала экономистом в планово-экономическом отделе. Практически вся лесная промышленность была у неё на учёте. А вот отец был сотрудником интересной организации под названием «Главспирт».

Оба были наделены довольно профессиональными творческими способностями. Отец даже поступил в высшее профессиональное художественное училище СССР – «ВХУТЕМАС». Но не окончил его.

Отец имел «бронь», но в 1942 году был мобилизован в Красную Армию в артиллерийскую часть в качестве рядового, в 38 лет. Он был награждён медалью «За боевые заслуги». В наступлении по освобождению Варшавы 16 января 1945 года погиб.

Я окончил мужскую среднюю школу № 557.

В школьные годы в старших классах занимался спортом и три раза в неделю посещал самый сильный спортивный клуб Москвы по самбо, который находился в институте физкультуры.

После успешной сдачи вступительных экзаменов был зачислен в военное училище связи в городе Горький. Окончил училище с отличием.

Так как мы готовились по профилю радиоспециалистов для бронетанковых войск, то и попал я в Германию по прямому назначению на должность начальника радиомастерской в знаменитый 51-й гвардейский танковый полк 8-й гвардейской армии.

Сразу стал гвардии лейтенантом. Радиостанции всех танков полка, да и все другие прочие средства связи, включая телефонные аппараты, находились в моём ведении. Четыре года я прослужил в Германии.

После службы в Германии по прямой замене перебросили в Белорусский военный округ в город Марьина горка. В 1968 году мне предложили перевод опять по прямой замене за Полярный круг в Кандалакшу. С 1973 года служил в воинской части - в 1-м полку связи в Сокольниках, а затем - в подмосковной Кубинке в Научно- исследовательском институте бронетанковой техники, к этому времени я уже окончил Институт связи в Москве.

Много лет подряд избирался секретарём партийного бюро части с выходом на политотдел, месяца четыре был начфином отдельной части с кассой и всем тем, что положено в этом деле, четыре месяца в Кандалакше выполнял обязанности начальника штаба отдельного батальона связи, в Кубинке на девять месяцев «временно» назначен начальником штаба полка обеспечения испытаний как раз во время формирования этой новой части. Год пришлось «протрубить» начальником гарнизонной гауптвахты и затем, имея этот опыт, параллельно с исполнением основной должности начальника связи полка назначен Военным комендантом Кубинского гарнизона.

Но эти все события в моей жизни происходили до перевода меня в институт на научную работу, на должность младшего научного сотрудника. Специфика этой работы была новой и крайне интересной - я один на все сухопутные войска занимался, в строгом соответствии с моим образованием, развитием командно-штабных и разведывательных машин.

Многие узнают эту технику, с которой приходилось наверняка встречаться за службу, в первую очередь командирам. А уж все образцы, которые только разрабатывались, делались в металле на заводах и поступали в институт на испытания, всегда имели отношение к нашей лаборатории. Везде есть средства радиосвязи на гусеничном ходу. Поэтому, почти вся техника той поры, которая поступала к нам в небольшом числе опытных экземпляров, всегда была перед глазами и даже попадала в работу в нашу лабораторию. А вот по одной очень срочной разработке многих организаций мне лично досталось проводить мероприятия в жизнь прямо в войсках. И это оказалось непосредственно связанным с начавшимися событиями, с войной в Афганистане 1979-1989 годов.

Мой Афганистан

С первых же дней пребывания Советской Армии в Афганистане резко проявились недостатки в обеспечении подразделений и частей постоянной и качественной радиосвязью в горных условиях этой страны. Необходимо было срочно провести совместную исследовательскую работу специалистов Министерства обороны, представителей

промышленности и найти какой-то выход. Надо сделать так, чтобы тактическая связь в горах стала надёжной.

Уже в марте месяце научные институты приступили к поиску технического решения. И, естественно, решение должно опираться на уже имеющиеся в войсках штатные средства связи: комплексы аппаратуры связи на командирских и командно-штабных машинах.

В семидесятых годах была принята на вооружение и находилась в войсках в нормальном штатном количестве командно-штабная машина на гусеничной базе БМП-1 КШ. Но с теми средствами, что были на борту, УКВ-радиосвязь получалась только до первого серпантина горной дороги, а по коротковолновой радиостанции более или менее обеспечивалась до пятидесяти километров. Всё это было, как показали первые месяцы войны, явно недостаточно. Два НИИ Министерства обороны: Институт связи, как теоретики, и мы, НИИ бронетанковой техники, имеющий базу, как ведущие исполнители, приступили к работе.

Сразу подключили меня, младшего научного сотрудника, с нашей стороны в качестве куратора и ведущего исполнителя. О технической стороне предложенного решения и исполнения говорить не буду. Только отмечу, что было предложено институтом связи принципиально новое, ещё никогда не применяемое ранее решение. Это потребовало внесения конструктивных изменений основных устройств штатного объекта и размещения дополнительных устройств в боевом отделении.

Первый макетный образец, сделанный в мастерских института буквально на коленке, тут же был испытан в средней полосе на проектируемой дальности. Результаты подтвердили правильность предложений связистов - 350 километров дальности связи получили устойчиво в любое время суток. По нашему совместному заключению соответствующий завод разработал для производства техническую документацию и в сжатые сроки сделал оборудование в количестве, необходимом для модернизации нужного на первых порах числа объектов в воюющей в Афганистане 40-й армии.

Вот теперь и для меня началась служба в Афганистане. Директивой Главкома Сухопутных войск для осуществления нашей идеи и выполнения работы мне было поручено

возглавить рабочую группу по переоборудованию боевой техники связи. В группу вошли заинтересованные представители военной и гражданской науки, а также инженерный состав и рабочие завода-изготовителя. В поддержку был дан только один офицер от связистов - подполковник. Я же в это время принял руководство, будучи майором.

Был персональный самолёт АН-26, который в Челябинске загрузили полутора тоннами нашей аппаратуры и инструмента. Первый перелёт был в Кабул с промежуточной посадкой в Ташкенте для пограничного и таможенного контроля. Прилетели в афганскую столицу и были ошеломлены контрастом: из русских декабрьских холодов, да в тепло в 27 градусов и во фронтовую обстановку. Это сразу почувствовалось нервозностью и суетой людей и военнослужащих на аэродроме. Постоянное движение самолётов и вертолётов по взлётной полосе и в небе.

Нас встретил офицер управления вооружения армии и доставил для размещения в ОРВБ, где по плану мы будем базироваться, хранить имущество и свои чемоданы на всё время командировки. Разместили на свободных кроватях и накормили фронтовой консервированной пищей. Началось наше афганское привыкание: первая ночь в продуваемой армейской палатке, черное небо, и перед глазами с горной вышины массой огней очень красиво смотрится почти весь Кабул. Всё время работы расписывать нет необходимости, хотя любопытного и различных неприятных ситуаций за семьдесят дней нашего пребывания случилось предостаточно.

После совещания с командованием армии определился конкретный план и сроки работы. По плану нам предстояло облететь весь Афганистан: на северо-востоке - в Файзабаде, на юго-востоке – (в субтропиках) в Джелалабаде, на далёком западе - в Шинданде, а также отработать почти в центре страны - в Кундузе и затем в самом Кабуле в 180-м мотострелковом полку. Закончить работу обязаны проведением комплексного испытания всего сделанного на реальных расстояниях через весь Афганистан.

Такой объём только и означал, что будут сплошные перелёты. И как потом оказалось, почти всегда перелёты пришлось мне организовывать самому, отлавливая самолёты,

вертолёты на всех аэродромах, где я был, как свободное такси в Москве. Всегда был первый вопрос: «Командир, куда пойдёт борт?» И тут же следует второй: «Командир, возьмешь?» Получалось, конечно, не всегда, как хотелось бы. А это, к сожалению, всегда сопровождалось потерей драгоценного времени, выливающегося иногда в двое-трое суток. Плюс к этому случалось ещё и то, что порой в сроки вмешивалась и нелётная погода. И во всех этих неувязках после окончания работы в гарнизоне, мои люди сидели или на аэродроме, или вблизи на чемоданах в ожидании тревожного сигнала на отъезд. А по расчётам московского руководства работа должна была занять один месяц, на этот срок было первоначально определено время в загранпаспортах. И это при таких расстояниях через всю страну, да ещё в условиях напряжённой боевой обстановки.

В общем, комплексная бригада в семь человек прибыла в Афганистан и буквально на следующий день была готова приступить к выполнению задания, последовательность выполнения которого оперативно распланировали вместе и под руководством заместителя Командующего 40-й армии по вооружению генерал-майора Журавля Г.В.

14 декабря было положено начало нашим многочисленным будущим перелётам. Первый вылет был до Баграма на вертолёте Ми-6, но и он уже состоялся только после неясной задержки на два часа. Здесь ждали пересадки на Ан-12 для перелёта на аэродром Кундуз. Опять неплановая задержка, и в Кундузе мы разгрузили своё имущество уже перед сумерками. Поэтому нас устроили на ночлег в 179-м полку 201-й дивизии, чтобы отправить завтра в светлое время суток в Файзабад. Далее о наших более серьёзных мытарствах говорить не буду, потому что этого примера первого дня достаточно для понимания существующей обстановки. Ведь по только что составленному плану мы к вечеру должны были быть в Файзабаде и ночевать там. Но не получилось. Из этих «нюансов» хорошо видно, что все организационные вопросы нашей жизни лежали только на мне, как общем руководителе.

К сожалению, позднее мне добавилась ещё и политико-воспитательная работа с моими подчиненными. Но затем работа пошла споро, и машины переоборудовали без задержек с нашей стороны. В Кундузе нас не баловала и декабрьская

неустойчивая погода: мокрый снег вперемежку с дождём и везде непролазная грязь, особенно в парке вокруг рабочего объекта. Мои же люди приехали в лёгких штиблетах. Несмотря на такие трудности, 27 декабря машину сделали, я её проверил на связь с Кабулом и сдал по акту начальнику связи полка.

Вот такова была примерно технология нашей работы. В эти дни в кругу своих товарищей, в продымлённой палатке, скромно отметил свой день рождения. Почему скромно? Да потому, что всё наше спиртное, разрешённое к провозу через границу, находилось в Кабуле в чемоданах. Через четыре дня наступает первый год пребывания ограниченного контингента наших войск в этой стране. Вокруг все об этом только и говорят между боевыми операциями и другими делами. А мы сидим в Кундузе и совершенно неизвестно: попадём ли мы к этому дню в свой родной дом - в ОРВБ. Штука вся заключалась в том, что приказом Командующего все перемещения личного состава по территории страны в эти праздничные дни были запрещены. Вот и ещё одна для меня организационная вводная. Мои люди начинают на меня наступать, и всё активнее, с требованием решить эту проблему. Ведь от праздника никуда не денешься. Вот и попались мы! Но судьба к нам благоволила, и на неожиданно появившемся Ан-26, самолете большого армейского начальника, после моего представления, доклада ему о наших задачах и определённого уговаривания, моя команда попала на борт, и мы 30 декабря на перегруженном самолёте благополучно добрались до Кабула и своего батальона. К этому, думаю, стоит добавить, что, попав "домой", в окружении стреляющего в небо Кабула всего армейского гарнизона, мы, получив место для сна в обычных армейских ремонтных летучках, протопив их, достойно встретили Новый 1981 год.

Отгуляв праздник, получили команду в нарушении приказа пробираться на аэродром любыми окольными путями и улететь в Джалалабад в 66-ю отдельную бригаду. Летели и добирались до бригады опять с приключениями. Видимо, в Афганистане просто без этого ничего нельзя сделать.

Поскольку, закончив работу в Джалалабаде, мы по визе никуда не успевали, то к указанному сроку командование армии организовало нашу отправку в Союз ближайшим авиарейсом. Объём запланированной работы в эти сроки не

был сделан полностью. Через несколько месяцев командование организовало мне с этой же бригадой новую командировку на сорок дней для работы в оставшихся гарнизонах: в Шинданде и в мотострелковом полку в Кабуле.

В новой поездке тоже были свои приключения. И главное было в том, что было лето, и стояла сорокоградусная жара. В частности, работать сварщику внутри объекта приходилось очень тяжело, практически невозможно. Сварщик делал три-четыре тычка электродом, а затем мы его за ноги вытаскивали наружу, чтобы глотнуть воздуха. Вот в таких условиях мы работу довели до конца. Я отправил ребят домой, а сам остался ещё на десять дней, чтобы провести практические испытания на дальность радиосвязи, и закончить все дела написанием протоколов испытаний и отчётных актов, а также получить заключение командования 40-й армии.

Надо сказать и о том, что в ходе такой командировки у меня было много служебных и даже личных встреч с командирами, ставшими очень известными людьми не только в армии, но и в СССР. С глубоким уважением называю некоторые имена офицеров, получивших в Афганистане Героя Советского Союза, а позднее ставших большими военачальниками Советской Армии. Это генерал-полковник В. Высоцкий, бывший подполковником и командиром 180-го МСП, и генерал-лейтенант Р. Аушев, служивший в этом же полку начальником штаба батальона в звании старшего лейтенанта.

А мне же опять предстоял поиск самолёта и обратный перелёт в Союз, в Ташкент. Таким образом, были сплошные перелёты в небе воюющей страны. Военные люди, и вообще здраво рассуждающие, понимают прекрасно, надеюсь, что все эти перелёты чреваты определённой опасностью. Достаточно всего мгновения! Нам повезло! Мы все выполнили, что приказала страна. Так закончилась в моей биографии афганская эпопея.

Но работа по модернизации на этом ещё не закончилась. В этом же году по итогам работы в Афганистане были проведены на полигоне и в степях Казахстана официальные государственные испытания. В качестве заместителя председателя Государственной комиссии я два месяца проработал в городе Уральске и завершил эти испытания. В

результате модернизированная БМП-1-КШ Министром обороны была принята на вооружение и подписана к серийному производству.

Сейчас нахожу удовлетворение в работе Региональной общественной организации воинов-интернационалистов «Панджшер» и в районном Совете ветеранов.

Ноябрь 2009 года

Ерин Игорь Григорьевич

Мы к ней просто привыкли

Неуловимо летит время. И мы, участники афганских событий, еще долго будем осмысливать и переживать «афганский» опыт нескольких воинских призывов наших соотечественников. Но сейчас мы видим, что у нас в стране выросло поколение двадцатилетних ребят, которым можно гордиться, которое с честью и мужеством прошло через огонь жестоких испытаний. И только спустя годы, я стал понимать, что у каждого из нас была своя афганская война.

Я родился 12 января 1962 года в Москве. Учился в школе №480, окончил 8 классов.

После окончания школы поступил учиться в Профессионально-техническое училище №148. По направлению военкомата был направлен на учебу в ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Здесь я окончил курсы шоферов, а также по своему желанию сделал три прыжка с парашютом, так как мне очень хотелось попасть служить в престижные воздушно-десантные войска (ВДВ).

Как и все ребята, я знал о войне из книг, фильмов и из рассказов фронтовиков. Наша школа носила имя бывшего своего ученика Героя Советского Союза В.В. Талалихина. К нам часто приходили: первый инструктор, первый командир и боевые друзья Героя. По этим встречам у меня сложились первые представления о войне.

Не только я, но и никто из моих домашних не думал, что служить я буду в Афганистане, ведь могли отправить куда угодно - в Чехословакию, Венгрию, Польшу или в другие страны социалистического блока. Но судьба распорядилась иначе.

Уже в Подмосковье, когда нас готовили к службе, мы поняли, куда отправимся. Было одновременно и страшно, и интересно. Так получилось, что около полугода я находился на территории СССР, в Узбекистане. На тот момент вместе со мной призвали около ста москвичей. Как выяснилось позже, трое потом погибли.

Об Афганистане я слышал мало, так как в то время в печати и на телевидении редко упоминалось о тех событиях. Все ребята, еще не осознав своей будущей службы, не могли поверить и представить, что они завтра пойдут не в учебный, а в настоящий бой.

Горная страна, абсолютно другая культура, особая, сложившаяся веками традиция воевать с завоевателями – это был для нас совершенно другой мир под названием «Афганистан». Здесь, в горах Афганистана, многое пришлось переосмыслить.

Я был направлен в прославленный 149-й мотострелковый полк, в 4-ю роту, которой командовал капитан Афонский. Она и стала моим вторым домом. Уже по прибытии увидел настоящую боевую обстановку, в которой находились наши ребята. Как и любое воинское подразделение, полк имел свою историю и традиции. А два боевых ордена – Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, согласитесь, говорят о многом. Последний – был получен на огненной земле Афганистана.

Мое боевое крещение произошло в одном из кишлаков провинции Баглан. Наш взвод под командованием старшего лейтенанта А.А. Жукова находился на блокировании кишлака. По связи поступил приказ - две машины должны были прорваться в кишлак и забрать раненых из минометной батареи, которая вела там бой под командованием капитана Царева. Трудно описать те чувства, которые человек испытывает при разрывах снарядов и свисте пуль. Помню, что наша машина подъехала к одному из глинобитных домов, и в нее погрузили раненых. Один из них был тяжело ранен в голову, другой ранен в ногу. Лиц ребят я не видел, только

бинты на голове одного из них промелькнули перед глазами. На большой скорости мы выехали из кишлака и понеслись к площадке, на которой нас ждали вертолеты. Раненых посадили в вертолёт и отправили в полк. После приезда на позиции своего взвода мы узнали, что тяжелораненый минометчик скончался в вертолете.

Дальше было много операций, засад, но первый бой, он и есть первый. Поменялись командиры - взводов и роты. Уходили ребята на «дембель».

Но, помимо опасности, страха за свою и чужие жизни, на войне всегда было «чувство локтя», армейская взаимовыручка. Все человеческие качества выявлялись почти сразу. Каждый знал, что в трудную минуту ему обязательно помогут.

Однажды, при сопровождении колонны, мы были обстреляны из стрелкового оружия и гранатомета. Машина (БМП) была старой, и «духи» надеялись подбить её прежде, чем из неё начнут отстреливаться. Но промахнулись. Мотострелки заняли позицию около дороги, в машине остался механик, а вместо наводчика - старший лейтенант Жуков. Мы не видели противника, он прятался в «зеленке», а наша машина стояла на открытом шоссе. Второй снаряд из гранатомета разорвался возле БМП. По связи мы успели сообщить о нападении командиру роты, и тот выслал помощь. Это надо было видеть – несущуюся по дороге на большой скорости машину с повернутой в сторону «зеленки» башней. На полном ходу машина вела интенсивный огонь. Под ее прикрытием мы смогли сесть в свою машину и отойти к колонне, которая остановила свое движение. Уже на стоянке мы увидели, что гранатные осколки пробили борт БМП и зацепили старшего лейтенанта. Солярка залила весь десант. Понадобилось немного времени, и мы заняли место в колонне.

За все время я поменял три подразделения. Каждый раз приходилось привыкать к незнакомой армейской среде. Нельзя сказать, что мы не боялись смерти. Мы к ней просто привыкли, а передряги войны становились нам уже нипочем.

Что же касается потерь, то на войне без них не бывает. Тяжело осознавать их. Но, что поделаешь?

В моем подразделении больших потерь не было. Может быть из-за того, что грамотно воевали, может быть из-за того,

что в мои годы службы столкновения были не столь кровопролитными. После того, как я вернулся в СССР, в 1985 году, потери возросли.

Помнится случай, сбили один наш вертолет – погибли 12 ребят.

Однажды вечером попали под сильный обстрел. Когда утром мы осматривали место боя, выяснилось, что снаряды совсем немного не долетали до наших окопов. Таких случаев было много - когда или пуля над головой пролетала, или снаряд рядом взрывался. Тогда начинаешь задумываться о том, что было бы, если бы пуля прошла на 10-20 см ниже.

И как бы не было тяжело воевать, у нас еще находились силы подшутить друг над другом. Не обходилось и без курьезных случаев. Это сейчас, по прошествии лет, многое кажется смешным и нелепым, а там, в районах боевых действий, каждое неловкое движение могло стоить жизни.

Однажды попросили одного солдата кашу подогреть. Дали ему два десятка банок, и пошел он на всех кашу греть. Вдруг раздался небольшой взрыв. Прибежали - костра нет, а солдат весь в каше сидит. Спрашиваем:

- Что делал?
- Кашу грел.
- А как грел?
- Положил банки.
- А дырки сделал?
- Нет…

Хорошо, что его жесть не поцарапала. Разорвались несколько банок, костер разметало, и он весь в каше сидит. Хоть смейся, хоть плачь.

За время пребывания в Афганистане, словно родными стали провинции Баглан и Кундуз, а также города: Файзабад, Кишим, Шинданд, Кабул, Джелалабад.

После боевых операций мы считали недели, а затем и дни до возвращения на Родину. Каждый знал, что «дембель», о котором так красиво говорили старослужащие, неизбежен и приближается с каждым днем. Не был исключением и я. Уже мысленно я был там - дома, с родителями и любимой девушкой.

И вот наступил день, когда наш призыв дождался долгожданного «дембеля». Странное чувство обуревало меня:

рота должна была идти на операцию, а мы, десять человек, впервые остались в полку и ждали отправки домой. Через несколько дней нас посадили на вертолет и отправили к границе, к тому знаменитому мосту, который как ажурная цепочка, перекинулся через Амударью. И здесь, в ожидании оформления документов и таможенного досмотра, я и понял, что значит Родина. Это не просто земля на том берегу, это то святое, что окружает нас с самого рождения. Земля, люди, которые живут около тебя на протяжении твоей жизни, природа, близкая и дорогая. Все два года службы у меня было простое желание – увидеть белоствольную березку. Все это было теперь так близко, в каких-нибудь 600 метрах.

Уже в Москве мне вручили награду, к которой я был представлен в Афаганистане, медаль «За боевые заслуги».

Так наши военные будни сменила мирная жизнь, полная радости и соблазнов.

Постепенно стала забываться и афганская война, а мы, еще вчера воевавшие, медленно приобретали окраску «оккупантов». Тема войны в Афганистане в СССР подвергалась строгой цензуре. А пребывание контингента подразумевало лишь построение социализма еще в одном государстве.

После распада Союза хлынул целый поток информации о событиях, происходивших в чужой мусульманской стране. Теперь можно было говорить все. Одни неумело снимали фильмы про Афган, другие «по указке» писали обличительные книги. О подвигах и мужестве советских военнослужащих они старались не вспоминать. Но наша память сохранила истину, а ей ничто не подвластно.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Юдин Павел Анатольевич****, студент 1-го курса Московского государственно*

Жарова Елена Васильевна

Не забудь пистолет. Сядешь в самом конце аудитории

Совсем недавно, в апреле 2010 года, по рекомендации Председателя Местной общественной организации «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района Басманный города Москвы» Попова Дмитрия Игоревича, я прочла 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне». Произошло то, что должно было произойти. Пошли воспоминания разного рода - и грустные, и тяжёлые, и с улыбкой, и с горькой усмешкой. Ведь мой муж проработал в Кабуле семь лет. Семь долгих лет мирные, сугубо гражданские советники-преподаватели, если и державшие в руках оружие, то в самые далёкие времена, работали, учили и жили в воюющей мусульманской стране - Демократической республике Афганистан.

Уже написано много и о стране, и о войне, и о политическом климате тех далёких лет. Нового, кажется, не будет. Просто хочу вспомнить о той работе, о том внутреннем, закрытом для большинства мире - духовном, который таился в этих людях. Они воевали, но другим оружием, и оказывалось, что эффект от этого подчас был сильнее огня.

Многих уже нет - светлая им память, а оставшимся - доброго здоровья и долгой жизни.

Война - это не только люди с оружием

Я родилась 19 декабря 1936 года в городе Ленинграде. После прорыва блокады во время Великой Отечественной войны вместе с мамой и бабушкой была эвакуирована в деревню Алапаиху, затем в Омскую область.

Переехала в Москву, где окончила школу, Московский технологический институт пищевой промышленности. Работала в проектном институте «Гипроспиртвино», потом на Останкинском заводе фруктовых вод, где занимала инженерную должность и была неосвобождённым секретарём партийной организации завода.

Муж, Сидоров Мартэн Михайлович, родился 1 февраля 1932 года в городе Москве. Окончил школу с золотой медалью, поступил в Московский ордена Ленина государственный университет имени Ломоносова (МГУ) на философский факультет. Защитил кандидатскую диссертацию, продолжая работать на кафедре в МГУ. Член КПСС. Перешёл в Высшую партийную школу на должность доцента кафедры марксистко-ленинской философии.

1 сентября 1980 года у нас должен был быть праздничный день - сын Андрей шёл в первый класс. А за неделю до этого мужа вызвали на кафедру, где сообщили, что ему, как самому молодому сотруднику (48 лет) и высококвалифицированному преподавателю (работал как с советскими, так и с иностранными студентами) «предлагается» поехать в командировку сроком на два года для работы в Демократическую республику Афганистан. Что мог ответить человек выросший и воспитанный в СССР? Без промедления: «Согласен».

Начались быстрые сборы. Не зная ситуации в стране, в которую едешь, в коробки складывалось всё, начиная от книг и заканчивая подсолнечным маслом, рисом, хлебом и прочими, как казалось, нужными вещами, которых «там» нет.

Как мы были наивны! В кабульских дуканах было абсолютно всё - от конфет «Мишка» до, простите, туалетной бумаги советского производства. Откуда? Были отдельные офицеры, пригонявшие к дуканам машины, из которых коробками выгружали продукты, и взамен получали джинсы, часы, сервизы, магнитофоны и прочее. Увы, было и так.

Из «Шереметьево-2» самолёт улетал в ночь с посадкой в Ташкенте, и далее - в Кабул. Не знаю, о чём думалось в полёте новым советникам-преподавателям, а их было около 16 человек из разных городов Союза, но настроение у них было бодрое, боевое, любопытствующее - всё-таки их ждал другой мир, и это казалось интересным.

Хочу сделать маленькое отступление. Просмотрев книгу «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» я ещё раз убедилась в том, что человек, находясь в неординарной обстановке, стремясь как-то высказать свои переживания, впечатления, чувства, обращается к поэзии, к написанию, пусть наивных, но откровенных и чистых стихов. Вот стихотворение об «интересной» жизни в Кабуле.

Здесь как больничная палата
Жильё. Напротив - серый дом.
И днями смуглые ребята
Играют под моим окном.
Кого-то там изображая,
Кричат, бегут, грозят, бранят.
Но я их речь не понимаю,
И шуму этому не рад.
Чужие - небо, люди, горы.
Чужой, враждебный чёрный глаз.
Стеной высокие заборы.
Всё не для нас. Всё против нас.

1980 год. Сидоров М.М.

Кабул встретил преподавателей, прежде всего, ранним заунывным голосом муэдзина. Намаз: первый - до восхода солнца, пятый - перед сном. В этот момент афганец становится на землю на колени и молится. Между этими молитвами идёт обстрел города.

Из-за горы Старый микрорайон («Черёмушки») виден как на ладони, но снаряды ложились то не долетая, то перелетая дом, где на первом этаже в квартире на четверых поселился Мартэн Михайлович. Мимо окон ходили мальчики-продавцы с осликами, которые предлагали зелень, овощи, фрукты и очень любившие торговаться. Продавцам было примерно по семь лет.

Солнце, жара, пыль. Снуют вокруг по городу в основном мужчины-афганцы, характерно одетые: штаны неопределённого цвета, ещё более неопределённого покроя, такая же свисающая рубашка, старые галоши или видавшие виды подобие ботинок, пиджак очень большого размера (всё одето на голое, давно не видевшее воды, тело). Венчает эту красоту какая-то тряпка, именуемая тюрбаном. В случае «нужды» штаны распахиваются, и нет проблем. Женщины в большинстве спрятаны под мрачную, тёмную паранджу. Таким был Кабул в 1980 году.

Кафедра, где работал Мартэн Михайлович, располагалась в Кабульском политехническом институте, а позднее - во вновь построенном Институте общественных наук ЦК НДПА (Центрального Комитета Народно-Демократической партии Афганистана). От места проживания место работы находилось на другом конце города, поэтому преподавателей развозил специальный автобус, следовавший по строго определённому маршруту.

Руководителем нашей группы советников-преподавателей был красивый, умный, грамотный, прекрасно ориентирующийся в обстановке профессор, доктор исторических наук Юрий Львович Кузнец. Ректором Института общественных наук (ИОН) ЦК НДПА был Фарук Карманд, окончивший Ленинградский строительный институт. Он был женат на русской женщине и имел двух дочерей. Его заместителем был Джелани Каргар, имевший чисто афганскую семью. К сожалению, не известно об их дальнейшей судьбе, но велика вероятность, что они погибли. Это были до конца преданные революции люди.

Весь объём работы преподавателей описать невозможно - для этого нужна отдельная книга, т.к. она включала бы политические, идеологические, воспитательные, образовательные моменты и не только при работе в аудитории, но и в нерабочее время.

А жизнь шла своим чередом. Нужно было привыкать к чужой речи, быту, законам. Вода и свет были далеко не всегда.

Комендантский час. Обстрелы. Взрывы на рынках, в дуканах. И знать, что в любой момент в тебя может попасть бомба или снаряд, или просто меткая пуля. И не поможет выданный пистолет, поскольку выстрелить не успеешь. Или во

время лекции в аудиторию влетает снаряд и полностью сносит две стены, а преподаватель со студентами оказываются в полуоткрытом пространстве. После этого его привозят домой, а здесь он попадает под очередной запланированный вечерний обстрел. Ответить ничем не можешь - враг за горой, враг в горах.

В стране же полная неразбериха. В силу разных причин, анализировать которые не входит в план воспоминаний, это дело политиков, можно только отметить очень сложные условия работы преподавателей. Перед ними ставились громадные задачи - вырастить нового современного человека XX века. Из кого? Из членов феодального, местами даже рабовладельческого, общества (торговля детьми).

Учиться в институте направлялись люди абсолютно безграмотные, разных национальностей (пуштуны, хазарейцы, таджики), разных религиозных направлений (шииты, сунниты) и, наконец, принадлежавшие к разным политическим партиям (парчамисты и халькисты). Не все понимали термины и язык, на котором велись занятия. Но нужно отметить большое уважение к нашим преподавателям, которое читалось в глазах студентов. Факультетов в институте было пять: комсомольский, военный, журналистики, женский и общий.

Учились и члены ЦК НДПА. К ним индивидуально прикреплялись преподаватели. Мартэн Михайлович работал с заведующим международным отделом М. Барьялаем, позже с министром обороны М. Рафи. Часто план занятий нарушался, так как их интересовали не только вопросы диалектического материализма. И тогда беседа шла не по запланированному графику. От преподавателя требовалась большая эрудиция и умение ответить без подготовки на самые неожиданные вопросы высокопоставленного «ученика». Работа была напряжённой и ответственной - ведь мы были для них образцом во всём.

А вечером, вернувшись домой, в свою маленькую комнатёнку, наваливалась тоска по дому.

Меж нами бездна расстояния
На много лет.
Не знаю, будет ли свидание,
Быть может - нет.

И через эти расстояния,
Сквозь все пути
Три года к нашему свиданию
Ещё идти.
Меж нами бездна расстояния.
Далёк твой дом.
И мне не предсказать заранее,
Что будет в нём.
Не знаю, что несёт свидание
Моей судьбе.
Я через годы ожидания
Иду к тебе.

Ноябрь 1980 г. Кабул. Сидоров М.

Работа шла со скрипом, иногда с взаимным непониманием, спорами, но общее дело продвигалось. Уже к середине 1981 года отмечалось, что НДПА идёт в правильном направлении. Начался активный приём в партию не только служащих, но и рабочих, и крестьян. Повысилось доверие к советникам. Но ещё была масса проблем, которые нужно было решать, требовался более высокий уровень знаний именно у руководителей государства. И во всём помогали разобраться наши партийные и военные советники, а преподаватели закладывали правильный фундамент их мировоззрения.

Нужно было систематически читать газеты, следить за внутренней политикой в стране, в мире. День преподавателя был заполнен, на грусть почти не оставалось времени. Перед Мартэном Михайловичем поставили очень нелёгкую задачу - написать учебник по диалектическому материализму для студентов НДРА. Задача трудновыполнимая, учитывая совершенно разный уровень будущих читателей - от членов ЦК НДПА до почти неграмотного представителя сельской местности. Это должен был быть первый учебник по философии в этой стране, написанный советским специалистом. Я это подчёркиваю, так как в Кабуле был университет, в котором была кафедра философии, но, естественно, с европейским уклоном. Учебник был написан, переведён на дари и получил высочайшую оценку. А о курсе лекций в Кабульском университете расскажу особо.

Кабульский университет был самым реакционным заведением города, порога которого никогда до этого не переступала нога русского преподавателя. Чем руководствовалась его кафедра, приглашая Мартэна Михайловича для прочтения курса лекций по диалектическому материализму, до сих пор непонятно. Любопытство? Растерзать, раскритиковать, научно уничтожить?

На определённый день была назначена пробная лекция. Честно говоря, испугались все: и руководитель нашей кафедры, и советник, и, конечно, мы. Но по политическим соображениям отказываться было нельзя. Надежды на успех не было. Мы могли только предположить, что до них дошли слухи о шурави, неординарно читающем лекции. И им стало любопытно.

С приближением дня лекции наши волнения усиливались. Район, где находился университет, для советских людей был под строжайшим запретом. Кафедра враждебно настроена, студенты - тем более. Муж тщательно готовился: внешний вид, написанная лекция (условие членов кафедры).

«Ты едешь со мной, - сказал он. - Не забудь пистолет. Сядешь в самом конце аудитории, и всё время следи за поведением студентов. В случае чего .»

Я волновалась больше, чем он. Машина привезла нас к мрачному зданию университета, нас ввели в не менее мрачную аудиторию. Я заняла наблюдательный пост. Стали появляться студенты. Прозвенел звонок, и в аудиторию вошли все члены кафедры философии во главе с заведующим, ярым противником марксизма.

Я потихоньку вытащила пистолет из-за пояса и взяла его в руку. Лекция длилась два часа с перерывом. Вначале муж нервничал, а потом, забыв об опасности, вошёл в свой особый ритм чтения лекции и точно по звонку закончил изложение материала.

В аудитории воцарилась тишина, и вдруг все члены этой претенциозной кафедры зааплодировали. В обсуждении лекции не было необходимости. Двухнедельный курс диалектического материализма был прочитан в Кабульском университете советским преподавателем Сидоровым Мартэном Михайловичем в соответствии с планом, а это уже была маленькая победа.

Постепенно менялось мировоззрение местного населения: по окончании учебы студенты возвращались по домам, и им уже хотелось жить по-новому. Многие женщины в Кабуле сняли паранджу. Появились женские клубы, открылись школы, заработали детские сады, ясли. В провинции создавались агитационные преподавательские группы. Появились плакаты, стала организовываться политучёба. Преподаватели-философы часто выезжали с разовыми лекциями в провинции, где приходилось объяснять не законы диалектики, а то, что на экране (возили с собой передвижной киноэкран) изображён не «русский баран», а свинья, которую они никогда не видели и считали, что это русский баран.

Когда же им пытались объяснить причину невозможности брака между родными братьями и сёстрами, приходилось лекцию прекращать, так как утихомирить разбушевавшуюся аудиторию было невозможно. Некоторые студенты относились враждебно к преподавателю, и приходилось в прямом смысле «держать руку на пистолете».

Все эти моменты не могли не сказаться на состоянии преподавателей, стали шалить нервы. Все чаще и чаще вечером рука тянулась к перу, тем более, что срок командировки не сокращался - в отделе ЦК КПСС, по чьей линии были отправлены преподаватели в ДРА, считали Сидорова Мартэна Михайловича достойным советником-преподавателем и не было необходимости в его замене. Он был уже награждён двумя медалями ДРА. Работа продолжалась.

Я же не жила постоянно в Афганистане: в Москве были дети, учёба, работа, но я рвалась в Кабул, понимая, что поддержка жён в тех экстремальных условиях необходима. А мужья всё время ждали самолёт из Москвы. Ждали все, даже если прилетала чья-то жена – она обязательно везёт всем весточки с Родины. В такие дни эти взрослые, уже много видевшие мужчины, украдкой друг от друга, смотрели в небо - всё ли там спокойно, сопровождают ли самолёт тепловые ракеты, как приземлился? А вечером по одному приходили и застенчиво улыбаясь, даже не спрашивали, а молча, моляще, вопросительно смотрели: «Мне что-нибудь есть?» «Да, да, конечно же, прислала. Целует, любит, волнуется и опять целует», - говорили мои глаза, и передавалась посылка или письмо.

Но бывало:

Опять не пришёл самолёт,
Порою судьба к нам сурова.
Пусть кто-то кого-то не ждёт,
Я жду тебя снова и снова.
А время неслышно идёт,
С тобою стареем мы оба.
И пусть не пришёл самолёт,
Я жду тебя снова и снова.
А в этих афганских горах
Снега и бои, и потери,
Но ты пересилишь свой страх.
Ведь я, как всегда, в тебя верю.
А завтра погоду дадут.
Ведь я так хочу. И я знаю.
Ты всё же окажешься тут,
Ты будешь со мною, родная.

Кабул. 1985 г. Сидоров М.

Советники-преподаватели самосовершенствовались, появилась вера в свои силы, появилось понятие того, что их труд нужен этим гордым, красивым и где-то по-детски доверчивым людям, которые ценят хорошее и дружеское к ним отношение. Это был передовой фронт, но фронт с другим оружием. В стране же шла война. И гибли мужья, сыновья, отцы, братья. Тогда не успевали задумываться: а кому это всё нужно? Мы исполняли свой интернациональный долг.

Сидоров Мартэн Михайлович проработал в ДРА до июня 1987 года. Получил ещё одну правительственную награду. Подготовил ряд диссертаций с афганскими аспирантами. Возвратившись в Москву, продолжал консультировать, помогать учившимся здесь афганским студентам. Принимал участие в написании учебника по философии для студентов российских ВУЗов. В 1997 году был избран по конкурсу на пять лет на должность профессора кафедры философии Московского государственного социального университета. И очень переживал за прекрасную страну Афганистан, которая хотела, но не могла жить счастливо.

Сердце не выдержало. 19 июля 2002 года Мартэна Михайловича Сидорова не стало.

Однажды в Кабуле, сидя у телевизора, он услышал музыку Георгия Свиридова к повести А.С. Пушкина «Метель» и тут же на эту музыку написал «Афганский романс».

Афганистан увидел я.
Ах, что за чудо небо голубое.
Как хорошо, что нет со мною, что рядом нет тебя, любовь моя.
В чужих горах воюю я.
Здесь только пыль кругом, да кровь, да муки.
И боль от ран, и боль разлуки пусть не узнает их, любовь моя.
Моя семья, мои друзья,
Мы с ними всё пройдём назло душманам.
В госпиталях залечим раны, и я вернусь к тебе, любовь моя.
Когда домой приеду, и вновь приму тебя в свои объятья.
Весь этот мир смогу объять я -
В тебе одной весь мир, любовь моя.
Но если вдруг погибну я,
И долюбить тогда мне не придётся,
Пусть горним эхом отзовётся
В твоей душе любовь - любовь моя.

Хочется верить, что этот великолепный романс прозвучит когда-нибудь на одном из концертов в память о воинах-интернационалистах. Им он посвящён. Вечная им память!

Стеклянные шарики и воздушные змеи

1983-1984 учебный год я с сыном Андреем прожила в Кабуле. Он учился в школе, меня выбрали членом профгруппы (тогда так называлось партбюро).

В Москве Андрей не только учился в школе, но и танцевал в основной хореографической группе Ансамбля имени К.Локтева. Узнав об отъезде Андрея в Афганистан, руководитель Ансамбля расстроился, но мы пообещали, что он будет танцевать в Кабуле, и повезли с собой его профессиональные костюмы для исполнения нескольких танцев. Своё слово мы сдержали. Андрей выступал во Дворце пионеров, в Культурном центре под музыку, записанную в

школе, и, самое главное, в советском госпитале перед ранеными бойцами, за что получил благодарность от советского посольства.

В школу и из школы детей возил наш автобус по особому маршруту. Для них всё было необычно, весело и ни о какой опасности они не думали. А обстрелы и домов, и дорог, и школ постоянно продолжались. Как ни странно, но в местных овощах и фруктах было очень мало витаминов, а в воде - кальция. Дети стали терять зрение, зубы, стали шалить нервы. (Вернувшись в Москву, Андрей стал носить очки.) Но отступать было некуда. И мы продолжали жить, учиться, устраивать маленькие домашние праздники, отмечать дни рождения.

В свободное время Андрей гулял около дома. Мы жили уже в новом микрорайоне Кабула. Это было смешанное поселение из людей разных национальностей. Язык детей был интернациональным. Все вместе бегали, кричали, играли в футбол, но больше всего любили играть в стеклянные, разноцветные, полосатые шарики диаметром где-то 1 сантиметр. Не знаю сути этой игры, но она была по-детски азартной, а дуканщики получали «своё удовольствие».

Того, кто впервые приезжал в Кабул, всегда поражало небо. Вечерами, когда спадала жара, оно было всё в разноцветных и разновеликих «змеях». Так, как их запускали афганские ребята - не делал никто. Во всем мире дети одинаковые - они могут радоваться всему, а страхи от обстрелов, взрывов, землетрясений быстро улетучиваются из их добрых и не помнящих зла сердец.

Это что? Это слёзы

Был жаркий кабульский день. Я шла по старому микрорайону и увидела, что продают мороженое. Это был вафельный фунтик, наполненный разноцветной, высокой башней яркого, полосатого мороженого. Я купила мороженое и пошла дальше, но попробовать не успела. Передо мной у обочины почти высохшего грязного арыка сидел чумазый, одетый в лохмотья ребёнок, примерно трёх лет, и пил из него воду. Один. При виде меня он замер, так как я - белолицая блондинка, чего он никогда не видел. Я не раздумывая ни

одной секунды, без слов протянула ему мороженое. На мальчика это подействовало завораживающе. У него открылся рот, и на вытянутой ручке открылись все пальчики, в которые я вложила мороженое. И тут же ушла, чтобы не мешать ему. Через несколько шагов тихонько обернулась. Он смотрел мне вслед счастливыми, искрящимися глазами, понимая, что ему досталось что-то хорошее, чего он ещё никогда в своей короткой жизни не пробовал, а по грязным, худым, детским пальчикам уже начинало стекать таявшее на солнце мороженое.

Весной Кабул расцветал: афганские мальчишки носили на голове большие плетёные соломенные тарелки, наполненные разноцветными горными тюльпанами для продажи.

Водитель, возивший на занятия Мартэна Михайловича, очень симпатизировал мне. Он был женат, имел много детей. Однажды, он, шутя, попросил моего мужа отдать меня ему. Муж с улыбкой сказал: «Согласен. Неси весы. На одну чашку весов сажаем мою жену, а на другую ты положишь калым за неё .» Решили сделку временно отложить.

На площадь Нового микрорайона медленно и величаво вступает процессия: впереди верблюд, увешанный коврами, на которых сидят, висят дети. Его ведёт хазареец. За ним идёт другой верблюд, увешанный палками, сухими ветками и колючками - это топливо. Дальше ещё верблюд - на нём женщины, ещё дети, какие-то мешки. Рядом бегут овцы, верблюжата. Идут с чувством полного превосходства над окружающими. Это кочевники. Стоят люди, стоят машины - ведь едет семья, а это свято.

Из первоначального состава кафедры, шестнадцати преподавателей, Института общественных наук ЦК НДПА до июня 1987 года доработали только Кузнец Юрий Львович и Сидоров Мартэн Михайлович.

Со временем, естественно, стираются многие подробности происходившего, забываются страшные эпизоды этой «освободительной» войны, но и солдаты, и офицеры, и советники-преподаватели навсегда познали истинную цену воинского братства, истинную цену человеческой жизни.

Май 2010 года

Иванов-Якушко Игорь Юрьевич

Выходит механик самолета и начинает всем пристегивать парашюты

Я родился 22 декабря 1950 года в семье военнослужащего. В 1968 году окончил среднюю школу и поступил в Ивановский энергетический институт, который окончил в 1973 году. По специальности инженер-теплоэнергетик.

Работал в Теплосети Мосэнерго, Главмосстрое.

В 1985 году был приглашен в Комитет государственной безопасности СССР. Награжден орденом Красной Звезды, орденом «Звезда» I-й и II-й степени Демократической республики Афганистан.

Отец у меня был морским офицером. По линии отца у меня все были военные. Дед мой был кадровым разведчиком, до войны был военным атташе в Турции. Прошел всю войну.

В 1986 году мне было предложено поехать в Афганистан. Естественно, родные были не в восторге, тогда уже было многое известно о войне в Афганистане. В декабре 1986 года я оказался в Афганистане. Попал я в гарнизон Кундуз – это на севере Афганистана.

Мы приземлились в Кабуле. Сразу после мирной жизни и Ташкентского аэропорта - кругом БТРы и вооруженные люди. Все это сразу перевернуло мое сознание. Повлияло и то, что аэропорт находился в котловине между гор, и самолет заходил на посадку очень резко, быстро снижая высоту. Когда я сидел в

самолете, напротив меня был высотомер - стрелка крутилась, как на секундомере.

Пробыл несколько дней в Кабуле, в так называемой «пересылке». Воинская часть, где военнослужащие, которые едут в отпуск и ожидают борта, кто-то, наоборот, едет обратно в часть, называли «пересылкой».

Через три дня меня отправили в Кундуз. Самолеты летали только ночью - это было безопаснее. Мы садимся в самолет, на всех местах разложены парашюты. Сели на свои места, выходит механик самолета и начинает всем пристегивать парашюты. Сразу какая-то «невольная дрожь». Рядом со мной сидел майор, такой очень большой комплекции, он никак не мог застегнуть свой парашют, он у него не сходился, а одному - парашюта вообще не хватило.

Механик ходит, все проверяет и доходит до майора, моего соседа. И майор кричит: «Ну вот, у меня не сходится…», а второй тоже говорит: «А у меня нет парашюта». Механик посмотрел на майора, снял с него парашют и отдал тому, кому не хватило. Через некоторое время выходит командир и говорит механику: «Значит так прапорщик, в случае аварийной ситуации, открывай люк и всех под зад коленкой». Какими бы мы взрослыми не были – становится не по себе.

Взлетели. До Кундуза мы летели, по-моему, два с половиной часа, так я, чтобы сбить тревогу, про себя начал петь все песни, которые я знал. Ну, а потом долетаем, смотрим в иллюминатор, а внизу огни. С нами летели люди, которые из отпуска возвращались. Они говорят, что это не город, а гарнизон Кундуз. В городе вообще света нет.

На самом деле потом оказалось, что у них света нет не только в Кундузе, а во всех городах, за исключением Кабула, и канализации нет. У меня первое впечатление сложилось, когда мы ехали по Кундузу, что у них на дворе XIII-XIV век.

Началась работа и служба. Было два гарнизона: Южный Кундуз, где был большой аэродром, располагались дивизия, вертолетная эскадрилья и много других частей, и Северный Кундуз - в 30 километрах от дивизии, где стоял артиллерийский полк, автомобилисты и сапёры.

В 30 километрах от Северного Кундуза была граница с СССР. С афганской стороны там был небольшой поселок Ширхан и река Пяндж, а на нашей стороне - застава. Бывало,

когда в поселок ездили, подойдешь и сядешь у берега, и кричишь пограничникам нашим: «Эй, ребята! Привет! Как у вас в Союзе?»

По службе приходилось и колонны сопровождать, и с разведчиками ходить, и с артиллерийскими корректировщиками работать. В Афганистан я прибыл в звании майора, а уехал в звании подполковника. Когда я прибыл, практически все понимали, что нам изначально нечего было тут делать. Но приказ есть приказ, воинский долг нужно исполнять.

В Кундузе на главной площади, было много маленьких магазинчиков. Их называли дуканы. Ходить туда запрещалось, но все ими пользовались. Заходишь туда, пацаны бегают с криками: «Командор, командор, заходи и купи». А буквально перед выводом прошел слух, что как только мы выйдем, на следующий день придут душманы проводить «чистку», и чтобы различать своих людей им раздали значки.

Захожу я в один дукан, а там пацан маленький смотрит на меня презрительно и говорит: «Командор, барбухай Москва». Барбухай - это у них так машина называлась. Я говорю: «А что такое?» А он отворачивает воротничок и показывает мне значок. Я понимаю, что не слух это был. Это была правда. На следующий день после вывода нашего гарнизона, в город пришли «духи» и убили там всех, кроме своих.

В 1988 году, 8 августа, я приземлился в аэропорту Домодедово.

Накануне, мы все, отвыкшие от удобств и благ цивилизации, прилетели на военный аэродром «Тузель» в Ташкенте группой в 25 человек. Прошли таможню, получили деньги, которые нам полагались. Дальше нам надо было добираться до гражданского аэропорта в Ташкенте. Неподалёку проходила дорога, и один из ребят, пока мы все оформлялись, вышел на остановку и договорился с водителем маршрутного автобуса. Тот въехал на своем автобусе на аэродром, забрал нас и довез без остановок.

Едем. Смотрим в окошко на мирный Ташкент, привыкаем к мирной жизни. Вдруг автобус встал. Мы все кинулась к водителю, не понимаем, что происходит. А водитель говорит: «Ребята, да вы что, светофор красный». Мы привыкли в Афгане на БТРах разъезжать, светофоров там нет.

Но не во всех случаях техника спасала. Бывали случаи, когда на моих глазах погибали люди. У меня у самого была контузия, летом 1988 года. Незадолго до вывода, мы сопровождали колонну. Были у «духов» мины, «итальянки» назывались. Они не сразу взрывались при наезде на нее. Там был рычаг, который при надавливании постепенно сжимался. В конце концов, мина взрывалась на третьей, четвертой или пятой машине. На этот раз подорвалась машина, которая ехала впереди нас.

Конечно, непередаваемое ощущение, когда ты уже приехал домой. Не знаю даже, как и сказать. Когда я приехал – моих дома не было. Я знал, что жена с сыном уехали отдыхать на турбазу на Украину. С трудом дозвонился туда, жене передали телефонную трубку, я сообщил, что приехал. Хотя по плану мы должны были выходить позже, т.к. в Кундузе был большой артиллерийский полк, на Севере.

Был такой план вывод войск методом «чулка», т.е. вытягивают Юг и постепенно к Северу, а артиллерийский полк прикрывает. У них был такой полевой командир Ахмад Шах Масуд, он погиб при талибах, очень известный и грамотный. Его называли «Панджшерский лев», он держал там ущелье Панджшер. А по Женевскому соглашению мы должны были к августу вывести 50% войск, но не получалось этого. А он так грамотно все подсчитал, заявил нашему руководству, что если вы не выведите 50% войск до такого-то числа, я раструблю всему миру, что вы не выполняете Женевское соглашение. Поэтому было решено вывести гарнизон Кундуз в августе.

В 1990 году я уволился в звании подполковника. В Москве в районе Братеево, в то время проживало 230 афганцев. Мы решили зарегистрировать свою организацию. Так появился Союз ветеранов Афганистана и инвалидов «Единство», председателем которого я являюсь по сей день. С 2007 года возглавляю местное отделение Всероссийской общественной организации «Боевое братство» в Южном административном округе Москвы.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Сабончиев Аслан Мухамедович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Костюк Иван Иосифович

У всех на виду проходил расстрел трех девушек душманами

Я родился 23 апреля 1970 года на Украине, в селе Нагоряны Залещицкого района Тернопольской области. Украинец. Православный.

В 1987 году, по окончании 10 классов школы на Украине, поступил в Кашинский зооветеринарный техникум Калининской (сейчас Тверской) области.

Весной, после первого курса, в 1988 году, когда мне исполнилось 18 лет, призвали в армию. «Учебку» проходил в городе Багратионовск-1 Калининградской области. По окончании «учебки» нас начали распределять по местам службы.

Мне рассказывали, что в Афганистане тепло и растут персики (к сожалению, персиков я там не нашел). А хотел я именно туда, где тепло, где нет снега, потому что еще до «учебки» друг мне рассказывал, как он служил в Сибири, в Иркутской области: снег по пояс, а когда ползешь в шинели, так и вовсе за шею попадает - приятного в этом мало. Еще тогда я понял, что в Сибирь я не хочу. Я решил пойти в КСАПО (Краснознамённый среднеазиатский пограничный округ).

Вызвалось нас, смельчаков, 3 человека из 56-ти. Поехали мы в августе 1988 года. Ехали около недели поездами, доехали

до Душанбе. Там нас помыли, переодели, автоматы - на шею, посадили в вертолет, и мы полетели.

Изначально мы думали, что нас отправят на погранзаставу, однако, прилетели мы в Афганистан, как узнали позже. Еще из вертолета я увидел интересную картину. Поле, а на нем много «гробов», как на кладбище. Оказалось, что это наши войска, включая всю технику, находятся в землянках. Высаживать с почестями нас никто не собирался, нужно было спрыгивать с вертолета, зависшего на высоте около двух метров. Пришлось прыгать. Первая фраза, которую я услышал на землях Афганистана, была: «Духи прилетели!»

В тот же день начались расспросы о жизни в Советском Союзе, о том, что нового происходило на Родине. Так началась служба. Никаких притеснений со стороны старослужащих я не испытывал. Старослужащие давали советы: не высовываться, одному никуда не ходить, в группе каждый должен был прикрывать другого и т.д.

Служба оказалась нелегкой, но в то же время интересной. Мы попали в приграничный город Шерхан-Бандар. Свободного времени практически не было, всё время что-то делали. После прошедших операций застава занималась боевой и политической подготовкой, инженерным оборудованием позиций, обслуживанием техники и благоустройством подразделения. Постоянно чистили оружие, да и вообще, с оружием мы практически никогда не расставались - ели, отдыхали, спали – всегда вместе с автоматом.

Служить начал в мотоманевренной группе 1-й войсковой части №2066. В дальнейшем проходил службу в войсковых частях №9785 и №2033. В течение службы получил звание сержанта (начал рядовым). Ранений, к счастью, за время прохождения службы, не получил.

Награды:

- медаль «От благодарного афганского народа»;
- медаль «За отличие в охране государственной границы СССР»;
- знак «Отличник погранвойск I-й степени»;
- знак «Отличник погранвойск II-й степени»;
- знак "Старший погранаряда»

То, что меня и многих наших солдат, офицеров и советников афганцы помнили и доверяли нам, для меня самая

дорогая награда. Значит, многое из того, что мы успели здесь сделать пошло на благо афганскому народу. А значит, не зря мы были здесь!

Боевое крещение

Сижу в окопе. Со всех сторон начинают стрелять. Я высовываюсь из окопа и начинаю вести ответный огонь. Вдруг сзади я получаю удар по голове и отключаюсь ненадолго. Когда я очухался, то старослужащий, который меня ударил, сказал, чтобы больше я так не делал, а иначе пулю в лоб получу.

Очень удивился, когда увидел, что «духи» ходят босиком по горам.

В первые месяцы службы я, от волнения, перевернул машину, когда заезжал в окоп. Вместо тормоза, нажал на газ. К счастью, никаких последствий не было.

Во время боевой операции мы увидели очень страшную картину. Возле школы, у всех на виду, проходил расстрел трех девушек душманами, за то, что они сняли паранджу в общественном месте. У нас был приказ не останавливаться, и поэтому мы ничего не предприняв, проехали мимо.

Одним из ярких воспоминаний является тот момент, когда я увидел горную систему Памира. Это настоящий океан белых и голубых гор. Незабываемое впечатление. Внизу растёт виноград, а если взглянуть повыше – лежит снег.

Афганистан – страна чудес,
вошел в кишлак и там исчез

Группа у нас была небольшая, 10 человек. Нам часто приходилось сотрудничать с «языками», т.е. с афганцами, которые обеспечивали нас информацией о местах нахождения противника, о засадах и т.п. В очередной раз, когда мы стояли на точке, пришли «языки». Я стоял на охране землянки и поэтому разговора не слышал. Но во время их беседы произошел конфликт, завязалась драка, в результате которой одного из сослуживцев убили лопатой.

Во время одной из боевых операций в горах, группа оставила на прикрытии Игоря Тортина (Владимирская область,

город Ковров). Мы ушли дальше, а он остался нас прикрывать. Когда он увидел душмана на горе, то решил, что сам справится и возьмет его в плен, и никому не сообщив, побежал за ним. Когда он уже почти его настиг, раздалась автоматная очередь - второй «дух» застрелил его в спину.

Новый год

31 декабря. Слякоть. Дождь со снегом. Поскольку Новый год был на носу, то нужно было приготовить что-то необычное. Решили сделать торт. Оставалось выбрать желающего на почетное место повара. После некоторых раздумий я вызвался испечь. Закинул сгущенку вариться и стал делать коржик (вообще, проблем с едой у нас не было, доставляли всё необходимое на вертолете, а готовили уже сами, что душа пожелает). Только приготовил торт, приходит сообщение, что произошло нападение на мотоманевренную группу, и объявляется тревога. Мы быстро сворачиваемся и едем к ним на помощь. Отъехали километров 15, и нам сообщают, что атаку отбили. А пока мы ездили, Новый год уже наступил. Запомнился этот эпизод на всю жизнь.

Дома не знали, что я служил в Афганистане

Чтобы родители не переживали, что я служу в Афганистане, я решил скрыть от них этот факт, поэтому домой про это ничего не писал. Да и вообще писал очень редко. Постоянного места пребывания у нас не было, сегодня находился в одном месте, а завтра уже в другом. Узнали дома про Афганистан, когда я уже шел на «дембель», но не от меня. Кто-то из ребят написал им про мою службу.

Вывод войск

15 февраля 1989 года наше подразделение вышло за границы Афганистана. Мы заехали в часть, расположенную на нашей территории. Провели одну ночь в тепле, уюте, а утром 16 февраля нас опять отправили в Афганистан на прикрытие государственной границы с их стороны.

Затем меня отправили служить в Старогорье на только что открывшуюся заставу Московского пограничного отряда, там меня перевели на другую заставу, где я уже и дослуживал до «дембеля». Сначала я служил в Пянджском пограничном отряде.

Три дня ехал на поезде до Вологды, а уже из Вологды на самолете до Львова. Отслужил ровно два года: в субботу ушел, в понедельник пришел. Когда вернулся домой, а это был понедельник, естественно, дома никого не было, все работали. Но новость, что я пришел из армии, распространилась быстро. Мама прибежала, плакала. А вообще все были рады тому, что я вернулся живой, целый и невредимый и загоревший.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Алексеев Павел Владимирович****, студент 1-го курса факультета робототехники и комплексной автоматизации Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Кулаков Евгений Сергеевич

С меня спрашивали наравне с подсоветным

Я родился 23 июня 1938 года в деревне Новые Боровики Рязанской области.

В 1945 году пошел в школу и до седьмого класса учился по месту жительства. В 1951 году переехал в посёлок Деденево Дмитровского района Московской области. Здесь же окончил 10 классов.

Учась в десятом классе, написал заявление в военкомат с просьбой направить меня для дальнейшего обучения в военное училище, в город Рязань. Просьба была удовлетворена. Я сдал вступительные экзамены и был принят на первый курс Рязанского автомобильного училища.

В отличие от школы, где я учился кое-как, в училище получал оценки - хорошо и отлично («батька» был строгий).

Окончил училище по второму разряду (без троек). Получив в сентябре 1958 года военное звание лейтенанта, был направлен для прохождения дальнейшей службы в город Шуя Ивановской области в мотострелковую дивизию на должность командира взвода подвоза.

Жизнь лейтенантская и служба оставили двойственные воспоминания. С одной стороны, интересно было работать с людьми, а все солдаты были старше меня, с другой стороны, хронически не хватало денег и каждый месяц занимал перед

получкой. Жена вначале не работала, а потом устроилась на работу с окладом в 45 рублей. Стало легче.

В 1963 году, в октябре, был переведен по замене в ГСВГ (Группа советских войск в Германии) на капитанскую должность помощника начальника автослужбы полка. Через три года, в 1966 году, поступил на инженерный факультет тыла Военной академии тыла и транспорта в городе Ленинграде.

По окончании академии получил специальность инженера-технолога по производству военной одежды, обуви, снаряжения и технических средств. Нас готовили как военных представителей на фабриках и заводах, где изготовлялись одежда и обувь, снаряжения и технические средства. Но помешали отношения с Китаем. Весь выпуск нашего отделения (17 человек из 20-ти) был направлен в войска. Меня направили в Хабаровск, ведь я поступал в академию из Германии!

Прибыл в Хабаровск 16 августа 1970 года на должность начальника вещевой службы дивизии. Дивизия была переброшена в Дальневосточный военный округ из города Горького. Здесь, естественно, «ни кола, ни двора»!

Я прибыл с женой и дочкой. В академии учился заочно. В этом же году окончил академию и начальник тыла этой дивизии. Он узнал, что я к ним назначен, обрадовался и сказал, чтобы я не беспокоился - жилье он уже подготовил. Им выделили жилой фонд из местных ресурсов. Дивизия дислоцировалась на окраине Хабаровска, на Красной речке. Но, увы! Предназначенную мне «двушку» занял начальник особого отдела, он прибыл раньше меня. Куда там начальнику тыла дивизии против кэгэбэшника.

За два года службы пережил формирование дивизии.

Начальником службы Краснознаменного Дальневосточного военного округа (КДВО) в это время был полковник Кравченко Михаил Алексеевич, а заместителем командующего войсками округа по тылу и начальником тыла округа был генерал-лейтенант Романенко Николай Кузьмич. Оба участники войны.

Освоив службу в дивизии, я был переведен в 1972 году на должность начальника вещевых служб армии. На этой должности прослужил четыре года, получил звание подполковника.

В 1975 году окончил курсы повышения квалификации при военной Академии тыла и транспорта в городе Ленинграде. В следующем году был назначен на должность заместителя начальника вещевой службы округа. А через год был вызван на беседу к маршалу Советского Союза Куркоткину Семену Константиновичу. После беседы он подписал приказ о моем назначении на должность начальника вещевой службы округа - ДВО.

К этому времени округ значительно пополнился войсками. Их размещение и обустройство оставляло желать лучшего. Командование округа, особенно командующий войсками округа генерала армии Третьян Иван Моисеевич, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (звание получил во время войны, командовал разведывательным батальоном в 22 года), Герой Социалистического труда, приложило поистине героические усилия для обустройства личного состава. Строились казармы, благоустроенные столовые, хранилища для техники, банно-прачечные комбинаты, химчистки, развивалась сеть военной торговли. Активно строились военные городки. К моменту моего отъезда из округа проблема обеспечения жильем семей офицеров и прапорщиков в начале февраля 1982 года была практически решена. Личный состав округа жил полноценной жизнью, занимаясь боевой подготовкой. По-другому было нельзя, под боком был противник - Китай.

В конце декабря 1981 года из кадров тыла Вооруженных Сил СССР пришла в Хабаровск, в кадры Дальневосточного военного округа (ДВО), шифр-телеграмма с требованием направить в Афганистан советника-специалиста вещевой службы в звании полковника.

Поскольку в ДВО других полковников вещевой службы с академическим образованием не было, то Военный совет решил направить в Афганистан меня. На Военном совете командующий войсками округа генерал армии Третьяк Иван Моисеевич сказал, что рекомендуют они меня потому, что так требует центр, посоветовал мне не отказываться, предупредив, что в случае отказа, меры будут применены строгие. Мне действительно не хотелось уезжать. В службе дела шли хорошо. Было, конечно, всякое. Но мы своими «силенками» развивали материальную базу – ежегодно сдавали под ключ

шесть-семь кирпичных хранилищ, каждое на 50 вагонов, широко вели ремонт военной одежды и обуви в окружных мастерских, банно-прачечных комбинатах и химчистках, строили много и подрядными способами. Осваивали хозяйственным способом до 2,5 млн. рублей в год по округу.

При комплектовании вещевой службы кадрами мы добились такого положения, когда наши представители ежегодно выезжали на выпуск в Военные училища тыла и отбирали лучших выпускников, они шли к нам охотно, так как специалистов, прошедших службу на Дальнем Востоке, в дальнейшем ценили высоко.

Таким образом, вещевая служба ДВО была полностью укомплектована. Работы хватало с избытком, но и были возможности для решения возникающих проблем. Личный состав округа, от генерала до солдата, был обеспечен по нормам вещевым имуществом. Страна находила все необходимое для качественного обеспечения округа.

Передав дела и должность заместителю - подполковнику Царькову Виктору Ивановичу, (в дальнейшем генерал-майор – начальник военной торговли МО СССР), я, 2 февраля 1982 года, убыл в Москву, а 11 февраля прибыл в Кабул.

Встречал меня советник начальника службы горючего армии Демократической республики Афганистан полковник Григорьев Адольф Николаевич. Прибыл я без семьи, и меня устроили в квартире, которую превратили в общежитие для советников, в 4-м микрорайоне Кабула («блок-чор» или старый микрорайон, его строили советские строители). Григорьев сразу же выдал мне автомат Калашникова, ящик патронов, пистолет Макарова, патроны к нему и 20 гранат.

В первую ночь долго не мог заснуть из-за перестрелки в районе Кабульского аэродрома («Майдане авои»). В последующие ночи спал, не обращая внимания на стрельбу, ко всему человек привыкает. А в первую ночь я заряженный пистолет положил под подушку. Семья прибыла через полгода, в августе 1982 года. Все советники, за небольшим исключением, были с семьями.

На утро следующего дня меня представили старшему военному советнику тыла генерал-лейтенанту Коломийцу Ивану Харитоновичу. Генерал Коломийцев И.Х., как я узнал впоследствии, опытный тыловик, участвовал в войне против

американцев в качестве военного советника по продовольственной службе в армии КНДР, когда американцы хотели ее задушить в 50-е годы. Позже служил в ДВО, ЗабВо и ПрикВо. Из ПрикВо, затем с должности заместителя командующего по тылу, начальника тыла округа был направлен в Кабул советником по тылу в РВС ДРА. (Революционные Вооруженные силы ДРА).

По приказу главного военного советника (у министра РВС ДРА) были организованы двухнедельные курсы советников. На этих курсах нам рассказали об истории, нравах и обычаях Афганистана. Познакомили с организационно-штатной структурой армии Демократической республики Афганистан и другими силовыми органами: ХАД (контрразведка), Царандой (полиция) и пограничными войсками.

Пограничные войска входили в состав армии ДРА на правах вида вооруженных сил. На тех же правах была авиация. Морских (речных) не было, т.к границы ДРА полностью сухопутные, за исключением северной, которая проходит по реке Пяндж (в Узбекистане – это Аму-Дарья).

Организационно-штатная структура тыла РВС ДРА была почти копией тыла ВС СССР, с небольшими особенностями. В составе тыла было Управление вещевого снабжения, которое в дальнейшем было переименовано в Центральное управление вещевой службы.

После успешного окончания курсов генерал-лейтенант Коломийцев И.Х. представил меня заместителю военного министра по тылу, начальнику тыла Революционных Вооруженных сил ДРА – генерал-лейтенанту Фатеху Мухаммеду на совещании всех начальников служб тыла. Здесь же он познакомил меня с будущим моим подсоветным, начальником Управления вещевой службы РВС ДРА полковником Гуль Мухаммедом. Как потом оказалось, Гуль Мухаммед в 1976 году окончил нашу академию тыла и хорошо говорил по-русски. Это облегчало мою задачу, но и затрудняло, так как на первых порах я не мог, из-за незнания языка, проконтролировать отдаваемые им распоряжения.

Какие основные обязанности были возложены на меня, как на советника? Как ни странно, но такие же, как в Союзе. С меня, наравне с подсоветным, спрашивали по подчиненности

за своевременное и полное вещевое обеспечение войск армии и пограничников, а также их банно-прачечное обслуживание, химчистку и ремонт обмундирования, обуви, изготовление постельных принадлежностей. На мне также лежала обязанность переодевать советников центрального аппарата. Центральная вещевая служба РВС ДРА в своем составе имела Центральный склад емкостью до 500-600 вагонов, а также четыре комплекта полевых прачечных МПП, которые содержались на складе в неразвернутом положении (подарок ВС СССР). Мастерской не было, а была фабрика по пошиву летнего и зимнего обмундирования. Число рабочих доходило до 1300 человек.

РВС ДРА состояли из корпусов дивизионного состава, отдельных дивизий, бригад и полков, специальных частей и подразделений. В каждой из названных организаций содержалась вещевая служба, склад и мастерская. Мастерская, как правило, использовалась для пошива обмундирования и обуви офицерам. Количество специалистов мастерских определялось командованием части в зависимости от расположения – чем дальше от центра, тем больше.

Управление вещевой службы по штату состояло из 29 должностей. Все должности были укомплектованы офицерами, а также служащими – чиновниками. К штату придавались простые рабочие для обслуживания самой службы (обычно это солдаты). По штату были предусмотрены: начальник – генерал-майор; заместитель – полковник; отделы: плановый, заготовок; снабжения: производственный, финансовый. В отделах по 4-6 должностей. Отделы возглавляли полковники. Оплата производилась не по должности и званию, как в нашей армии, а только по званию. Причем, звание присваивалось через четыре года. В дальнейшем афганцы перешли на нашу систему оплаты.

В апреле 1982 года, в день Саурской революции, проводился традиционный парад войск Кабульского гарнизона (и не только). В парадном оркестре барабанщик был в звании полковника. В Управлении вещевой службы служили офицеры еще королевской армии, и большинство – полковники. Из них четверо окончили курсы при нашей академии тыла.

Снабжение войск вещевым имуществом было организовано своеобразно. На момент моего прибытия фабрика

была занята пошивом летнего обмундирования. Хлопчатобумажную ткань поставлял СССР по договору. Оплата производилась по взаимозачету. СССР получал химические удобрения из города Мазари-Шариф, а также природный газ и фрукты. Взамен, поставлял оружие и другое имущество, в том числе ткани хлопчатобумажные защитного цвета, ботинки с высокими берцами, постельные принадлежности, палатки лагерные, полевое снаряжение, котелки, фляги, шлемы стальные. Зимнее обмундирование шерстяное, шинели (балапуши), кепи, нательное белье изготавливалось из собственных тканей грубой обработки, а также небольшое количество постельных принадлежностей. Все на военной фабрике.

Практически всю потребность в обуви закрывали поставками из Чехословакии (ботинки с высокими берцами) и Болгарии (до 10% от потребности). Чехословакия поставляла телогрейки защитного цвета. Ботинки и телогрейки отличались хорошим качеством изготовления, легким весом, в отличие от наших образцов. СССР выделил и поставил в качестве помощи шапки-ушанки солдатские, которые очень пришлись по душе и личному составу армии ДРА, и её противникам-душманам (мятежникам). Поставлялись, таким же образом, сапоги солдатские кирзовые, они тоже пользовались у всех успехом. Армия и страна в целом, испытывали трудности со снабжением из-за скудного финансирования.

Несмотря на то, что по существующим, еще со времен короля, нормам, генералам, офицерам, служащим и рядовому составу было положено выдавать предметы парадной, парадно-выходной, повседневной и полевой формы одежды, всех обеспечивали бесплатно только предметами полевой формы одежды. Генералам, офицерам и служащим выдавали (не всегда) компенсацию деньгами взамен остальных положенных предметов формы. Последние шили, положенные к форме одежды, остальные предметы в частных пошивочных мастерских.

Армейские советники из Союза обеспечивались (а были только из Союза) предметами повседневной и полевой, зимней и летней формы одежды без знаков различия, а обувью и постельными принадлежностями бесплатно по месту службы. Всех советников-генералов обеспечивали в центре

обмундированием из улучшенных тканей (как правило, английских) сшитых на фабрике, где был организован особый цех. Там же одевали консультантов из Министерства обороны СССР (маршал Соколов И.Л. с группой генералов и офицеров, и от тыла генерал-полковник Тарасов Георгий Тарасович, которые приезжали ежегодно на 2-3 месяца).

Что представляла собой швейная фабрика? Здание фабрики, её оборудование и технологический процесс пошива разработали и построили еще при короле специалисты из Индии в 60-е годы.

На фабрике были предусмотрены казармы для солдат-швейников, (при мне их было около тысячи человек); складские помещения, ёмкостью примерно на 10 вагонов; пошивочный цех летнего и зимнего обмундирования (здесь работали только солдаты на ручных швейных машинах производства Индии); цех пошива белья и постельных принадлежностей (из грубой х/б ткани, тоже на ручных швейных машинах, работали только женщины, как правило, вдовы погибших военнослужащих). Фабрика была единственным в стране предприятием, где трудились женщины, всего работало около 1300 человек, из них 230 женщин.

Возглавлял фабрику полковник, еще с королевских времен и потомок Мухаммеда в 70-м поколении. Ему целовал руку даже его начальник – Гуль Мухаммед. На фабрике был замполит и мулла. Закройщики, как правило, призванные в армию гражданские специалисты высокого класса. Они обшивали, в том числе, и министра обороны Афганистана.

Численность обеспечиваемых в РВС ДРА - около 150 тысяч. Зимой, с октября по апрель, фабрика шила летнее обмундирование, а летом, с мая по сентябрь и октябрь, – зимнее. Фабрика с трудом справлялась с объемом пошива. Подводили старые швейные машины, не было запасных частей. Работали в две смены.

После ознакомления с условиями работы на фабрике мне пришлось решать проблему о замене старого оборудования на современное. Был сделан заказ (и оплачен) в Союзе на поставку Оршанских швейных полуавтоматических машин. Вначале это было сделано в одном цехе (50 машин), а через год - в остальных.

К моему отъезду в декабре 1984 года фабрика увеличила свою производительность вдвое, что позволило сократить число солдат для службы в боевых частях. Много было сделано и для улучшения бытовых условий персонала фабрики, начиная от столовой, туалета с душем и теплой водой до детского сада-яслей (первый в Афганистане).

Большую помощь оказал генерал-полковник Тарасов Георгий Тарасович. Нитки и фурнитуру поставлял местный рынок. Обычно, в управлении вещевой службы составлялась закупочная комиссия, обычно 3-5 человек, которая шла в частные магазины и закупала нитки, фурнитуру, бумагу для печатания, ручки, карандаши. Причем, такие закупки каждая войсковая часть и организация делали только для себя. Деньги выделялись централизованно.

Иногда, при закупках большого количества имущества (например, обуви) по радио и в газетах давались объявления. После того, как опять же комиссия определяла подходящего партнера, предлагающего требуемый товар нужного качества и приемлемой цены, заключался контракт на поставку. Контракт оплачивался государством. Начальник службы старался закупать, например, обувь за пределами страны, подешевле. Пришлось ему подсказать, что лучше заплатить своему производителю и даже дороже. Это окупится сторицей. Свой производитель, получив заказ и деньги, сможет снизить цену за счет приобретения более производительного оборудования. К тому же, внешний источник поступления может и исчезнуть! Что делать тогда?

К моему отъезду внешние закупки намного сократили. Сократили поставки из-за рубежа тканей х/б и шерстяных за счет частичного пуска комбината в городе Кандагаре. Комбинат по производству х/б тканей широкого ассортимента (до 40 миллионов в год) и шерстяных (до 250 тысяч в год) был построен еще при короле, нашими специалистами, но ни одного дня не работал. Душманы постоянно подрывали опоры электропередачи от гидроэлектростанции, построенной в 60 километрах от Кандагара. Специалисты говорили, что комбинат может, при загрузке его только местным сырьем (а его было достаточно), покрыть потребность в этих тканях не только Афганистана, но близлежащих стран. Конечно, такого конкурента Пакистан терпеть не мог. Пакистан был базой,

опорой агрессии внешних сил против народа Афганистана и оружие душманам давал на деньги США.

Шерстяные ткани, также в небольшом количестве, изготавливались на фабрике в Кабуле (от обработки шерсти до изготовления тканей, до 20 тысяч метров в год). Вся ткань шла на покрытие потребности армии. В Кабуле была фабрика по производству обуви – ботинок с высокими берцами по образцу чешских, но прочнее и дороже (до 30-50 тысяч пар в год)

Специальная одежда частично шилась на фабрике, а большая часть и все теплые вещи (телогрейки, шапки-ушанки, ватные шаровары, перчатки трехпалые) поставлялись в качестве дара из Союза. В дальнейшем эти поставки постепенно уменьшались. Поскольку боевые действия зачастую велись в горах, появилась проблема обеспечения войск теплыми вещами. Начали решать эту проблему при мне, а претворил её в жизнь мой сменщик полковник Стариков (из БВО). Проблема была решена за счет изготовления полушубков (дубленок) в мастерской вещевой службы.

Когда я прибыл в Кабул и приступил к исполнению обязанностей советника, то обнаружил, что ремонт обмундирования и обуви, химчистка имущества не организованы и не делаются. Стирка белья организуется воинскими частями и госпиталями на местных средствах. Через некоторое время встал вопрос об организации ремонта обмундирования и обуви, изготовления матрацев, теплых вещей, фурнитуры.

Обдумывая проблему с подсоветным, пришли к мнению, что её можно решить, но не хватало помещений. В наличии имелись люди (солдаты), оборудование для изготовления матрацев (подарок Союза и генерала Тарасова Г.Т.). Обратились к начальнику тыла РВС ДРА и его советнику генералу Коломийцеву Ивану Харитоновичу. Иван Харитонович и раньше видел этот недостаток и предпринял самостоятельные меры для его устранения.

При создании мастерской мне пришлось убедиться в природной сметке простых афганцев. С помощью солдата переводчика, который окончил институт в Харькове, мы перевели для афганцев инструкцию по эксплуатации «пиковочной машины» (пошивка матрацев), и афганские мастера ее не только запустили в работу, но и

переконструировали с тем, чтобы увеличить производительность. К исходу первого года моего пребывания, в 1983 году, в созданной мастерской стали ежедневно шить 150-200 матрацев, что покрывало потребность армии. Срок службы определили - 4 года. Это много, но мера вынужденная.

В этой же мастерской стали изготавливать фурнитуру из стрелянных артиллерийских гильз, снаряжение, а также была заложена база для изготовления дубленок (по образцу наших полушубков). До появления наших советников афганцы не обеспечивали войска полушубками, им и в голову это не приходило! Климат теплый, а в Джелалабаде - субтропики. Но в горах холодно и зимой сильные морозы.

Как было сказано выше, на центральном вещевом складе, в РВС ДРА он был единственный, стояли на хранении четыре комплекта механизированных полевых прачечных (МПП-1). Было решено их отправить в войска и развернуть. А перед этим создать штат полевой прачечной (отряда), собрать обслуживающий персонал и научить пользоваться.

Так появились курсы по подготовке младших специалистов вещевой службы. Поступали так: куда предполагалось направить прачечную, оттуда присылали будущих работников, мы обучали их, а по окончании обучения и опробования предназначенного комплекта, перебрасывали прачечную к месту использования. Перемещение производили в составе автомобильной колонны, под охраной войск и вертолетов.

Часто были случаи нападения и уничтожения колонн. Нам повезло - все комплекты прибыли на место. Конечно, выбирали места, где была вода и электричество. Один комплект заработал в Кабуле, около мастерской, в составе одного подразделения. На нём проводили учебно-демонстрационные мероприятия (примерно как у нас), второй комплект направили в 1-й корпус, в Джелалабад; третий - в Гардез (3-й корпус), а четвертый - в город Кандагар (2-й корпус).

В Кабуле и других местах полевые прачечные обслуживали военные госпитали. Стирки хватало, работали от зари до зари.

Оригинально была организована помывка солдат. Строилась кухня-баня. С одной стороны помещение с

жарочными котлами для приготовления пищи, с другой – котлы для подогрева воды. Помещения разделяла капитальная стена (как правило, из сырого кирпича), но дым шел от очага, где варилась еда, через котлы с водой для бани. Баня была поделена на отсеки, как у нас в душе. Солдат, заходя в отсек, набирал в таз воды и куском ткани (как правило - чалма) отгораживался от остальных. На помывку отводилось до 30 минут на каждого, а на подразделение - до 2-х часов. Полы в бане бетонировались (а иногда нет), а потолок был из кривых бревен, которые были завалены хворостом, листьями и землей. К сожалению, такие бани были не везде, поэтому педикулез (вшивость) процветал.

Центральный вещевой склад находился на северо-восточной окраине Кабула, по дороге на город Джелалабад. Хранилища склада, каждое на 25-30 вагонов, в количестве до 20, были возведены еще при короле из кирпича и бетона. Двери деревянные. Начальником склада был офицер – полковник.

По штату были предусмотрены отделы. Но имущество хранилось не по номенклатуре, а складывалось там, где было место. Пришлось предпринять меры по исправлению этого недостатка. Начальник хранилища – офицер, перед вступлением в должность закладывал в залог свой дом на случай образования недостач (хищений). Поэтому, что такое недостача – понятия не было. Учет и сверки учета были безукоризненными, а в войсках учет имущества вели с большими недостатками. В войсках, как и у нас, имущество растаскивалось. Недостачи не списывали, и имущество числилось за подразделением (по 5-7 и более комплектов) годами.

Снабжение войск осуществлялось по планам - зимнему и летнему. Планы снабжения утверждал начальник тыла РВС ДРА. План предусматривал, как правило, обеспечение личного состава от солдата до старших и высших офицеров полевым обмундированием и обувью, солдат – постельными принадлежностями и снаряжением, а также создание запасов в размере до 20% от потребности.

Схема обеспечения была примерно такой же, как в Советской армии: солдат – подразделение – часть – соединение – центр. Части и соединения, которые обеспечивались из

центра, каждые полгода присылали заявки на потребное имущество. Однако, чаще всего даже те, кто в центре не состоял на довольствии, присылали заявки. Особенно это было при подготовке части к предстоящим боевым действиям. В этом случае имущество отправлялось к месту назначения самолётами Ан-26 или вертолетами Ми-8. Иногда мне приходилось сопровождать это имущество к месту назначения. Попутно мне ставилась задача - изучить обеспеченность данной части на месте по всем службам тыла, в том числе медицинской (так поступали все советники служб тыла).

За время пребывания пришлось не только изучить номенклатуру служб тыла, но и язык «дари». На языке «дари» понимал все, говорил достаточно понятно. Но второй основной язык - «пушту», освоить не удалось, а он был родным для 60% населения страны. Как правило, местное население, а офицеры обязательно, знали оба языка. Мой подсоветный, когда не хотел, чтобы я понимал, о чем он говорит, переходил на свой родной язык – пушту. Пришлось найти переводчика – солдата, о котором я упоминал выше. Однако, надо сказать, что отношения с подсоветным и всеми другими офицерами и служащими управления у меня сложились довольно доверительные и дружеские. Во-первых, им нравилось, что я мог с ними поговорить без переводчика, во-вторых, быстро освоил их особенности снабжения и давал дельные советы, в третьих, без охраны вместе с ними бывал в разных горячих точках. Например, мы с переводчиком были три раза на операциях в ущелье Панджшер (в переводе - «Ущелье пяти тигров»).

В первую мою операцию в Панджшере (лето 1982 года) я воевал в должности советника заместителя 236-го отделения бригады специального назначения. Штатный советник был ранен, и его эвакуировали. Через месяц меня сменил советник по продовольственной службе.

Операции против душманов (мятежников) шли беспрерывно. Успешно били их по всем направлениям, кроме Панджшера. Там борьбу возглавлял Ахмед–Шах, сын полковника Афганской королевской армии.

Вернёмся к снабжению. При помощи авиации можно было закрыть только разовую потребность. Массовый завоз осуществлялся централизованно автомобильными колоннами.

Существовал автомобильный полк тыла. Штаб тыла обычно формировал колонну в составе до 100-150 машин. Выделялось сопровождение пехотой на бронетранспортерах и вертолетами.

Очень часто душманы нападали на колонны, жгли машины с имуществом, ГСМ, продовольствием и запасными частями. Тыловые службы несли потери не только в имуществе, гибли и военнослужащие служб. Некоторые солдаты и офицеры войсковых частей афганской армии дезертировали или попадали в плен в обмундировании. Поэтому ходила шутка о том, что наша служба одевает и «духов» (душманов).

На замену боевых потерь мобилизовывали (как правило, отлавливали) других солдат, и их надо было одевать. По этой причине запасы стремительно «таяли», как снег. Нашей службе поручалось «отмобилизовать» (отловить) 70-80 мужчин в месяц. Как ни странно, мы с этой задачей справлялись успешно. При этом, в первую очередь, мы старались оставить в своей службе людей, обладающих нужной нам специальностью.

Подготовка и комплектование кадрами – специалистами подразделений служб были организованы своеобразно. Система сложилась еще при короле. Новые руководители её не ломали, а старались усовершенствовать.

На окраине Кабула существовало военное училище Пухантун. В этом училище, наряду с другими специальностями, был факультет специальностей тыла, в том числе по вещевой специальности. Как правило, преподаватели и все руководство училища Пухантун были выпускниками наших академий. Вещевую специальность – технологию изготовления обмундирования, обуви, их ремонта, химчистки и стирки преподавал старший преподаватель полковник Низаммудин Лагу, выпускник специального факультета академии тыла 1970 года. Выпускников этой академии было двое. Второй выпускник стал начальником тыла пограничных войск и получил генерала к моему прибытию. Так совпало.

Что с ними стало после падения режима под ударами «талибов» (талиб – в медресе ученик), у меня сведений нет.

В Пухантуне срок обучения был три года, затем сократили – война. Набирали как из гражданской молодежи, так и из войск. Преимущество отдавали военнослужащим.

После выпуска назначали, как правило, на должность начальника вещевой службы отдельной части или дивизии.

Выпускникам присваивали звание лейтенанта (две четырехугольные звезды на погоне). Околыш на фуражке – зеленый, а у старших офицеров – красный. Повседневная форма и парадно-выходная зимняя и летняя в защитном цвете (близко к зеленому), летняя для офицеров и служащих – песочного цвета из материала «Триголь» (английская ткань). Полевая форма одежды у всех защитного цвета из хлопчатобумажных тканей (крашение в ткани). Парадная форма – новая полевая в шлемах стальных с оружием. Своей академии у РВС ДРА не было. Академическое образование, как правило, офицеры получали в СССР. Но были выпускники военных академий Англии, США, Турции и даже Пакистана и Индии.

Мне пришлось участвовать при отправке на учебу в академию тыла (1982) одного офицера. В 1986 году я его встретил в Ленинграде, он уже был выпускником академии. По-русски говорил почти без акцента. Выпускники наших академий имели большое преимущество при продвижении по службе, и заслуженно.

Приходилось часто бывать в штабе 40-й армии, который располагался на территории бывшего дворца Амина, бывшего правителя Афганистана (верхний дворец – «Таджбек»). Взаимоотношения с руководством тыла были хорошие, деловые. Помогали друг другу, чем могли. Так, мною было передано спецназу 40-й армии около 200 комплектов летнего обмундирования (для боевой операции). Взамен получил столько же аксельбантов, которыми мы украсили на параде оркестр и почетный караул РВС ДРА. Это один из примеров взаимодействия.

В декабре 1984 года в Кабул прибыл мой сменщик из белорусского округа полковник Стариков. Меня тепло проводили товарищи по службе. Границу СССР пересек в Шереметьево-2 под бой курантов, возвещающих наступление 1985 года. Начался новый период жизни.

Оглядываясь назад, скажу, что свой интернациональный долг я исполнил сполна. Своему сменщику я оставил сплоченный коллектив вещевой службы, хорошие запасы,

отлаженное управление подразделениями службы, высокую обеспеченность личного состава армии ДРА.

Сейчас я полковник в отставке.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Короткова Юлия Валерьевна****, менеджер по рекламе фирмы «Миракс».*

Лозовенко Леонид Владимирович

Решил ничего не менять

Я родился 2 октября 1968 года. Русский. Беспартийный. Был комсомольцем. Окончил 8 классов в селе Первое Песьяново Ишимского района Тюменской области.

После окончания восьмилетки учился в СГПТУ №8 города Ишима Тюменской области. В 1986 году получил диплом по специальности «помощник машиниста электровоза». До призыва в армию я работал слесарем КИПИА в вагонном депо станции Ишим.

Работать по специальности мне не пришлось. Осенью дали отсрочку от военной службы на год. Но весной пришла повестка из военкомата, и 16 апреля 1987 года мои родители, беременная жена и мои друзья проводили нас от Ишимского военкомата на службу в ряды Советской Армии.

Привезли нас в город Тюмень в областной военкомат, где мы пробыли 2 дня, а затем нас на самолете отправили в город Ташкент.

Впечатлений хватило сполна. Этот южный город встретил нас температурой плюс 20 градусов, а когда мы улетали - было минус 15 градусов. Через несколько часов нас посадили на поезд. Вместе со мной были еще двое ребят из города Ишима. С одним из них - Новиковым Николаем, мы учились в училище в одной группе, но они остались в городе Иолотань. Новиков служил под Баграмом. Встретились мы только на Родине, по возвращении из Афганистана.

«Учебка»

После столь длительной поездки я прибыл в самую южную точку нашей страны – город Кушка (Туркмения).

Начались курсы молодого бойца. Каждое утро была пробежка до границы, потом - учеба в классах. Тактические занятия проводились в сопках, в полной экипировке. Нелегко было переносить такую нагрузку, когда температура воздуха доходила до +60 градусов в тени.

Утолял жажду только чай из верблюжьей колючки. В свободное время «спасались» в горной речке Кушка, которая текла из Афганистана. Глубина в ней - «воробью по колено».

Без казусов не обошлось. На учениях по огневой подготовке стреляли холостыми патронами, но один солдат умудрился подстрелить другого в плечо, так как выстрелил с близкого расстояния.

Учения в сопках под палящим, знойным солнцем проходили частенько, а после них все ломились в умывальню, чтобы как-то освежиться. Но некоторые подставляли свою голову под ледяную, родниковую воду. В результате один солдат из Азербайджана заболел менингитом и скончался. Командиру взвода Золотову поручено было сопровождать «Груз 200». И такие случаи были не единичны. Почти каждый из нас попал в госпиталь: кто перегрелся, а кто наоборот - переохладился, да и всякой заразы хватало.

Приятные моменты - письма, которые приходили от родных и друзей. Писем мне приходило много. На тот момент многие из моих друзей были призваны на срочную службу, и с каждым хотелось поделиться впечатлениями. Писал из Афганистана Чевтаев Иван, он на тот момент воевал с «духами» в Баграме.

Мои письма к жене хранятся в нашем доме до сих пор, как напоминание о годах службы.

Сержантом в моем взводе был Октысюк Александр - справедливый и требовательный. Много полезного мы узнавали от него. Спасибо ему за это.

Гоняли нас по-настоящему и учили как следует, потому что уже с первых месяцев знали, что готовят нас в ДРА (Демократическая Республика Афганистан), коротко - «дыра».

У меня появилось много новых друзей из разных уголков Советского Союза. Теперь с трудом вспоминаю их фамилии: Жох Алексей из Белоруссии, Щепанов Сергей из Омской области, Стовба Евгений из Новосибирска, здоровый такой парень (100 кг), но через три месяца «учебка» сделала из него подтянутого солдата.

Время летело незаметно, и вот накануне отправки в Афган, а точнее - за три дня, пришла телеграмма из дома: жена родила доченьку. Друзья советовали обратиться к начальству, чтобы остаться служить в Союзе, но я решил ничего не менять, а просто испытать судьбу.

Афган

18 ноября 1987 года наш самолет приземлился в Кабуле. В первую очередь нам сделали прививки от болезней. Из солдатской присказки: «Здесь тиф, холера и чума помогут вам сойти с ума, но ты солдат не унывай, «шароп» (местный самогон) по чарке выпивай, пройдут два года, и живой вернешься ты в свой дом родной».

Вообще от всего увиденного захватывало дух. С первых минут было не сразу понятно, что, где происходит: рев самолетов, вертушки и отлетающие от них тепловые ракетницы.

В Кабуле мы пробыли около недели. Встретил земляка Старкова Олега, он служил в десантном полку. Приободрил меня, дал всяких сладостей, каких мы в Союзе не видали.

И вот пришло время дальше следовать к постоянному месту службы. Надели парашюты - и в самолет. Летели ночью до Баграма. Через трое суток движение продолжилось. Дальше везли нас на БТРе в 177-й мотострелковый полк в город Джабаль-ус-Сарадж провинции Парван, близ города Чарикар.

До 10 декабря 1987 года проходили сборы молодых бойцов. А до этого дня мы скитались как беспризорники: голодные и никому не нужные. Лазили по оврагам, под ногами на каждом шагу валялись боевые патроны разных калибров. Как-то забрались в заброшенный сарай. Нашли там две боевые гранаты РГД-5 и Ф-1. В овраге одну «испробовали», а другую я припрятал, так, на всякий случай.

За короткий период времени я подружился с ребятами моего призыва: Синельниковым Николаем из Саранска, Темченко Александром из Украины, молдованином Гуцу Боря, Черновым Сергеем из Кемерово, Поповом Дмитрием из Москвы. С этими ребятами я проводил все время, вплоть до самого вывода, а это больше года. С Дмитрием мы общаемся и сейчас, когда я бываю в столице, находим время, чтобы встретиться.

Первое время в Афгане содрогались от «Града». Недалеко, у предгорья, стояло несколько установок. Первые выстрелы были столь неожиданны, что пришлось падать на землю.

Служба моя проходила в ремроте. Приходилось нести караул. Охраняли технику, склады с боеприпасами и продовольствием.

Иногда ходили в горы на «точки»: поднимали боеприпасы, продукты, топливо. Очень сложно было подниматься: конец января, в горах мокрый снег, идем след в след, впереди разведка, мы за ней.

28 января получил получку за 2 месяца - 41 чек, из них 26 чеков «чистыми». Чеки расходились мгновенно. Кроме того, выменивали у местных разные безделушки (подарки домой). В Союзе ничего этого не было. Доставались и халявные «сувениры» от «духов», начинённые взрывчаткой.

1 октября 1988 года всем вручили медали «От благодарного афганского народа».

Помню обстрел нашего полка в ноябре 1988 года. Свистели «эрэсы», взрывались мины. Всю ночь провели в окопах. Ранения получили - наш ротный и мой сослуживец.

Ещё один обстрел был по техпарку, там у нас стояли бензовозы. Я был в охране, спрятался в укрытие на КПП (контрольно пропускной пункт), но все обошлось, никто не пострадал, и техника осталась вся целая.

Запомнился последний праздник, который я отмечал в Афганистане. Встречали Новый 1989 год. Накрыли стол всякой вкуснятиной. Сами сделали торт из печенья, слои смазывали сгущёнкой и джемом. В 12 часов решили салют устроить, чтобы все как на «гражданке». Начали палить с АК-74 трассерами, за что чуть не поплатились…

Письма из дома грели душу, так приятно было окунуться в атмосферу «гражданки» и помечтать о будущем, и теплилась надежда на возвращение.

Вывод войск

Вывод войск из Афганистана, казалось, тянулся бесконечно. Ремрота, в которой я служил, выдвигалась последней, замыкала колонну. Ближе к Салангу начинались снежные перемёты, ехали медленно. Пересекли Саланг, и нет зимы - деревья зелёные, птицы поют, как в сказке.

Расположились в Пули-Хумри и там ещё около 10 дней ждали, когда подтянутся остальные части и соединения. И вот 6 февраля 1989 года, около 12 часов, наш полк тронулся в Союз. На душе стало легче. На самом деле не верилось, что последний раз видишь эти горы и «зелёнку».

Выйдя из Афгана, наш полк расположился вблизи города Термеза. Наконец разрешили отправиться домой «дембелям» - водителям, которым ещё осенью прошлого года полагалось завершить службу, согласно приказу Министра обороны СССР Д.Т. Язова о демобилизации. Так, ребята, не по своей воле, отслужили почти 2,5 года.

Здесь, под Термезом, я провел остаток службы до отправки домой. Мой приказ на «дембель» был от 27 марта 1989 года.

Вот так закончилась моя служба. Героический подвиг я не совершил, но, как и все, выполнил свой долг перед Родиной.

Эти воспоминания, конечно, отличаются от тех переживаний, которые мы испытывали на боевом посту в свои 18-20 лет. Но жизнь вносит свои коррективы не только в осознание происходящего, но накладывает отпечаток и на то время, когда мы проходили суровую проверку войной.

Хочется искренне надеяться, что больше матерям не придется провожать своих сыновей на войну.

Июль 2010 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Лозовенко Анна Леонидовна,*** *студентка 5-го курса Тюменской государственной медицинской академии*

Лысак Сергей Владимирович

Солдаты попросили их не увольнять

Я родился 14 марта 1960 года в семье рабочих в городе Шахтёрск Сахалинской области. По национальности - украинец. Отец - бывший офицер, прошедший Великую Отечественную войну, в 1953 году уволился в запас и пошел работать на шахту. Мать, отучившись на бухгалтерских курсах, проработала всю жизнь бухгалтером в ЖЭК.

В 1967 году я поступил в первый класс средней школы №3 города Шахтёрска. Не очень легко мне давались профильные предметы, такие как математика, физика. Зато астрономия, история и литература давались мне легко, они для меня были наиболее интересны. Что уж говорить о физкультуре, которую я посещал с удовольствием, ведь с самого детства понимал, что без спорта нельзя. С одноклассниками сложились хорошие отношения, да и в классе подобрались интересные и хорошие ребята, можно сказать большую часть класса составляли ребята и девчонки, пришедшие из одной группы детского сада. Со многими из одноклассников я поддерживаю отношения и по сей день. Мне известно, что двое из моих друзей также стали офицерами Вооруженных Сил РФ.

Параллельно с занятиями в школе я занимался боксом, а спустя некоторое время начал заниматься вольной борьбой и имел неплохие результаты по этому виду спорта.

Был октябренком, пионером, комсомольцем.

В 1977 году окончил 10 классов средней школы №3 города Шахтёрска с неплохими оценками.

После окончания школы уехал в город Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края и поступил в Политехнический институт на вечернее отделение.

Одновременно с учебой пошел работать на Авиационный завод имени Гагарина - сначала учеником токаря при отделе технического образования, а затем, по окончании ОТО, работал токарем 3-го разряда в 20-м цехе, где проработал почти год до призыва в армию.

В октябре 1978 года я был призван на воинскую службу и направлен служить на Камчатку. Сначала попал в «учебку» в поселке Мирный, а затем по её окончании меня направили в воинскую часть для прохождения дальнейшей службы в город Петропавловск-Камчатский. Начинал службу рядовым, а через год уже был командиром отделения.

В 1979 году подал рапорт с просьбой разрешить мне поступить в военное училище. Мотивацией моего решения послужили советы отца и рассказы двоюродного брата, который окончил Уссурийское автомобильное командное училище. В июле 1980 года я был направлен в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского.

Первоначально учеба давалось довольно легко, так как к тому времени я уже отслужил в армии. Некую трудность представляли общеобразовательные науки, а с остальными предметами проблем не было. Ребята в училище поступали с разных концов бывшего СССР, конкурс был семь человек на место.

Во время учебы в училище я был назначен командиром отделения, а через год был назначен на должность заместителя командира курсантского взвода.

В период обучения в училище выступал на соревнованиях по легкой атлетике. Вообще, жизнь была в ту пору разносторонней и интересной. Если все вернуть обратно назад в юношеские годы, то я без доли сомнения поступал бы в ДВОКУ снова.

Командир роты, Павел Васильевич Хабаров, многому нас научил, особенно обращая внимание на дружбу и

взаимовыручку. Физическому развитию парней он уделял большое внимание. За проступки старался не отчислять, а, наоборот, добивался того, чтобы все курсанты окончили училище и стали офицерами. За четыре года совместного обучения мы успели сплотиться во многом благодаря ему.

Военное училище окончил в 1984 году. Было торжественное построение, прощание со знаменем, вручение дипломов и объявление приказа о прохождении дальнейшей службы в различных военных округах. Я был направлен в Киевский военный округ в 6-ю гвардейскую танковую армию в городе Днепропетровске. Там получил назначение и был направлен в гвардейскую танковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Кривой Рог.

В управлении кадров дивизии мне дали предписание явиться для прохождения службы в мотострелковый полк на должность командира мотострелкового взвода. В декабре 1984 года, приказом командира дивизии, меня и командира роты капитана Власян перевели в мотострелковый батальон танкового полка. В мотострелковом батальоне были хорошие наставники — командир батальона С.П. Воробьев и начальник штаба А.А. Капитонов. Эти люди прошли Афганистан и делились с нами накопленным опытом и знаниями. В мотострелковом батальоне нас было три молодых лейтенанта из одного училища, которые в последующем тоже прошли Афганистан - Роженцев Алексей, Капыш Владимир и я.

Богатый опыт и медаль

В ноябре 1985 года меня направили в специальную командировку на Кубу командиром мотострелкового взвода мотострелковой бригады. Постоянная боевая подготовка помогла мне получить большой опыт в управлении взводом, проведении занятий по боевой подготовке. Мой взвод совместно с танковой ротой принимал участие в совместных советско-кубинских учениях, за что я был награжден медалью «Боевое содружество». С ноября 1985 по 1987 год моя служба проходила на Кубе в должности командира мотострелкового взвода. По окончании командировки вернулся в Кривой Рог, в свой родной мотострелковый батальон танкового полка.

С мая по июль 1987 года меня направили принимать участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС), где я командовал инженерно-саперной ротой. Моя рота участвовала в ликвидации объектов: «промышленная площадка», «рыжий лес», «отстойник» и других. Вернувшись с ЧАЭС, я узнал, что у одного из моих товарищей, командира взвода, недавно родился сын, а его направляют для прохождения службы в Афганистан. А так как ни жены, ни детей у меня не было, я принял решение обратиться в управление кадров с просьбой отправить меня в Афганистан вместо моего товарища. На такой шаг меня подтолкнуло еще и желание - проверить свои навыки управления подразделением в боевой обстановке.

С июля по ноябрь 1987 года с сформированным автомобильным взводом я убыл на уборку урожая, где мой взвод занял 3-е место среди 65-ти целинных батальонов. За это меня представили к ордену «Знак Почета», который был мне вручен после возвращения из Афганистана. Перед отправкой на уборку урожая заместитель командира дивизии сказал, что, если уборка урожая пройдет хорошо и без замечаний, то будет рассмотрен вопрос о назначении меня на должность командира роты.

В сентябре, еще до окончания уборки урожая, командиром дивизии был подписан приказ о назначении меня командиром мотострелковой роты мотострелкового батальона танкового полка. В ноябре мы вернулись в часть, где позже я прошел медицинское освидетельствование и был поставлен в известность, что в марте-апреле меня отправят в Афганистан.

В феврале 1988 года, находясь в отпуске, я женился. По прибытии из отпуска, 3 апреля, я в военном городке встретил начальника штаба полка, он мне передал распоряжение, чтобы я в 16.00 прибыл к командиру дивизии на беседу. В ходе беседы с командиром дивизии, на которой присутствовали офицеры разных полков, мне стало известно, что 4 апреля нужно прибыть в штаб армии, затем убыть в город Киев с последующим убытием в Афганистан.

Супруга, конечно, была в шоке, узнав, что меня отправляют в Афганистан. Родителям я сказал, что направили служить в Польшу, правда потом сам себя выдал - в письме написал, что погода стоит теплая, светит солнце и т.д., хотя

стоял декабрь месяц. Отец понял, что в Польше в этот период такой погоды быть не может, так как родители к этому времени жили уже на Украине.

Итак, 6 апреля я, вместе с другими офицерами дивизии, уже был в Ташкенте, а 11 апреля мы вылетели в Афганистан. В Кабуле нас разместили в палатках на пересыльном пункте и после этого повезли на беседу в штаб 40-й армии, где мне сообщили о дальнейшем месте моей службы - в Хайратоне у границы с СССР.

На третий день пребывания в Афганистане, ночью, с группой офицеров, мы вылетели в Кундуз, а на следующий день вечером я вылетел на вертолете в Хайратон. В целях безопасности, все перелеты осуществлялись только в темное время суток.

По прилету в Хайратон на аэродроме меня встретил представитель части. Мне представили заменщика, командира роты - капитана Резвых. На следующий день я был представлен командиру части и личному составу роты. Начались солдатские будни в батальоне охраны и обеспечения перевалочной базы Туркестанского военного округа. Задачей батальона была охрана складов, оказание помощи на складах окружного подчинения, а также иногда мы выходили на сопровождение колонн.

Рота моя состояла из 120-ти человек, из которых около 100 солдат были призваны из Узбекистана. 80 человек из этих 120-ти солдат должны были демобилизоваться в октябре-декабре 1988 года. Когда стало известно, что скоро, в феврале, предстоит вывод войск с территории Афганистана, все эти солдаты попросили их не увольнять, а дать возможность продолжить службу до вывода войск с территории Афганистана. Мотивировали они это тем, что молодых солдат не стоит отправлять в Афганистан, так как у них нет опыта службы в боевых условиях. Конечно, об этих людях у меня сложилось очень высокое мнение.

Медаль для моей дочери

Единственным средством общения с родными и близкими были письма. Жене я посылал их раз в две недели, родителям -

раз в три недели. Об Афганистане не писал ничего. В основном о погоде, нормальной спокойной службе, о ребятах, с которыми встретился. Обо всем, только не о том, что видел.

К моей безмерной радости, в одном из писем супруга сообщила о рождении дочери, которую назвала Валерией. Дочь родилась 25 ноября 1988 года. Я все время думал о ней и мечтал поскорее увидеть. И самое интересное, так уж совпало, что именно в её день рождения мне вручили медаль «За отличие в воинской службе» 2-й степени. Сама по себе эта медаль по статусу не стоит на высоком месте, но, учитывая дату её получения, я ставлю ее превыше остальных моих наград - как память о рождения дочери.

За полчаса до Нового года

31 декабря 1988 года моей роте было поручено сопровождение колонны и оказание помощи афганским военнослужащим на складах РАВ (ракетно-артиллерийского вооружения), которые располагались в Мозари-Шариф. Оказав помощь афганским военнослужащим, мы получили на усиление бронетранспортеры от мотострелкового батальона, который дислоцировался вблизи населенного пункта, и двинулись обратно. Колонна двинулась, когда уже наступили сумерки, но, к счастью, все прошло без происшествий. Лишь в 23.30 мы вернулись в свою часть, где нас встретили с поздравлениями. Личный состав сдал оружие, привел себя в порядок и отправился встречать Новый год. Новый 1989 год встречали в кругу своих ребят за скромно накрытыми столами. При этом часть личного состава взвода накануне заступила в караул по охране складов.

В Афганистане я был восхищен горами у Кабула, изумительной и суровой красотой дворца Амина. А на территории, где я проходил службу, были лишь пески, а горы виднелись только вдали.

Взаимоотношения между офицерами и солдатами были хорошими, взаимовыручка была во всем. Особенно хочется отметить таких людей, как старшина роты старший прапорщик Петренко Н.П. За время службы в Афганистане он переболел

одновременно желтухой и тифом, но добросовестно выполнял свой воинский долг, проявлял отеческую заботу о солдатах. Личный состав роты был обеспечен «от А до Я». Старший лейтенант Кальченко М.И., замполит роты, раньше служил солдатом, затем прапорщиком, поступил и окончил Таллинское высшее военно-политическое строительное училище, также проявлял заботу о личном составе роты, ходил в караулы. Заместители командиров взводов сержанты Якубов и Гасанов - проявляли заботу о своих подчиненных, делились опытом с молодым пополнением.

Когда стало известно о выводе войск, основной задачей батальона было обеспечение охраны последнего «отстойника», где выходящие из дальних районов Афганистана части отдыхали и приводили себя в порядок, после чего выходили на территорию Союза.

9 февраля командир батальона вызвал к себе нас, командиров рот, и сообщил, что 10 февраля состоится выход из Афганистана, а всего через два часа дали команду «Отбой», и сообщили, что выход переносится на 13 февраля.

13 февраля в 15.00 колонна двинулась в сторону Союза. Наша часть выходила предпоследней с территории Афганистана. В 22.00 мы прибыли в Мары.

При выходе из Афганистана было чувство радости - что мы возвращаемся домой, что в скором времени увидим родных и близких. Когда мы пересекли государственную границу, то увидели стоящих вдоль дороги людей, которые встречали своих родных и близких, выходящих из Афганистана. Встречающие люди стояли вдоль дороги с цветами, плакатами, фотографиями на протяжении нескольких километров.

После выхода из Афганистана я вернулся в город Кривой Рог.

За выполнение воинского долга в Афганистане был представлен к ордену «За службу Родине в Вооруженных Силах» 3-й степени.

С родными я встретился только в мае 1989 года, когда я приехал домой в отпуск. Встреча с супругой и дочерью была самым долгожданным для меня моментом, за все время пребывания в Афганистане.

В феврале 1990 года был направлен для дальнейшего прохождения службы в Одесский военный округ, в город

Кишинев, командиром Отдельной роты охраны и обеспечения ставки Юго-Западного направления.

В 1991 году поступил в Академию имени М.В.Фрунзе на командный факультет. Окончил академию в 1994 году, был направлен в Приволжский ВО в Окружной учебный центр командиром учебного мотострелкового батальона. Готовили там механиков-водителей боевой машины пехоты (БМП).

С однокурсниками из академии тоже поддерживаю связь, с некоторыми из ребят встречаемся и вспоминаем былые времена. Хочется вспомнить ребят, которых нет уже с нами, это Перепелкин Эдуард, командир мотострелкового батальона. Он погиб в Чечне от выстрела снайпера на привокзальной площади при выполнении боевой задачи.

Александр Горшков, прошел Афганистан. Он погиб, спасая солдата из-под огня.

У каждого из них были жены, дети .

В 1996 году приказом Министра обороны меня перевели в Москву на военную кафедру Московского государственного текстильного университета (МГТУ имени Косыгина). С 1996 по 2009 год проходил службу в этом университете, занимая должности - преподавателя, старшего преподавателя, начальника учебной части.

В 1999 году был награжден орденом Мужества за выполнение интернационального долга на территории Афганистана и ликвидацию катастрофы на Чернобыльской АЭС. Имею еще 13 медалей.

В октябре 2009 года в звании полковника уволился в запас. В настоящее время работаю заместителем директора по обеспечению безопасности школы-интерната № 61.

Декабрь 2012 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Галоян Аветик Грачьяевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Медведев Петр Петрович

Я почувствовал удар и оказался под броней

Я родился 22 августа 1965 года на станции Друть Белынического района Могилевской области Белорусской ССР.

Я с детства увлекался спортом. Рядом с нами жил Анатолий Дроздов, который пришел со службы в красивой десантной форме и голубом берете, и у меня появилась мечта стать десантником.

После окончания школы мы пошли в военкомат, чтобы встать на учет, а там как раз набиралась группа по подготовке прыжков с парашютом. Я и трое моих друзей попали в школу ДОСААФ. До армии мы сделали три прыжка!

Первый прыжок как для меня, так и для моих друзей, был самым трудным. Было очень много отказавшихся прыгать.

Невзирая на страх, я, закрыв глаза, выпрыгнул из самолета. Чувство свободного падения незабываемо. Эти три минуты я запомнил на всю жизнь! Приземление произошло удачно. После этого прыжка я сразу понял, кем я хочу служить. Десантником!! Меня призвали в армию, и я попал в десантные войска.

Службу начал в населенном пункте Гайджунай в Литве во 2-й роте 26-го показательного полка (в/ч 11929). Обучался по программе командира боевой машины десанта. Не было ни минуты свободного времени: физическая подготовка, марш-броски, прыжки с парашютом, ночные стрельбы. Мне

нравились армейские будни, и я был счастлив, что служу в Воздушно-десантных войсках (ВДВ).

До армии я прыгал с самолёта Ан-2 (называли его – «кукурузник»), а в учебной части – уже с самолета Ил-76. Прыжок с этой махины отличался от предыдущих. Выпрыгивать было очень страшно. Просто невероятная скорость по сравнению с Ан-2! Сирена орала настолько громко, что хотелось выпрыгнуть из самолета как можно быстрее. Выпрыгивали в две двери, по двадцать человек в каждую. С земли было необыкновенно красиво наблюдать за целой дивизией десантников, парящих в небе.

Закончил я «учебку» с отличием. Эта хорошая школа жизни! Из ста двадцати человек всего лишь семь получили звание сержантов. Я был в их числе. А лучших отправляют туда, где они нужнее всего.

По окончании учебной подготовки нас направили в Чирчик (Узбекистан). После холодной Прибалтики, Чирчик был идеальным местом для службы. Бесконечные горы, радующая глаз растительность, тепло. Здесь я увидел первых «афганцев». Это был пересыльный пункт. Некоторые из них были раненые, с наградами. Вроде бы год разница, но они совсем не были на нас похожи.

Я думал, что буду здесь служить. Но как-то ночью произошло построение, на котором нам объявили место службы. Я пытался себя ущипнуть, чтобы проснуться и навсегда забыть этот страшный сон. Нас посадили в пассажирский самолет. Сердце билось с ужасной силой. Я сидел и молча смотрел в иллюминатор. Мы пролетали границу между Узбекистаном и Афганистаном. Вышла стюардесса, пожелала нам вернуться обратно живыми и здоровыми, и зазвучала песня группы «Земляне» с известными словами: «Земля в иллюминаторе видна… Как сын грустит о матери…»

Ребята прятали лица, у некоторых на глазах были слезы. До самого приземления в Кабуле стояла гробовая тишина. Мы вышли из самолета, были слышны выстрелы и взрывы, стояла невыносимая жара. Мимо проезжали машины с солдатами, они все возвращались домой и кричали нам вслед: «Удачи, мужики!» А мы прибыли им на замену. Нас построил прапорщик, зачитал список фамилий. Я распрощался с друзьями - нас всех разбросало по всему Афганистану.

Я попал в Газни во 2-й батальон 177-го отдельного отряда специального назначения. Из Кабула в Газни нас перебросили на вертолёте («вертушке»). Из Газни до батальона добирались уже на танке. Все увиденное мною было в диковинку, попал как в сказку «Тысяча и одна ночь» - мужчины в чалме, женщины в паранджe, кучи осликов, верблюды…

И вот мы подъехали к батальону. С одной стороны его окружали горы, а с другой - пустыня. Вместо привычных казарм стояли палатки. Позже я узнал, что в радиусе нескольких километров вокруг территории батальона все было заминировано.

Первые десять дней у нас был карантин, во время которого нас обучали поведению в боевых условиях. После окончания карантина нас распределили по боевым ротам.

Первая операция

Нас повезли на первое задание, чтобы показать, как надо вести себя во время боевой операции. На нас надели бронежилеты и каски, посадили на броню и повезли в один из кишлаков. Первое задание должно было быть безопасным, мы еще были «салагами». Нам всегда говорили: «Каким бы легким не было задание, всегда настраивайтесь на худшее». Для меня это еще была просто игра. Мы подошли к одному из кишлаков, где находились «душманы». Из-за отсутствия у нас опыта нам приказали в бой не вступать, а только наблюдать за действиями боевой группы. Вскоре стали слышны выстрелы и взрывы. Мне до сих пор не верилось, что все происходящее – реальность.

Первый бой

От пленных была получена информация о местонахождении склада боеприпасов. Нас подняли по тревоге и отправили на боевое задание. Склад с боеприпасами был взят успешно. Надо было возвращаться в батальон, но той же дорогой возвращаться было нельзя: она могла быть заминирована, или устроена засада.

Возвращаться мы решили вдоль гор, параллельно той дороге, по которой мы прибыли сюда. И так получилось, что первая машина застряла в арыке. Мы находились между трех

кишлаков. Солнце быстро опускалось за горы, темнело. Машину начали вытаскивать. Через пару минут я услышал выстрелы из кишлаков. Я не сразу понял, что это был обстрел. В тот же момент начался шквальный обстрел, а я сидел на броне и не понимал, что происходит, а лишь смотрел на трассирующие пули, пролетающие со свистом мимо меня.

Лишь потом я осознал, что был на грани смерти. В один момент я почувствовал удар и оказался под машиной. Это сержант подбежал и сбил меня с брони, тем самым спас мне жизнь. Он кричал мне: «Давай стреляй!!!» А я боялся убить человека! Повсюду были слышны крики: «В меня попали», «Его убили»!

Наконец я пришел в себя и стал стрелять. После того, как я увидел убитого, я понял, что это война. С боем мы вышли из-под обстрела и направились в зону безопасности, где пробыли до утра. Раненых отправили в госпиталь.

Утром мы выдвинулись в свой батальон. Там уже знали, что мы попали в засаду и нас «потрепали». Первый бой для меня закончился удачно, а для кого-то нет. По прибытию к нам подошли ребята с предложениями о помощи. Принесли нам воду, забрали тяжелые боеприпасы, вещи, сочувствуя нам. Некоторые бойцы долго сидели и курили. Это были друзья погибших. О чем они думали, можно только догадываться…

Потеря друга

В свободное время я встречался с другом Алексеем Забродиным, с которым был в «учебке» в Прибалтике. Вечерами мы читали друг другу письма с Родины, вспоминали общих друзей. Через три недели был убит мой Лешка разрывной пулей в голову. Вот тогда я окончательно понял, что я на войне.

Дальше служба пошла своим чередом, «привык» к войне, много чего пришлось испытать и пережить…

На одной из операции в районе озера Сарде, подорвалась наша машина, я получил легкую контузию и ранение. В медсанчасти был я три недели. Потом снова в бой! Я участвовал более чем в пятидесяти боевых операциях.

Дембель

Однажды капитан Сабиров вызывал в штаб. Я подумал, что предстоит очередная операция.

- Куда идем? На озеро Сарде или на Кушку?

- Ладно, завтра «вертушки» будут в восемь часов. Давайте, сынки. Домой завтра.

- Да ладно, товарищ капитан, ты нас подкалываешь?

- Все, я сказал! Идите, сдавайте оружие.

И вот тут у меня забилось сердце: «Неужели домой? Не могу поверить!»

- Идите, готовьтесь, я завтра к вам зайду.

Говорят, что выше головы не прыгнешь. Оказывается – прыгнешь!!! Еще как, когда узнаешь, что всё закончилось!!

Сломя голову, мы бежали из штаба в палатки. Забежав, достали и надели парадную форму, начали готовиться к отъезду. Потом всю ночь мы курили и вспоминали друзей, представляли встречу с родными и друзьями на Родине.

Утром мы со всеми попрощались. Построились. Было очень пыльно, и мы каждые пять минут протирали сапоги. Нас было 45 «дембелей» и всего две «вертушки», а каждая могла унести только 15 человек. Поэтому мы полетели в два захода. Подлетел вертолет, все ринулись в него, забыв про начищенные сапоги и выглаженную форму.

Летчик орал: «Мужики, подождите! Вы все не войдете!» Но нас было не удержать.

Это был самый долгий путь домой. Боязнь быть сбитыми преследовала нас всю дорогу. Гробовое молчание. Из-за ветра «вертушку» бросало из стороны в сторону. И каждый раз я думал, что нас сбили.

И вот мы приземлились в Кабуле с криками: «Ура!!!!!!»

Я встретился с ребятами из «учебки». Очень обрадовались, что живы. Расспросили друг о друге, о службе, вспомнили погибших друзей. Обменялись адресами. И договорились встречаться каждый год 2 августа (в день ВДВ) на Красной Площади около Спасской башни.

Так закончилась в 1985 году моя служба в Афганистане, начавшаяся в 1983 году.

Из Москвы я приехал домой на поезде. Я жил недалеко от вокзала. С криком «Я живой!!!», сломя голову побежал к

родному дому. Весть о моем прибытии уже дошла до моих родителей, мама и папа ждали меня на крыльце.

Открыв следующим утром глаза, я увидел у себя в гостях много родственников и друзей. Было очень много слез, расспросов о службе. Но мне все казалось, что это опять сон. Но я Дома!!! И я живой!!!!

Закончил я свою службу в звании сержанта, в должности командира зенитно-самоходной установки («Шилка»).

Награжден: медалью «За боевые заслуги», медалью «От благодарного афганского народа», знаком «Воину-интернационалисту» и другими наградами.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Богданов Дмитрий Петрович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Мещеряков Борис Борисович

Наш батальон был как отдельная застава

Я родился 26 декабря 1964 года в городе Москве. В 1982 году окончил школу. 18-летним юношей был отправлен на войну.

Начал я службу в десантных войсках, после чего меня направили в учебный полк в Фергане. Это был специальный полк, в котором готовили для отправки в Афганистан. Там я отслужил полгода, затем был отправлен в провинцию Бамиан.

Сначала мы прилетели в Кабул, а из Кабула на вертолетах нас доставили в Бамиан. В этой провинции я служил от начала и до конца.

Для меня всё было очень необычно. Это другая страна, поначалу совершенно непонятный для меня народ, образ жизни. Но, прослужив с полгода, привык.

Человек же привыкает ко всему. Войну, в общем-то, мы только в школе изучали, и в кино смотрели. Но когда непосредственно участвуешь во всем этом, то это совершенно другие ощущения.

Боевые действия, у всех они примерно одинаковые, только в разных вариациях. Хотелось бы, чтобы молодежь знала об этой войне. Сейчас это уже не секретная информация, может, поэтому стоит внести Афганскую войну в учебники, поскольку люди, незнающие свою историю, обречены на те же самые ошибки.

Все полтора года, которые я служил в провинции Бамиан, ходил через день в боевое охранение. Возможность обстрела была постоянно. Вокруг горы, а наша провинция была в низине. Поэтому боевое охранение стояло через каждые сто метров. Вот и получалось, что половина батальона на охранении, а половина отдыхает. Батальон был небольшой, людей всегда не хватало. Конечно, было тяжело. Но мы привыкли и относились к этому, как к должному. Постоянные обстрелы были не страшны, но боевых операций не боятся только дураки, это закон признанный.

На войне меняется образ мышления человека, но даже в этих тяжелых условиях, мы всегда находили время развлечь себя. Развлекались, как могли, веселили себя сами, другого варианта не было. Будь-то день рождение, ставили бражку, готовили что-то помимо того, что было в полевой кухне, пели песни под гитару. Любили сажать цветы, там же пустыня, а хотелось чего-то родного.

Быт у нас был, как у отдельно действующего батальона. Дороги не было, поэтому прилетал вертолет. Наш батальон был как отдельная застава, только большая.

Готовить приходилось самим. Даже хлеб пекли, никто не привезет, поскольку дороги нет. Быт был настолько простой, что главной задачей для нас было выжить во всех этих условиях, только и всего. Из продуктов выбор был небольшой: картошка, тушенка и макароны. Было много рецептов их приготовления.

Когда прилетал вертолет, каждый солдат надеялся, что сегодня для него тоже есть письмо из дома. Без писем, без весточки с Родины можно было повеситься. Мы их очень ждали, потому что были отрезаны от всего. И было чувство, что ты вроде бы одинок. Я ждал писем от своей семьи, девушки у меня на тот период не было, и это может быть даже к лучшему.

Иногда мы занимались охотой на собак. Как-то мы решили завести двух собак к Новому году, чтобы потом съесть. Они у нас жили, росли, а потом их жалко стало. Но, тем не менее, собак я пробовал. Вы, наверно, задались вопросом: «И как?» Я отвечу, если правильно приготовлена, то приемлемо. Сейчас я бы уже не стал даже пробовать, но там было другое время и другие условия.

В Афганистане из нас подготовили хороших солдат. Как оно помогло в жизни? Наверное, от части, поменялось мировоззрение. Скажем так, из простого инфантильного подростка, выросшего в тепличных условиях, я стал немножко другим человеком. И это я считаю огромным плюсом.

В итоге хотелось бы сказать, что Афганистан - страна по-своему красивая. Меня поразил сам быт, колорит этой страны. Это вообще другая жизнь, которую я не представлял. Тем не менее, интересно, если бы это была не война: эти горы, закат.

Тогда теряли друзей, что очень прискорбно. Воспоминания остались на уровне подсознания, осели где-то. Просто надо вовремя абстрагироваться от этого. Не все смогли сделать это после войны. Для меня первое время было очень тяжело вернуться в мирную жизнь, потребовалось много времени. Многое ещё зависит от внешнего окружения.

На Афганской войне я приобрел многих товарищей, с которыми до сих пор в хороших отношениях. С возрастом общения меньше - у каждого своя семья, свои проблемы. Но в определенные дни, в феврале и декабре, встречаемся регулярно. Вспоминаем кое-что, но люди уже живут той нормальной, гражданской жизнью, и бытовые вопросы актуальнее. Жизнь не останавливается, она движется вперед.

Демобилизовался, как положено, в 1985 году, отслужив два года. За службу в Афганистане я награждён медалью «За отвагу».

Июнь 2010 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Клюева Татьяна Викторовна,*** *студентка 1-го курса Академии бюджета и казначейства*

Миронов Александр Ананьевич

Крупная операция. Поедешь старшим

Я родился в 1961 году в Перми. Русский, православный.

В составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане служил с 1983 по 1985 год. Был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1989 году окончил актерский факультет Российской академии театрального искусства (РАТИ-ГИТИС) и был принят в труппу Центрального театра Советской, ныне Российской, армии, где служу по сей день. Член Союза театральных деятелей России (СТД) и Российского союза ветеранов войны Афганистана

Моя родина – Пермь, и хотя я уже много лет живу в Москве, частичка моей души навсегда осталась в этом городе. Там живет старший брат, там похоронен самый близкий мне человек - мама.

Жизнь нашей семьи ничем не отличалась от других. В шесть лет меня отдали в школу, а когда я её окончил, то сразу пошел работать на завод. Пермь в советское время была крупным промышленным центром, рабочие профессии были очень востребованы и почетны.

Я стал рабочим Машиностроительного завода имени Октябрьской революции. Трудился на конвейере, в механосборочном цехе на должности слесаря механосборочных работ. Занятие не столько тяжелое, сколько

монотонное и однообразное, отнимающее много сил. Но работать надо было, надо было помогать маме.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, стал работать в полную силу, как все взрослые, оставался после смены сверхурочно, работал в выходные дни – все это оплачивалось дополнительно, и я старался заработать как можно больше, считал, что мужчине недостойно получать маленькую зарплату.

На заводе я проработал два года. Это был хороший жизненный опыт. Уйти с завода мне пришлось по состоянию здоровья. Надо сказать, что в детстве я очень часто болел воспалением лёгких. Как-то, уже на заводе, во время очередной диспансеризации доктор предложил: «Давай-ка, мы тебе сделаем бронхоскопию». Меня положили в больницу на обследование, сделали бронхоскопию, и врач сказал: «С таким заболеванием ты не пойдёшь служить, да и с завода надо уходить». В результате я получил «белый» военный билет и пошел работать на железную дорогу проводником служебных собак в военизированной охране. Так прошли еще два года моей жизни, а я ни на шаг не приблизился к своей давней мечте.

Я мечтал о театре, об актерской карьере. Еще до школы, маме, после моего импровизированного выступления, кто-то сказал: «Лиза, сын у тебя будет знаменитый артист!» В школе я выступал со сцены на различных мероприятиях и вечерах, потом пошел в драматическую студию при Дворце культуры, играл в народном театре самые разные роли - и современные, и классические.

Некоторые из моих коллег по народному театру стали студентами Пермского института культуры, а кто-то успешно поступил в московские творческие вузы, и я подумал, что если у них получилось, то почему бы и мне не попробовать. И я решил, что попробую. Поэтому, оставив работу на железной дороге, я стал готовиться к экзаменам в ГИТИС. Когда наступило время вступительных экзаменов, я приехал в Москву и сдал документы в институт.

Вскоре состоялось собеседование. Неожиданно для себя, я прошел все туры и был зачислен. Нас было четыре абитуриента, у кого были «белые» военные билеты. Борис Гаврилович Голубовский, мой будущий художественный

руководитель, сказал: «Ребята, я вас беру учиться. Вы уже прошли, экзамены сдали. Но, постарайтесь понять меня правильно: сейчас такая ситуация... Вы точно уверены, что не пойдете в армию?» Мы все были в этом твёрдо уверены, но жизнь внесла свои коррективы.

Человек предполагает, а Бог располагает.

В декабре 1979 года Советский Союз ввёл свои войска в Афганистан. В армии стало не хватать контингента, и появилось негласное, нигде не опубликованное, закрытое постановление руководства страны, разрешающее забирать в армию из институтов, не имеющих военной кафедры, студентов, окончивших первый курс. Те, кто закончил второй и третий курсы, уже не попадали под это постановление.

Во время учебы на первом курсе военкомат отправил меня на обследование в 64-ю Московскую городскую больницу, где мне в очередной раз сделали бронхоскопию. В результате был поставлен диагноз – двусторонний гнойный эндобронхит второй и третьей степени. Доктор вновь сказал: «Нет, с такой болезнью для армии ты не годен». Но я ещё не знал, что на очередной медкомиссии от Дзержинского райвоенкомата города Москвы меня признают ограниченно годным к строевой службе в регионах с сухим климатом, куда я, собственно, и попал спустя некоторое время. По окончании учебного года, через два дня после сдачи всех экзаменов, держа в руках повестку, я явился на сборный пункт.

Что я тогда чувствовал? Мне казалось, что всё произошло так, как угодно Господу. Произошло и произошло, и теперь от меня зависит лишь то, как к этому относиться.

Уже несколько лет шла война в Афганистане, но нигде это не афишировалось. Передавал лишь «Голос Америки» из Вашингтона, а в наших газетах открытой информации не было. В 1983 году, окончив первый курс ГИТИСа, меня отправили служить в Афганистан, где я пробыл до 1985 года. Там все служили по два года - и офицеры, и солдаты срочной службы.

После сборного пункта нас привезли на Казанский вокзал. Уже тогда мы начали отдаляться от мирной гражданской жизни – начиналась воинская служба. С собой у нас было много мешков, вещей. Хорошо, что тогда было тепло: где-то в закутке в ожидании, когда подадут состав, мы ночевали прямо там, на асфальте, подложив под голову свои

мешки. Нас было примерно 200 человек. Под утро поступили команды: «Подъем! Сбор!» Мы вошли в вагоны и в течение трех дней через казахские степи продолжили свой путь к древнейшему среднеазиатскому городу Самарканду, где всех нас ожидали в учебной бригаде связи, в войсковой части в/ч 52922.

Сразу в Афганистан никого не отправляли - сначала было необходимо адаптироваться. Например, те, кто приходил служить водителем (в Афганистане нет ни одного километра железной дороги, передвигаются там либо за рулем, либо по воздуху), проходили карантин чуть меньше месяца в среднеазиатских республиках СССР, чтобы привыкнуть к климату.

Большие нагрузки, долгие стояния на плацу под палящими лучами солнца выдерживали не все. Бывало, стоишь, смотришь - справа один «поплыл» и осел. Товарищи ему помогают, стараются поддержать и опустить на землю. Потом - второй, третий. Их подхватывали под руки и отправляли в санчасть. Сам же я где-то на десятый день службы немало удивился, когда, протирая окна нашей казармы, увидел свое отражение в стекле и с трудом себя узнал - похудел очень сильно.

В «учебке» я получил специальность связиста, и мне было присвоено воинское звание «сержант».

После адаптации мы прибыли в Кабул, где располагалась наша воинская часть. С этого момента все письма, которые мне присылали родные, приходили по такому адресу: ВЧ п/п 52011 – 103-й полк связи.

Непривычным и странным всё казалось поначалу, нужно было привыкать к новой обстановке. Более того, я впервые оказался за рубежом Советского Союза.

Переписка и посылки – было дорого любое воспоминание о доме. Большой поддержкой, не позволяющей упасть духом, были письма родных, друзей, знакомых. Моя девушка начала мне писать, еще не зная адреса. С тех пор, как я ушел служить, она писала каждый день! В первые дни службы, получая письма от родных, я думал, что где-то там далеко дом, Союз, друзья. Там – жизнь, полная интересных впечатлений, а я отделен от всего этого, вокруг меня лишь горы.

Одним из самых ярких впечатлений от первых дней службы осталась поездка в Баграм, где нам показывали трофейное оружие и боеприпасы противника. Мы увидели большие рифлёные пластиковые итальянские мины, «мины-лягушки», советское оружие и стрелковое оружие русского производства: ижевские и тульские винтовки, сохранившиеся с 19-го века. Самыми поразительными были английские винтовки, называемые «БУР». Они, как и наши «трёхлинейки», отличались дальностью полёта и убойной силой. До прихода советских войск английская армия находилась в Афганистане более ста лет, но так и ушла, не покорив этот народ. В память о «БУРах», пули от которых легко пробивают стальную броню наших «БТРов» (бронетранспортёров), «БМПшек» (боевая машина пехоты), «БМДшек» (боевая машина десанта), я привёз на цепочке одну из таких пуль.

Обстреливали нас постоянно РС-ми (реактивными снарядами), минами, фосфорными минами. Однажды на моих глазах даже сбили вертолет. А как свистят пули, я слышал, наверное, почти каждый день.

С водой там были большие проблемы – приходилось набирать ночью. Обычную воду пить нельзя, иначе можно заболеть желтухой, поэтому во время адаптации в «учебке» нас приучили пить кипяченый настой из верблюжьей колючки. Сначала он казался неприятным, но потом мы привыкли. На самом деле вкус его не противен, даже напоминает зеленый чай.

Одним из самых близких моих друзей в армии стал Павел Глинков из Белоруссии. Вначале я общался лишь с «однопризывниками», кого призвали одновременно со мной. Отношения со старослужащими складывались сложнее. Павел тоже считался старослужащим, он был призван на полгода раньше меня. И был гораздо опытнее, имея за плечами выходы на боевые операции в составе полевых узлов. Однажды Павел предложил мне работать в паре, перенимая его опыт работы на аппаратной связи «Эльбрус». Впоследствии я занял его должность начальника аппаратной. Вместе мы прошли через многие эпизоды войны.

Одна боевая операция мне запомнилась особенно. Ночью мы выехали из полка в направлении Саланга в Суруби и поднялись высоко в горы.

Саланг – это перевал, в котором находится известный тоннель, сделанный с помощью советских специалистов - метростроевцев. К моменту нашего выхода из него на небе уже заиграл рассвет, лучи солнца окрасили горы в алые и пурпурные тона, а вдали виднелось лазурное озеро, окаймленное песчаными скалистыми берегами. В той операции командиром батальона был всеми уважаемый майор Семёнов. Павел в шутку нас назвал «бандой атамана Семенова».

Однажды в Баграме произошел такой случай. Паша был на дежурстве в аппаратной, а я спал в палатке. Утром просыпаюсь, иду умываться. Смотрю, повсюду какие-то воронки. Спрашиваю: «Паша, а что здесь случилось?»

- Да нас ночью обстреляли!

- Чем?

- РС-ми и миномётами, да и вон ещё хвосты от фосфорных мин валяются.

- А я даже не проснулся!

Мы обычно ночевали в палатках и постоянно слышали шум, грохот. Рядом стояла батарея артиллеристов, поэтому установки залпового огня «Град» работали постоянно. А когда траектория их полёта проходила над нами, то нас волной от пусковой установки даже слегка прижимало к земле. И мы с нетерпением ждали, когда, наконец, пролетит крайний, тридцать шестой, снаряд. В «комплекте» у каждой установки их было по 36.

Повторюсь, со старослужащими в первое время были непростые отношения. Поскольку мне исполнился уже 21 год, многие из них по возрасту были младше, но имели гораздо больше военного опыта. Установить нормальный контакт помогла песня. Прозвучал вопрос: «А на гитаре кто-нибудь из вас играть умеет?» Я с готовностью откликнулся. Играть на инструменте я нигде не учился. Гитара, язык песни стали для нас лейтмотивом общения и средством сплочения. Песня сопутствовала нам на протяжении всей службы.

С местным населением мы почти не общались. Нам запретили налаживать какие-либо связи. Поведение местного населения было абсолютно непредсказуемо, и в этом заключалась опасность. Никто не мог предугадать на что способен, например, торговец овощами. Сегодня он любезно беседует, а завтра берет оружие и направляет его против нас. В

Афганистане совершенно другой уклад жизни. Даже летоисчисление иное: во время моей службы там шли 1363-1365 года. Кстати сказать, мы были гораздо уязвимее, чем местное население. Они знали каждую тропку, каждое ущелье, а мы, приехавшие из равнинной местности, долго привыкали к высоким горам. Не было приспособленности и к жаркому, сухому климату. Даже потребление воды грозило тифом и другими болезнями. Более того, жару не выдерживала и техника. Хотя тогда она прошла хорошие испытания и показала себя с лучшей стороны.

Душманы – очень коварный народ. Бывало, они приезжали в советские боевые части на машине и среди бела дня открывали огонь РС. У них было оружие, против которого у наших войск не оказалось защиты. Например, большие противопехотные пластиковые мины. Ни одна машина саперов была не в силах их обнаружить! Также душманы использовали так называемые «Стингеры» - снаряды, поражающие самолёты. Они реагируют на тепло, поэтому в полете определяют положение самолета и точно его подбивают.

Служба в армии для любого молодого человека – это испытание. Многие юноши, приходящие в армию, начинали курить. Я же, в силу своего характера, решил, наоборот, бросить и с первого же дня сделал это.

С самого начала службы я настроил себя таким образом, чтобы песня всегда звучала в моей душе и была рядом, что бы ни случилось. Вспоминаются занятия французским языком в институте. Преподавателем французского языка у нас была Любовь Григорьевна Пепеева, которую мы все очень любили. Она приносила на занятия магнитофон, и мы слушали поговорки, пословицы, песни, развивая к языку интерес. Однажды прозвучала композиция Мишеля Сарду «Напевая», ставшая мне очень близкой по духу. Она как раз о том, что жизнь гораздо менее безнадежна и трагична, если идти по ней с песней. Эта песня стала моим спутником, и, может быть, даже учителем, поскольку в дальнейшем я шел по жизни, напевая.

Истинные качества души человека нигде не проявляются лучше, чем во время тяжелых жизненных испытаний. А на войне, тем более, каждый человек раскрывает свою сущность.

Мне суждено было увидеть и примеры отваги, и примеры слабости.

Во время моей службы в Афганистане я познакомился со многими замечательными людьми. Моя жизнь была и остается наполненной необычайными встречами.

Одна из них – встреча с Павлом Глинковым, о котором упоминалось выше. Я и Павел всегда друг друга поддерживали - песней или шутками. Мы были молоды, поэтому любили розыгрыши. Однажды в Суруби мы вместе дежурили в ночную смену. Время тянулось томительно долго, и нам пришла мысль подшутить над товарищами. Что же могло быть лучше, чем разыграть настоящее землетрясение, бывшее нередким явлением в Афганистане? Природа сама подсказала, какую шутку сыграть! И мы, недолго думая, раскачали аппаратную связи, которая располагалась на базе ЗИЛ-131. Вася Сокрута, дежуривший внутри, стремительно выскочив из КУНГа (кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита), по достоинству оценил нашу шутку.

Павел был человеком удивительной широты души. В 1988 году он отправился в Армению, в Спитак, оказывать помощь пострадавшим от землетрясения, случившегося 7 декабря. В Афганистане он не был ни разу ранен, а в Спитаке получил тяжелую травму ноги. Ему сделали операцию, после которой пострадавшая нога не была восстановлена полностью и стала короче на 7 сантиметров.

После службы мы продолжали общаться, переписываться. Одна из встреч состоялась в день 15-летия вывода войска из Афганистана, другая – во время его свадьбы в Белоруссии.

Командир нашей роты, капитан Мазуров, был примером отваги и мужества. Он много участвовал в боях, честно и смело исполнял служебный долг. За это все его уважали и любили. Впоследствии ему на смену пришёл другой командир, его звали Сергей, по фамилии Быканов, он был в звании капитана. С ним сложились хорошие отношения, но не лишенные некоторого напряжения - он был для нас новым человеком, пришедшим на смену всем полюбившемуся капитану. К сожалению, не все смогли с ним поладить.

В армии свои законы, там жизнь протекает по уставу. Мы не имели права покидать территорию части без согласия

начальства. Будучи уже опытным, прослужив достаточно долго, я не боялся недовольства нового командира. Помню, решил покинуть пределы части. Иду по тропинке, занятый своими мыслями, и вдруг мне навстречу выходит капитан Быканов. Конечно же, по долгу службы он обязан был вернуть меня. Именно это он и сделал.

Спустя много лет мы случайно встретились. Стою как-то в магазине и вдруг чувствую на плече тяжёлую, крепкую руку. Повернулся…

- Привет! Не помнишь меня?

- А, товарищ капитан! Здравствуйте, здравствуйте!

- Уже майор… в запасе.

Этот человек был тем самым капитаном Быкановым! Мы разговорились, обменялись телефонами. И вдруг я услышал от него неожиданный вопрос: «Ты на меня не обижаешься за тот случай?» Это он о случае моего ухода из части. Все же, как удивительна наша жизнь - человек помнил об этом столько лет! Тогда, будучи в Афганистане, он не мог задаваться подобным вопросом - всем управлял устав. А сейчас, при нашей встрече, уже можно было раскрыть свою душу.

В начале моей службы в Афганистане 103-м отдельным полком связи командовал Николай Петрович Ляскало. В 1983 году он был в звании подполковника, впоследствии, уже перед заменой и отправкой в Союз, он получил воинское звание полковника и, в свои 36 лет, продолжил служить на Родине. Через много лет моих коллег по театру и меня пригласили на концерт, посвященный празднику 9 Мая. К моему удивлению, ведущая вызвала на сцену генерал-полковника Н.П. Ляскало. Помню, как она говорила обо мне и Николае Петровиче: «В зале присутствуют два человека, прошедшие вместе войну в Афганистане. И сегодня, после долгих лет, они снова встретились». С первого ряда поднялся, подошёл ко мне на сцену убелённый сединами человек, мы обменялись рукопожатием. Это был он, уже генерал-полковник, начальник войск связи Вооружённых Сил РФ, к тому времени уже закончивший службу и находившийся среди ветеранов ВОВ, поскольку концерт был посвящён им.

После того, как я вернулся за кулисы, ко мне подошёл генерал-лейтенант со словами: «Значит, с генерал-полковниками ты обнимаешься, а генерал-лейтенанту даже

руки не подашь?» Я увидел знакомое лицо. «Кохан, моя фамилия. В 1984 году был лейтенантом, командиром роты, и располагались мы ниже, на первом этаже той же казармы, где был и ваш ПУС (ПУС – полевой узел связи), но вы, как я понял, как тогда не замечали тех, кто находится ниже вас, так и сейчас». Мы улыбнулись, посмотрели друг другу в глаза и обнялись. Был повод поднять рюмки и молча вспомнить о тех, кто не вернулся - это наш традиционный третий тост.

Бывало, война напоминала о себе в случайных встречах. Как-то от театра я был направлен в командировку в Душанбе, где располагалась 201-я дивизия, отмечавшая свой юбилей. Там я познакомился с удивительным человеком, Ахлямом Газалиевым. Он тоже служил в Афганистане, но в десантных войсках. Впоследствии, вернувшись на родину в Екатеринбург, он начал писать музыку и стихи. Там же он познакомился с Михаилом Батиным, с которым они вместе создали много прекрасных песен, в том числе и об Афганистане. К сожалению, сейчас уже нет в живых ни Ахляма, ни Михаила. Теперь уже их голос можно услышать лишь из магнитофона. В память о Михаиле Батине, который ушел из жизни раньше, Ахлям написал такую песню:

Вот и стал, Миша Батин, ты автором слов.
К ним пришёл ты нескоро, но честно.
На войне, где, как сок, проливается кровь,
Не чернилами пишутся песни.

Припев:
А судьба одна, и нет двух.
У неё свой мёд и свой яд.
Ты испил уже всего, друг,
Ты хватил уже всего, брат.

Есть такая мужская надёжная связь:
Мы повязаны памятью тесно.
Знаешь ты, знаю я, что война – это грязь,
Но светлы наши общие песни.

Припев:
Даже если на излом вдруг
Бросит снова мир тебя в ад,
Сохрани свой честный звук, друг,
Сбереги свой добрый свет, брат.

Сколько дней мы, Мишаня, знакомы с тобой,
Сколько спето и выпито вместе.
Знаешь ты, знаю я, что война – это боль,
Но от боли рождаются песни.

Припев:
Никому не разорвать круг,
Если этот круг сердцам свят.
Небо воздуха нам даст, друг,
И земля поддержит нас, брат.

Будь здоров, десантура,
Твори и держись!
Каждый раз умирая, воскресни.
Да, война - это смерть,
Но, конечно, и жизнь.
Впереди у нас новые песни.

Припев:
Я хочу тебе сказать вслух,
Что сегодня быть с тобою я рад,
И я счастлив, что ты мне друг,
А точнее, что ты мне брат.

Моя служба проходила в войсках связи. Они всегда считались элитными. Наша задача заключалась в том, чтобы обеспечить скоординированную связь между всеми родами войск: авиацией, ракетчиками, разведкой. Если мы идем на боевую операцию, нас ставят в середину колонны. Если операции были большие, нас всегда сопровождали вертолеты, которые, как правило, летали парами.

Как обычно строится колонна? Впереди идут сапёры. Они занимаются разминированием противотанковых, противопехотных мин. На инженерно-сапёрной гусеничной

машине, идущей впереди колонны, прикреплен большой валик, под которым взрываются «мины-лягушки». Далее следуют пехотинцы-стрелки и десантники. А после – войска связи. Как говорится, «нерв армии», ведь связь должна работать всегда! Но мы в любом случае в невыигрышном положении: если подбивают первую машину, подбивают последнюю, то мы уже в «коробке» и никуда не можем деться. Это отработанная тактика противника.

Когда мы передвигались в колонне, то в КУНГе с двух сторон был достаточно толстый слой аппаратуры, который и защищал нас от шальных пуль и осколков. Аппаратура предназначалась для того, чтобы зашифровывать сигналы-команды, поступающие с пункта управления операцией так, чтобы противник не мог их расшифровать. За нами шли мотострелки и вновь десантники. В самом конце - две САУ (самоходные артиллерийские установки).

Колонна всегда обстреливалась, но пули, реактивные снаряды, мины до нас не долетали.

Тем не менее, из моего взвода трагически погибли два человека. Они возвращались из Кабула в нашу войсковую часть и не доехали 500 м до КПП - их расстреляли в упор из автомата. Одним из них был Виктор Кантылёв, родом из Белоруссии, из-под Могилёва. К тому времени он отслужил всего год, неделей раньше мы вместе праздновали его 20-летие. В Виктора попало три пули. Смерть наступила мгновенно.

Несколько дней длилось оцепенение. Кровать, на которой спал Витя, была заправлена, стояла его фотография в траурной рамке. Он всегда с нами. Вот так погибли эти люди, будучи даже не на боевой операции.

А как меня обошло подобное? Основное население Афганистана – люди, говорящие на пушту и дари. Самые большие языковые группы в Афганистане – это пуштуны и дарийцы. Более того, среди населения есть афганские таджики, узбеки, казахи, киргизы и другие. Там, где находится Кандагар, существует активное движение радикальных исламистов - талибов. То есть, народ Афганистана делится на определенные группировки.

Лидером одной из группировок был Ахмад Шах Масуд, очень известный человек. Насколько я тогда понимал, у нас с

ним было какое-то негласное соглашение, потому, что, когда мы проходили контролируемые им территории, нас не обстреливали. Хотя со всех сторон горы, и ничего не стоит остановить и заблокировать колонну. Во время одной из операций мы проходили по контролируемой им территории.

До Ургуна мы дошли нормально. Потом я внезапно заболел - поднялась высокая температура, около 40. Подозревали инфекцию, что вполне естественно. Меня вертолётом отправили обратно в часть, в Кабул. Со слов товарища, Павла Глинкова, когда они возвращались, то попали под обстрел. Причем, там, где не ожидали, на территории Ахмад Шах Масуда. Паша с ребятами, выполняя приказы командиров, залегли под колёса и отстреливались. Обошлось без потерь.

После одной из крупных боевых операций, которая проходила в Панджшерском ущелье, я был представлен к награде «За боевые заслуги». Чем она ценна мне? Точно такие же медали вручали солдатам Великой Отечественной войны. Многие солдаты свои награды получали позже, уже по возвращении домой, а мне медаль торжественно вручили в Афганистане на плацу, в присутствии всего нашего 103-го отдельного полка связи. Это был апрель 1985 года. Кроме этой награды у меня много других, юбилейных, например, медали по случаю 15-летия, 20-летия вывода войск из Афганистана. Они не боевые, а памятные, и отношение к ним другое. В дни торжеств, памятных дат или на встречах с ветеранами ВОВ я надеваю только одну – «За боевые заслуги». Но бывает это нечасто.

На службе я продолжал думать о своей учебе в институте, думал о том, как дальше развиваться, чтобы не потерять в столь жестких обстоятельствах навыки, приобретенные на первом курсе. По возможности, вспоминал тексты пьес, в которых принимал участие, размышлял над ними, когда получалось читать – читал, пополнял свой «багаж» новыми «афганскими» песнями.

В апреле 1984 года в нашу войсковую часть приехала группа актеров Центрального академического театра Советской армии. В ее составе были многие известные и полюбившиеся зрителям артисты, такие как Л. Чурсина и А.

Покровская. Судьба будто нарочно свела меня с этим театром, ведь теперь он - часть моей жизни. И только теперь я понимаю неслучайность этого события. Впервые я встретился с артистами в момент, когда жизнь и меня и их проверяла на прочность. Мог ли я знать, наблюдая за выступлением актеров, что в будущем сам буду играть на театральных подмостках. В то время, когда в нашей части проходили спектакли, в Афганистане шла другая «игра» - жестокая и страшная война.

В театре существует команда актёров-военнослужащих, в которой проходили срочную службу (и до сих пор проходят) ребята, имеющие театральное образование. Порой и меня спрашивают: «Раз вы играете в театре Российской Армии, значит, вы там и проходили воинскую службу?» На что я даю однозначный ответ: «Нет, я проходил службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, оказывая интернациональную помощь афганскому народу». Теперь и я выезжаю на гастроли и с концертами во многие гарнизоны и военные части. Я отправляюсь в эти поездки с огромным удовольствием. Я могу принести какую-то пользу молодым ребятам, поделиться тем, что испытал сам, так как знаю, какое значение имеет для солдат встреча, общение с людьми, которые говорят на понятном им языке и даже иногда поют знакомые им песни.

Вдалеке от Родины, близких людей, каждое воспоминание о доме ценно и дорого. Стоит ли говорить, что даже на войне у нас были светлые и радостные дни? Они были! Порой часы службы озарялись именно такими напоминаниями о доме. Мы были преданы Советскому Союзу, проникнуты его традициями, сложившимся образом жизни. В СССР отмечали праздники, которых теперь нет, а тогда они были целыми событиями. Не забывали о них и мы, будучи в Афганистане. Помню празднование 7 ноября. На Родине в этот день всегда проводились демонстрации и парады. А для нас, тогда молодых солдат, оказавшихся в незнакомом, чужом месте, это были светлые мгновения - был устроен праздничный «фейерверк» тысячами молниеносно летящих пересекающихся трассирующих пуль на фоне дворца Амина (другое название Тадж-Бек), в котором тогда находился штаб 40-й армии. С неба плавно спускались сотни осветительных кассетных ракет РО-

П35. Они опускались с очень большой высоты и озаряли огромное пространство. Это было ни с чем несравнимое зрелище - небо словно усеялось множеством медленно падающих звезд.

Климат Афганистана жаркий и сухой. Но перенести жару и засуху было гораздо легче, чем другую напасть - неизбежный, вездесущий ветер «афганец». Он не был частым явлением, тем не менее, приносил много неприятностей ребятам. Он переносил мелкий песок-пыль, который проникал в самые узенькие щелки зданий и машин. Единственное, что хоть как-то могло помочь от него уберечься – это герметичное пространство. Например, КУНГи, кузова машин, где располагалась наша аппаратура. Бывало, выезжаем мы колонной на боевую операцию. На открытой местности разворачиваем ПУС (полевой узел связи), и тут дует «афганец». От него невозможно укрыться! А сделать лишний шаг, куда-либо перейти еще опаснее – вокруг всё заминировано нашими или афганцами. Становится тяжело дышать, мельчайшие частички пыли, песка забивают нос, начинает першить в горле. Пожалуй, это можно прочувствовать, если сравнить «афганец» с пожаром, дымом, которым доступны все самые дальние уголки.

Порой нас ожидала большая удача. Бывало, местные ребята, которые служили там, где мы разворачивали полевые узлы, позволяли сходить в их баню, а при бане бывали бассейны. Мы с удовольствием пользовались этой возможностью и были рады освободиться от пыли, принесенной этими ветрами. Но время проносилось мгновенно, и не успев отдохнуть, мы слышали отдаленные крики: «Ребята, все, пора собираться, наши вернулись! Хозяева приехали!» И мы, чистые, свежие, выходили навстречу ехавшим на броне БТРа «хозяевам». А лица у них черные-пречёрные, не видать ничего – только сверкают белки глаз! Вот уж точно, что от пыли никто не укроется!

Теперь, по прошествии долгого времени, для меня это не просто слова песни. Они связаны с конкретными воспоминаниями - ужасающими эпизодами той войны. БМП – это боевая машина пехоты. Мне суждено было увидеть, как

однажды одна из БМП взорвалась на мине. Мина насквозь пробила верхнюю и нижнюю части брони. Вырвало, раскидало в разные стороны катки. Водителя взрывной волной выбросило из машины. Он получил ранения, повредил ногу, но чудом выжил. К счастью, и другие члены экипажа спаслись. Но сам факт, само явление того, как огромную, стальную, казалось бы, непробиваемую машину насквозь дырявит мина, наводит ужас.

Первое землетрясение

Не пробыв в Афганистане и месяца, довелось нам почувствовать, что земля под нами живая, и дышит она, как и мы. Землетрясение для этих мест так же обычно, как снег или дождь для средней полосы России. Проснулся я, оттого что двухъярусная кровать, на которой я спал, заходила ходуном. «Может, старослужащие напоминают о своем статусе?» - промелькнула мысль. Открываю глаза - на потолке лопаются лампочки. И через мгновенье команда дневального: «Подъём!» Мы вскакиваем, наспех одеваемся и выбегаем со второго этажа на улицу. Строимся перед казармой. Старшие пытаются нас припугнуть, мол, чуть помедлите, и накроет вас, как слепых котят. Эти казармы строили афганцы, строили еще при Амине, для себя, и свою надежность эти стены доказали не один раз. А вот офицеры жили в фанерных домиках барачного типа, называемых «модулями». И санчасть была таким же сооружением. Однажды и мне довелось пережить очередное землетрясение в таком модуле в санчасти. Забавно. Сижу, прислонившись спиной к батарее, греюсь. Вдруг стены заскрипели и начали шевелиться из стороны в сторону! Но минуты через три все закончилось.

Кроме «афганца» была в Афганистане и другая напасть, от которой невозможно укрыться. Август всегда встречал нас огромным нашествием мух. Именно этот месяц стал пиком их засилья. С ними никак нельзя было бороться! Осталось самое неприятное впечатление - куда бы я ни пошел, повсюду жужжали и роились мухи. Приходилось смиряться и с этим, что было крайне трудно!

Последние дни службы были «веселые». Уже вышел приказ, и я собирался домой. И вдруг вечером в полк, когда я уже собирался ложиться спать, на уазике приехало начальство:

- Ну что, молодежь кругом? Крупная операция. Поедешь старшим. Готов?

- Готов.

- Ну, тогда давай, экипируйся и вперед!

И в этот момент что-то немножко защемило. Мыслями я был уже дома, ведь осталось всего два дня! А теперь не давали покоя вопросы: «Почему? А вдруг?» Молодых не могли отправить на крупную боевую операцию, а меня могли. Судьба послала мне новое испытание.

На ту пору у нас на узле тех, кто мог и знал, что нужно делать в непредвиденной ситуации, практически не было. Паша Глинков уже полгода, как был дома, в Минске, и командиры решили, что сержант Миронов сможет справиться с этой задачей.

Мы вышли на определенную точку из Кабула и начали разворачивать полевой узел. Но потом вышел новый приказ, отменивший операцию, и я, сидя на броне БТРа, в очередной раз, оглядывая Кабул и окрестности, вернулся в часть. К моменту окончания службы я находился на должности начальника аппаратной связи.

На Родину мы возвращались из Кабула на Ил-18, долетев до Ташкента. А от Ташкента до Москвы – на аэробусе. Помню, что была задержка с билетами – желающих поскорее улететь было много, и билетов не хватало. Но, к счастью, этот вопрос всё же решился.

В армию я уходил одним человеком, а возвратился домой другим. Встречу с родными, близкими невозможно описать – её нужно просто видеть! После возвращения отношение друзей, знакомых было очень уважительным - служил не где-нибудь, а в Афганистане!

Поразительно, но в течение восьми лет после моего возвращения мне снилось, как меня вновь призывают служить в Афганистан, вновь и вновь приходит повестка. Я задавал один и тот же вопрос: «Как же так? Ведь я уже служил в Афганистане!» Тем не менее, меня призывали служить. Чем

больше проходило времени, тем реже это снилось. Афганистан долго не давал о себе забыть.

Человек предполагает, а Бог располагает. Если бы я не был в армии, я был бы совершенно другим. Сейчас нет ни малейшего сожаления о прошедшем. Вокруг меня было очень много людей, которых можно назвать настоящими героями. Я рад, что знаком с ними. Я был счастлив, выполнить свою скромную миссию - поддерживал ребят музыкой, песней. Песня, образная и емкая по форме, всегда рассказывает свою историю, утешает душу и сердце, лечит раны. Она была с нами на протяжении двух лет службы. И остаётся с нами до сих пор.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Филина Елена Константиновна****, студентка 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Мирошниченко Николай Васильевич

Операция в Панджшерском ущелье

Я родился 5 мая 1946 года в городе Купянске Харьковской области, на Украине. По национальности - украинец.

Отец был главным архитектором города, мать всю жизнь проработала заведующей детским садом, её рабочий стаж составляет более 50 лет.

Окончил среднюю школу в 1964 году с серебряной медалью и в этом же году поступил в лётное училище. В 1968 году окончил Качинское высшее военное училище лётчиков и был оставлен на инструкторскую работу на самолётах типа МиГ-21. В 1977 году я с должности заместителя командира авиационной эскадрильи по политической части был направлен в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Окончил её в 1980 году с отличием и был направлен заместителем командира полка по политической части в Черниговское высшее военное авиационное училище лётчиков. Через два года мне предложили должность инспектора политического отдела ВВС (Военно-воздушных Сил) Туркестанского военного округа. В это время, с декабря 1979 года, нашими войсками велись боевые действия в Афганистане.

Когда летел в Туркестан, я имел смутное представление о том, что там происходит. Прибыв к новому месту службы, я

приступил к изучению характера и особенностей боевой подготовки авиационных частей, базирующихся на территории Советского Союза и боевой работы частей, входящих в состав ВВС 40-й армии.

Всё было не совсем так, как и чему учили в академии, и как преподносили наши СМИ. Все знали, что советские войска были введены на территорию Демократической республики Афганистан для оказания интернациональной помощи афганскому народу по защите завоеваний Апрельской революции во главе с М. Тараки. Но умалчивался другой главный вопрос или причина ввода наших войск в Афганистан, к сожалению, молчат об этом и сейчас.

Глубинная причина ввода войск была очень серьёзной для безопасности нашей страны. Дело в том, что по программе модернизации НАТО, базировавшиеся в Европе американские баллистические ракеты «Першинг-1», с дальностью полёта 790 километров, должны были уступить место более современным ракетам «Ланс» с дальностью полёта до 5000 километров, практически до Волги. В НАТО встал вопрос - куда девать Першинги? Вскоре нашёлся и ответ - разместить их на плоскогорьях Гиндукуша в Афганистане на высоте 3000-3500 метров над уровнем моря. Оказывается, ракета «Першинг-1», пущенная со стартовой площадки, расположенной на высоте 3000 метров над уровнем моря, летит не на 790 километров, а на дальность около 4500 километров, достигая Саратова. Таким образом, европейская часть Советского Союза перекрывалась боевым радиусом американских ракет как с запада, так и с юга. А этого допустить было нельзя.

Начальником политического отдела ВВС КТуркВо был генерал-майор авиации Селезнёв Юрий Павлович. Человек грамотный, уравновешенный, он своим спокойствием, разумным подходом к делу вселял в нас уверенность в верности принятого решения и вызывал желание выполнять стоящие задачи с высоким качеством и в сжатые сроки. Он был одним из первых, кто вместе с Командующим ВВС округа генерал-лейтенантом авиации Мартынюком Николаем Калениковичем 27 декабря 1979 года перебазировался на территорию ДРА и с аэродрома Кабул руководил перебазированием и действиями нашей авиации в ДРА. Заслуживают добрых слов по умению руководить боевыми

действиями начальник штаба ВВС КТуркВо, умнейший человек, генерал-майор авиации Чарторижский Вадим Борисович, начальник отдела боевой подготовки генерал-майор Озолен Евгений Владимирович, главный инженер объединения генерал-майор Илюшкин Виктор Васильевич, начальник связи, любимец офицеров штаба – полковник Чилингарян Мрав Иванович и многие другие.

В политическом отделе ВВС округа каждый офицер отвечал за определённый участок работы. Я отвечал за организацию партийно-политической работы по обеспечению безопасности полётов и снижению боевых потерь в частях ВВС 40-й армии. Хотя на практике мы занимались всем спектром вопросов, которые касались организации лётной подготовки, обеспечению безопасности полётов, боевой работы и обеспечению всем необходимым для неё, укреплением воинской дисциплины в частях ВВС округа и ВВС 40-й армии. Ежемесячно мы в составе оперативных групп офицеров штабов ВВС КТуркВо или округа вылетали в командировки для изучения положения дел и оказания практической помощи командирам и политработникам ВВС 40-й армии, организации боевой работы, подготовки и проведения операций против бандформирований противника, обеспечению личного состава всем необходимым для войны и жизни.

Первая моя командировка в Афганистан, за «ленточку», состоялась в октябре 1981 года, в 181-й ОВП (отдельный вертолётный полк), который базировался на аэродроме Кундуз. Я в составе группы офицеров боевой подготовки ВВС округа вылетел туда.

Мне понравился военный городок вертолётчиков. На протяжении всего пребывания наших войск в ДРА он оставался одним из лучших и ухоженных городков ВВС 40-й армии. Улицы носили названия мест, откуда приходили полки - Телавская, Виноградная, Калиновская и т.д. Городок был чистый, ухоженный, к тому же погода была превосходная. Мягко грело южное солнце, ветра не было, и даже не верилось, что где-то здесь идут боевые действия. Но эту южную тишину то и дело вспарывали отдалённые очереди крупнокалиберных пулемётов, и где-то тяжело ухали разрывы от снарядов нашей

артиллерии. Командовал полком молодой, скромный офицер, подполковник Варюхин Е.В.

В ходе работы я слетал в отдалённый, расположенный на востоке Афганистана, кишлак Файзабад. Там была небольшая вертолётная площадка, на которой несли боевое дежурство вертолёты 181-го ОВП. Вертолёты и строения (это и не дом, и не землянка, а что-то среднее), где жили лётчики, от кишлака отделял высокий дувал, который сами афганцы и построили, чтобы никто не мог стрелять в «шурави» со стороны населённого пункта.

Отработав неделю в Кундузе, мы вылетели в Кабул, а из Кабула уже вернулись в Ташкент. В штабе ВВС КТуркВо я был до ноября 1984 года. Служил под непосредственным руководством замечательного человека, который впоследствии стал моим самым близким и надёжным другом, подполковником Скрыпником Евгением Ивановичем. Он многому меня научил, за что я ему безмерно благодарен. За эти четыре года я в составе оперативных групп 20 раз летал «за ленточку» для работы в частях 40-й армии.

Главной сложностью для наших войск являлось то, что Афганское правительство в стране авторитетом не пользовалось. Не имеет оно авторитета, к большому сожалению, и сейчас. Очень тяжело руководить всеми племенами. Как правило, на роль главного руководителя подбирался пуштун. Но выбор шёл не в Афганистане, а за его пределами. Поэтому этот человек не имел необходимого веса и авторитета у населения республики и, прежде всего, у вождей племён и духовенства. Поэтому в армию ДРА набирали молодёжь по кишлакам чуть ли не силой, воевать они не умели, да и не хотели. Толку от них было крайне мало. Всё лежало на плечах наших войск.

В противовес правительственным войскам афганские моджахеды (душманы) - члены нерегулярных вооруженных формирований, формировались (с 1979 года) из числа местного населения с целью ведения вооруженной борьбы против военного присутствия СССР и Афганского правительства. Они имели полную поддержку большинства руководителей племён, духовенства и населения. Часть афганских моджахедов после окончания войны в середине 1990-х годов пополнила ряды

радикального движения «Талибан», другая – отряды Северного альянса.

Афганистан, в целом, с её народом и средневековым укладом жизни и быта мне понравился. В душе я гордился тем, что наши среднеазиатские советские республики жили намного богаче и цивилизованнее, чем народы Афганистана. Дело в том, что в начале 20-го века Таджикистан, Узбекистан, Туркмения и Афганистан были примерно на одном уровне развития. Но за кратчайший промежуток времени в составе Советского Союза они превратились в процветающие, богатые республики, а Афганистан, каким был, таким и остался.

Поражала потрясающая неграмотность – 92% населения не умели ни читать, ни писать. Уровень жизни предельно низкий, в глаза бросалась страшная бедность населения. Впечатление о местном населении хорошее, афганцы – народ добрый и очень любознательный.

Говоря об уровне жизни местного населения, не могу не упомянуть о кочевниках. В пустыне Регистан, южнее Кандагара, жили кочевники - белуджи. Зимой эти кочевые племена выходили из пустыни к населённым пунктам. Недалеко от этих мест находился наш аэродром. Жили они в палатках. Погода зимой слякотная, неприятная - снег с холодным дождём. Жизнь кочевников очень сложная и тяжелая, палатки разбивались на голой земле без настила, и в них жили женщины, дети, старики, которые делили свой убогий кров с домашними животными. Потом, когда становилось немного теплее, они опять уходили в пустыню.

Говоря о характере боевых действий наших войск в Афганистане, необходимо учитывать его главное отличие от целей и задач, которые наша армия решала в годы Великой Отечественной войны. Тогда мы воевали за свою страну, за наш народ. Солдаты шли на фронт, зная, что у него за спиной были его родные и близкие, в бой шли «За Родину». Здесь же в Афганистане, была совершенно иная ситуация. Дух временного нахождения порой негативно сказывался на нашем пребывании. Не было того чувства патриотизма, высокой ответственности за качество выполняемых боевых задач. Это происходило из-за плохой информированности и недостаточных знаний солдат о том, что происходило в Афганистане, какие цели преследовала Апрельская революция,

каковы цели нашей миссии в этой стране. Много было секретности, информация о боевых действиях была практически полностью закрыта. В печати и других средствах массовой информации были только сюжеты о непонятных учениях в горах. Зачем эта информация была так засекречена, я до сих пор не понимаю. Если страна воевала, значит, народу следует говорить об этом правду. А когда по городам и населённым пунктам стали Ан-12 развозить «груз 200», то горе стало приходить в дома советских граждан, и стало расти непонимание и недовольство этой далёкой войной.

В мою память, да и не только в мою, врезалась командировка в мае 1982 года.

Перед нашими войсками стояла задача разоружить и обезвредить воинственное племя Ахмад Шаха Масуда, живущее в Панджшерском ущелье. Для решения этой задачи была задействована наша бомбардировочная и дальняя авиация.

Панджшерское ущелье длиной около 120 километров начинается в 15 километрах севернее аэродрома Баграм и уходит на северо-восток практически до Пакистанского города Пешавар.

Нашим руководством было принято решение о последовательном десантировании наших войск на всём протяжении ущелья. С этой целью оно было разделено на три зоны десантирования.

Первая зона - высота над уровнем моря 1800-2500 метров. Наши вертолёты Ми-8 для десантирования в этой зоне брали по 8-9 десантников.

Вторая зона – высота над уровне моря 2500-3000 метров. Сюда на Ми-8 планировалось брать по 6-7 десантников.

Третья зона располагалась свыше 3000 метров над уровнем моря. Ми-8 здесь мог брать для десантирования только 3-4 десантника, т.к. вертолёт на большую высоту не мог поднимать большую массу.

На 17 мая 1982 года был назначен общий штурм ущелья. Для выполнения десантирования была создана группировка армейской авиации на аэродроме Баграм из лучших авиационных подразделений ВВС 40-й армии. Командовал группировкой командир 50-го ОСАП полковник Павлов Виталий Георгиевич, впоследствии Герой Советского Союза,

Командующий армейской авиацией ВС СССР, генерал-полковник авиации.

Перед началом операции несколько боевых вылетов на бомбометание по ущелью сделала бомбардировочная авиация, базировавшаяся на южных аэродромах ТуркВо. Непосредственно утром 17 мая 1982 года, перед первой волной десантирования, боевую штурмовку опорных пунктов ущелья выполнили лётчики истребительной авиации. Позднее выяснилось, что этого было недостаточно.

Когда пошла первая волна десантирования, я был на передвижном командном пункте. Лётчики докладывали о том, что перед ними стена огня, ничего не видно, плотный огонь душманов не даёт возможности десантировать войска! Нашим лётчикам пришлось в этом «огненном месиве» выполнять поставленную задачу. Первую колонну вёл командир 3-й авиационной эскадрильи 50-го ОСАП – майор Грудинкин. У него на борту была группа управления десантированием офицеров ВВС 40-й армии. Её целью было развернуть радиостанцию и управлять ходом десантирования в первой зоне боевых действий. При подходе к цели майор Грудинкин прямым попаданием был убит. Управление взял на себя штурман эскадрильи, правый лётчик капитан Кузьминов. Непосредственно перед приземлением он был смертельно ранен, вертолёт перевернулся, упал в расщелину на камни, и весь состав оперативной группы погиб. На выручку командиру бросился экипаж заместителя командира эскадрильи по политической части капитана Александра Садохина. От прямого попадания вертолёт капитана А. Садохина загорелся, упал и сгорел вместе с героическим экипажем.

Остальные экипажи в этой тяжелейшей обстановке выполняли десантирование. Десантникам удалось закрепиться и занять оборону. После возвращения на аэродром, лётчики не могли скрыть своего волнения. Когда закуривали, у многих дрожали руки, сигарета заканчивалась через три-четыре затяжки. Полковник Павлов В.Г., видя всю эту ситуацию, крикнул: «Все лётчики ко мне!» Собрав экипажи вокруг себя, он сказал: «Я не могу вам приказать идти снова в бой. Мы выполняем интернациональный долг, но если мы сейчас не пошлём вторую волну десантников, то погибнут те ребята, которых мы уже десантировали и которые ведут неравный бой

с душманами». После того, как лётчики немного пришли в себя, он приказал готовить вторую волну десанта.

Подошли с полной боевой выкладкой десантные подразделения для проведения тренировки по десантированию. Десантники, как на подбор, молодые, красивые, сильные парни под два метра. Я подумал тогда: «Господи! Что же мы делаем? Это же наше будущее, генофонд страны! За что же мы его так неразумно губим!» Командиры экипажей провели тренировку с десантниками по занятию места в вертолёте, по выходу из него в момент боевого десантирования. Полковник Павлов В.Е. командует: «По вертолётам!» и приказывает взлетать вертолётам с самолётным разбегом в 300-метровой полосе.

В это время Боевое Знамя своего полка он приказал вынести к 300-метровой полосе ВПП, сам встал около него и провожал взлетающие в бой экипажи, отдавая честь, а командиры экипажей, в свою очередь, приветствовали его, взлетая на выполнение боевой задачи в этот огненный ад. Я уверен, что такого единства и понимания между командиром и подчинёнными вряд ли когда-нибудь будет! Именно, благодаря этому было обеспечено выполнение боевой задачи!

Отдельно хочу остановиться на поисково-спасательной работе во время операции. В самом начале операции, я уже ранее говорил об этом, погибли экипажи (вместе с группой управления десантирования) командира 3-й авиационной эскадрильи 50 ОСАП майора Грудинкина и его заместителя по политической части капитана А. Садохина. Кроме этого, были убитые и раненые из числа десантников. Всех их надо было эвакуировать из зоны боевых действий. Этим занимался, героически и пренебрегая опасностью, заместитель командира 3-й АЭ майор А. Сурцуков. Он прилетел к тому месту, где погиб экипаж майора Грудинкина. Вертолёт на весу держал правый лётчик, борттехник вёл огонь из бортового оружия, а сам А. Сурцуков под огнём душманов выносил погибших из-под огня и грузил в свой вертолёт. Эвакуировав одну партию погибших и раненых, он летел за следующей. Таким же образом он вынес обгоревшие тела своих погибших боевых друзей из экипажа капитана А. Садохина. За то время, пока основная масса вертолётов выполнила два вылета на десантирование, майор А. Сурцуков сделал пять вылетов на эвакуацию и спасение боевых товарищей.

Операция эта длилась несколько дней. Всё, что было спланировано, было выполнено, но, к великому сожалению, с большими потерями. За умелые, поистине героические, действия заместитель командира 3-й авиационной эскадрильи 50 ОСАП майор Александр Васильевич Сурцуков был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

Сейчас я полковник в отставке, военный лётчик 1-го класса. Состою в двух общественных организациях - «Фонд «Качинец» ветеранов Качинского высшего военного авиационного училища лётчиков» и Всероссийской организации воинов-интернационалистов «Боевое братство».

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Педченко Екатерина Александровна,*** *студентка 1-го курса Московского государственного университета имени Н.Э. Баумана*
.

Митинский Евгений Викторович

Там будет не до этого

Я родился 4 июня 1955 года в городе Перми в семье военнослужащих.

Мой отец, кадровый офицер и фронтовик, воевал на 1-м Белорусском фронте. Мой дядя служил в ГРУ, умер в 1990 году при загадочных обстоятельствах. У меня есть младший брат и младшая сестра.

В 1958 году отца отправили служить в Польшу, куда мы поехали всей семьёй. В 1962 году поступил в школу. В 1972 году окончил школу. Отец умер, когда мне было 14 лет. Семья переехала в Киев.

Мой отец не хотел, чтобы я стал военным, но я тогда был ребёнком, и мне нравилась военная форма, оружие. В то время часто показывали патриотические фильмы, и то, что я жил в семье военного, оставило свой отпечаток. Я хотел поступить в военное лётное училище, но не прошёл медицинскую комиссию. Я очень расстроился. Через несколько лет, когда я встретил старых друзей, с которыми пытался поступить в лётное училище, они мне рассказали, что большинство их одногруппников погибли при выполнении боевых заданий.

В 1973 в Киеве я поступил в военное училище, готовящее разведчиков с углубленным изучением китайского языка. Проучившись полгода, я заболел и пролежал два месяца в госпитале, из-за чего отстал по учебной программе. После выздоровления мне сказали, что либо меня отчислят за

неуспеваемость, либо мне надо перевестись в среднее военное училище.

Я перевёлся в среднее военное училище в Харькове, но там у меня произошёл серьезный конфликт. В итоге меня «завалили» на экзаменах и зачётах. Дослужил срочную службу солдатом.

Два года проработал на «гражданке», но там не ужился. Я не смог работать среди бездарей и алкоголиков. Я опять захотел вернуться в армию. Один мой товарищ посоветовал мне обратиться в отдел кадров училища, там требовались прапорщики. Я поехал в Киев, пришёл в училище, меня взяли на службу. Я стал прапорщиком, служба мне нравилась. Был специалистом по оружию массового поражения. Так продолжалось до отправки в Афганистан.

13 декабря 1985 года пришла разнарядка, меня вызвали к заместителю начальника факультета полковнику Даширову и сказали, что нужно поехать в Афганистан: «Ты и ещё двое». В отделе кадров сказали, что поеду я в командировку на год, а оказалось - на два. Так я попал в Ташкент. В то время у меня была невеста.

Прилетев в Ташкент, я сразу почувствовал смену климатических поясов, всю ночь я не мог уснуть, а на утро была дикая головная боль. С прапорщиком Николем Можаевым, который тоже прилетел со мной, мы явились в штаб, где получили направление.

Сначала мне все завидовали, когда узнали, куда я еду. Направление было на перевалочную базу. В Афганистане их было две - одна в Туругунди, другая в городе Хайротон. Риска на этих базах никакого не было, они располагались далеко от боевых действий, на открытой местности, а вокруг минные поля. Служили год за три.

В Ташкенте мы прошли таможню, там нас бегло осмотрели, потом два часа одуряющего безделья - нас держали в «обезьяннике». Затем погрузили в Ил-18, и мы взлетели. Моё сердце перед полётом готово было выскочить из груди, поскольку я начитался, что много самолётов сбивают на взлете или посадке. Всё обошлось, на подлёте нас встретили четыре вертолёта Ми-24, которые, отстреливая «ловушки», брали все пули на себя. После приземления нас повели в столовую. Там

дали непонятную кашу, смесь чего-то. Так я оказался в Кабуле. И опять несколько дней одуряющего безделья.

Когда я сидел в курилке, один офицер проговорился: «Мужики, кто завтра полетит на Ан-26, тому повезёт, он новый и герметизированный, а кто полетит на старой развалюхе Ан-12, то будьте внимательны, он не герметизированный, а кислородных масок не дают. При посадке, особенно, жуйте и глотайте, иначе будет очень плохо». Я не придал этому особого значения и пропустил всё мимо ушёй, о чём потом очень сильно пожалел. Мне выпало лететь на самолёте Ан-12.

Полёт на Ан-12

В Кабуле жара особенно не чувствуется, а так как он расположен на высоте 1800м, и там постоянно дует слабенький ветерок. Но в самолёте было невыносимо жарко, из-за того, что он стоял два часа под солнцем. В грузовом отсеке стояли три ящика, закреплённые железными тросами.

Я выбрал себе место по левую сторону борта, спиной к кабине пилота. Рядом со мной сел незнакомый капитан-танкист. Я заглянул в соседний отсек, там сидели несколько женщин из Военторга и два полковника, а в грузовом отсеке нас было человек тридцать. Жуть как душно, как в сауну попали. «Ничего скоро будет прохладно! - усмехнулся рядом сидящий танкист, - Как наберём высоту больше семи тысяч метров, там будет не до этого».

Чёрез несколько минут заработали двигатели. Самолёт, дернувшись, медленно, раскачиваясь на неровной поверхности, взлетел. Солнце слепило в глаза так, что в иллюминаторы нельзя было смотреть.

И вот началось. Двигатель работал так, что заложило уши. Скорость стремительно нарастала. Самолёт набирал высоту. Со мной происходило что-то странное: всё тело стало «ватным», разум помутился, до моего сознания с трудом доходило, что всё это от недостатка воздуха. Стало покалывать сердце, и потихоньку наступило полубредовое, опьяняющее состояние.

Сильно клонило ко сну, и я не знал, что делать – сидеть или лежать. Танкист прислонился к иллюминатору и заснул. Дальнейшее я вспоминаю уже смутно. Затем заснул и я. Но это

был не сон, а бред, в голове вырисовывались несуразные и ненормальные события, хотелось, чтобы всё это поскорее закончилось.

Очнулся я оттого, что кто-то хлопнул меня пару раз по спине и потянул за рукав. Едва не свалившись с ящика, я с трудом понимал, где нахожусь. Самочувствие было отвратительное. Вскоре мы приземлились.

База в Туругунди

Я попал на перевалочную базу в Туругунди и столкнулся с повальным пьянством.

Однажды, у меня состоялся разговор с одним прапорщиком, который сказал, что мне не повезло, что здесь мафия, что я должен всегда быть начеку. Прапорщик предупредил еще о том, что меня попытаются втянуть в подсудную авантюру. Так оно и случилось.

Повальное пьянство продолжалось, солдаты начали спаивать меня. Один раз я попробовал то, что они пьют. Это была брага, которую гнали два армянина. Я тогда отравился так, что не мог есть целую неделю. После этого я наотрез отказался пить, за что меня начали считать предателем и стукачом.

Прапорщик оказался прав, меня попытались втянуть в подсудную авантюру - предложили снять со снарядов САБ (светящая авиационная бомба) парашюты и продать афганцам. За неделю до этого к нам в штаб приезжал генерал Ткачук. Он зачитал приказ и рассказал, что одного прапорщика из другого гарнизона посадили на 8 лет за продажу парашютов, что из-за него сорвалась боевая операция.

От преступного предложения я наотрез отказался, после чего началась травля. Тогда я чуть не решился на кровавую расправу. Но я не мог себе этого позволить - я же принимал присягу, я же не предатель. Но терпеть травлю было невыносимо.

К счастью, обстоятельства сложились для меня удачно, мне прислали прапорщика на замену. В скором времени я улетел в Кабул, пришёл в штаб 40-й армии и рассказал свою историю. Мне дали на выбор два дивизиона – один в Баграме, другой в Гардезе. Я в сомнении подошёл к карте, висевшей на

стене, и стал размышлять. В этот момент ко мне подошёл незнакомый лётчик, который слышал весь разговор, и мне на ухо прошептал: «Парень, бери Баграм, до него всего 35 километров на вертолёте или в колонне, а до Гардеза 40 часов на вертушке лететь, там в феврале два вертолёта сбили». На следующий день я вылетел в Баграм.

Баграм

В Баграме я был начальником караула. Под первый обстрел попал 16 января 1987 года. На перевалочной базе никаких обстрелов не было. На перевалочной базе было всего два случая - один солдат застрелился из-за девчонки, а второй солдат напился, зашёл на минное поле и подорвался.

14 августа 1987 года был второй обстрел. Во время этого обстрела погиб старший лейтенант Игорь Лукащьюк из Ульяновска. Он ехал на машине. Пуля снайпера пробила дверь и попала лейтенанту в живот. Его спасти не удалось, он умер мучительной смертью.

Воспоминания о погибших

4 марта 1988 года у нас погиб экипаж. Ракета поразила хвостовую балку вертолёта, вертолёт начал крутиться и, ударившись о скалу, взорвался. Погибли оба члена экипажа – Самсонов, 1959 года рождения, и Азимов, 1960 года рождения.

Находясь в Афганистане, я постоянно думал о том, как бы вернуться домой живым и не подхватить какую-нибудь заразу, так как почти все источники с водой были заражены.

В конце июня 1988 года я улетел на самолёте Ан-12. Самолёт был уже герметизированный, я летел в грузовом отсеке. Обратный полёт пролетел незаметно. Я никак не мог поверить, что для меня весь этот ужас закончился. Я ничего не слышал, был полностью поглощён мыслями о доме и совсем забыл про опасность, которая подстерегала при взлёте и посадке. Я вернулся в Киев и продолжил службу.

Сейчас работаю в компании «Газпром», в охране.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Васильев Никита Юрьевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Никишин Александр Николаевич

14-й отдельный трубопроводный батальон

Родился я 12 марта 1962 года в деревне Жашково Новосильского района Орловской области. До восьмого класса учился в Чулковской восьмилетней школе. Среднее образование получил в школе №5 города Орла.

Отец, Николай Александрович, инвалид Великой Отечественной войны, проработал в колхозе всю свою трудовую жизнь, в течение 15 лет был секретарем парторганизации колхоза. Мать, Екатерина Дмитриевна, вырастившая пятерых детей, тоже всю жизнь проработала в колхозе. Два старших брата отслужили в армии.

В ряды Вооруженных Сил меня призвали 10 мая 1980 года. Проводы были шумными, с большим количеством народа, как и любое гуляние в деревне.

Служба началась в Горьковской области, в учебном трубопроводном батальоне службы снабжения горючим. По замыслу отцов-командиров, через полгода мы должны были стать классными специалистами. Мне повезло, нашему призыву довелось испытывать новый полевой магистральный трубопровод ПМТБ-200. Опыт прокладки трубопровода и устранения неисправностей позже пригодился в Афганистане.

Вечером 9 ноября, перед вечерней поверкой, нас, 30 человек, построили и объявили, что нам выпала честь продолжить службу в Туркестанском военном округе в

составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, что любое отставание по дороге к месту продолжения службы будет расцениваться как дезертирство, со всеми вытекающими последствиями.

Утром 10 ноября нас привезли на железнодорожную станцию, погрузили в поезд. Приехав в Москву, на электричке добрались до аэропорта Домодедово. Из аэропорта я позвонил своим братьям, которые жили в Москве. Примерно за полтора часа до отлета братья приехали в аэропорт. На прощание мы договорились: родителям они скажут, что я служу в Германии, чтобы не расстраивать их.

Рано утром 11 ноября наш самолет приземлился в аэропорту города Душанбе. Спустились по трапу в шинелях и шапках, поскольку в Москве было около 10 градусов мороза. А здесь +18.

На ГАЗ-66 нас отвезли на железнодорожный вокзал. Просидев весь день на вокзале, в половине первого ночи, мы погрузились в поезд и рано утром прибыли в город Термез. После отметки в комендатуре о прибытии в погранзону нас погрузили в такой же ГАЗ-66 и отвезли на перевалочную базу, где в течение 5 дней использовали в качестве бесплатной рабочей силы на разгрузке вагонов, забыв при этом поставить на довольствие, так что 5 дней кормились, чем Бог пошлет.

На шестой день на разводе на работы, к нам подошел капитан с общевойсковыми эмблемами в петлицах и спросил, что это за войска такие - эмблемы интересные. Наш сержант сказал ему, кто мы такие, куда должны следовать, и что делаем здесь.

«Разгон», который он устроил сопровождавшему нас майору, заканчивался словами: «Они специалисты! Их в Афгане ждут! А они у вас мешки таскают! Чтоб через час их здесь не было!»

Кем был этот капитан, нам неизвестно, но через час нас рассадили по машинам отправляющейся в Афганистан автоколонны, и мы отправились в путь.

Во второй половине дня, пройдя формальную проверку на границе, пересекли по понтонному мосту Аму-Дарью и остановились на ночевку в районе афганского города Хайратон. Впервые, за несколько дней, нас нормально

покормили. Утром колонна тронулась в глубь Афганистана. Я ехал в машине, водитель которой был одного призыва со мной.

Вначале дорога пролегала по пустыне. Вдалеке, прямо по курсу виднелись горы, затем дорога повернула налево и пошла параллельно горам. Проехав город Ташкурган, колонна втянулась в ущелье. Здесь водитель отдал мне свой автомат и сказал, чтобы я в случае чего стрелял. На вопрос «Куда стрелять?», он ответил: «Все равно куда, только стреляй». Стрелять не пришлось. Колонна прошла спокойно, не считая одного эпизода, когда при подъеме на перевал головную часть обстреляли издалека. В ответ БТР сопровождения дал несколько очередей, и обстрел прекратился.

Вечером мы прибыли в Пули-Хумри. Переночевали в расположении автомобильного батальона. Утром произошел казус: командир батальона построил нас и сказал, что мы будем служить в его батальоне. Нас уже начали распределять по ротам, но тут появился майор с трубопроводными эмблемами, как в последующем выяснилось – заместитель командира 14-го отдельного трубопроводного батальона по технической части. Он в доступной форме объяснил командиру автомобильного батальона, что тот занимается самоуправством. Короче, посадил он нас в «Урал», и в сопровождении БТРа мы поехали в часть, которая на полтора года стала родной.

Прибыв на КП батальона, нас в первую очередь накормили. Потом построили, и старший лейтенант сказал, что ему нужны четыре добровольца. Шагнули четверо, в том числе и я. Старший лейтенант объяснил нам, как найти старшину для получения оружия и боеприпасов, потому что сейчас мы, в составе патрульно-аварийной команды, поедем в Саманган для устранения аварии на трубопроводе.

Получив автоматы, патроны и по четыре гранаты, которые мы держали в руках впервые, и только чисто теоретически представляя как с ними обращаться, мы вернулись обратно эдакими «рэмбо». Стоим, ждем дальнейшей команды.

Подходили ребята и спрашивали: «Куда это вас, молодых, зарядили?» Ответили, что в какой-то Саманган, на

устранение аварии. После чего они молча уходили, но спустя пару минут возвращались и отдавали нам, кто магазин, кто гранату со словами: «Если вернетесь - отдадите». После этого энтузиазма у нас заметно поубавилось. Правда, впоследствии оказалось, что эта фраза была дежурной.

Подъехали два БТРа боевого прикрытия и ГАЗ-66 с трубами. Мы погрузились и поехали. По дороге получили подробную инструкцию, как себя вести в случае обстрела. Приехав на место, мы увидели искореженные трубы - нитки трубопровода. Как выяснилось, здесь был бой, в ходе которого был поврежден трубопровод. Старший лейтенант приказал мне прикрывать ребят, устранявших аварию, взяв под наблюдение развалины дома, которые находились метрах в 70-80 от места аварии. В случае обнаружения любого движения - стрелять.

На мой вопрос: «Делать ли предупредительный выстрел в воздух?», он ответил: «Здесь война, сынок». Устранив повреждение, мы вернулись на КП батальона, где нас распределили по ротам. Я попал служить в 1-ю роту под командованием капитана Потанина.

Впереди было много дней службы на афганской земле, которые вместили в себя и выезды на устранение последствий диверсий на трубопроводе, и обстрелы, и гибель товарищей, и госпиталь в Термезе, и многое другое.

Но это был мой первый день службы в 14-м отдельном трубопроводном батальоне (п/п 38021).

Силами батальона велась перекачка авиационного топлива по трубопроводу ПМТП-150 протяженностью 254 километра, от склада горючего в Хайратоне до склада горючего в долине Килагай (10 километров южнее Пули-Хумри). В связи с активизацией боевых действий и увеличением потребления горючего в декабре 1981 года параллельно ПМТП-150 была развернута вторая линия трубопровода ПМТП-100 для обеспечения подачи дизельного топлива.

В 1982 году возникла необходимость сооружения еще одной линии ПМТП-100 по маршруту Пули-Хумри - Баграм, которая была развернута в августе от склада горючего БрМО в Килагае до отделения склада горючего в городе Баграм. Протяженность трубопровода составила 184 километров.

В связи с этим на базе 14-го отдельного трубопроводного батальона 28 августа 1982 года была развернута 276-я трубопроводная бригада.

В мае 1984 года от склада горючего БрМО в Килагайской долине до отделения склада горючего в городе Баграм была проложена вторая линия трубопровода ПМТП-100, что позволило организовать практически бесперебойное одновременное снабжение войск 40-й армии авиационным керосином и дизельным топливом.

Но это уже происходило без меня. В соответствии с приказом Министра Обороны СССР я был уволен в запас 4 июня 1982 года.

ПМТП в Афганистане сберегал жизни людей, прежде всего водителей. Потери автомобильных средств заправки и транспортировки горючего составляли от 30 до 40% общего среднегодового выхода техники из строя. При этом более 10% техники выводилось из строя от боевых потерь, в то же время потери горючего по трубопроводу составляли всего 3-5%.

С 1980 по 1989 годы перекачано свыше 5,4 миллиона тонн горючего, что составило более 80% от общего объема потребления горючего войсками.

Трасса трубопровода была проложена вдоль дорог. Учитывая исключительную важность трубопроводов, их охрана осуществлялась силами мотострелковых и танковых подразделений.

Важность трубопроводов понимали и «духи». Интенсивность диверсий и обстрелов на некоторых участках достигала 800 нападений в год.

Мужественно и самоотверженно выполняли боевую задачу воины-трубопроводчики 276-й трубопроводной бригады, из них - 111 солдат и офицеров части погибли, свыше 200 - получили ранения, 569 - награждены орденами и медалями.

Я не жалею, что попал служить в Афганистан. Да, было тяжело, но там я получил закалку, которая помогает мне в жизни. По прошествии времени возникла потребность в общении с ребятами, прошедшими Афганистан. Эта потребность в 1989 году привела меня в клуб «Панджшер» Красногвардейского района Москвы, который в то время

возглавлял Михаил Александрович Лиходей. Я не кичусь тем, что какой-то особенный. Но именно осознание того, что я «афганец» уберегло меня от многих нелицеприятных поступков.

Ноябрь 2009 год

Панин Павел Вячеславович

Они выглядели так, будто их облили красной краской

Я родился в городе Москве 26 марта 1963 года. В 1980 году окончил школу №47 с углубленным изучением английского языка Октябрьского района Москвы. В 17 лет поехал учиться в Киевское высшее общевойсковое командное училище (КВОКУ), на тот момент единственное в Советском Союзе, готовившее офицеров войсковой разведки.

В 1984 году, после окончания училища, свободно владел китайским языком - мог свободно общаться, читать, хорошо писал, имел квалификацию референта-переводчика. Затем, в том же 1984 году, попал в 84-й войсковой округ, командовал взводом специальной разведки десантной роты 236-го отдельного разведывательного батальона. Служба проходила в 250 километрах от Китая. Включив приемник и настроив его на китайскую волну, я понимал, о чём там говорилось - настолько хорошо меня обучили.

В 1986 году, в феврале, меня послали в Республику Афганистан выполнять интернациональный долг. Поехал без возмущений и даже с некоторым желанием, потому что считал тогда, что эта война - дело правое, что я обязан защитить справедливость, а также полагал, что поскольку я окончил теоретический курс бойца, то его необходимо проверить на практике.

После первой же крупной битвы, я переосмыслил все свои жизненные принципы, ощутил в полном масштабе значение слова -война. Я понял, куда нас послали и зачем.

Сейчас, после прошедших лет, убрав лишние эмоции, и приняв во внимание то, что я был командиром роты, я могу точно сказать, что для меня сейчас значит слово «война». Это труд, кровопролитный и тяжелый труд бойца. Солдата на войне можно сравнить с грузчиком, который тянет свою тяжелую ношу до пункта сбыта, а затем, выполнив свой «долг», тут же получает второй, не менее тяжелый, мешок заданий, который должен немедленно отнести туда, куда в очередной раз укажут вышестоящие инстанции.

После первого сражения я ощутил истинность поговорки: «Тяжело в учении, легко в бою». На плацу с нас сходило «семь потов», мы, сжав кулаки, часто даже из последних сил, тренировались день за днем, от рассвета до заката. Эти старания не были напрасны. Я могу с гордостью сказать, что за все время моей службы, я не потерял ни одного бойца, все мои ребята остались живы. Конечно, не все приехали домой без ранений и контузий, на это она и война. Не успел увернуться от пули и я.

3 мая 2011 года исполнится 25 лет тому бою, в котором меня ранило. Тогда, 25 лет назад, в 1986 году я командовал разведывательным взводом батальона рядом с кишлаком, сельским населённым пунктом, под названием Дэулатдзи. В этом местечке обычно проходили военные учения, полки посылались туда на отработку боевых навыков. «Духи», обитавшие в этой деревне, были довольно слабы в военном искусстве и при приближении наших ребят обычно только отстреливались из укрытий, что давало нам возможность оттачивать навыки ведения боя без потерь и кровопролитий в естественных условиях противостояния.

В тот злополучный день, 3 мая, нам доложили, что к деревушке должен подойти какой-то отряд «зеленых», и приказали прочесать местность. Мы, без страха и волнений, пошли, уверенные в том, что это всего лишь очередное учение, которое требуют провести вышестоящие чины. Около кишлака наш полк «зажали», со всех сторон начался жесткий обстрел. Пули летели, поднимая пыль с земли, сверкали вспышки то справа, то слева, шум стоял необычайный, от которого

закладывало уши. Отвоевать местность одному отряду было нереально. В тот день мы лицом к лицу встретились с «Черными аистами» - элитным диверсионным отрядом афганских моджахедов, подразделением специального назначения.

Бойцы «Черного аиста» были хорошо подготовленными военными специалистами, профессионально владеющими различными видами вооружения, средствами связи, знанием топографических карт. Их отряды были оснащены специальной униформой черного цвета, с нашивками этого специального подразделения. Мне пришлось призвать на помощь артиллерию и танки, дав наши координаты по рации. Я сообщил о своем положении другой разведывательной группе, чтобы те прислали своих ребят на помощь. В результате, подошедшие бойцы, не приняв всерьез эту ситуацию, были встречены шквалом огня и вспышек. Как итог, мы были все прижаты к деревне.

Нас начали обходить по сухому руслу реки – со стороны открытого фланга моей группы. Если бы «Аисты» сумели прорваться, то огнем одного пулемета положили бы весь мой взвод. Повезло, что к нам успели подойти танк и две БМП (боевая машина пехоты), которые приехали выручать второй разведывательный отряд, и отвлекли на себя часть группы моджахедов.

Я собрал старших разведчиков, командиров отделения, чтобы принять нужные решения для дальнейшего ведения боя. В этот момент по нам открыли огонь из гранатомета. Разрывы гранат были метрах в двух от нас. Заложило уши, я упал. Когда пришел в сознание и понял, что произошло, оглянувшись на ребят, увидел страшную картину, они выглядели так, будто их облили красной краской. Больше половины моих бойцов, а именно 8 из 15 человек, получили осколочные ранения, в том числе и я.

Именно тогда почувствовал, что война - это не игрушки, что я отвечаю не только за свою жизнь, но и за жизнь моих товарищей. Произошло кардинальное переосмысление ценностей. Воспоминания этого сражения настолько въелись в душу, настолько тот бой был страшен, что даже до сих пор, рассказывая эту историю, у меня по всей спине проходят «мурашки».

В ноябре 1986 года, когда мы штурмовали Марульгад, у нас был тяжело ранен и впоследствии умер санитарный инструктор. Условия на тот момент нам дали жесткие. Мы должны были в короткие сроки взять небольшую горочку с довольно укрепленным опорным пунктом. Местность была пересеченная, то открытое поле, то кривые поросли деревьев. Нам нужно было подойти к укреплению на максимально близкое расстояние.

Маскируясь среди деревьев, мы прошли большую часть нужного нам пути. Впереди открывалось чистое поле без какой-либо высокой растительности. Марш-броском мы должны были преодолеть метров 70 по открытому пространству и успеть укрыться за забором. Когда моя группа оказалась на этом поле, по нам открыли беспрестанный огонь.

У меня разведывательный взвод был обучен так: стрельба началась - ищи укрытие. Быстро пробежав нужные метры, мои ребята успели перемахнуть через забор. А санитарный инструктор, как началась стрельба, упал на землю. Моя группа укрылась, «духи» палить, не видя цели, не будут, наступило затишье. И в этот момент санитарный инструктор встал и побежал к нашему забору. Ему оставалось только перемахнуть через него, и в этот момент «духи» открывают огонь и ранят его в бок разрывной пулей. Страшная была картина. Санитарному инструктору перемешало все внутренности, сломало ключицу. Мы отнесли его на плащ-палатках где-то на километр от места обстрела, влили последние 8 литров кровезаменителя, послали бойцов найти ровную площадку, вызвали вертолет. Уже смеркалось. Вертолет нам не дали. Он прилетел лишь утром. Санитарного инструктора забрали, но на операционном столе он скончался.

Жесткие бои были у нас в 1987-1988 годах. Помню случай, когда перед нами была поставлена задача: обезопасить движение колонны машин. Местность была горная, колесная техника пройти не могла, и ее передвигали танковыми тягачами, затем с помощью БМП перевозили на новый участок. Таким образом, частями, колонна двигалась.

Прочесав местность и поняв, что угрозы на данный момент не наблюдается, мы устроили небольшой привал. Костерчик, еда, кто-то прилег отдохнуть. Вдруг, видим - по холмам метрах в пятистах от нас проходит колонна «зеленых».

Мы насторожились, прислушались. Выстрелов не было слышно. Мы начали тихо приводить себя в полную боевую готовность. Смотрим, вторая колонна проходит, за ней - третья. Вдруг выстрел из гранатомета: граната пролетает мимо нас и взрывается метрах в трехстах.

Наши люди начинают палить с машин в темноту. Моя группа оказалась между двух огней. С одной стороны в пятистах метрах стреляют наши, с другой стороны – «зеленые». Красиво конечно, но страшно.

Нам пришлось перелезть за оборонное укрепление из камней и спрятаться за БМП. По рации я связался с командиром пехотной роты, поскольку с водителями машин связаться было невозможно, объяснил ситуацию и потребовал прекратить огонь. Затем достал трассеры и начал выслеживать гранатометчика. На вспышку выстрела я отправил весь магазин. Не знаю, попал в него или нет, но «зеленые» стрельбу прекратили и быстро ушли. Потом, еще около получаса, командир пехотной роты успокаивал наших.

В июле 1987 года в районе Асадабада у нас произошло еще одно довольно крупное сражение. Местность была пересеченная. На нас наступали «духи». Бой они вели, конечно, серьёзно.

Мы шли колоннами, впереди шли танки и БМП, а сзади, обстреливая врагов, шли солдаты. Стрельба была жуткая. У нашей БМП, за которой шли, прострелили оптический прибор для наблюдения. Машина остановилась. Мы прижались к БМП, став в одно мгновение плоскими, кто-то умудрился залезть в грунтовые трещины рядом с гусеницами.

Пули звонко отскакивали от корпуса машины, поднимали на поле пыль. Я подозвал к себе прапорщика, объяснил ситуацию и приказал, чтобы он залез внутрь БМП и приказал водителю продолжить движение машины. Послушный прапорщик с огромными испуганными глазами поставил новый рекорд по военному нормативу - занятия своего места. Он, буквально за несколько секунд, оказался внутри БМП. Затем я увидел сзади два танка, в которые загружали снаряды. Подозвал одного бойца, прошу, чтобы он добежал до танков и попросил у них прикрытия. Боец исчез.

Минуты тянулись как годы. Посылаю второго. Танки трогаются, завелась и наша БМП. Мы за строем машин продолжили свой путь.

Мы начали ураганную стрельбу и забросали противника гранатами. Холм дымился от пуль и взрывов. Наш напор было столь стремительным, что, не выдержав его, «духи» просто сбежали с места сражения, побросав свои вещи.

Но не все 3,5 года, которые я провел в Афганистане, окрашены в черно-красный цвет боев. Мирные периоды тоже имели место быть, и даже случались довольно веселые истории.

Обычно, когда группы солдат проходят какие-либо населенные пункты, уже взятые нашими, их все пытаются чем-то угостить: лепешками, консервами или мясом. Сколько бы у хозяина не было еды, он даже последней крошкой готов был поделиться с ребятами.

Не всегда наши пути из одного города в другой были короткими. Однажды нам приказано было пройти довольно большое расстояние из одного пункта назначения в другой. Взяв провизию, личные вещи, мы отправились в это долгое «путешествие».

Консервы, еда рядового солдата на войне, имели свойство очень быстро заканчиваться. В результате, после нескольких дней пути, мои ребята остались голодными. Делать ничего не оставалось, как послать нескольких бойцов на поиски пищи. После нескольких часов хождения по местности они нашли какую-то дикую исхудалую лошадь. Мой снайпер из винтовки послал пулю ей прямо в голову. Затем мы её очень долго разделывали и, через несколько часов, наконец-то, поставили вариться в котле.

Уже вечерело. Мясо еще варилось. Прошло часа три. Я не выдержал, попросил повара дать мне полусырой кусок конины. Некоторые бойцы последовали моему примеру. В итоге, мы это недоваренное мясо ели столько же времени, сколько его и готовили. Полусырая конина имеет свойство, когда её ешь, становиться резиной. Перекусив, мои бойцы пошли спать, а меня подозвал комбат и попросил отложить ему остатки. Назначив дежурного и пересчитав куски в котле, их было ровно 23, я со спокойной совестью пошел спать.

Утром меня разбудил истеричный голос комбата, который кричал, просунув голову в мою палатку: «И это всё?» Выскочив из спального мешка, я не понял, о чем шла речь. Окончательно проснувшись и вычленив из брани комбата, чего он хочет от меня, я подошел к котлу, где до недавнего времени было довольно много мяса. Посчитав куски, я не поверил своим глазам. Их стало три! Нужно было срочно искать виновника происшествия. Я начал свое расследование с дежурного и не ошибся. Он стоял, пригретый солнцем, в конце нашего лагеря, довольный, икающий и сытый. Дежурного, обделившего комбата, отчитали, наказали, ну а затем он был переведен в другую группу.

После окончания войны я не получил много наград, так как не сумел найти общий язык с начальством. Я горжусь медалями ребят, которыми мне довелось руководить. Каждый из них имеет по 2-3 ордена.

Сегодня я независимый депутат Муниципального собрания внутригородского Ломоносовского образования в городе Москва. Моя опора – это моя жена Лариса, которая поддерживает меня во всем, дает надежду и помогает дружеским советом. Мое будущее – наш сын, который продолжил династию военных, отслужил в армии, в ВДВ, и поступил учиться в институт.

Май 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Некрасова Екатерина Николаевна****, студентка 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Позолотин Владимир Анатольевич

Я уже был похоронен и оплакан моими друзьями из других частей

Я родился 26 февраля 1955 года в городе Искитим Новосибирской области. Окончил среднюю школу №2 города Искитима в 1972 году, в этом же году поступил в Омское высшее танковое командное училище (ОВТКУ) и окончил его с дипломом «С отличием» в 1976 году.

По распределению попал служить командиром танкового взвода в Белорусский военный округ (БВО) в городе Борисов Минской области. Через четыре года был назначен командиром разведывательной роты в разведывательный батальон танковой дивизии здесь же - в городе Борисове.

В ноябре 1980 года был вызван в отдел кадров дивизии, где мне, командиру разведывательной роты отдельного разведывательного батальона, была предложена заграничная командировка без указания страны пребывания. У меня сразу же возник вопрос-утверждение: «Афганистан?!» Начальнику отдела кадров возразить было нечего, он только сказал одну фразу: «От тебя, разведчика, ничего не скроешь». Так как предварительные рапорта о добровольном оказании помощи братскому народу Афганистана нами были написаны еще весной 1980 года, на оформление документов не ушло много времени. Это была первая большая замена наших офицеров (на места убитых и раненых).

Мои родные известие о моей заграничной командировке встретили со слезами на глазах. Правда сыну Владимиру в то время было всего лишь 2 года и 8 месяцев, но ему тоже было очень грустно расставаться с отцом.

Прибыли мы 19 декабря 1980 года единой командой из Белорусского военного округа в город Ташкент. С нами провели беседы в отделе кадров ТуркВО, в управлениях по дальнейшему нашему предназначению, затем отвезли на пересыльный пункт – на аэродром «Тузель». Уже 22 декабря на самолете Ил-86 мы пересекли границу и приземлились в аэропорту города Кабула.

Новое место службы – командир разведывательной роты 180-го мотострелкового полка (в/ч п/п 51884) 108-й мотострелковой дивизии в двух километрах от штаба 40-й армии и дворца Амина в городе Кабуле.

Далее: сдача документов в отдел кадров 40-й армии, устройство на ночь в 180-й МСП, где решилась моя дальнейшая судьба. Командир разведывательной роты полка был контужен и попадал под статус «заменщика».

Мне в полку понравилось: встреча, отношение «стариков» к вновь прибывшим и место расположения. Поэтому на следующий день в отделе кадров на вопрос: «Где бы вы хотели служить?», у меня был единственный ответ: «В 180-м МСП!»

Только потом я понял, что попади я на ночлег в другой полк, меня бы приняли также, здесь всегда были рады встречам с людьми с Большой земли, из Союза.

В этот же день меня отправили в штаб 108-й МСД, а других офицеров – в другие дивизии. Со многими из нашей группы мы потом встречались при проведении операций в различных уголках Афганистана.

Во время ожидания готовности моих документов я побывал в отдельном разведывательном батальоне дивизии, познакомился с некоторыми офицерами, в первую очередь с начальником разведки дивизии подполковником Таран и командиром батальона, которые ознакомили меня с обстановкой, с особенностями общения с местными жителями и военнослужащими армии ДРА.

При переезде на БТР в штаб дивизии и обратно в полк заметил такую картину. Вдоль Баграмской дороги, на

расстояние до 300 метров от дороги была вырублена вся зелень, включая виноградники. Объяснение было очень простое: часто из «зеленки» душманы вели стрельбу по нашим колонам.

26 декабря 1980 года, в 4-ю годовщину моей свадьбы (1976), я был уже в 180-м МСП. Лишь на следующий день вернулся основной состав полка и разведывательной роты из очередного рейда. Мне предстояло знакомство с командованием, в первую очередь с боевым командиром роты Михаилом Степановым. Я немного волновался, но оказалось - напрасно. Михаил, увидев меня в своей палатке, задал вопрос: «Кто такой?» А когда узнал, что время его пребывания в Афгане заканчивается, готов был носить меня на руках. Так обнял, что кости затрещали.

Новый 1981 год рота встречала с двумя командирами рот и с двумя командирами полка. В это же время проходила замена и в руководстве: действующий командир полка подполковник Касымов был назначен начальником штаба 108-й МСД (Баграм), а на его место прибыл из Кандагара боевой майор Е.В. Высоцкий. Подполковник Касымов уходил на место полковника Громова Б.В., назначенного командиром 5-й МСД (Шинданд).

Первые впечатления о стране

Горно-пересеченная местность. Бедный, забитый народ, сельское хозяйство и животноводство, в основном овцы. В южных районах - любители кочевой жизни на верблюдах и ишаках, редко на авто. Под этих кочевников часто маскировались душманы, перевозя оружие, боеприпасы и медикаменты из Пакистана на территорию Афганистана. Выявление, блокирование, захват этих караванов – одна из наших задач. Для этого проводилась как агентурная работа, так и использование данных военной контрразведки армии Афганистана.

Характерной особенностью службы было обучение подчиненных ориентированию на местности, правильное определение расстояний и направлений движения. Этим мы занимались в пункте постоянной дислокации в свободное от рейдов время. Летом – жара, отсутствие источников воды или

отравленные колодцы. В горах ночью даже летом холодно, а днем припекает солнце.

Орден Красной Звезды

Осенью 1981 года поступила информация о переходе границы Афганистана с Пакистаном каравана с большим количеством оружия и боеприпасов. Караван двигался в зону действия нашего полка. Получили задание: не пропустить и захватить. Наша рота выдвинулась для выполнения поставленной задачи в ночь, а к утру вышла на заранее намеченные рубежи и устроила засаду.

Караван подходил по всем правилам: впереди, по бокам – охрана, имеющая на руках рации и вооруженная «до зубов». Первое, что мы должны были сделать – это бесшумно устранить эти маленькие группы. Две группы мои разведчики убрали, а третья оказала сопротивление, началась стрельба. Люди из каравана заняли круговую оборону, начался бой. Во время боя было уничтожено около двадцати душманов, оставшиеся пытались отойти, но это им не удалось.

Кольцо сжималось, и в некоторых местах уже начались рукопашные схватки. Здесь мои разведчики проявили чудеса храбрости, показали свою боевую выносливость. Для нас бой закончился успешно. Мы взяли большое количество оружия: минометы, гранатометы, автоматы, пулеметы, огромное количество боеприпасов к ним, много документов, подтверждающих принадлежность этой группы к боевикам, подготовленным на территории Пакистана. Все трофеи не поместились в один вертолет, остатки мы везли в расположение полка на своих боевых машинах.

За данную, успешно проведенную операцию, с наименьшими потерями с нашей стороны (три человека раненых) и доставкой документов и оружия, были представлены к наградам десять человек из моей роты, в том числе и я. Награды были вручены к 23 февраля 1982 года. В журнале «Военный вестник» №1 за 1983 год была опубликована заметка обо мне, в которой было написано: «За умелые действия на учениях в горно-пустынной местности командир разведывательной роты Позолотин В.А. награжден

орденом «Красная Звезда» с присвоением воинского звания «капитан» досрочно».

Кроме этого, имею награды от Афганского Правительства за совместные действия по уничтожению бандформирований.

Основные думы и мечты были, конечно, о доме, о своих родных и близких. В то время особенно не афишировалось пребывание на территории Афганистана, поэтому переписку я вел, в основном, с женой. Письма всегда ждали с нетерпением. Особенно радовали меня полученные фото с сыном и женой, несколько фотографий висели у меня на стенке палатки, всегда напоминали мне, что они ждут, и я не должен их подвести.

Грудью друга прикрой

Хочется рассказать два эпизода. Один из них - когда мы преследовали банду уходящих «духов». Эту задачу мы выполняли совместно со 2-м мотострелковым батальоном, командиром которого с апреля 1982 года был Герой Советского Союза Руслан Султанович Аушев. Потом он был президентом Ингушетии, а в настоящее время -генерал-лейтенант запаса и возглавляет Фонд «Инвалидов и участников боевых действий стран СНГ».

Преследуя бандформирование, разведывательная рота продвигалась впереди, а за ней, на определенном расстоянии по близлежащим гребням и горным хребтинам, двигались другие военнослужащие. В долине шла техника, а по горам шли пешим порядком. Командир взвода моей роты лейтенант Мозгов с группой солдат вырвался вперед и уже сидел на хвосте у бандитов, но тут у него закончились в магазине патроны, несмотря на то, что мы делали магазины двойные, скручивая их лентой. Можно было вытащить один магазин, перевернуть и вставить другой магазин, и он вновь готов к ведению огня. Именно этого момента лейтенанту Мозгову и не хватило для того, чтобы уничтожить бегущего впереди душмана.

Пока он перезаряжал магазин, из-за камня выскочил другой душман и выстрелил в лейтенанта. Но рядом был рядовой Миненбаев, который успел вскочить и прикрыть грудью своего командира взвода. Пока душман палил из

автомата, лейтенант Александр Мозгов успел перезарядить магазин и уничтожил бандита.

Рядовой Миненбаев получил семь пулевых ранений, к счастью пули не задели особо важные органы, не раздробили кости, но он потерял много крови. Всегда одним из тяжелых ранений в Афганистане было ранение в живот. Одна из пуль пробила ему живот в правой части, задев некоторые органы. Рассказ об этих действиях занимает некоторое время, а на самом деле всё произошло за считанные секунды. Раненому сразу оказали первую медицинскую помощь. Все бойцы подразделения имели при себе индивидуальные пакеты, а у офицеров были антидоты (шприц с тюбиком обезболивающего лекарства). Рядовому Миненбаеву через одежду ввели несколько таких препаратов, по связи вызвали вертолет. Хорошо, что все это происходило днём. Вертолет приземлился в долине, раненого рядового Миненбаева на носилках спустили с горы.

Операцией командовал заместитель командира дивизии Миронов. Он и приказал написать представление о награждении рядового Миненбаева орденом Ленина. Чуть раньше, по решению командира полка подполковника Высоцкого, мы уже написали на него представление на орден Красного Знамени, но по требованию руководителя данной операции переписали на орден Ленина.

Я хочу сказать, что редко офицеры или солдаты получали те награды, к которым были представлены. Так вышло и с рядовым Миненбаевым - получилась не очень приятная картина. Орден Ленина – это высокая награда и, в основном, присваивалась офицерскому составу. По истечении некоторого времени в часть приехал начальник разведки сухопутных войск генерал-лейтенант Гредасов. Мы только что пришли с очередного рейда. Меня вызывали в штаб. Прихожу в штаб, представляюсь. Генерал-лейтенант меня обнял и говорит: «Молодец! Хорошие у тебя бойцы. А где рядовой Миненбаев находится?» Он знал о подвиге нашего солдата.

- Где он сейчас, в госпитале?

- Нет, он уже здесь находится, сейчас пока на охране, на территории части. Он остается в пункте постоянной дислокации.

- Хорошо, пригласите его сюда.

Пригласили рядового Миненбаева. А он еще слабый и держится за правый бок, прихрамывая, зашел в нашу штабную палатку. Генерал-лейтенат Гредасов похвалил его, сказав, что награда будет вручена во-время, пока он находится здесь.

Прошло еще около месяца, приходят награды, рядовой Миненбаев оказался в списке на награждение орденом Красной Звезды. По рангу, по статусу для солдата, может быть, это правильный и очень достойный орден. Но представление-то было написано на орден Ленина!

Представьте себе состояние этого солдата, когда было объявлено о награде. Он мне сказал: «Командир, я не пойду получать этот орден, потому что везде было сказано, что рядовой Миненбаев представлен к ордену Ленина, а на деле оказалось – к ордену Красной Звезды».

Так он и не пошёл получать этот орден, сославшись на болезнь. Позднее мы ему вручили этот орден и принесли извинения за тех работников, которые переписали представление.

Я не хочу сказать, что это был типичный случай. Не исключаю, что у офицеров, служивших в Афганистане, тоже подобное бывало. И всё-таки, в первую очередь, я хотел поднять значение нашего солдата, который несмотря ни на что, не щадя своей жизни, прикрыл грудью своего командира. Это уважение к командиру осталось ещё со времён Великой Отечественной войны. Командир есть командир. Его должны защищать все со всех сторон. И это на деле проявил рядовой Миненбаев.

Потом он был уволен и уехал жить к себе на Родину. Этот эпизод был описан в газете Туркестанского военного округа «Фрунзевец».

Дом-крепость

Хочется остановиться ещё на одном боевом эпизоде. Возвращались мы после выполнения поставленной задачи в пункт постоянной дислокации и полагали, что всё нормально, всё прекрасно.

Сидели наверху на броне, и, вдруг, по первой машине прошла автоматная очередь. Мы моментально среагировали и развернули боевые машины, а когда узнали, откуда стреляли,

были ошеломлены. Выстрелы шли из окна мечети. Для того, чтобы открыть ответный огонь по мечети, мы должны были получить «добро» у своего командования. Там уважение к верующим было всегда и везде, и открывать огонь по церквям, мечетям и другим церковным учреждениям мы не имели права. Но эта мечеть стояла рядом с домом, окружённым высоким и толстым забором. Нам дали «добро» не на стрельбу, а на проникновение в мечеть, чтобы разобраться, кто и откуда вёл огонь.

Мы спешились и пошли в эту мечеть. Благо была зима, и мы были в маскхалатах. Подобрались незаметно, небольшая группа зашла в мечеть. Там никого не было. Под окном, из которого велась стрельба, были найдены пустые гильзы от автоматов. Они были еще теплые, что являлось доказательством того, что именно из этого окна мечети вёлся прицельный огонь.

Затем мы нашли лаз, который вёл по подземелью в дом, стоящий рядом с мечетью. Естественно, было принято решение окружить этот дом и выяснить, кто в нём скрывается. У таких домов в Афганистане всегда очень крепкие деревянные ворота. Несмотря на то, что они деревянные, их было невозможно разрубить топором. Изнутри эти ворота были закрыты еще на бревно диаметром в 15-20 сантиметров. Даже несколько человек, раскачивая ворота, не могли открыть их. Бронемашины тоже не могли подъехать к ним. Но, предварительно, я отдал команду: «Двум машинам объехать дом! Посмотреть, где можно будет пробраться внутрь».

Бронемашины подъехали к тыльной стороне дома, и радист по радиостанции сообщили, что есть возможность пробить брешь и проехать во двор. К воротам из бревен подвязали две гранаты, которые по команде были взорваны. Одновременно, с тыльной стороны дома был произведён выстрел, пробили брешь, и с двух направлений наши бойцы проникли в этот большой дом. За забором двор с постройками занимал площадь 100х200 метров. Со стороны ворот во двор заскочили два солдата, но были сразу обстреляны с двух сторон. В глубине двора шёл узкий проход с двумя выходами-калитками в разные стороны, вот оттуда и пошли выстрелы. Сержант Владимир Скрипка получил пулевое ранение в область бедра, но, несмотря на это, продолжал вести огонь.

Успел крикнуть: «Бросьте мне магазины с патронами!» И здесь проявил находчивость и смекалку старшина нашей роты прапорщик Анатолий Черепанов. Он пробежал через ворота, принёс магазины с патронами Скрипке, сам открыл огонь и вытащил Скрипку за пределы этого маленького, узкого прохода.

Мы проникли в дом, всех его обитателей собрали в одну комнату. Ещё одна характерная особенность: согласно закону, мы не имели права без представителей Афганской армии заходить в этот дом. Но с нами на операцию выходили четыре представителя ХАД (военная контрразведка Афганистана). Поэтому вся операция проводилась с соблюдением всех правовых норм.

Внутри каждого дома есть женская половина, на которую не имел права заходить советский солдат. Она была проверена представителями ХАД. В результате на женской половине обнаружили труп в белом одеянии, который оплакивали местные жители. ХАДовцы приподняли его, и нашли под ним автоматы и пистолеты. После этой находки мы с особой тщательностью проверили все помещения и окружающую территорию. Здесь были обнаружены боеприпасы к стрелковому оружию и большой запас медикаментов.

Этот дом-крепость оказался перевалочной базой для последующей доставки вооружения, боеприпасов и медикаментов в действующие в горах бандформирования. И таких домов на территории Афганистана встречалось большое количество.

Выявлять склады боеприпасов, медикаментов в горах, предотвращать их доставку в банды являлось одной из задач разведывательной роты.

Заканчивая свой рассказ, хочу добавить, что солдаты и офицеры разведроты с честью выполнили поставленные перед ними задачи.

О погибших

Первым погибшим на моих глазах был сержант Ф.Д. Мухаметвалиев. Мы, 19 февраля, в ночь, вышли для реализации данных по наводке одного афганца. Афганца сопровождали разведчики под командованием сержанта

Мухаметвалиева. При переходе по мостику через быструю реку Кабул афганец прыгнул в воду и хотел бежать, сержант прыгнул вслед за ними. Быстрая река понесла обоих, мы не успели поймать ни того, ни другого. Операция была прервана. Мы попытались высветить их фарами боевых машин, все было тщетно. Лишь с рассветом мы нашли тела обоих в дельте реки, на песчаном берегу. За проявленную смелость и стремление выполнить задачу сержант был представлен к награде посмертно.

В ноябре 1981 года я был на лечении в госпитале (Мары, Туркмения). Наш полк был в длительном рейде. 12 ноября моя рота под командованием командира взвода лейтенанта Мозгова А.Д. вышла в передовой отряд. Но при подходе к кишлаку была обстреляна с прилегающих высот и из самого кишлака - мы попали в подготовленную засаду. Пока подошли основные силы полка, рота понесла большие потери, таких потерь у нас не было ни до того времени, ни после него. В общей сложности погибли шесть человек, восемнадцать получили ранения разной степени тяжести. Некоторые, получившие тяжелые ранения, больше в полк из госпиталя не вернулись, а были комиссованы.

Среди погибших: командир взвода лейтенант Мозгов А.Д., командир взвода Васильков В.В., младший сержант Александров А.Н., сержант Драбенюк В.Ф., рядовой Корнев А.В., рядовой Федоров Ю.А. Была информация, что погиб командир разведывательной роты 180-го МСП без указания фамилии, поэтому я уже был похоронен и оплакан моими друзьями из других частей. Какова была их радость - увидеть меня живым и здоровым после моего возвращения из Союза!

Хочу остановиться еще на одном погибшем из моей роты. Это наш переводчик рядовой Касимов М.Т. Во время одного из боев пострадала афганская девочка и осталась на нейтральной полосе. Касимов взял её на руки и нес для оказания медицинской помощи, предварительно предупредив и афганцев, и наших солдат, но кем-то из афганцев он был не услышан и получил пулю в спину.

В феврале 1982 года мне было досрочно присвоено звание капитана. В июне 1982 года я был переведен на должность начальника разведки 191-го отдельного мотострелкового полка (в/ч пп39676) в Газни.

О прибытии заменщика узнал 5 ноября, но увидел его только 10-го, так как воздушное сообщение было закрыто, а колонны к нам не ходили, в то время было много мин на дорогах. Но телефоны работали, и друзья из разведывательного отдела 40-й армии мне сообщили, что на мое место прибыл майор Волобуев из Белоруссии (город Слоним Гродненской области). Я жил в модуле, поэтому свое место я быстро освободил, переехал к своему другу в АртБатР, чей заменщик тоже уже находился в штабе армии.

Встречали мы наших заменщиков возле штаба полка, куда их с аэродрома привезли на БТР. Я своего заменщика снял с БТР и на руках отнес в модуль. Он сопротивлялся, но это было бесполезно.

На сдачу дел у меня ушло около недели, затем проводы, и мы с командиром АртБатР капитаном Яшиным А.И. полетели в Кабул. Заночевали там, простились с кабульскими друзьями, а на следующее утро уже полетели в Ташкент. Этот день, 19 ноября, мне запомнился навсегда еще и потому, что это был День ракетных войск и артиллерии, а со мной вместе летел артиллерист Яшин. В этот же вечер мы праздновали свое возвращение в ресторане «Заравшан» города Ташкента. Еще несколько дней мы не могли улететь в Москву, была нелетная погода, а ехать на поезде несколько суток нам не хотелось.

Возвращение

29 ноября мы прилетели в Москву, откуда на поезде отправились в Минск. Из Минска на такси сначала поехали ко мне в город Борисов, потом Александр, на этой же машине, уехал дальше - в город Полоцк. Была уже ночь, мы хотели оставить его у себя ночевать, но стремление быстрее прибыть домой победило. Лишь через двое суток он приехал к нам в гости вместе со своей супругой.

Дома меня уже ждали жена Валентина и пятилетний сын Владимир, так как из Ташкента мы сообщили о пересечении границы с Афганистаном. Хочу отметить, что по тем временам картошка с тушенкой в Союзе была лакомством, а в Афгане тушенку мы ели каждый день, особенно в рейдах. Я попросил чего-нибудь другого, чем ввел в замешательство супругу,

угостившую меня тушенкой. Но это было короткое замешательство, оно было очень быстро устранено.

Ноябрь 1982 года, впереди был целый месяц отпуска, встреча Нового года в кругу семьи и дальнейшая служба начальником разведки танкового полка в БВО, в городе Слоним Гродненской области.

В августе 1983 года я поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе, успешно окончил её разведывательный факультет в 1986 году и был назначен в Главное управление Генерального штаба для прохождения дальнейшей службы.

С 1997 по 1999 года проходил обучение в Академии Генерального штаба ВС РФ, после чего продолжил службу в Главном управлении Генерального штаба.

В марте 1982 года, проходя службу в Афганистане, перенес инфаркт, но быстро встал в строй.

В апреле 2003 года перенес второй инфаркт, в сентябре этого же года сделали операцию на сердце (аорто-коронарное шунтирование), после чего врачи запретили дальнейшую службу в рядах Вооруженных Сил.

Уволился в отставку в июне 2005 года в звании полковника. Получил по увольнении инвалидность 2-й группы 2-й степени тяжести, военная травма, приравнен к инвалидам Великой Отечественной войны.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в республике Афганистан, награжден орденом Красной Звезды (№ 3680009, указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1982 года) и двумя медалями Правительства Афганистана.

В послевоенное время награждён медалями – «За отличие в воинской службе» (июль 1994), «В память 850-летия Москвы» (февраль 1997), «За воинскую доблесть» 1-й степени (октябрь 2001) и другими юбилейными медалями.

За активное участие в работе общественной организации «Боевое братство» награждён медалью «За ратную доблесть» (2003), памятной медалью «15 лет вывода Советских войск из ДРА», нагрудным знаком «Участнику Афганской войны» (2007), памятной медалью «20 лет вывода Советских войск из ДРА».

Ветеран военной службы с мая 1997 года. С апреля 2007 года – представитель Национальной ассоциации объединений

офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР) в Московской области Российской Федерации. С апреля 2008 года – академик Международной Академии духовного единства народов мира.

Сейчас я ветеран военной разведки, член Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевого братства» и заместитель председателя Совета Межрегионального общественного движения «Полковое братство» ветеранов 180-го краснознаменного, ордена Суворова III-й степени мотострелкового полка.

Декабрь 2011 года

Прохоров Николай Алексеевич

Баграмский батальон разведки

Я родился 13 февраля 1961 года в городе Москве. Русский, православный.

Детство и юность проходили активно. Увлекался футболом, вольной борьбой. Чемпион по футболу среди мальчиков московского клуба «Спартак». В 19-летнем возрасте был призван в армию.

Во время существования СССР, все мальчики стремились служить в Советской армии. Не служить Родине являлось позором. Свой долг Родине должны были отдать все.

Попал в учебное подразделение, где готовили командиров отделения разведки. После обучения был направлен в Баграмский батальон разведки. Это первое подразделение в Советской Армии, которое за афганские события в мае 1982 года было награждено орденом Красной Звезды. В то время в прессе Советского Союза об этом награждении ничего не сообщалось.

Батальон капитана Шакалова был известен не только в Афгане. В основном, о боевых действиях разведчиков в Афганистане сообщала радиостанция «Голос Америки».

Как я сам слышал, наш разведбат называли «Ночными волками» или «Ночными шакалами» в честь командира роты капитана Шакалова Юрия Михайловича. Он был настоящим профессионалом своего дела, с легкостью принимал важные и ответственные решения. Без должной организации и

дисциплины невозможно создать крепкий, эффективный и сплоченный коллектив.

В нашей армии он заслуженно считался одним из самых лучших. Наш батальон не только боялись, но и уважали, даже противники. При выполнении операций, те колонны, которые сопровождали «Ночные шакалы», как правило, не подвергались нападению.

Когда я приехал в Афганистан, все вокруг как будто изменилось, стало совершенно иным, во мне проснулись самые потаенные инстинкты. Постоянная опасность, сложные задания, ощущение каждого дня как последнего – все это, особенно первое время, очень сильно повлияло на меня. Это было интересно, завораживающе и, одновременно, страшно. Жизнь в условиях военных действий – это иная жизнь, от которой очень сложно отойти. Вернувшись на Родину, мне казалось, что попал на другую планету. Были мысли вернуться обратно. На войне, как говорится, жизнь, как рентген, сразу становится всех видно - кто трус, кто герой. На «гражданке» что-то можно скрыть от однополчан, а под пулями все черты характера выявляются мгновенно.

Были и потери во время боевых операций. Тяжело осознавались потери. Сегодня мы ели из одного котелка, а завтра его уже нет, парнишки 19-летнего. Все это было страшно. Правильно говорят: «Только дурак не боится». Но страх бывает разный – кто от паники с ума сходит, а кого, наоборот, страх мобилизует.

Конечно запомнились боевые товарищи: Панкин Сергей, Лихобабенко Павел, Андреев Саша, Белов Сергей, капитан Шакалов. Из «учебки» помню: Петухов Валя, Будовский Виталик, Нетревожко Сергей, Гена Уколов, Саша Косухин - ребята, которые действительно помогали друг другу. Все выполняли свой долг на совесть и с честью, являются в полном смысле этого слова все герои, независимо от чинов и званий.

В то время все помогали друг другу, это было просто необходимо для выживания. Младшие по званию могли давать указания старшим, и если они были дельными, то мгновенно выполнялись. Были даже полковники, которые спрашивали совета у более опытных солдат. Старослужащих ребят всегда ставили в пару к новичкам, неопытным еще на войне, только что прибывших сюда с «гражданки».

Ощущения, что всё скоро закончится, не было. Казалось, что эта война надолго. Мы контролировали только 20% территории Афганистана. Моджахеды в первую очередь разрушали школы. Я понимал почему. Потому, что необразованного человека легче превратить в раба, легче им повелевать.

Очень популярны у них были медики. Они своих детей, больных людей или раненых привозили к нам. Останавливали колонну, приносили в корзинах своих больных детей, чтобы наши медики оказали им помощь. У нас было много разных лекарств, поэтому мы оказывали афганскому народу не только военное содействие, но и медицинскую помощь.

Местное население относилось к нам с уважением. И хотя мы были чужестранцы, но мы не захватывали их города, жили отдельными военными городками, на отдельной территории. Мы пришли не с плохими намерениями.

Иногда было совершенно непонятно - кто и с кем воевал. Это была партизанская война. Они нас видели, а мы их, к сожалению, не всегда. В этом и была вся сложность. Сейчас он - местный житель, добропорядочный гражданин, хорошо работает, но, как только наступает ночь, он берётся за автомат, а где-то в огороде у него припрятаны снаряды. И вычислить этих оборотней было невозможно. Только когда поймаешь его с автоматом и гашеткой, или на руках увидишь порох, тогда можно было сказать точно, что этот человек наш враг. Они не жалели никого. С каждым годом становилось всё сложнее и сложнее, атмосфера накалялась все больше.

Вооружение душманов иногда было лучше нашего, их снабжали американцы и англичане. Но самым популярным оружием у моджахедов был автомат Калашникова. Только у них он был китайского производства. Потом у них появились и «Стингеры», и миномёты, и гранатомёты. Уверен, что опыт ведения войны, накопленный советскими войсками, сейчас используется американскими спецслужбами в Афганистане.

С 1982 года у моджахедов появились мины. Связано это было с тем, что международная конвенция запретила противопехотные мины, и их стали в большом количестве поставлять моджахедам.

Началась минная война. Они, видимо, просчитали, что экономически выгоднее было не убивать солдат, а делать их

инвалидами, потому что этим наносился значительный ущерб стране - и моральный, и материальный.

Основной задачей нашего разведбата было, в первую очередь, сопровождение грузов, и мы выходили на операции, в основном, ночью. Поэтому нас и называли «Ночными волками». Мы оцепляли отдельные подразделения большими группами. Мы просачивались, уходили на дело кто на вертолетах, кто пешком, кто на машинах, потом пешком продвигались, проходя многие километры. Занимали определённые позиции и проводили операции по уничтожению бандформирований.

Мне довелось принять участие в сложнейшей Панджшерской операции. Наше подразделение выдвинулось глубоко в тыл противника, удачно перекрыв путь части бандформирования. Когда запросили наше местонахождение, мы выпустили сигнальные ракеты, в военном руководстве были удивлены, насколько глубоко мы прорвались и насколько успешно выполнили поставленную задачу.

Было захвачено и уничтожено большое количество оружия. Действия нашего подразделения были отмечены командиром дивизии генерал-майором Мироновым. Многие ребята, в том числе и я, были награждены орденами Красной Звезды.

Когда я получил боевое ранение, меня положили в Кабульский госпиталь. Потом хотели отправить в Ташкент, но я сбежал после короткого лечения и без документов улетел в часть, где в дальнейшем продолжил выполнять свои обязанности.

Когда наступил призыв «нулевой» демобилизации, мои сослуживцы рекомендовали меня в первую очередь. Мне это было удивительно. Так я, в 1982 году, попал в «нулевую» партию, отправленных в запас. Некоторые ребята служили там ещё несколько месяцев.

О войне в Афганистане в СССР заговорили, когда стало приходить много гробов, а также стали приезжать раненые. Стало сложно скрывать издержки войны. Многие мои близкие и знакомые до этого почти ничего не знали об этой войне.

По-настоящему сложно понять войну, для этого нужно самому побывать в боевой обстановке, чтобы знать, что это такое.

В настоящее время я - Председатель Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов района Соколиная гора города Москвы и Председатель Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов предприятия «Салют».

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана

Остроумов Георгий Романович,

и

Бологова Марина Владимировна

Раздобудько Евгений Александрович

Навыки пловца и помогли мне

Я родился 31 июля 1952 года в городе Москве. Русский. Христианин. В 1969 году окончил среднюю школу №475. После школы поступил в Московский авиационный институт, который окончил в 1975 году. По окончании МАИ работал в конструкторском бюро московского радиозавода. Занимался комсомольской деятельностью: был секретарем комитета комсомола конструкторского бюро, членом комитета комсомола завода.

Ездил в командировки на Байконур. Это были очень интересные командировки, где испытывали авиационную аппаратуру.

Американцы изобрели крылатую ракету, которая могла лететь очень низко над землей, облетая сопки и горы. Наши радиолокаторы тогда ниже 50 метров ничего не пеленговали, и американские ракеты могли пролетать мимо наших радаров. Мы разрабатывали такую аппаратуру, совершенно новую, которая с очень высокой точностью определяла местоположение объектов.

После того, как я проработал три года в конструкторском бюро на радиозаводе, перешёл работать сначала в райком комсомола, потом в горком комсомола, а в 1980 году, после Олимпиады, меня направили в Высшую партийную школу. В ней я учился с 1981 по 1983 год. Там я получил второе высшее,

теперь уже политическое, образование. Сначала я был преподавателем философии и политэкономии. Потом учился в Академии МВД. Таким образом, имею три высших образования.

Узнал о войне в Афганистане так. Начальник управления Валерий Петрович Дроздов уволился по состоянию здоровья, и на его место поставили Майорова Владимира Ефремовича, который вернулся из Афганистана. Там он был советником в провинции Балх.

В 1986 году он спросил меня: «Женя, а ты не хочешь поехать в Афганистан?» В то время мне оставался еще год учебы в Академии МВД. Через неделю раздумий я согласился. Владимир Ефремович тогда сказал мне: «Не пожалеешь! Проверишь себя, испытаешь».

Нас готовили три месяца в Ташкентской высшей школе милиции. Кроме этого, я прошел курс радиста-шифровальщика. С декабря 1987 года по февраль 1988 года обеспечивал надежную радиосвязь во время проведения оперативных мероприятий по задержанию международной группы контрабандистов наркотиками, которые в январе 1988 года пытались использовать территорию СССР для транзитной доставки большой партии наркотиков в страны Западной Европы.

На пограничной реке

На второй год пребывания в Афганистане я переехал из Калата в провинцию Балх, в мусульманский центр на севере Афганистана, там проблемы были другого плана. В местечке Хайратон, недалеко от Мазари-Шарифа, на границе с Советским Союзом, была река. Один берег реки относился к территории СССР, а другой являлся территорией Афганистана. Бандиты брали акваланги и плыли к баржам, которые шли из СССР с хлебом, мукой и зерном, прикрепляли мины и взрывали их.

Нам пришлось поработать. В итоге, мы эту банду взяли вместе со всеми их аквалангами. Таким образом, по линии КГБ у меня есть награда «За отличие в охране государственной границы». В молодости я занимался плаванием, был мастером

спорта по плаванию и чемпионом Москвы. Вот эти навыки пловца и помогли мне.

Саланг

Нам надо было добраться из Кабула к себе, в Калат. Напрямую добраться было невозможно, там были горы. В Афганистане есть только одна дорога, она идет через перевал Саланг. Она настолько узкая, что двум машинам там не разъехаться. Поэтому колонны в разные направления ходили только по расписанию и никогда не пересекались.

Я ехал по дороге на своем джипе с двумя товарищами, пристроившись в конец колонны. Эта дорога проходила через местечко Алан, где постоянно поджигали и обстреливали колонны. На этой дороге всегда были мины, причем, мины ставили так, чтобы когда колонна проезжала, взрывалась не первая машина, а машина, ехавшая в середине колонны. И вот, если такое происходило, то загоревшуюся машину сразу сбрасывали в пропасть, чтобы восстановить движение колонны и проехать это место.

Когда начался обстрел, и загорелась машина, мы вырулили из конца колонны, развернулись и рванули со скоростью больше 90 км/ч, проехали все «колдобины» и вырвались из перестрелки.

Дальше, в Кандагаре, мы решили по воздуху добраться до Калата. А там на «вертушках» никто из летчиков не хотел лететь. Все отшучивались, что им после такого полета надо давать как минимум медаль за боевые заслуги, а так не полетят.

Пробыв в Кандагаре неделю, мы решили попытать счастье в афганском вертолетном полку. Там нам помогли, и через пару дней мы взлетели. Мы доставляли боеприпасы в Дарвазагай, это рядом с Пакистанской границей. Я сказал летчику, что везу два гранатомета М-17. Афганские летчики летают очень низко над землей, для более удобного обстрела.

Летим, летчик мне говорит: «А вон твой Калат. Пролетели уже. Помаши ему ручкой!» Я говорю: «Что ж ты нас не высадил?» А он ответил, что прокатит нас до пакистанской границы. Это был мой первый полет в Калат, и запомнился он мне надолго.

Подлетаем туда, а там бой идет. Сели, вытащили свои гранатометы и течение 40 минут отбивались. Мой первый орден Красной Звезды и был как раз за этот бой.

Зарок

Проходила боевая операция по выброске групп на караванные тропы. Батальон спецназа стоял у местечка Шахджой. А из Шахджоя в Калат можно либо вертолетом добраться, либо с колонной бронетранспортеров. Мы решили с колонной спецназа двигаться. Со мной был переводчик Володя Мексименко из Киева. Я сказал ему, что ситуация опасная, и в горах все равно попадем под обстрел. Тогда мы решили, что если доберемся до Калата живыми, побреемся налысо.

Когда колонна движется через перевал, наверху дают сигнал - зажигают огонь. Если огонь горит, то значит, тебя будут обстреливать на перевале. Мы увидели огонь, остановились, встали на бугорке, а уже темно, ночь. Заняли круговую оборону и залегли на ночь.

Ночью была холодина страшная. Есть одна хитрость, снимаешь шерстяной носок, вытаскиваешь нитку и делаешь ею круг вокруг себя. Змеи ночью могут смертельно укусить, однако они очень боятся запаха овчины, и вот тогда нитка спасает.

Наутро колонна пошла, было несколько выстрелов, но нападения как такового не было. Приехали, пошел я мыться и побрился налысо. Довольный Володька сфотографировал меня, смеется, а сам бриться отказался. Я ему говорю: «Как так? Мы же зарок давали!»

На следующее утро он поехал на вертолетную площадку встречать вертолет, а через час его привезли с жутчайшим ранением. Сразу отправили его в Кабул, а оттуда уже в Киев. И вот тогда я и понял, что значит зарок.

Мой боевой путь: Царандой пр. Заболь (6.04.1987), пост Дарвазагай пр. Заболь (21.04.1987), Улусваль Шахджой и Калат (4.07.1987), провинция Балх (сентябрь 1987), Улусваль Калдар (октябрь 1987), Улусваль Чорбулак (3-5.10.1987), город Хайратон (декабрь 1987-февраль 1988), Мазари-Шариф профинция Балх (1988).

С ранениями мне очень везло. Однажды, рядом со мной разорвался реактивный снаряд, взрывной волной меня отбросило, и я потерял сознание. Когда очнулся, врач поставил диагноз: закрытая черепно-мозговая травма и ушиб головного мозга. Немного в ушах пошумело, на этом и остановилось, демобилизоваться я не стал.

Демобилизации у нас не было, поскольку мы находились в служебной командировке по линии МВД. У нас было свое представительство МВД СССР при МВД Республики Афганистан, оно находилось недалеко от посольства.

А армейские части просто входили в страну через мост. Самое сложное - это ввод и вывод войск. Мы обеспечивали вывод войск. Поэтому нас не демобилизовали, мы остались служить, и я там в 1988 году получил следующее звание - подполковника милиции. В этом звании и вернулся домой, стал работать в ГУВД Москвы на Петровке, 38.

Награжден:

- медалью «За отличие в охране в государственной границы СССР» (13.02.1988);
- медалью «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2001, Чечня);
- медалью «За трудовое отличие»;
- медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» (28.05.1988).

Декабрь 2011 года

Роженцев Алексей Петрович

За два года их было более сорока

Я родился 24 марта 1963 года в городе Хабаровске. Русский, христианин.

В 1980 году окончил школу в Хабаровске и поступил в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище (ДВОКУ), которое окончил в 1984 году с присвоением звания лейтенанта, и был направлен в воинскую часть, дислоцируемую в городе Кривой Рог.

Однако послужить там долго мне не удалось, потому что уже в 1985 году по решению командования я был направлен для дальнейшего прохождения службы в Афганистан.

Это назначение я воспринял с огромным энтузиазмом. Не каждому офицеру выпадет возможность попытаться проявить себя в боевых условиях и по-настоящему принести пользу своей Родине. После трехмесячного ожидания меня отправили в Днепропетровск, где я прошел медицинскую комиссию. Через месяц, рано утром 2 августа 1985 года, меня и других военнослужащих посадили в самолет «Ил-76», и мы вылетели в Кабул.

В пути я не думал о том, что будет дальше, просто сидел и отдыхал. Когда мы приземлились и сошли с самолета, одетые в парадную форму, я и, наверное, все, кто со мной летел, были очень удивлены обстановкой в городе. Как сейчас помню, было

очень жарко, даже душно. Был ужасный запах на улице, и летало много мух.

При приземлении многие почувствовали себя плохо. Как нам потом объяснили, в условиях высокогорья и при резкой смене климата это бывает - наступает кислородное голодание, но, как правило, все к этому рано или поздно привыкают.

Нас привезли в часть, где в тот же день провели распределение по подразделениям и объявили - кто, когда и как будет добираться к месту службы.

Через неделю ожидания я выехал в Пули-Хумри. Выдвигались мы туда в составе большой военной колонны, везли пополнение - прибывших служить офицеров и солдат, а также боеприпасы, продовольствие и вооружение. Вдоль дороги протянулись виноградники, огороженные низкими заборами из глиняных кирпичей. Так называемую «зеленку» все колонны пролетали на большой скорости.

Для советских военных колонн такие районы были очень опасными. «Духи» обстреливали наши колонны, после чего скрывались в виноградниках. Понять, откуда стреляли и куда скрылись стрелки, было практически невозможно. Это сейчас виноград продается в каждом продуктовом магазине, а в то время мы его видели редко. Желание поесть «диковинки» пересилила чувство опасности, и мы остановили машины. На всякий случай развернули зенитку в сторону «зеленки». Я и водитель натаскали полную кабину винограда. Ел я его до самого Пули-Хумри, пока он не набил оскомину. С тех пор я стал к винограду равнодушен.

И вот наконец-то долгожданный Пули-Хумри. Дальше двинулись по городу к месту, где располагался штаб армии и склады. Там в течение следующего дня разгрузились и на следующее утро отправились в обратную дорогу. Таким мне запомнился мой первый рейс в составе колонны. Затем за два года их было более сорока. Это стало для меня обычным и рядовым заданием, хотя и сопряженное с большим риском - нападением душманов.

Не всегда рейсы были спокойными. Были и обстрелы, когда приходилось брать в руки автомат и отстреливаться от «духов», когда на пробитых пулями колесах, водители гнали свои «КамАЗы», выжимая из их движков все возможное, чтобы уйти из зоны обстрела. Подорванные на минах машины мы

сталкивали в пропасть. Были и потери. Первый водитель, с которым я ходил в свой первый рейс, погиб. До приказа об увольнении, которого так ждал, он не дожил неделю, пуля попала ему в сердце.

Мы жили в небольшом поселении под названием Пану, оно находится недалеко от Пули-Хумри. В Пану я и служил. Жили мы в горах. Первые впечатления от Пану были такими же, как после посадки в Кабуле, только форма на нас была уже не парадная.

Командира нашего взвода звали Слава Синицкий. К сожалению, он уже умер, он был очень хорошим человеком. Командиром батальона был Вавилов Борис, его после Афгана я так и не встретил, но очень бы хотелось. Начальником штаба был Пашков Александр. На момент моего прибытия все они служили в Афганистане уже более года. Они делились с вновь прибывшими своими впечатлениями, рассказами о своих боевых операциях, о местных жителях, их обычаях, поведении. С большой благодарностью, раскрыв рты от удивления, мы слушали их рассказы обо всем этом, и я до сих пор помню некоторые истины, о которых они нам рассказывали. Может быть, благодаря этим рассказам и предостережениям наших старших товарищей, многие из нас остались живы. Мы довольно часто получали от них различные инструкции и поучения. В общем, первые впечатления о месте службы и о сослуживцах остались исключительно положительными.

По ночам афганцы стреляли в наши «секреты», взрывали фугасы рядом с расположением батальона. Было страшно, но постепенно со временем к состоянию страха мы стали привыкать, и все это воспринималось более спокойно.

В целом, я пробыл в Афгане почти два с половиной года - со 2 августа 1985 года по 30 ноября 1987 года. Служил в мотострелковом полку, был в то время лейтенантом, а в последствии - старшим лейтенантом. Первый год был командиром взвода, а второй год - заместителем командира роты. За все время моей службы я, к счастью, не получил ни одного ранения. Был подрыв, но я не пострадал.

Я был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», которую почему-то, к сожалению, до сих пор мне не вручили.

Во время войны я не думал о будущем, больше беспокоился о настоящем, и, конечно же, хотел поскорее вернуться домой живым и здоровым. Дома меня ждали родные и будущая жена, с которой я вел переписку в течение всего времени, проведенного мною на войне. Переписывался с родителями, но достаточно редко. Если честно, они узнали о том, что я в Афганистане только из моего письма, и были очень удивлены.

Погибших было очень много, с некоторыми я прошел большой боевой путь. Несмотря на это, умерших мы не любили вспоминать, хотя за столом традиционно поднимали третий тост: «За тех, кого с нами нет».

Расскажу пару случаев, случившихся со мной и моими товарищами на боевых операциях.

Ехали мы в колонне по небольшой горной дороге на задание. Неожиданно начался обстрел, взрывались фугасы, откуда-то летели мины. Нам ничего не оставалось, как вступить в бой. Нас выручили солдаты-зенитчики, которые из зенитных пулеметов обстреливали выявленные огневые точки. У них тоже были погибшие, а одно зенитное орудие было уничтожено духами.

БТР, на котором я ехал, подорвался на мине. Но мне повезло. Фугас сработал с правой стороны машины, а я сидел слева. Взрывной волной меня выкинуло из БТР, а товарищу, сидевшему рядом, не повезло. Мы не успели его вытащить из горевшей машины, он погиб. Было много погибших, а также было уничтожено много боевой техники. Когда мы отразили нападение афганцев, то они, пытаясь спастись, стали убегать в разные стороны. Наш комбат сказал: «Кто попадет в убегающего афганца, тому медаль!» После боя было много раненых. Им оказывали возможную помощь, но не всех мы смогли спасти. Слишком далеко было до госпиталя, многие попали туда лишь к вечеру.

Было и такое. В Кабуле напротив госпиталя на склонах горы располагались аулы. Въезжаю я на автомашине в ворота госпиталя и вижу - стоит начальник медицинской части. Я говорю водителю: «Тормози! Мне поговорить надо». Он резко затормозил. Слышу перед радиатором машины - «чмок», и никто на меня не смотрит. Все смотрят на горы, в том числе и начмед. Я спрашиваю: «Что, стреляли?» Он говорит: «Да».

Охрана ищет, откуда стрелял снайпер, но разве его найдешь в массе построек?! Снайпер рассчитал правильно - если бы резко не тормознули, он бы попал.

Еще, как-то ночью на наш батальон в горах начали падать реактивные снаряды. Как позже выяснилось, это сделали свои же, по ошибке.

Ко всему, сражались мы и с болезнями. Много людей болело и даже погибало из-за тифа и малярии. Хоронили мы их прямо в горах, к сожалению, не могли делать это по-другому.

Однажды, в течение трех месяцев мы сидели в «секрете» в горах. Там было очень холодно по ночам, и все сильно мерзли. Было время, когда делать было совсем нечего, одолевала дикая скука, и мы стреляли по мышам и уткам, и даже сделали снеговика. Один раз подстрелили большого орла и сделали из него чучело. Охотились на дикобразов, некоторые военнослужащие брали на память их большие колючки, в том числе и я. Одна из них до сих пор лежит у меня дома.

Был и забавный случай. Как-то мой товарищ, его фамилия Антипцев, случайно откопал тайник с русскими деньгами образца 1918 года. Там было 1000 рублей одной банкнотой и целая охапка других денежных знаков. Он обклеил этими деньгами стены домика вместо обоев. Было очень необычно и вносило некое разнообразие в нашу обыденность. Позже мы пошли на рынок с оставшимися найденными деньгами.

На афганском рынке можно было найти все, что угодно. Как только приходишь на рынок, подбегает афганский пацан и спрашивает, чего мы ищем. Мы в шутку сказали, что нам нужен длинный кожаный плащ. Через три минуты его нам уже принесли. Мы посмеялись и попросили у пацана вместо плаща ящик водки. Он принес, мы даем ему выкопанные деньги, а он спрашивает: «Деньга новый?» Мы ответили: «Да», он забрал их и убежал, отдав нам ящик. Мы быстро ушли с рынка, и потом долгое время Антипцева искали местные жители, а он от них прятался.

Еще мы очень любили есть афганский шашлык, уж больно вкусным он у них получался. Правда, кусочки были слишком маленькие, поэтому брали всегда много.

Я не заметил, как пролетели два с лишним года моей службы в Афганистане. День сменял другой день, одно боевое задание сменялось другим, приходили и уходили новые боевые

товарищи. Но всему свое время и вот, наконец, пришла моя очередь возвращаться на Родину. Каждого из нас менял сменщик, и без него, собственно, мы не могли уезжать. Мой сменщик приехал на три месяца позже назначенного срока, поскольку перед отправкой в Афганистан он неожиданно заболел желтухой.

На выезды меня, как уже отслужившего свой срок, не посылали, но как-то раз нужно было перевезти боеприпасы из одного места в другое. Так как срочно нужно было выполнить эту задачу, а на войне ненужных задач не бывает, поскольку от выполнения каждой, как правило, зависят жизни людей, я вызвался помочь. Я уже проинструктировал водителя, поставил задачи солдатам, сам залез на БТР. И в этот момент начальник штаба нашел прапорщика, который должен был выполнять эту задачу. Поехал, естественно, он. И как я узнал позднее, конвой попал в засаду, и этот прапорщик погиб. Так, волей случая, я избежал смерти.

Когда приехал сменщик, я обрадовался. Менял меня таджик по фамилии Хавсизов.

В назначенный день, утром, мы вылетели медицинским бортом с группой раненых из Кундуза в Пули-Хумри. Во время перелета вертолет подвергся обстрелу, но все закончилось благополучно. Приземлившись в Пули-Хумри, я простился с сослуживцами и пошел в медицинскую часть, так как для вылета домой необходимо было пройти медицинскую комиссию. Подарив на прощание врачу бутылку водки, довольный, что здоров, я получил необходимую справку, на которой врач шлепнул жирную печать, и отправился проходить последнюю формальность – таможенный осмотр. Запрещалось перевозить кассеты и разную другую мелочь. У меня была с собой музыкальная кассета группы «The Scorpions», мне её пришлось оставить.

Когда я прошел таможню мне дали 1500 рублей на обратную дорогу. Приехав в Душанбе, я со своими товарищами ждал поезд еще целые сутки. Но мы знали, что скоро мы будем дома и увидим родных, поэтому ожидание не было столь тягостным.

Хочу отметить то сердечное отношение, с которым нас встречали в Таджикистане местные жители. Мы, военные, для них были желанными гостями. Один из местных жителей даже

уговорил нас посетить его дом, где нас угостили вкусным ужином. Когда мы пришли, то собрались не только его родные, а пришло много почтенных стариков, которые благодарили нас как защитников Родины.

Приехав домой, я сразу же пошел к своей девушке и сделал ей предложение стать моей женой. Она долго не раздумывала. Мы посетили родителей и объявили им о нашем решении. Невозможно описать ту радость, с которой нас встретили родители, меня, которого не видели больше года и вернувшегося живым с войны, и мою будущую жену.

Я хочу сказать, что мы не проиграли этой войны, мы достойно выполнили свою интернациональную миссию перед этим благородным народом. Мы с честью выполнили поставленную нашей Родиной задачу. Ведь дело военного человека не обсуждать решение руководства страны, не давать оценку правильности принятых решений, а выполнять свой профессиональный долг, долг защитника Родины и её интересов.

Тот, кто побывал в Афганистане, вспоминать о нем никогда не перестанет.

В Вооруженных Силах я отслужил более 17-ти лет и являюсь участником трех войн, в том числе войны в Афганистане. Сейчас состою в организации «Боевое Братство».

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Дороднов Антон Вадимович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Рябко Сергей Анатольевич

Под валуном были танковые домкраты

Я родился в Хабаровске 11 июня 1962 года. Окончил среднюю школу №32 города Хабаровска в 1979 году.

Поступил в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (ДВОКУ) в городе Благовещенск, которое окончил в 1983 году.

До Афганистана я 1,5 года командовал мотострелковым взводом в городе Хабаровске на Красной речке. В 1984 году был направлен в состав Ограниченного контингента советских войск в Афганистане для выполнения интернационального долга. Родственники отреагировали, конечно же, бурно.

Это был не совсем порыв, руководство приняло решение. Это было закономерно, мы к этому готовились в училище. Кроме того, с 1979 года все офицеры через это проходили. И не только офицеры, но и солдаты.

В штабе армии с каждым офицером была проведена индивидуальная беседа: «Вы зачислены кандидатом для выполнения интернационального долга в Ограниченном контингенте советских войск в Афганистане. Поздравляем Вас, товарищ лейтенант!»

Безусловно, родные переживали, я уже был женат, и у меня была дочь. Волновались потому, что не знали, что там на самом деле творится, информации было мало.

Я попал в резерв Командующего войсками Туркестанского военного округа в учебный полигон под Ашхабадом. Там, в основном, был контингент командиров взводов. Мы проходили специальную подготовку, для действий в горных условиях. С нами проводили занятия по огневой, тактической, горной подготовке и по вождению боевых машин. В Афганистане специфический климат, и прежде чем нас туда отправить, нам необходимо было пройти акклиматизацию, иначе можно заболеть тифом, паратифом, желтухой или малярией. Подготовка шла около трёх месяцев.

Границу Афганистана наша группа пересекла 5 июня 1985 года. Прибыли в Кабул на «пересылку», через сутки были направлены в 5-ю гвардейскую мотострелковую дивизию в городе Шинданда.

Службу проходил в должности командира мотострелкового взвода мотострелковой роты 3-го горного мотострелкового батальона 12-го гвардейского мотострелкового полка. Через три месяца был назначен на должность начальника разведки горного батальона, принял разведвзвод, которым командовал до 19 сентября 1987 года.

В период с 1985 года по 1987 год принимал участие в 10-ти боевых операциях, в 16-ти реализациях разведданных и 10-ти засадах.

Меры безопасности

Всё постигается, когда сам попробуешь. Сначала меня учили, потом я учил своих подчинённых и прислушивался к тем людям, которые там находились. Во-первых, всегда гибли или получали ранения те люди, которые только прибыли туда и ничего не знали и, как правило, не у всех было развито чувство самосохранения. Также погибали те, которые заменялись, потому что всё уже закончилось, и чувство самосохранения притупилось.

Ветераны предупреждали - некипячёную воду не пить, в жару вообще не пить, вечером пить чай. Если выпил воды в

течение дня, то в самую жару потом будешь постоянно хотеть пить. Стрижка была короткой.

Афганский кондиционер

Полк вошёл в Афганистан в 1985 году и располагался в провинции Герат. Мы жили в палатках вместе с личным составом. Климат в Афганистане сложный - днём +45 в тени, а ночью резкий перепад температуры - очень холодно, особенно в горах. Летом дождей нет, а осенью и зимой - ливни, слякоть и грязь.

У нас был «афганский кондиционер». Это тридцатиместная палатка: шесть окон - с одной стороны, шесть - с другой, два - у входа. У моей палатки пол был бетонный, стены обиты досками от тары 122-мм реактивной системы залпового огня 9К51 «Град» и 220-мм реактивной системы залпового огня 9К57 «Ураган».

Табуретки были самодельные, собранные из тары гранатомётов. Имелся полог белый из хорошей ткани. На зиму утепляли - ставили печки, а потом достали китайские лампы. Керосинка обогревала и давала свет. Улучшали жилище, как могли. На входе и выходе лежали бараньи шкуры. От змей использовали верблюжьи одеяла - запах верблюжатины отгоняет всяких ползучих гадов. Если уходили на «днёвку», то при обнаружении загонов для скота, сооружали ночлег там – это самое безопасное место, без змей.

Специфика

В подразделениях были переводчики. Фарси и дари на севере Афганистана - родные языки. Каждый должен знать законы той страны, в которой находится, и уважать ее традиции.

Мы оказывали гуманитарную медицинскую помощь местным жителям.

Приезжают местные жители: «Командор Сергей, помоги, у нас там вырезали блок-пост и угнали баранов». Для нас это сигнал - душманы готовят диверсию. Местные жители к нам относились нормально, без проблем, достаточно дружелюбно. Если ты их уважаешь, то и они тебя уважают. Разводят своё

хозяйство, бизнесом занимаются. Они использовали возможность получить благо для себя, своего кишлака, своего народа.

Приехав в «дружественную» банду, с оружием не имеешь права войти в дом. Если приехал с добром, тебе и ответят добром. Если не вредишь их интересам, то они тоже способствуют во всём.

В разведвзвод личный состав подбирался тщательно. Одни сутки «работаем» на одном месте, а следующие - на другом. Перед выводом полков из Афганистана в 1986 году «духи» активизировались. Постоянно совершались диверсии на трассе. Мы получили задачу перекрыть пути вероятного выдвижения «духов» к «бетонке». Поехали в «дружественную» банду и там получили информацию о двух караванных тропах.

Караван

В одной из засад гужевой караван с душманами вышел прямо на нас. Они хотели подорвать трубопровод и разрушить «бетонку» на сложном участке дороги. Караван мы ликвидировали.

Дали команду разведчикам сделать ракетами подсветку местности. Душманы не ожидали в этом месте нашей засады, поэтому серьезного сопротивления не оказали. Группа захвата быстро досмотрела местность, забрала оружие, мины, взрывчатку ценные документы, и мы ушли. Группа прикрытия обеспечила отход основной группы. На все это потребовалось не более 10-15 минут. Эта тактика была тщательно отработана. Далее мы ушли на «днёвку», при этом я передал на ЦБУ время и место ликвидации каравана.

При проведении боевых действий мы руководствовались принципом - сохранить людей и выполнить задачу.

Я был ранен 11 июля 1985 года под городом Гератом. Потом, когда я принял разведвзвод, в 1985 году у меня никто не был ранен и 1986 год тоже был без потерь. В 1987 году в Кандагаре получили легкие ранения Лукашов Андрей и Ромаченко Сергей, которые потом встали в строй.

Хуже было после возвращения из Кандагара и похода на Герат. Так случилось, что зону ослабили. «Духи», конечно, активизировались. Получилась такая ситуация - пехота встала

вдоль реки Герируд, а на стыке рот был кишлак. Из кишлака стали обстреливать роту. Доложили командиру полка. А у него кто рядом? Разведчик! Вперёд!

Разведвзвод в тридцать человек, три единицы техники - боевая разведывательная машина БРМ и два бронетранспортёра БТР-70. Когда мы подъехали к «зелёнке», она оказалась большая. Солнце клонилось к закату.

Десантировались, пошли. Нас встретили плотным огнем. Передали по связи: «Танго, я - Танго-1, у нас раненый». Когда я подошел, было поздно. Это была первая потеря у в нашем разведвзводе. Передаю в штаб полка: «У нас двухсотый». Дали команду: «Назад!»

Отошли назад. Потом «вертушка» пришла, забрать погибшего младшего сержанта Цапаева Игоря, штурмана БРМ.

Когда я лежал в госпитале, погиб Сафин Амир, наводчик-оператор БРМ, а снайпер Романченко Серёжка был тяжело ранен.

Мы работали две недели вдоль пакистанской границы. Ликвидировали базы, перекрывали караванные тропы.

Всякий раз - новая задача. Например, лететь к месту назначения, и захватить плацдарм. Мы идём первыми, как правило, на двух «вертушках». Тяжёлого оружия у нас нет. Борттехник дверь открывает: «Командир, лови момент!» Чем выше над хребтом поднимаешься, тем быстрее меняются воздушные потоки, и вертолёт бросает из стороны в сторону. Но не это самое главное - там сесть можно, но вертолет не взлетит, потому что воздух разряжён. С подчинёнными отрабатывал вопрос так, чтобы за десять секунд «вертушка» была пустой. Я лечу в первом вертолете, во втором - замкомвзвода. Оружие на предохранителе, магазин отстёгнут. Только после прыжка подсоединяли магазин - это требование безопасности, чтобы случайно не нажать на спусковой крючок и не расстрелять всех, с кем ты летел.

Открыв дверь, ловишь момент. Вертолет завис, прыгаем вправо веером (влево нельзя - так быстро крутится винт, что в капусту покрошит). Легли. «Вертушка» ушла. Перед десантированием транспортно-боевой вертолёт Ми-24 обработал местность. Зажгли оранжевые дымы и обозначили место нахождения группы. Наша задача - обеспечить прикрытие высадки основного состава десанта.

Праздники

Самым любимым праздником у нас был день рождения. Когда командиру небезразличен день рождения подчиненного, значит, он - хороший командир. Когда командиру это «по барабану», то солдат точно так же будет к этому командиру относиться. Не важно, где бы этот солдат не был: в госпитале, в карауле, в засаде, командир должен всегда найти возможность его поздравить.

Ребята сделали торт. Табуретки самодельные поставили в палатке, сели. Напитка «Фанта» тогда не было в Союзе, а здесь мы его покупали в магазине. Спиртного, конечно, не было. Чествовали всех, кто родился в этом месяце - шутки, прибаутки. Не столь важен подарок. Самый простой - это письменный набор. В нем конверты, писчая бумага и ручка. Построились: «Выйти из строя. Уважаемые товарищи, у наших боевых друзей дни рождения, давайте их поздравим!» Если была возможность – делали фирменный торт из сгущёнки и печенья.

Во взводе у меня было три сержанта. Даже когда мы кого-то представляли к награде, не я один принимал решение, мы обсуждали этот вопрос вместе.

У нас друг от друга ничего нельзя было скрыть, жили одной семьёй. Из этого и складывались хорошие взаимоотношения. Поэтому я никогда не оглядывался и знал, что люди идут за мной. Они верили мне. Садился ли в БМП в заезд, стрелял ли, выходил ли на огневой рубеж – все выполнял наравне со всеми. Был один принцип: делай, как я.

Когда возвращались с «боевых» в палатки и докладывали на ЦБУ, то все знали - сначала баня, помывка.

После приезда готовили плов.

В первый день отдыхали, на второй день - или тренировки, или замполит приходит для занятий по политподготовке. Нам давали информацию о том, что в стране делается.

В палатке у нас были двухъярусные кровати. Вещмешки брали с собой, а оружие сдавали в оружейную. У меня

пистолет был постоянно. У меня пистолет бесшумный был, на базе ПМ. А вот АКМ 7.62 считался тоже бесшумным, но мы от них отказались - как бы не стрелял, затвор клацает, а ночью звук далеко слышно, поэтому смысла в использовании его не было.

В шаге от гадюки

Иду с замкомвзвода, выбираем место для засады, поднимаемся в горочку, смотрим, там скалы, а здесь тепло, ещё светло, но солнце уже закатилось. Земля тёплая, змеи выползли из-под корней. Когда солнце уходит, змеи вползают в расщелины, скалы, нагретые днем. Замкомвзвода мне показывает пальцем в сторону. Посмотрел я, вижу – рядом, красивая такая, гадюка.

Как-то помогал сапёрам, они расширяли дорогу - от трассы в Герате убирали мазанки, чтобы колонны не обстреливали. Разведчики прикрывали. Со связистом Сергеем пошли собрать виноград, росший на склоне. Идём по склону, разговариваем. Краем глаза вижу, он остановился и побледнел - чуть не наступил на большую эфу.

Бумеранг

В Кандагаре дали мне огнемётчиков с реактивными пехотными огнеметами «Шмель» в варианте РПО-А (термобарический боеприпас). Только нас десантировали, как из одного кишлака в другой выдвигается конница душманов. Мы по ней и поработали вместе с огнемётчиками.

Этот «Шмель» взводится только один раз, на ручку нажал - и всё. Наш огнемётчик прицелился, спустил курок, но ракета с трубы не сошла. Второй раз огнемёт перезарядить нельзя - может рвануть в руках. Парень поставил РПО на землю аккуратненько, и мы засыпали его камнями. Снайпер выстрелил в стартовый заряд ракеты. Ракета сначала полетела вверх, затем развернулась и стала возвращаться обратно к нам. Как рвануло! Хорошо, что пламя по склону ушло. Это же маленький объёмный взрыв!

Партизаны

Однажды ехали на броне. Услышали позвякивание – это пули. С брони прыгнули на землю. Слышим одиночные выстрелы. Надо выяснить, откуда стреляют. Ведь обратно же возвращаться будем. Пошли на разведку. Главное в этом деле - наблюдательность.

Лежит камень. Смотрим, такое впечатление, что он поднимался, поскольку неплотно лежит на земле. Проверяем. У нас есть огни красного или зелёного цвета (поисково-спасательные), в зависимости от того, где их применять. Пламя, как у зажигалки выбивается. Применили их вдоль камня. Он начал подниматься и оттуда выползают двое. Под валуном были танковые домкраты. Душманы лунку прокапывали, ставили домкраты и поднимали, а под камнем выкапывали землянку. У них была вода, сушёное мясо, лепёшки. Сидят и отслеживают дорогу. Подняли камень – поработали, надо опустить – опустили. Но прокололись на том, что оставляли щель для себя.

Встреча с родными

Мы, вернувшись оттуда, испытывали какой-то дискомфорт, потому что не проходили никакой реабилитации. Единственная опора - это семья. Я приехал на новое место службы на Дальний Восток, в Приморский край, командиром роты. Это рядом с Китаем.

Самая большая награда

Я награжден орденом Красной Звезды в 1985 году и медалью «За боевые заслуги» в 1987 году. Однако, самая большая награда для командира, когда ваш подчинённый вам говорит: «Спасибо Вам, товарищ командир, за то, что я отсюда уезжаю живым».

Сейчас я член Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство».

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Ермаченков Дмитрий Игоревич,*** *студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Савёлов Александр Игоревич

Но не дошла до меня эта награда

Я родился 6 марта 1962 года в Москве, в православной семье. В 1977 году окончил восемь классов и поступил учиться в Московский машиностроительный техникум имени Дзержинского на специальность техника-механика. В 1981 году, по окончании учёбы в техникуме, меня сразу, 30 марта, вызвали в военкомат. Тогда мне было 19 лет.

В то время об Афганистане мы только понаслышке знали. Эта тема была закрыта.

В 1981 году меня призвали в армию. Всех призывников собрали в пересылочном пункте на улице Угрешской, сутки пробыли там, а затем нас повезли на автобусах на Киевский вокзал. От Киевского вокзала на электричке доехали до городка Селятино, где находилась Таманская дивизия. Попали в 1-й полк. Там нас уже в форму переодели. Говорили, что в Германии будете служить. В Селятино пробыли неделю.

Потом за нами приехали «покупатели». Так называли офицеров, которые отбирали призывников и направляли их служить в те или иные части. Офицеры, которые приехали за нами, погрузили нас в машины, и повезли то ли во Внуково, то ли в Домодедово, уже и не помню.

Самолетом Ил-86 мы долетели до Ташкента. Потом из Ташкента, поездом, нас отправили в Ашхабад. Там стояло несколько учебных частей, так называемых «учебок».

В Ашхабаде я попал в школу сержантов. Там моя подготовка длилась примерно 5 месяцев. Там же я получил звание младшего сержанта. Именно там мы поняли, что нас готовят в Афганистан. Мне не очень хотелось говорить маме о том, что мне предстояло. Для матерей все это было очень тяжело. Да и потом уже гробы приходили.

Из нашей группы, в которой я учился в техникуме, в Афганистан попали двое: я и Саша Козырев. Подготовку он проходил в Прибалтике. В Афганистане под Кабулом его убили. Мама моя с его семьей была в хороших отношениях, мы рядом жили. Саша без мамы жил - его сестра и отец воспитывали. В один из дней мама позвонила им, чтобы узнать, как там Саша, поскольку от меня давно писем не было. А отец таким подавленным голосом ответил: «Нет нашего Саши, нету». Я был единственным ребенком в семье, и были времена, когда затянешь с письмами на месяц, не отвечаешь, а мама тогда так переживала, что сложно представить.

В «учебке» сложно было. Но как говорят - «тяжело в учении, легко в бою». Там мы по горам полазили. Я очень исхудал. Гимнастёрка вообще вся белая была, поскольку выгорела, да и от соли тоже. Здесь нам рассказывали как оказывать первую медицинскую помощь при различных ранениях. Я уже понимал, уже чувствовал, что готовят нас к отправке на войну. Там узнали, что такое сухпай (сухой паёк), что такое дизентерия и желтуха. Помню, как попал в госпиталь. Какое-то заражение по лицу пошло, но, слава Богу, все обошлось.

Некоторые ребята до последнего дня не теряли надежду, что в Афган не попадут, а останутся служить в Средней Азии. Некоторые, я видел, и в госпиталь хотели попасть, чтобы избежать такой службы. Но у меня подобного даже в мыслях не было. Как предначертано судьбой, так и будет.

Через пять месяцев нас уже подготовили. Не знаю, правда, насколько серьёзно к боевым действиям подготовили. Там ведь готовь не готовь, а война – не учеба. Прослужив год-полтора, начал мужать, разбираться в людях, в их характерах. Когда видел новых солдат, всегда думал: «Каких пацанов

отправляют - необученных и неподготовленных совсем». Отправлять таких 18-летних мальчишек на войну было несерьезно. Многие погибали оттого, что были не подготовлены к боевым действиям. Даже психологически ломались ребята.

Осенью 1981 года нас собрали, сформировали, посадили на машины, и колонной мы поехали. В палатках мы переночевали, и на утро вертолётами Ми-6 нас переправили через границу Афганистана. В иллюминатор видел уже совсем другую страну, по сравнению с Туркменией. Здесь, когда летишь над горами, взору открываются совсем другие пейзажи. А когда мы уже приближались к 201-й дивизии, которая базировалась в Кундузе, я увидел раненых, маскировочные сети, окопы, совсем другую картину увидел, по сравнению с теми полигонами, которые были у нас в «учебке». Я понял, что здесь уже не шутки, здесь - война. Все было так непривычно и необычно. Здесь уже нужно было держать ухо востро, смотреть и учиться.

В Кундузе нас опять распределили, и я попал в 201-ю дивизию. В ней находилось три полка. Я попал в 395-й мотострелковый полк. Этот полк стоял в Пули-Хумри. Меня назначили командиром отделения взвода, так как я окончил сержантские курсы. В подчинении у меня было восемь человек.

Требования к внешнему виду были уставные. Я думал, что здесь не будет дедовщины, но понял, что ошибался. Я даже не представлял, что в Афганистане может быть дедовщина. Должно же быть наоборот, боевое плечо, на которое можно опереться. Ты ведь постарше, должен помогать младшим товарищам. Но даже от тех же «братьев-славян» я иногда получал тумаки. Но себя я старался не давать в обиду.

В мотострелковом полку, где я служил, был танковый батальон, разведрота и авторота, в которой служили одни армяне. В то время у нас была многонациональная армия. Таджики и узбеки были сами по себе, ну а мы, славяне, тоже старались держаться вместе.

Афган много чего дал мне. Слава Богу, что я не переболел желтухой, как многие из ребят. Но это зависело тогда от того, как ты относишься к личной гигиене. Береженого Бог бережет.

Тогда, особо отличившихся представляли к ордену Красной Звезды. Ребятам, которые погибали, присваивали

орден посмертно. Единственное, чем меня наградили, это, буквально по дембелю в Афганистане, я получил медаль «За боевые заслуги». Не конкретно за спецоперации, а за службу.

В Афганистане думал и мечтал домой пораньше прийти. В отпуск я не попал, хотя многие ребята уезжали на Родину. Они оказывались совсем в другом мире, а потом опять, через две недели, возвращаться на войну, мне казалось - тяжело. Друзья, которые ездили в отпуск, передавали маме подарки от меня, в гости приезжали, много чего рассказывали. Думал, в первую очередь, о матери.

Конечно, до армии у меня была девушка. Когда я был на Угрешке, на пересылочном пункте, она с подружкой приходила ко мне.

О чем мы мечтали в армии? Конечно, хотелось с девушкой встретиться. А потом я узнал, что она начала встречаться с другим, поэтому я писал только матери, бабушке, да родственникам. Но маме писать старался чаще.

О домашней пище мечтал. Мечтал вернуться скорее, ходить на дискотеки, отдыхать, жить мирной жизнью.

Служить я, конечно, старался хорошо. Дослужился до старшины и стал заместителем командира взвода. Возмужал. Физически подкачался. Занимался гирями, штангой.

После срочной службы некоторые оставались на сверхсрочную по призванию или по желанию. Другие в школу прапорщиков уходили, чтобы продолжать служить. Но у меня не было подобного желания, потому что много чего увидел со стороны.

Помню, был один случай. БТР с закрытыми люками шел на точку. В боевой машине находилось отделение в 8-10 человек. Они попали в засаду. Броню прошил снаряд гранатомёта, а когда снаряд прожигает обшивку БТРа, вокруг него формируется газ, который моментально загорается. Солдат, который был ближе всех к люку, сейчас уже не помню кто, выскочил из горящей машины и потерял сознание. Он единственный выжил, а все остальные сгорели. Когда мы приехали, и я увидел эту ужасную картину, это было настоящим потрясением. Никогда этого не забуду!

Позже уже стали ездить просто на броне с отрытыми люками. Одиночную технику больше не отпускали, только в сопровождении.

К погоде в Афганистане нужно было привыкнуть. Практически все время жара, даже в тени было +40 градусов. Афганцам, конечно, это все было привычно. Нам же было тяжело в таких условиях. Ветер-афганец поднимал пыль, которая забивала всё, дышать становилось тяжело. А в горах снег выпадет. Помню, как Новый Год встречали в Афгане, все небо горело от огней, выпускаемых из ракетниц, и трассеров.

Форма у нас была не по погоде. Первое время ходили в кирзовых сапогах, по такой жаре. Только потом уже берцы появились, но все равно это кожа. Форму одежды потом изменили: панамы пошили, комбинированную форму.

Когда уже время ближе к дембелю подходило, как магнитом на Родину тянуло. Отсчитывали каждый день, отмечали, когда уже домой. И когда дождались 100 дней до приказа, приготовили вместе с ребятами плов, кто картошки на овощном складе взял, кто мясо принес, ну и водка тоже была.

Разные, конечно, были офицеры. Некоторые не просто переживали за солдат, а как за детей своих переживали. Другим же - лишь бы выслужиться, а в Афгане перспектива есть, орден могут на грудь повесить. Был лейтенантом, а за два года стал капитаном.

Последние месяцы до окончания службы мы, практически все время, курсировали отделением по точкам. Мы выезжали в Даши, потом по разным точкам. По трассе шел трубопровод с соляркой и керосином. Это тоже была одна из задач - охранять трубопровод от диверсионных поджогов, подрывов и воровства. Были отдельно трубопроводные части, которые выезжали специально, что бы устранить прорывы, а мы их прикрывали.

В последние 100 дней инстинкт самосохранения проявлялся еще больше. Хотелось приехать домой живым и здоровым.

Мы уже практически дембелями были. Я видел молодых, которые на службу приходили. Некоторые были пошустрее, и видно было, что они могут постоять за себя. А другие просто опускались, грязными были, не смотрели за собой.

«Дембельского аккорда» как такового не было. Просто ждали, когда замена придет. Многие улетали вертолетом из Пули-Хумри до Кабула. Каждый сувениры, подарки родным

вез. И когда шла зачистка, некоторые офицеры забирали все, что везли солдаты. А забирали, конечно, себе. И ребята ехали домой без подарков.

Нас уже по приказу уволили из войсковой части, мы уже официально были дембелями и могли самостоятельно уехать, даже без команды. Мы принимаем решение - ехать с колонной до Хайратона. Попали под 1-е мая. Если бы мы не уехали 29, а на праздники границу закрывают, то мы бы застряли в Хайратоне еще на несколько дней. Видим, как наша колонна пересекает речку через мост. На одном берегу Хайратона - территория Афганистана, а через речку - уже территория Союза.

Нас остановили пограничники на таможне. Когда нам отрыли ворота, я обернулся и говорю своему другу: «Все Саш, считай, что мы уже дома». Тут подъезжает БТР, мы садимся к нему на броню. Доехали до ближайшей станции, взяли такси и поехали в Душанбе. До Душанбе мы ехали вчетвером. Как доехали, буквально сразу взяли билеты. Их сложно было взять. Саша - билет до Донецка, а я - до Москвы.

Домой я прилетел 1 мая рано утром. В 5 часов утра в Домодедово я сошел с борта самолета. Дальше я сел на автобус до метро «Домодедовская». И когда я вышел на родной станции «Текстильщики» утром 1-го мая - это было неописуемое чувство близкого родного дома.

Дома меня никто не ждал. Я же точно не знал, какого именно числа приеду. Родители были бесконечно рады, что я вернулся. Такой подарок на праздник! Сразу же за стол сели, надо же было отметить, тем более, что еще и праздник. Конечно, все в восторге были, что я вернулся живой из Афгана.

Стал перед выбором, куда идти работать. Думал даже поехать на Украину, в Донбасс, к своему однополчанину, - спуститься в угольную шахту, молотить уголек и зарабатывать большой рубль. А он мне говорит: «У тебя же Метрострой, та же подземка, те же заработки». Вот он мне и дал, можно сказать, путевку в трудовую жизнь.

Я пошел в Метрострой, устроился в СМУ-5. Первой моей станцией была «Боровицкая». Я опустился в шахту в составе бригады проходчиков, и вот там я тоже почувствовал плечо, ту же поддержку, как и в Афгане, но уже в мирное время, - когда с

отбойными молотками работали, когда взрывники взрывали породу.

Я видел, как наша молодежь ездила на Целину, на комсомольские стройки. Это была романтика, и вот эту романтику я почувствовал именно в Метрострое. Я гордился, когда спускался в шахту!

Армейский опыт во многом мне помог: всегда ставить перед собой цель и идти к ней.

У меня сейчас уже взрослая дочь. Если бы был сын, я бы в любом случае настоял на его службе в армии. Конечно, не хотелось бы отправлять его в горячую точку. У многих моих друзей сыновья отслужили, и пришли из армии совсем другими людьми – настоящими мужчинами, это полезная школа жизни.

С 1991 года и по настоящее время являюсь руководителем Объединения ветеранов Афганистана «Контингент».

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Бардаков Евгений Александрович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Санджар Гафари

Десять лет проработал без каких-либо выходных

Родился я в интеллигентной семье в городе Кабуле. В пять лет пошел в школу. Окончив её в семнадцать лет, я поступил в Кабульский университет на химико-биологический факультет.

Так как шла революция, то меня, как члена Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), сразу после 3-го курса, пригласили в Министерство государственной безопасности Афганистана, где я занимался обеспечением экономической безопасности. Проработал я на этой должности четыре года, после чего меня пригласили в Центральный аппарат государственной безопасности провинции Кабула. Работа заключалась в воспитании патриотизма у молодого поколения.

Через некоторое время меня перевели в 3-й отдел Министерства государственной безопасности. Министерство состояло из отделов, ведущих работу в различных направлениях государственной безопасности, а 3-й отдел осуществлял контроль за ними.

Меня часто отправляли в командировки в близлежащие провинции Кабула, в которых находились посты войск Советской армии. Там велась совместная с советскими офицерами работа. Я очень ответственно подходил к своей

работе, поэтому почти десять лет проработал без каких-либо выходных. Тогда я был молодым и энергичным и не придавал этому особого значения.

Однажды, по дороге в одну провинцию, расположенную примерно в 20-30 километрах от Кабула, я заметил лежащий на земле калаков (так мы называли автомат Калашникова) и вернул его на пост. За это офицеры были крайне признательны мне, я получил письменную благодарность и репутацию самого честного сотрудника НДПА.

В апреле 1982 года с военного аэродрома, расположенного под Кабулом, производились вылеты армии в зону активных боевых действий. Оттуда я вместе с советскими солдатами на вертолете улетел в провинцию Панджшер, в которой в это время разворачивались военные действия между войсками Советской армии и моджахедами. Здесь я встретил представителей газеты «Правда», которые взяли у меня интервью, поскольку я являлся афганским офицером. Для меня это ценное воспоминание.

Я женат на афганке, имею двух сыновей и дочь. Раньше они жили здесь, в Москве, но сейчас я остался один, а семья переехала в Голландию. Уже четвертый год я не вижу семью, общаюсь с ними только по телефону. Так получилось, что я всю жизнь работал во благо страны, трудился ради идеи, десять лет был офицером, а теперь не имею дома ни в Афганистане, ни в России.

Приехал в 1993 году в Москву, но судьба до сих пор не решена. До того, как приняли в афганскую диаспору, трудился на рынке. У многих афганцев такая судьба. Им не дают статус офицера. Даже документы для жительства не дают. К сожалению, здоровье тоже подводит. Сейчас я болен диабетом в последней стадии, приходится каждый день делать по несколько уколов, а права лечиться здесь - у меня нет. Единственное, что спасает - это международные гуманитарные организации. Чтобы жить приходится крутиться.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Салахеев Ильдар Наилович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Сатарзай Халил

Война была очень жестокой, мы стойко держались

Окончив школу, я поступил в Кабульский университет. В это время шла Апрельская революция.

Большинство противников революции пришли из Ирана и Пакистана. Эти люди атаковали школы, больницы и промышленные предприятия. Для борьбы с противником руководством нашей партии было собранно две-три тысячи партийных активистов городского комитета. После трехмесячной подготовки они были отправлены в провинцию Пагман, в которой была очень тяжелая обстановка. Я также был отправлен в эту провинцию. После трех месяцев службы вернулся домой.

Так как я был активным участником боевых действий, меня с группой сослуживцев отправили на учебу в СССР, где я поступил на подготовительный факультет Московского автодорожного института. После года обучения я поступил в Московский энергетический институт (МЭИ). Одновременно учился и вел активную партийную работу.

В первый год учебы я был назначен секретарем организации представляющей молодежь Афганистана. После Всесоюзная партийная организация, которая располагалась в посольстве Афганистана, выбрала меня членом контрольной партийной комиссии. Приходилось совмещать учебу с партийной деятельностью. Через два года меня выбрали

заместителем директора отдела финансов партийной организации, которая также располагалась в посольстве Афганистана.

После окончания обучения в МЭИ, я поступил в Институт марксизма-ленинизма на факультет «Партийное строительство» и закончил его с отличием. После защиты диплома, по просьбе правительства я должен был остаться в Москве и активно заниматься партийной работой. В это время начался вывод Советских войск из Афганистана, ситуация была неспокойной, и я решил уехать на Родину, чтобы продолжить там службу в армии.

Я служил в 101-м полку Министерства государственной безопасности Афганистана. После вывода советских войск, в стране сложилась очень напряженная ситуация. На протяжении четырех лет армия Афганистана в одиночку противостояла моджахедам. В это время служили все, ведь это был наш долг – защищать свою страну.

Когда войска Советского Союза покинули Афганистан, весь Запад, во главе с Америкой, и Пакистан ждали падения Правительства Афганистана. Для этого они начали полномасштабную войну на восточном фронте. Это была самая страшная война.

США приняли сторону «душманов». Афганские моджахеды (также - душманы) - члены нерегулярных вооружённых формирований, мотивированных радикальной исламской идеологией, организовались в единую повстанческую силу в период гражданской войны в Афганистане 1979-1992 годов. Формировались они с 1979 года из числа местного населения с целью ведения вооруженной борьбы против военного присутствия СССР и афганских правительств Бабрака Кармаля и Наджибуллы. Часть афганских моджахедов после окончания войны, в середине 1990-х годов, пополнила ряды радикального движения «Талибан», другая часть - отряды Северного Альянса.

Советские солдаты часто, в быту, употребляли для их обозначения жаргонное слово «духи», производное от слова «душманы».

Если бы они победили?!

За одну минуту падало 60 тысяч снарядов. Стоял такой грохот, что можно было оглохнуть. Только представьте себе: каждую секунду падала тысяча снарядов на таком маленьком клочке земли.

Формула примирения проста по своей сути и весьма сложна по реализации. Необходимо добиться того, чтобы все противодействующие стороны сели за один стол переговоров и начали выработку приемлемой для них формулы дальнейшего обустройства. Понятно, что это будет нелегкий, сложный процесс. Возможно, будут откаты назад, тупиковые ситуации, но, в конце концов, через взаимные компромиссы, и только через них, можно будет надеяться на достижение стабильного примирения. При этом, я хочу подчеркнуть, что в переговорах должны участвовать в первую очередь сами афганцы, а не иностранные державы.

Мы пытались их отговорить. Регулярные армии Пакистана, арабы, наемники напали на Джелалабад, хотели его захватить и объявить о своих правах в правительстве (1987). Война была очень жестокой, мы стойко держались.

Поскольку я являлся партийным работником, меня назначили заместителем секретаря партийного комитета 101-го полка. После двух лет службы меня снова направили в Москву для продолжения обучения.

В 1996 году в МЭИ я защитил докторскую диссертацию на тему философии в технических науках. Одновременно с учебой работал заместителем генерального директора ООО “Ариадна”. Уже после учебы меня выбрали членом Международной академии духовного единства народов мира и членом Академии национальной безопасности Российской федерации. А позже я стал членом Совета федерации ветеранов воинов-интернационалистов и Президентом Международного фонда помощи гражданам Афганистана.

Сейчас я проживаю в Москве и занимаюсь общественно-политической деятельностью. Имею несколько афганских и российских наград. Одни из самых ценнейших наград - это орден Святого Александра Невского II-й степени, за вклад в дружбу России и Афганистана, и орден Жукова.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Салахеев Ильдар Наилович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Сенников Александр Юрьевич

9-я рота

Я родился 28 июля 1968 года в Узбекистане, в городе Ташкенте. Учился в Ташкенте в обычной школе, без особых уклонов. Окончил её в 1985 году. Потом поступил учиться в Политехнический институт на механико-машиностроительный факультет по специальности «Металлорежущие станки и инструменты».

В армию пошел после первого курса - сам постригся наголо и пошел в военкомат. Но, по приказу Министра обороны, прошедшим обучение более одного месяца, полагалось продолжить обучение. По окончании второго курса, в конце июня 1987 года, я был отправлен в Ашхабадскую сержантскую «учебку». Там пробыл четыре с половиной месяца. Мне пришлось приложить усилия, чтобы не остаться в учебной части. Я до армии занимался регби, даже играл в первой лиге. Поэтому меня хотели оставить, но бегать всю службу и учить курсантов не хотелось. Мы написали прошение командиру полка, чтобы нас отправили в «горячую точку». Ответ был таков: «Куда вас Родина направит, там и пройдет служба». Пришлось нарушать устав. В результате попал в первую отправку в ДРА. В этом возрасте нет страха перед неизвестным. Сам же и пошел в армию. Хотя я прекрасно понимал, что могут отправить в Афган. Много было

опасностей, трудностей, боли душевной, но ни о чем не сожалею.

Когда родители узнали о моем решении пойти в армию, отец ничего не сказал. Он семь лет прослужил в десантном полку сверхсрочником. О службе Родине понятие у него мужское.

Мать переживала, как и любая другая. Говорила: «Когда в увольнения ходишь, не уходи далеко от части!» А там и уйти некуда. Пункт постоянной дислокации (ПДД) полка находился в освобожденном кишлаке Руха, а вокруг разгромленные кишлаки, горы и река. Мама была заместителем проректора по хозяйственной части мединститута. Поэтому справку мне легко могли сделать и в армию не отправили бы.

Узнал о войне, когда еще учился в школе. Помню тогда, после уроков гоняли в футбол. Вдруг слышим – вертолеты. Все закричали: «Война, война!» Самолеты, вертолеты летели в течении трех часов. Это был 1979 год.

В Ташкенте был центральный Тузельский военный госпиталь и авиабаза. Сюда привозили раненых, и здесь была офицерская «пересылка». В городе все это знали. Мужчинам, прошедшим армию 10-15 лет назад, приходили повестки. Их отправляли на сборы и на переподготовку. Так формировались массовые гражданские подразделения - «партизаны».

В 1979 году на территории ДРА было мало разведывательных подразделений и спецподразделений. Думаю меньше тысячи, остальные - «партизаны». Поначалу даже блокпостов не было. И только потом уже пошли регулярные части.

Учебная часть находилась в Ашхабаде в районе Киши. Самым важным командиром в «учебке» был сержант. Решить мог многое. До офицера было добраться - как до Министра обороны.

Из Ашхабада ехали на поезде до Маров, оттуда на самолете до Кабула. Естественно, никто нас не комплектовал. Вышли мы - «чижики» в шинелях. А там все уже в «афганках» ходили. Прилетели туда в первых числах ноября. Это был отправной пункт для всех прибывших с разных концов СССР. Туда приезжали так называемые «покупатели» -набирать в роты. Старались выбирать людей без проблем - «с головой» и образованных.

Когда привезли в Кабул, там сразу забрали в десантно-штурмовой батальон (ДШБ). А когда узнали, что мы из Ташкента, отправили обратно. Сказали, что в Ташкенте все анашу курят. Там действительно курили все, кто хотел. По Корану водка запрещена, а курить можно. Вот все и компенсируют отсутствие алкоголя.

Попал я служить в те года, когда появилось понятие не «дедовщина», а «национальная порука». Все кучковались по национальной принадлежности. Азиатов было больше, потому что некоторые республики СССР граничили с ДРА.

В ДРА после карантина попал в 9-ю роту горно-стрелкового полка. Ротный Мамед Зады Оглы был европеизированным азербайджанцем. Он был кандидатом в мастера спорта по боксу. Пришел лейтенантом, ушел капитаном. И это за два года. Жесткий был человек. Вообще, конечно, армия – это мероприятие для мужчин. Всех воспитывал через коллектив. Некоторые были не согласны.

Был у нас офицер Баев, он разочаровался в службе. До армии читал книги о войне, когда пошел служить, понял, что все не так. Многих присылали к нам на исправление, даже из Кабула, независимо от национальности.

Когда «вертушка» начинает резко подниматься при подлете на посадку - уши болят до безумия. Некоторые не могли терпеть, падали на пол и кричали. Когда сели - от вертолета бегом.

К горе подбегаем, а горы там крутые, кричат: «Давайте в гору! Бегом!» Все, конечно, удивились, как в гору бегом? Через четыре дня поняли, как бежать практически по отвесной горе, да еще и с альпийским мешком весом в 30 килограммов. Специфика афганской войны такова, что 70% подразделений служили в горно-стрелковых ротах (ГСР).

В Баграме нам сказали, что мы остаемся здесь: «Завтра в пять утра придут «покупатели», вы не вставайте! Вы наши!»

Но нас все равно забрали и на вертолетах доставили к Ахмадшахской вотчине. Ахмад Шах Масуд был лидером моджахедов, у него были деньги, техника. Пока его брали, полегло два батальона. Рассказывали, что там, в скальнике был построен укрепрайон, отодвигалась гранитная стена, и из крупнокалиберного пулемета били по проезжающим колоннам.

Дорога в ущелье узкая, достаточно одну машину остановить - и вставала вся колонна. Укрепрайон был мощнейший.

Кроме нашего ППД были еще посты на стратегических точках. Везде круглосуточно дежурило по двадцать человек. Они охраняли близлежащие районы. У нас был пост 26А, до него надо было идти 6 километров вверх. У одного солдата разорвалось сердце при подъеме.

Макушка горы часто бывала в тучах. Туда отправляли «залетчиков». Меня однажды тоже отправили на 5 дней. Летом на посту 26А давалась кружка воды на день. Еда доставлялась караваном или вертолетами. На этот пост затащили противотанковый гранатомет (СПГ). У него дальность составляет 4 километра. Соответственно, с этого поста можно было через скальник обстрелять тоннель на Саланге.

Пост 26А постоянно обстреливался. Утром и вечером пули летали так близко, что внутри все переворачивалось. Если пуля калибра 14.7 пролетит в районе 20 сантиметров, то может быть шок, из которого можно и не выйти. Служил я здесь в 9-й роте.

Однажды из-за своей шалости получил контузию. «Летали» как-то без сопровождения на бронетранспортере (БТР) в город и подорвались. Полежали в городе четыре дня. Чтобы пролететь «итальянку» или фугас нужно было ехать 90-100 км/час, а у нас заглох один двигатель, и идти больше 70 км/час мы не могли. Мина взорвалась под последними колесами. БТР «пролетел» еще метров 50. Мы все сидели на броне и при взрыве отлетели в стороны.

Были свои хитрости, чтобы не подорваться. У нас был один армянин, он что-то делал с двигателями, и мы ездили под сотню. А сотню и более мог идти только восьмидесятый БТР. У нас была семидесятка с двумя бензиновыми моторами от ГАЗ-53, которые не могли работать абсолютно синхронно.

Основное противостояние после середины всех действий было с Ахмад Шахом. Он был образованным командиром. До войны проходил курсы в СССР, в Лондоне окончил высшее военное училище. Он свой укрепрайон построил в ущелье Панджшер (в переводе – «пять львов»). В глубине ущелья были лазуритовые копи. Это было его родовое владение.

Афганистан - это сугубо феодальная страна. Люди там очень бедные. Но они совершенно другие. У них смысл и цель жизни другие. Они будут драться, биться и зубами цепляться за многие вещи, на которые обычный человек даже не обратит особого внимания.

Была такая история. Мы стояли на блокпосту между Хайратоном и Салангом, на перевале. Проходили последние колонны с боеприпасами, мы охраняли их. Мимо шел пацан (бача) лет двенадцати, он пас баранов, а в руках у него полная шапка фисташек. Мы его остановили, выменяли фисташки на какую-то подушку. Сидим, кушаем фисташки. Мимо ехала колонна «Уралов». Мальчик ушел уже довольно далеко, идет там с баранами. Одна из машин, особенно тяжелая, ехала с какими-то ящиками. Один из ящиков упал, тут же подбежал мальчишка, схватил ящик и побежал. Водитель заметил это, погнался за ним, но так и не догнал. Потом выяснилось, что в этих ящиках по 30 килограммов гвоздей. Вот так мальчик убежал от взрослого солдата с тяжелейшим ящиком.

Чем богаче бай, тем больше граней было у его дувала. Я разговаривал с баями, мы устанавливали с ними контакты. Помню, они все выпрашивали автомат Калашникова с коротким стволом (АКСУ). Он под одеждой не виден, а длинный ствол торчать будет. Они к нему еще ставят рожок на 45 патронов от ручного пулемета Калашникова (РПК).

Земля в Афганистане вперемешку с мелким щебнем. Копать её практически невозможно. За провинность баи заставляли копать яму в человеческий рост - это на целый день занятие. В дувалах все жилые постройки по периметру представляли собой стены. Когда подразделение несло службу, дислоцируясь в дувале, то в углах дувала выстраивали СПС (специальные постройки) с маленькими амбразурами. И посты ставили. Иногда «духи» нас проверяли. Были случаи, когда они ремнем метали камни в смотровое окно. Если нет ответа, значит, постовой уснул. Тогда «духи» пролезали в районе этого поста на заставу и всех убивали шомполом в ухо. Даже крикнуть никто не успевал. На самом деле много солдат пострадало из-за своей недисциплинированности. В роте у нас погиб один человек.

Однажды, захватывали прилегающие к Баграмскому аэропорту территории. Там было подразделение «духов»,

якобы содействующих советским войскам. На самом деле они вели двойную игру. «Духи» засели в дувале, мы держали их в окружении, чтобы они уйти не смогли. А забор у них был мощнейший - та самая глина с щебенкой. Подкатили танк, дали залпы по стене - стена не рухнула. Только когда подогнали «шилку» - корабельную зенитку, то она просто срезала стену. «Духи», конечно, сбежали, у них, оказывается, тайный подземный ход (кириз) был. Остались только женщины и старики.

Мы часто сопровождали караваны с оружием и часто попадали под обстрелы. Был такой кишлак Гульбахар. Когда мы первый раз сопровождали караван, то попали под сильнейший обстрел с бомбежкой. Пришлось на некоторое время залечь. Командир дал команду зарыться в землю. А чем копать-то? Приходилось касками закапываться. А когда страшно, так и голыми руками все перекопаешь. Там я первый раз понял, что такое взрывы, и что окопаться можно каской.

В карантине, когда отрабатывали тактику ведения боя в горах, была установка - при взрыве падать на тропу или под углом от тропы, далее найти уступ, камень, перебазироваться за него и окопаться. Я спросил у офицера, как такой грунт копать без мотыги. Он ответил, что когда дело до этого дойдет, и когтями зароемся. Были автоматические гранатометы АГС - у них большая основа, малый ствол и круглый барабан. Гранаты находятся в кассете, можно стрелять короткими очередями. Летит далеко, причем, граната в радиусе 7 метров поражает все. А бьет как шахматный конь - буквой «Г».

Однажды для испытаний нам завезли новую минометную установку «Буратино» - специальное оружие, которое одним залпом сносит четыре гектара.

Бывали в засадах. Охраняли блокпосты. Обычно, когда шли караваны «духов» с оружием, героином и т.д., то об этом в полк докладывали наши разведчики, а нас ставили в засаду. Когда караван проходил середину ущелья, отстреливалась люстра (осветительная ракета), такая яркая, что освещалось все вокруг. Люстра весит около 5-10 минут, за это время караван и расстреливали. Потом собирали трофеи.

Один раз пришел наш посредник, которого свои обманули и он решил им отомстить. У нас там жесткий контроль был, но при этом была тропа, которая плохо

просматривалась. Он нам сказал, когда по ней пойдет небольшой караван. Мы провели артобстрел по всей дороге. С утра пошли за трофеями. Оказалось, это был караван с оружием. Всех своих убитых они утащили.

Посредник долго не выходил на связь. Наш переводчик пошел к его дому. Стоял у калитки, обернулся и видит – рядом три «духа» с автоматами. Он схватился за автомат, а рожка нет, они его отстегнули незаметно. Они его забрали. Автомат он не давал, они его по рукам, по груди ножом били, соответственно, весь в ранах был.

Пока он у них в дувале лежал, подцепил кучу всяких болезней. Рассказывал потом, что когда пришел в себя, то увидел японца-врача, который что-то с ним делал. К ним ездили наши парламентеры. «Духи» взамен хотели две заставы, одна из которых была у баграмского аэропорта. Отдали другую, но тоже важную, и заплатили два миллиона афошек.

Разное случалось. Пришло как-то с караула подразделение. Необходимо было разрядить все оружие, чтобы при чистке или просто случайно оно не выстрелило. Все свое оружие разрядили, а офицер наш, Баев, вроде автомат разрядил, а о подствольнике забыл. У него в подствольнике автомата граната осталась, он нажал на курок, граната влетела в стену и отрикошетила прямо ему в лоб, он упал, как после нокаута. Мы его подняли, он потихоньку в себя пришел. Не взорвалась граната. Просто в ней замедлитель стоит, и некоторое время детонатор не срабатывает. Все тогда перепугались.

Кишлак брали три раза. Первый раз наши установили там минные поля. Когда ушли, отдали царандойцам, они поставили свои минные поля. Потом пришли душары, которые поставили свои, а потом опять кишлак взяли наши. Саперы прокладывали определенные дорожки, по которым можно было ходить. Шаг влево, шаг вправо и - все.

Многие погибли, по своей глупости. Это же был фруктовый оазис, буквально на всех деревьях красовались спелые плоды, и всем «чижикам» хотелось сладкого. Сам знаю, как первый месяц безумно хочется каких-нибудь конфет и шоколада. И очень не хватает белого хлеба. Так вот солдат побежал к деревьям, а там растяжка. Американцы обучали

афганцев, как правильно ставить все эти ловушки, учили их ставить двойные-тройные хитрости.

Сам я видел двойные. Например, ставится магнитофон, а под ним пехотная «лягушка». Кто-то подойдет, возьмет, взрыв - и руки нет. А бывает мина МОН, которая управляется на расстоянии. Выглядит она как маленький телевизор на ножках. В ней много-много кубиков с поражающими веществами. Бьет она направленно и очень мощно. Иногда её ставили на мину «лягушку». Сама эта мина очень дорогая, многие пытались их красть. Один офицер сам же объяснял нам все это и полез ее снимать. В результате остался без рук, без ног.

В местах, где шла узкая дорога, обычно в ущельях, ставили пост и блокирующую машину, которая вела наблюдение за несколько часов до передвижения колонны. Если что, она первая вступала в бой. Саперы определяли даже место, где развернуться машине. Если где-то не так развернулся, наехал на мину, то все.

Пачка сигарет. Простая пачка сигарет лишала жизни. Фольгу использовали как один плюс, а кусок от целлофанового пакета отделял его от верхней части - второго контакта. Один контакт защемляли скобкой, другой - шел через фольгу. Наступаешь, скобка продавливает фольгу, замыкается контакт, а там фугас на 20 килограммов тротила. Человек может просто наступить или пнуть. Однажды наш БТР подорвался на 20-килограммовом фугасе, так башня отлетела на 30 метров. Один парень из Свердловска живой остался.

Десантные БМП считали гробами на колесах - люков мало, они закрыты, и всех размазывает внутри. А в БТР люков и бойниц много, и если кумулятивный снаряд влетает, разряд уходит через люки. А если подрыв, то те кто на броне сидели - 90% живы остаются. А БМП может только на скорости варьировать.

Потом пошла дележка территорий местными командирами. Мы договаривались с кем-то из них - вы нас не трогайте, а мы вас. Они знали, что мы уходим, и начали делить свои территории. Некоторые приходили на наши посты и просили посмотреть в бинокли на определенные территории, где могли засесть другие. Естественно, мы их разоружали полностью - от них всего можно было ожидать.

У них тогда уже были портативные японские рации, а мы все еще бегали с огромными чемоданами за спинами. Их финансировал Запад. Минометы у афганцев были английские. У них даже были минометчики на конях. За 24-м постом не один раз видели подразделения с чернокожими бойцами «Черного аиста», которые там тренировались. В том числе проводили разведку, тактические действия. Они не вступали ни с кем в боевые действия. Наш пост все это фиксировал.

В последние дни при выезде, как обычно, договорились выходить без боев. Мы были тогда в районе Джабаля. Рядом находился баграмский аэропорт. При выезде отдали много техники. Чтобы меньше было потерь, остававшееся старались вывозить самолетами. Мы выходили на машинах. Но для того чтобы вышла вся техника, которую должны были выводить, была сделана зачистка районов. Транспорт шел через узкий 3-километровый тоннель Саланг. Кстати, на весь Афганистан всего 2 километра железных дорог.

С наградами постоянно получались неувязки. На награды представлял ротный, в полку рассматривали. Наш ротный уволился в мае, и вместо него был замком роты, которого мы звали «пасечником». С ним я все время конфликтовал, поэтому меня часто вычеркивали из списков на награды. Потом я встретил писаря полка, который сказал, что я всегда отсутствовал в списке. Под конец все были представлены к медали «За боевые заслуги». Эта медаль меня всё же нашла - в 1989 году представили и только в прошлом году вручили.

Домой я вернулся не сразу. Мы должны были выезжать домой в мае. А вышли 13 февраля. Прожили почти месяц под Термезом на полигоне в палатках. Солдаты начали спиваться, началось воровство. Тогда я был разжалован с младшего сержанта до солдата, опять же за хулиганство. Потом дали сержанта, а в последние месяцы предложили старшего и командовать ротой. Мы как раз тогда пришли в кадровый полк. Там было около 2000 человек, а около 1500 было призвано из Азербайджана и других республик. Конфликты возникали очень часто, все всегда ходили по несколько человек. Когда предложили командовать ротой, я сначала отказался, было неохота. Упросил меня замком роты потерпеть месяц, сказал, что будет давать увольнительные, когда захочу.

Потом предложили «дембельский аккорд». В Чебоксарах были хранилища картошки. Нам сказали, что нужно все перебрать - и тогда отправят домой. В Чебоксары ехали 13 дней.

По пути я встретил земляка, того самого, которого однажды украли «духи», у него и тушенка была, и все остальное, чего так не хватало.

Тех, кто остался и не поехал в Чебоксары - через 5 дней уволили. Когда мы приехали в Чебоксары, нас обманули. Мы тогда сильно перевыполнили норму, но отпускать нас и не собирались. Началась буза. Я позвонил матери. У неё в институте работала жена заместителя главы КГБ республики. Ему тут же позвонили.

Командующий при всех дал честное слово офицера и стал увольнять по три человека через каждые два дня. Мне пришлось ждать пока отправят самых слабых.

Был один москвич, который все просился домой, и мы поменяли его с кем-то, и в первую отправку он ехал. Он пообещал, что в Москве его мама нам ванну шампанского организует. И действительно, приехали к нему, а там - полная ванна шампанского. Три дня погуляли и поехали домой. Кстати, когда ехали в Чебоксары, проезжали через Ташкент, но я не стал никому звонить, ни с кем видеться, не хотел расслабляться.

Когда в 1992 году приехал в Москву, пошел в военкомат для оформления всех бумаг. К сожалению, оказалось, что мои документы потерялись. Дело пришло, они все-таки его нашли, когда награду вручали. Военный билет, помню, отдавал заместителю военкома. Но тогда начинались боевые действия в Чечне, и Путин издал указ о приостановлении оформления всех прибывших из других республик. Мне дали обходный лист для прохождения медкомиссии. Но мне не звонили, и я не звонил. В результате билет так и не нашелся.

Сейчас я состою в организации ветеранов Басманного района.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Молодницкий Никита Евгеньевич,*** *студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Смирнов Андрей Борисович

Спуск оказался еще труднее, чем подъем

Родился я 13 марта 1949 года в текстильном городе Приволжске Ивановской области в семье служащих.

Мама, Смирнова (Куликова) Любовь Васильевна, Заслуженный учитель Российской Федерации, завуч средней школы, преподавала русский язык и литературу. Орденоносец. Очень уважаемым была человеком, депутатом районного исполкома. Те, кого она учила, всегда с первого раза сдавали её предмет в высшие учебные заведения. Она этим очень гордилась. В нашем маленьком доме всегда было много её учеников, которые приходили сказать ей «спасибо».

Отец, Смирнов Борис Степанович, с первого и до последнего дня участник Великой Отечественной войны, разведчик-артиллерист. Закончил войну в Берлине в 1945 году. Гражданская специальность – агроном. Председатель колхоза. Очень любил землю. Помню, всегда заботился о своих людях, своя семья была на втором месте, простые крестьяне его очень уважали.

В 1966 году я окончил среднюю школу. Я всегда хотел быть военным.

С десяти лет я начал увлекаться спортом, мог играть в футбол один против пяти-шести своих сверстников и никогда не проигрывал. Был очень вынослив, всегда брал пример с взрослых. Играл в футбол за город, потом за Ивановскую область. Волейбол, баскетбол до сих пор мои любимые виды

спорта. Зимой играл в хоккей с мячом и шайбой за город и область. На лыжных кроссах 3, 5, 10, 15 километров очень часто был первым в городе, области, затем в военном училище, а потом в военной академии. По всем видам спорта имею звания и высшие разряды.

Активно занимаясь спортом, забыл о том, что нужно учиться дальше, получать высшее образование. Два года до поступления в военное училище работал слесарем-ремонтником прядильного и ткацкого оборудования на фабрике. По своей специальности слесаря имел 6-й разряд.

В 1968 году я сдал экзамены в Коломенское артиллерийское училище на десантный факультет. А так как я был хорошим спортсменом, то учеба давалась очень легко, и на трудности армейской жизни не обращал внимания. Хорошо занимался, прыгал с парашютом и ждал того дня, когда получу долгожданные погоны офицера Советской Армии.

В 1971 году я окончил училище, моя мечта осуществилась. Меня как одного из лучших выпускников училища оставляли в нем командиром взвода. Но романтика службы потянула в войска, к солдатам. Я имел право выбора и выбрал 98-ю гвардейскую воздушно-десантную Свирскую Краснознамённую ордена Кутузова II-й степени дивизию.

Начал службу в 1065-м артиллерийском полку в должности командира гаубичного взвода. В этом полку, по ступеньке, не перешагивая ни через одну должность (командир огневого взвода, командир взвода управления, старший офицер батареи, заместитель командира батареи, командир дивизиона), прослужил от лейтенанта до подполковника, от командира взвода до заместителя командира полка.

Переезжал с семьей из Веселого Кута в город Белгород и обратно несколько раз, занимал должность заместителя, а потом и начальника штаба артиллерии 98-й гвардейской ВДД.

2-я батарея, а затем и 1-й дивизион, которыми я командовал, были лучшими в части по боевой и политической подготовке. Боевые артиллерийские стрельбы, учения с десантированием и боевой стрельбой на незнакомой местности всегда выполнялись успешно и всегда без происшествий.

Даже имея в батарее по списку 49 человек, а из них 15 мастеров спорта по различным видам, батарея добивалась хороших и отличных результатов. Не случайно в 1976 году мне

было доверено испытание 122-мм самоходной гаубицы «Гвоздика». И на стрельбе и при выброске из самолета на специальной платформе батарея сумела доказать, что такое орудие (первое, самоходное, весом 12,8 т. умеет не только стрелять, но и десантироваться в месте с расчетом в кабине совместного десантирования).

Такие испытания были проведены, и эта самоходная гаубица вместе с людьми десантировалась в «тыл противника» из военно-транспортного самолета Ил-76.

В 1981 году поступил в Военную артиллерийскую академию им. М.И. Калинина на командный факультет, который окончил в 1984 году. После академии получил распределение опять в 98-ю ВДД на должность командира 1065-го АП. Но в связи с тем, что старого командира полка не успели перевести на другую должность, мне пришлось занять должность заместителя командира полка.

В это время шла война в Афганистане, и все офицеры ВДВ прошли через это горнило жизни и смерти. Есть офицеры, которые были в Афганистане по два, а некоторые и по три раза.

В 1985 году я был назначен старшим офицером РВиА ВДВ в город Москву. Мой друг и сослуживец по артиллерийскому полку Калинин Юрий Алексеевич, с которым мы вместе окончили училище (в одном взводе) и академию (в одной группе), в это время командовал 1179-м артиллерийским полком в Афганистане.

В 1987 году в октябре моего лучшего друга Калинина Юрия Алексеевича не стало, он умер от перенапряжения, от переживаний, у него не выдержало сердце. Мы встретили «груз - 200» во Ржеве, на его родине, и с почестями похоронили. На похоронах своего друга я принял решение принять его полк в Афганистане. И через восемь дней я уже был на Пакистанской границе и принимал участие в известной операции «Магистраль» на высоте 3234 вместе с командиром 345-го ПДП Героем Советского Союза В.А. Востротиным. Там в боевой обстановке, а не в Кабуле, где дислоцировался полк, мне пришлось его принимать и им командовать.

На протяжении полутора лет мне пришлось провести 29 боевых операций и не потерять ни одного своего подчиненного. Так было и в дальнейшем до самого вывода Советских войск из Афганистана. Цель, которую я ставил

перед собой и своими командирами, выполнил, все, кто был со мной, вернулись домой к своим близким, каждая мать, пролившая много горьких слез, дождалась своего сына.

Хотелось отметить высокую дисциплину и организованность личного состава. Последние полгода, с августа по февраль, участились обстрелы пунктов дислокаций 103-й ВДД. Она находилась вблизи аэродрома Кабул, и душманы, препятствуя вылету самолетов, вели обстрел аэродрома с ближайших высот реактивными снарядами американского и китайского производства, дальность отдельных снарядов достигала 14 километров.

На территории полка были выкопаны перекрытые блиндажи вблизи модулей, и из них велось управление.

Прием пищи осуществлялся повзводно в течение десяти, максимум 15 минут, и так весь полк. Каждый день мной проводилась тренировка с личным составом по действиям при обстреле городка. Личный состав из окон и дверей покидал модуль в считанные секунды и успевал укрыться в блиндаже под землей. Артиллеристы знают, что если снаряд свистит, значит, он пролетел, и уже не опасно. Но звук выстрела порой обманчив. Несколько реактивных снарядов попали в здание клуба части, столовой и парка. К счастью, вернее, благодаря ежедневным тренировкам и жестокому контролю за действиями личного состава, удалось обойтись без жертв. Кто это испытал, тот понимает, для чего нужна железная командирская воля.

Наверное, это было самое серьезное испытание за всю войну. Представьте на маленьком пятачке 800 человек, пусть даже вооруженных людей. Если нет дисциплины, то это - мясо (другого слова подобрать не могу).

И с этой задачей справились, научились слушать и чувствовать - куда летит снаряд, здесь ошибаться нельзя.

Но близился конец войны, части 40-й общевойсковой армии летом и осенью 1988 года начали покидать Афганистан. Одна большая колонна 103-й ВДД вышла домой летом. Часть дивизии была эвакуирована самолетами.

Мне выпала доля выводить свой полк и остатки 103-й ВДД своим ходом, через перевал Саланг в феврале 1989 года. Перевал этот - узкая дорога, только в одном направлении. Даже летом она скользкая, камни отшлифованы гусеницами и

колесами как наждачной бумагой. Февраль, на перевале зима, метет метель, дороги не видно. Заметает все сплошь. Справа горы, слева пропасть. В колонне более 500 единиц техники и полторы тысячи личного состава.

Всю дорогу на перевале я шел пешком впереди колонны, скорость 2-3 км/час, в пяти метрах сзади меня ехала машина управления, а за ней вся колонна. На отвесных склонах гор нависали многотонные глыбы снега, в любой момент готовые свалиться сверху и снести все на своем пути. Так это и случилось в последующем.

Весь личный состав был предупрежден об опасности схода лавин, офицеры также шли пешком, в машинах оставались только механики-водители и водители колесных машин. На перевал Саланг мы поднимались целые сутки, не смыкая глаз. До туннеля, пробитого в скалах, оставалось 200 метров, и в это время, впереди меня, с грохотом и шумом с высоты примерно метров 500-700 сошла лавина.

Передо мной возникла стена из спрессованного снега высотой 3 метра и длиной 30-40 метров. Я был в ужасе, кто-то говорил раньше, что это смертельная опасность, от которой уйти невозможно. Теперь это испытал я сам и представил, что могло произойти, если бы лавина сошла сзади меня. По радиосвязи я дал команду спешиться всем и покинуть технику, выйти с лопатами и ломами в голову колонны и освобождать путь.

Стоять нельзя, с этого момента нужно срочно уходить. Мы вручную откопали завал только через 6 часов. В это время в хвосте колонны, которую замыкала ремонтная рота 357-го полка, сошла вторая лавина и снесла в пропасть три автомобиля «Урал-4320», нагруженных вещами офицеров и солдат. Погибли три водителя, которые не выполнили приказ спешиться и выйти из машин. Мы их достали из пропасти уже задохнувшимися. Когда мы освободили путь и начали движение к тоннелю, оказалось, что 40-тонный танк и БТР-70, находившихся на охране тоннеля тоже снесло в пропасть, но без личного состава.

Тогда я понял, что все-таки есть тот, кто видит, хранит и ведёт по жизни – наверное, это Бог. Я впервые в жизни убедился в том, что от страшной природной стихии спастись невозможно, это действительно страшно, ты перед ней

беспомощен. И есть только судьба, она действительно у каждого своя.

Нам в этот раз повезло, мы снова остались живы. Мы вошли в тоннель, темный, холодный, как бездна, когда впереди ничего не видно, и ты не знаешь, когда это кончится. Ширина его всего 5-6 метров и длина более 2 километров.

Преодолев перевал Саланг мы начали спуск в сторону советской границы в Пули-Хумри. Спуск оказался еще труднее чем подъем, сплошной лед, даже гусеницы тяжелой техники становятся опаснее колес автомобиля.

Спускаясь по перевалу, мы встретили колонну «Уралов», которые везли в Афганистан боеприпасы. Разъехаться невозможно. В этой колонне старшим был сержант, больной прапорщик остался в госпитале Пули-Хумри, и команда о том, что война закончилась до этих людей не дошла. Они выполняли последний приказ - доставить боеприпасы в Кабул. Десять машин пришлось сбросить в пропасть, забрать этих людей и продолжать спуск. Эти боеприпасы уже никому не нужны.

Мы вышли на советскую границу, после напряженной, трудной дороги, ныли ноги и руки, чувствовалась усталость, и в тоже время появилось спокойствие, потому что все уже позади. Но, как оказалось, не тут-то было. Государственный режим Горбачева уже был неуправляем, и сложилось предчувствие, что люди пережившие войну и лишения, никому не нужны.

Из Термеза полк самолетами перебросили в Витебск. Накануне вывода войск партийно-правительственная делегация Белоруссии побывала в полку в Кабуле, интересовалась жизнью полка в боевой обстановке. Это было в конце лета 1988 года.

Полк вернулся на место, откуда уходил десять лет назад в 1979 году. Пришлось самим обустраиваться снова. Один дивизион и спецподразделение были обустроены хуже, чем в Афганистане. В парашютном комплексе не было умывальников и туалетов, не у всех были кровати. Я, командир полка и офицеры управления первые три месяца жили в спортзале на матрацах.

В короткие сроки получили недостающую технику, средства десантирования, обучили личный состав швартовке и

прыжкам с парашютом. Всего за 6 месяцев успели привести полк в полную боевую готовность и сразу же подверглись серьезной проверке с выводом всей техники, покиданием городка, выходом в районы ожидания и швартовкой 64 объектов боевой техники днем и ночью.

И надо отдать должное всему личному составу полка, который в трудных условиях справился с этой задачей. Не каждый командир полка за свое командование (примерно 3-4 года) испытывал свой полк на его прямое предназначение - быть готовым к десантированию вместе с техникой в тыл противника и блокировать его действия. Мне повезло, я испытал чувство гордости за свой личный состав, и получил благодарность от вышестоящего командования.

Ведь это самое главное для чего предназначен воздушный десант. Это основная цель, которой добивался Командующий ВДВ генерал-армии Василий Филиппович Марчелов, - мобильность, маневренность и дерзкие решительные действия в тылу противника. Сначала сковать, а потом уничтожить.

В ноябре 1989 года меня снова назначили старшим офицером аппарата РВиА ВДВ, я понимал, что за это время приобрел огромный опыт, а также уверенность в принятии самостоятельных решений.

В конце 1990 года и начале 1991 года стало ясно, что в нашей Великой Советской державе не все, говоря народным языком, нормально.

В июне 1992 года меня и еще ряд офицеров штаба ВДВ вызывали к командующему ВДВ и поставили задачу: прибыть рано утром на следующий день для выполнения задания. Старшим группы был назначен генерал-майор Лебедь А.И. Форма одежды – полевая, для работы в полевых условиях. Мы выехали на аэродром Чкаловский, где стоял загруженный боеприпасами, медикаментами самолет Ил-76 с красным крестом на фюзеляже. На борту, кроме офицеров ВДВ, находился спецназ ВДВ и врачи госпиталя имени Бурденко.

После взлета генерал Лебедь А.И. вызвал нас и сказал, что мы летим в Тирасполь. Он сказал, что там большая «заваруха».

На аэродром в Тирасполе мы приземлились с горящими колесами, так, как приземляются самолеты в Афганистане,

чтобы их не сбили. Везде слышны звуки выстрелов и чувствуется суета и напряжение аэродромных служб. Здесь мы узнали, что руководство Молдавии в лице Снегура и Косташа, начало уничтожать мирных жителей в Бендерах и Тирасполе. Счет погибших шел уже на сотни. Средства массовой информации, радио, телевидение – молчат, а здесь идет уничтожение мирных людей. Такого не было даже в Афганистане. Мы вникли в обстановку, нам помогли местные журналисты, показали видео и рассказали, что делают бандитские формирования Молдавии.

Когда мы выезжали в Бендеры на Днестр, видели, как готовят наступление бандиты. Их задачей было - овладеть промышленно-развитыми городами Бендеры и Тирасполь. В Тирасполе оставалась 58-я общевойсковая армия кадрового состава. Офицеры, которые служили в ней, говорили нам, что командующий 14-й ОА Неткачев заставляет снимать с боевой техники средства связи, пульты управления, аккумуляторы, тем самым приводить её в небоевое состояние. Оружие офицерам и другим военнослужащим он выдавать запретил, а кругом идет война. С оружием оказались только мы, офицеры из штаба ВДВ, у каждого из нас был пистолет и автомат.

Проведя рекогносцировку на всем протяжении фронта, мы доложили генералу Лебедю А.И. о том, что нужно принять меры по упреждению нападения бандитов и нанести по ним артиллерийский налет.

Лебедь А.И. сказал, что, если мы это сделаем, то все будем сидеть в Лефортово. Мы с ним не согласились и начали готовить артиллерийские системы. Это дивизион 152-мм гаубиц, 2С3М, дивизион 22-мм гаубиц «Гвоздика» и дивизион РСЗО «Ураган». Офицеры боевой подготовки готовили танковые батальоны.

На совещании, которое проводил Лебедь А.И., был отстранен от должности командующий 14-й ОА Неткачев за трусость и попустительство, поскольку он не принял своевременных мер по урегулированию конфликта и способствовал наращиванию усилий бандформирований Молдовы.

Не с первой попытки, но все же мы убедили генерала Лебедя А.И. готовить технику и людей к наступлению. В Бендерах и Тирасполе была проведена частичная мобилизация

жителей, ранее служивших в Советской Армии. Одновременно, проводя разведку противника и готовя дивизионы к упреждающему удару, я просил Лебедя А.И. и Смирнова, моего однофамильца, вывезти из района боеприпасы – подальше от района боевых действий. В течение трех суток несколькими эшелонами они были вывезены в безопасное место. Мы были готовы нанести упреждающий удар артиллерией и просили генерала Лебедя А.И. утвердить наш план. Спецназом ВДВ было разведано и установлено около 15 целей бандформирований.

Утверждая план нанесения упреждающего удара, генерал Лебедь просил только «попугать по двум целям». Но чтобы остановить конфликт, этого было недостаточно. Я предложил, пользуясь случаем, открыть огонь по всем целям.

Мой сослуживец Медведев В.С. и исполняющий обязанности начальника артиллерии 14-й ОА Чернобривый В.Н. меня поддержали. И мы одним огневым налетом с 3-х до 4-х утра 28 июня нанесли сокрушающий удар, и тем самым остановили кровопролитие. А что происходит сейчас всем известно, а это было, напомню, в июне 1997 года.

Но и это еще не все, оказывается, все еще было впереди. Начала литься кровь абхазов, южных и северных осетин, ингушей, конфликт в Нагорном Карабахе и, наконец, в Чеченской Республике.

Россией управляли случайные прозападные «инвесторы», которые приносили кровь, страдания и унижение целым народам. Уничтожение людей встало на поток и, оглядываясь сегодня назад, становится жутко и мерзко, что в мирное, цивилизованное время огромная, сильная Россия не сумела остановить геноцид своего народа. Это значит, что кому-то это очень было нужно. Теперь мы знаем, для кого и кто это делал с молчаливого и пьяного согласия, прикрываясь ложной борьбой за «демократию», уничтожая молодых солдат и офицеров, бросая их бездумно в пекло гражданской войны, развязывая все новые и новые конфликты.

В эти же дни 104-й парашютно-десантный полк 76-го ВДД, высадившись на аэродроме Владикавказа, совершил марш и вошел в город Цхинвали. Здесь тоже не обошлось без жертв.

В августе 1992 года резко обострилась обстановка в Абхазии. События там показали, что Грузия не может обойтись без насилия и кровопролития.

Вступление грузинских бандформирований сопровождалось обстрелами российских военных объектов, санаториев, домов отдыха, грабежом отдыхающих граждан России и СНГ. Возникла большая угроза захвата и разрушения российских объектов, вооружения и боеприпасов.

В Гудауту был переброшен 345-й ПДП, в Сухуми - 901-й отдельный парашютно-десантный батальон, который в последующем был блокирован грузинскими формированиями. И там были жертвы среди офицеров и их семей. Мне довелось быть участником этого конфликта. В это время у народа Абхазии не было никакого вооружения, защищаться им было нечем. Мы приступили к обучению мирного населения, тех, кто хочет и может держать оружие.

В боевой обстановке проводили тактические занятия и учения на реальной местности. Обучали артиллеристов Абхазии трудной науке - точно поражать цели.

Находясь на наблюдательном пункте вместе с разведчиками Абхазии в 1-1,5 километрах от противника, корректируя огонь артиллерии, уничтожали огневые точки грузинских формирований, топили баржи с вооружением и боевой техникой, шедшие морем из Грузии. Тем самым вызывали огонь грузинской артиллерии и на себя. Находясь на наблюдательном пункте каждый день, поражая цели противника, невольно возникала ситуация артиллерийской дуэли.

Наши позиции хорошо были привязаны и пристрелены грузинами и поэтому их снаряды рвались в непосредственной близости от нас. Как говорят - голову поднять невозможно. Один снаряд прилетел и не разорвался в 4-х метрах от моего наблюдательного пункта. Когда мы его достали - он был без взрывателя, как говорят артиллеристы - не в окснар-виде (окончательно снаряженном виде). Это везение или судьба. Сколько раз уже кто-то отводит большую беду.

В этой дуэли, как позже выяснилось, с грузинской стороны участвовал полковник Кварая Валериан Лаврентьевич, который учился со мной вместе в одной группе артиллерийской академии в Ленинграде. Вот какая

непридуманная бывает история. Я был в период этой войны там дважды, в группировке первого заместителя командующего ВДВ генерал-полковника Чиндарова Александра Алексеевича, который своей активной позицией добивался остановки кровавого конфликта и возвращения российской собственности.

Только его твердые и жестокие действия способствовали сдерживанию и обузданию грузинских формирований. И они, за голову генерала Чиндарова А.А., назначали вознаграждение.

Был и еще один генерал, который в перерыве, когда уезжал генерал-полковник Чиндаров А.А. на короткий отдых, устраивал «бархатный сезон», прекращал ведение боевых действий. Мы его не уважали, это в понимании офицера, или отбыть номер или элементарная трусость.

У меня тоже был перерыв, уехал из Абхазии в конце октября - начале ноября 1992 года. Оказался в Северной Осетии в Осетино-ингушском конфликте, когда ингушские боевые формирования начали блокировать и разоружать посты ГАИ, военные городки, солдат внутренних войск и милицию. Они даже пытались осуществить попытки разоружения частей российской армии, даже стали применять бронетехнику и артиллерию.

Я тогда находился в селе Первомайское в Ингушетии с целью не допустить вооруженного конфликта. Понимал, что в любую минуту могут быть неприятности. Но 1 или 2 ноября 1992 года высадился наш 234-й ПДП 76-й ВДД и с боем, в районе населенного пункта Чермен, заставил обе стороны остановиться, а затем их разоружил.

В этом конфликте тоже погибли десантники. В Нагорном Карабахе тоже были убитые и раненые. Конфликт в Баку, в Ошской области Киргизии, и, наконец, в Чеченской Республике.

И везде, где я перечислил, гибла элита – офицеры и солдаты Воздушно-десантных войск, самые подготовленные, самые смелые и решительные люди. Только они, ценой собственной жизни, смогли остановить гибель, наверно, миллионов жителей бывшего СНГ.

Закончил я службу в 1999 году в должности Председателя научно-технического комитета Воздушно-десантных войск.

Мои предшественники, генерал-майор Островерхов Борис Михайлович и Бражников Юрий Акимович, за разработку и принятие на вооружение уникальных машин десанта БМД-3 и БМД-4 удостоены высокого звания лауреатов Государственной премии СССР.

Мне же, в трудные 1995-1999 годы, когда разработка нового вооружения для ВДВ практически прекратилась, офицеры не получали денежного довольствия в течение полугода, все-таки довелось добиться и закончить испытания «Ноны-С» (Сверестелка, 120-мм артиллерийское самоходное орудие), а также завершить испытания еще более уникального противотанкового орудия 2С25 «Спрут», который наконец-то принят на вооружение и уже поступил в ВДВ.

Декабрь 2011 года

Стародубцев Владимир Дмитриевич

Вылетел в образовавшуюся в машине пробоину

Я родился 20 октября 1957 года в небольшой деревне в Воронежской области в семье рабочих. Окончил восьмилетнюю школу, после чего поступил в Белгородское профессиональное техническое училище. Хотел стать слесарем-ремонтником промышленного оборудования. Но в ПТУ пробыл недолго. Во-первых, экстерном сдал все положенные экзамены, намного раньше однокашников, а во-вторых, загорелся идеей продолжить учебу в военном училище, но с техническим уклоном. В то время об этом мечтали многие мои сверстники. Я сделал выбор в пользу Ташкентского высшего танкового командного училища имени П.С. Рыбалко (ТВТКУ).

В 1979 году, после окончания ТВТКУ, продолжил службу в Сибирском военном округе на должности командира взвода в 783-м отдельном разведывательном батальоне. В январе 1980 года отправился в город Термез, где проходил оперативный курс подготовки. Получил предписание: прибыть в распоряжение командира 781-го разведывательного батальона, дислоцировавшегося в 30-ти километрах от Кабула.

Тогда мы еще не знали, что творилось в Афганистане. Естественно, все воспринималось с оптимизмом, с верой, что «дело наше правое», поэтому, когда нам, молодым офицерам, предложили командировку в Афганистан, над рапортами долго

не раздумывали. Кто тогда знал, что там идет, набирая обороты, настоящая, жуткая война без каких-либо определенных правил.

Мы тогда все по-другому относились и к службе, и к долгу перед Родиной, да и некогда было там, среди боевых действий, думать о политической и моральной стороне происходящего. Когда ты находишься в эпицентре, думаешь в первую очередь только о том, как выполнить приказ, да как помочь товарищу.

Начинал я помощником начальника штаба батальона, но непосредственно штабной работы почти не вкусил: наравне с другими офицерами участвовал в выполнении боевых задач. Не хватало людей, тем более, что задачи были непростые, специфические.

Основной и самой сложной задачей была организация засад в местах передвижения и скопления душманов. Кроме этого, конечно, и автоколонны сопровождали, и атаки отражали, но это все же было второстепенным. К тому же, приходилось действовать ночью группами по 15-20 человек, чтобы использовать фактор внезапности. Работали ночью, а днем отдыхали.

Впрочем, и днем не до отдыха было – батальон постоянно менял место дислокации, поэтому приходилось быстро обустраиваться. К примеру, осели мы в местечке с лирическим московским названием «Теплый стан» (район Баграма), рядом со штабом дивизии, с саперами, ремонтниками и танкистами. Сразу разбили полевой лагерь, расставили палатки, модули для командного состава поставили. В общем, не скучно было.

Основной груз штабной работы я испытал на себе, когда внезапно заболел начальник штаба капитан Кривенко – тогда пришлось напряженно работать, брать на себя огромную ответственность.

В памяти осталось много боевых операций, сложно выделить что-то одно. Но самой памятной, наверное, стала та, в которой нашему отряду удалось уничтожить большое число «духов».

Группа, которой я руководил, ночью блокировала одно селение. Я расставил бойцов по позициям и стал выжидать. Вскоре прибыл командир роты, который предложил проверить готовность подчиненных к бою. Неожиданно обнаружили

большую группу бандитов, кравшихся по узкой улочке в темноте. К несчастью, они тоже нас заметили – открыли огонь. Силы были неравны - командир роты, я и солдат-связист отражали натиск 20-25 душманов. Пытались вызвать помощь по рации. Примерно через полчаса боя внезапно все стихло. Мы не могли понять, что к чему. Решили осторожно продвинуться вперед и обследовать местность. К своему огромному удивлению, впереди была только большая куча веток, из-под которой слышался непонятный хрип. Оказалось, там были сложены тела убитых «духов». Мы насчитали 18 трупов, один бандит оказался живым – он-то и хрипел. Наши потери в той операции – пробитая радиостанция.

Конечно, мы понимали, что выполняем далеко не простую миссию. Но страха смерти не было. Там у тебя выбор не особо велик - либо ты боишься, либо воюешь. Были случаи, когда ребята срывались. И очень все хотели домой. Мы старались, как могли, поддерживать друг друга, не давать раскиснуть. Нам очень повезло с командным составом, который смог создать в части по-настоящему здоровую товарищескую атмосферу. Тогда старослужащие по собственной инициативе брали шефство над новичками и не уезжали из Афганистана, пока не убеждались, что их сменщики в полной мере освоили боевое мастерство. Ведь, если ты вовремя не научился чему-то, сразу увеличивается шанс погибнуть. Особенно это касается ночных вылазок – там нужна была особенная подготовка. И мы все это понимали, поэтому так тщательно готовились сами и помогали сослуживцам. Отрабатывали задания в заброшенных кишлаках, скрупулезно, до мелочей, старались учесть каждую деталь. Очень помогали военнослужащие из Таджикистана и Узбекистана – многие из них знали язык и национальные особенности афганцев.

Взаимоотношения в подразделении были действительно очень теплыми, и это касалось не только рядовых служащих. Офицеры и рядовые вели себя на равных, практически не было конфликтов из-за различий в званиях. Почему так получилось? Ну, во-первых, обстановка была критической, во-вторых, отношения строились с учетом строжайшей дисциплины. И все понимали, что иначе – никак, и что человек, который сейчас находится рядом с тобой, независимо от его звания, подвергается такой же опасности.

Тяжелее всего в Афганистане было переносить смерть боевых товарищей. Так, с большим трудом я перенес гибель рядового Олега Мурана, рижанина. В одной из операций в результате длительного боя боеприпасы почти кончились. Дошло даже до рукопашной. Олегу было поручено прикрывать отход, «духи» нас теснили. И тут – неожиданный выстрел в спину.

Наиболее яростные и ожесточенные бои пришлись на 1981 год. Наше командование стало проводить более масштабные операции с использованием огневых средств как на земле, так и с воздуха, душманы тоже активизировались. Никогда не забуду операцию, проходившую 24 июля. Тогда буквально в одно мгновение я потерял 11 боевых товарищей, которые летели со мной в боевом вертолете, наносившим удары по крепости, в которой засела большая группа бандитов.

Все случилось, когда наш вертолет уже удачно отбомбился и уступал место для огневой атаки другой «вертушке». Вдруг – страшный взрыв. Управлять машиной было невозможно, вертолет стал стремительно падать. В какой-то момент я почувствовал сильный удар в спину и вылетел в образовавшуюся в машине пробоину. Только потом понял, что именно этот удар спас меня от верной смерти – все остальные, кто был в вертолете, погибли под обломками. Упал я на густой кустарник, который смягчил мое падение, и я скатился в ручей. Потом – потерял сознание.

Очень долго после этого лежал в госпитале, пока меня «ремонтировали». Страшнее всего было потерять зрение. Когда очнулся, понял, что ничего не вижу, такой тяжелой оказалась рана. Но врач заставил поверить в лучший исход. Впоследствии с этим врачом мы неоднократно встречались.

После ранения и реабилитации я вернулся в Афганистан. Конечно, семья переживала, и мать, и жена. Родные уговаривали оставить армию, уволиться в запас. Тогда, вначале 80-х, «груз-200» пошел сплошным потоком. Но я дорожил честью офицера и понимал, что должен вернуться к боевым товарищам. Вернулся, и служил до 1982 года, участвуя во всех операциях. И только по традиции подготовив сменщика, понял, что могу вернуться в Союз.

Дальнейшую службу проходил уже в Тирасполе, в должности помощника начальника разведки дивизии.

За весь период службы был награжден орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и многими медалями.

Уже потом поступил в Военную бронетанковую академию имени Р.Я. Малиновского, сначала слушателем, а затем преподавателем кафедры «Управление войсками и службы штабов».

Уволился в запас я в 2002 году в звании полковника. Теперь являюсь заместителем управляющего делами Московского городского отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое Братство».

Сейчас мы активно работаем с ветеранами и их семьями, стараясь оказывать посильную помощь тем, кто прошел через войну, и тем, кто потерял в ней своих близких.

Октябрь 2011 года

Стародымов Николай Александрович

Будет приказ, так и поеду

Я родился 24 февраля 1956 года в Москве в семье офицера. В вооруженных силах отслужил более 27 календарных лет и являюсь участником четырех войн. За службу в Афганистане я награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III-й степени.

В 1973 году окончил школу в Житомире. В 1978 году окончил Донецкое высшее военно-политическое училище, в котором готовили офицеров для инженерно-сапёрных войск.

Сейчас я подполковник запаса и занимаю следующие должности в общественных организациях: член Союза журналистов, член Союза писателей, член-корреспондент Международной академии духовного единства народов мира. Также я автор 17-ти опубликованных книг. Еще три книги ждут своего издателя.

Офицерскую службу начинал в строительных войсках – строил санаторий «Русь», в котором сейчас размещается центр восстановительной терапии для воинов-интернационалистов имени М.А. Лиходея. Служба в строительных войсках мне, как потомственному офицеру, казалась не отвечающей моему призванию, а потому я добивался перевода в реально действующие воинские части. В связи с началом боевых действий в Афганистане начался массовый перевод офицеров из строительных частей в части боевые. В их числе оказался и я.

Летом 1985 года во время распределения офицеров на должности меня вызвал в кабинет начальник политотдела дивизии полковник Петраковский Василий Иосифович.

Так вот, Василий Иосифович протянул мне телефонную трубку. Звонок был из Ташкента, из отдела кадров Политуправления округа. Говорил полковник Курицын. Он спросил у меня, хочу ли я ехать в Афганистан.

- Нет, не хочу, – ответил я.

- Вы отказываетесь выполнять интернациональный долг? –удивился собеседник.

- Я не отказываюсь, – ответил я. – Вы спросили, хочу ли я. Я ответил, что не хочу. Но я офицер – будет приказ, так и поеду. По приказу, а не добровольно.

С тех пор я много раз бывал в командировках на территории военных действий. Ни разу в них не напрашивался, и ни разу не отказывался.

Надо сказать, что в Афганистане я вёл дневник. Многие вели дневники, хотя это официально было запрещено. Знаю даже офицера, у которого были неприятности за попытку провезти свои записи в СССР («в Союз», - мы говорили). Однако я записывал много чего.

Короче говоря, осенью 1985 года я попал в Афганистан и стал ответственным секретарём газеты «Гвардеец» 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, которая располагалась в городке Шинданд на западе страны. А в октябре того же года уже принимал участие в своей первой боевой операции.

Редактором газеты был Виктор Дахно, с которым мы познакомились за полгода до этого в Ташкенте при несколько забавных обстоятельствах, о чём Виктор не вспомнил, или же предпочёл не вспоминать. Дело было так.

В мае 1985 года я был в командировке в Ташкенте, и в один из вечеров меня пригласил к себе в гости журналист Александр Плотников. В военной печати он был человеком «от сохи», поэтому мы тянулись друг к другу, хотя большими друзьями никогда не были. Александр проживал в частном домике с просторным двором под густой кровлей виноградника. У него собралась довольно многочисленная компания, которая приехала уже в некотором подпитии. А причина была банальна – провожали в Афган офицера, прилетевшего из Минска. Это и был Виктор Дахно.

Невысокого росточка, круглолицый и черноглазый, весёлый и шустрый, он понравился всем. Гулянка затянулась допоздна, постепенно все отправились спать – в частном домике эта проблема решается проще, чем в городской квартире.

Однако проблема была в том, что «борта» на Афган летели рано утром, и нужно было поспеть к проверке. Опасаясь, как бы наш виновник банкета не проспал, я так и просидел с хозяйкой остаток ночи, чаёвничая и беседуя. Когда подошло время, отправился будить Виктора. Не скрою, предполагал, что его придётся будить долго и упорно. Однако он оказался истинно военным человеком – несмотря на количество выпитого, поднялся легко и с улыбкой, будто проспал безмятежно положенные природой восемь часов. Хлопнув чарку и запив крепким кофе, отправился на «пересылку».

Короче говоря, понравился он мне. И когда нас судьба свела снова, я обрадовался. Вполне естественно, в течение полутора лет совместной службы всякое у нас с Михалычем бывало, и ругались мы с ним – в основном по причине его взрывного, а порой и просто вздорного характера. Но в целом я на него зла не держу и вспоминаю только добром. Сейчас он проживает в Минске, в моём самом любимом городе.

Корреспондентом у нас был хороший журналист и поэт Александр Ельцов. Начальником типографии – прапорщик из Азербайджана Мариф Кулиев. Повторю сказанное выше: несмотря на возникавшие (вполне понятные, даже неизбежные) трения, в целом жили мы нормально, без серьёзных конфликтов.

Первое впечатление от Афганистана – горы. Во все стороны до горизонта только горы. Где темные, где светлее, где красноватые. Лишь кое-где в долинах видны темные ленточки зелени. Пролетали одну широкую долину, там видны поля, но только жмутся они к горам, где из выходов из ущелий, наверное, текут ручьи или речушки.

Прилетели мы в Кабул. На выходе из самолета у нас забрали загранпаспорта и повезли на пересылку. Думал я, что нас, если не ждут с распростертыми объятиями, то, по крайней мере, мы тут кому-то нужны. Ничего подобного! Надо в политотдел на собеседование? Завтра будет автобус – поедешь. И так – во всём! Питание, мягко сказать, не очень.

На следующий день с утра пошел к комендатуре, откуда должен был идти автобус в штаб армии. Но автобуса не было. Потом выяснилось, что он был, но только тут же развернулся и уехал, не стал брать пассажиров. До штаба надо было добираться самостоятельно. Не зная чужого города, поймал я какой-то УАЗ-452 (его называли «таблетка» или «буханка»). И поехали.

Признаться, я думал, что появление на улице Кабула нашей машины вызовет хоть какую-то реакцию – положительную или отрицательную. Не тут-то было! На советские машины никто никакого внимания не обращал. При выезде из аэропорта стояла огромная толпа афганцев. Оказалось, что был какой-то мусульманский праздник. В этот день по вере мусульманам полагается совершать жертвоприношение. Наших предупреждали, чтобы в город не ходили, чтобы не стать такой жертвой. Я эту байку столько раз слышал! Уж не знаю, это специально такие слухи распространяли, чтобы мы поостереглись, или же на вновь прибывших страху нагоняли.

Мы проехали через весь город с севера на юг. Дорога сначала была прямая. По обеим сторонам дороги за дувалами располагались маленькие азиатские домики, огородики. В общем, я подумал, что всё, что мне рассказывали о Кабуле, как о грязном азиатском городке, правда. Но поближе к центру город стал больше походить на город. Правда, высотных домов нет, только 1-2-этажные. Потом справа появился большой квартал 4-5-этажных домов. Потом выяснилось, что здесь живут наши гражданские специалисты. Всюду дуканы – мелкие лавчонки с товаром, выложенным на прилавки прямо на улицах. Женщины одеты по-разному: от джинсов до паранджи. Преобладают голубой, синий цвета. Мужчины тоже одеты по-разному, но преобладает национальный костюм. Показали мне семью – впереди мужчина, за ним четыре жены в паранджах.

В городе чувствуется напряженность. Всюду патрули. Афганские, иногда наши. У правительственных зданий – БТРы.

Когда я вернулся на аэродром, на «пересылку» не пошел, пошел к десантникам, в редакцию дивизионной газеты «Гвардейская доблесть». С её редактором Валерой Пинчуком я был знаком раньше. Но оказалось, что он в отпуске. За него

был Витя Чубаков, и был корреспондент Коля Зайцевский. Встретили меня отлично. Первый раз я нормально поел. Десантников кормят хорошо: и печенье, и молочный суп на завтрак. После ужина была баня. Я в такой еще ни разу не мылся. Парилка, бассейн с прохладной водой, комната отдыха. Это было только первое впечатление. Позднее, мотаясь по Афгану, я насмотрелся разных бань и получше. Там вроде как негласное соревнование было у военных – у кого лучше баня. Со временем мы у себя в редакции газеты «Гвардеец» в Шинданде сделали куда лучше!

На «пересылке» информация об отлете «бортов» напрочь отсутствует. Никто ничего не знает. Почти сутки я просидел, не зная чем заняться. Вдруг входит солдат и говорит, что на Шинданд идет «борт». Впрочем, самолет пришлось еще часа два ждать. Но, действительно, взлетели. В самолете был также ЗИЛ-130. Сидеть не на чем. Примостился на каком-то выступе, надо мной нависла громада машины. Удерживают её тоненькие тросики. Неприятно. Кто-то пытается смотреть в иллюминатор, а все иллюминаторы грязные – ничего не видно. На высоте воздуха явно не хватает. Вдоль бортов протянулись тонкие трубочки с краниками, а на них, на длинных шлангах, висят кислородные маски. Если самолет поднимается еще выше, все, находящиеся в салоне, по очереди дышат воздухом из этих кислородных масок.

В Шинданде меня встретили на машине. Тяжелый чемодан с типографскими клише еле закинул в машину. Портфель с пивом аккуратно поставил.

Когда я был еще в Ташкенте, то спросил у опытных «афганцев», что лучше с собой туда брать, чтобы угостить будущих сослуживцев. Мне ответили, что кормят «за речкой» нормально – пусть не всегда вкусно, но и от голода там никто не пухнет. Спиртное при желании достать не проблема. Горбачевские антиалкогольные новации тогда еще не воспринимались всерьез. Потому посоветовали везти то, чего в Афгане нет - пиво и что-нибудь острое, из серии корейской кухни. Это я и тащил.

В Союзе о той войне знали не так много. Только по слухам. Что там война, знали все. А вот размах не представляли – пропаганда советская работала нормально. Война там была самая настоящая.

Единственный выживший

В Герате во время июньской операции был случай, который меня буквально потряс. Тогда, по слухам, погибло 56 человек.

Ехал БТР. Командир приказал: «Беречь людей! Всех в броню!» В результате экипажи двух БТРов погибли полностью. Сначала из гранатомета был подбит один БТР. К нему спасать людей пошел другой. Ему снарядом сначала оторвало колесо. Однако он ехал дальше. Потом снаряд ударил в башню, и наводчик был убит. БТР вскоре остановился. Через десантные люки выбрались всего трое. Отбивались, сколько могли. Потом попрощались и по очереди застрелились. Сначала сержант. Потом солдат. Потом еще один. Этот последний, выстрелил в себя из пулемета. Четыре пули прошли над сердцем. «Духи» сочли его погибшим и бросили. А когда пришли наши, то он оказался жив. От него и узнали подробности.

Налет на «своих»

Однажды случилась история просто анекдотичная. Как-то на наше подразделение был совершен налет нашей авиации. А каждому подразделению на период боевых действий придавались авианаводчик и артнаводчик, как раз для корректировки взаимодействия родов войск. И этот авианаводчик умудрился навести свою авиацию на себя же. Когда самолеты начали боевой заход, мотострелки привычно попрятались среди камней. А корректировщик торчал на скале и что-то кричал в микрофон. А когда самолеты ударили ракетами, он попытался забиться в щель, где уже было полно людей. Он оказался единственным раненым – ему осколок попал в место, о котором говорят: ни самому посмотреть, ни другим показать. Над ним, естественно, потешались все. А потом старались взять с собой, потому что подразделение, с которым он шел на боевой выход, было как заговоренное, на него никогда не было нападений. Рассказывали, что потом командир авиационной части устроил разнос всем авианаводчикам за то, что не умеют выполнять свои обязанности, а летчикам за то, что так плохо отстрелялись.

Как солдаты родных успокаивали

Еще один рассказ. Как-то подразделение было в Фарахе. А там стоит сверхсовременный отель. Офицеры возле него фотографировались и отправляли родным, мол, мы в нем живем. Родных успокаивали.

Рассказ прапорщика Анатолия Дьячука

Санинструктор 9-й роты Степанов Дима приехал из «учебки». Спокойный, тихий, застенчивый. Первый раз был в боевой обстановке 10 июля в Герате. Рота прорвалась вперед дальше всех. Ранило ребят из разведроты - Хабова и Маркова. Хабова в грудь и шею, а Маркова в бедро и живот. Степанов их перевязал. Начался обстрел. Дима прикрывал эвакуацию. А потом упал. Его вытащил Дьячук, начал перевязывать. «Товарищ прапорщик, больно, – сказал Степанов и добавил с болью. – Я видел, откуда он стрелял». Потом он умер.

Специфика работы медика в том, что здесь больше раненых, чем больных. Во время боевых действий люди почти не болеют, хотя условия очень плохие. Климат сухой, поэтому при потере крови происходит обезвоживание организма. Грязь, пыль, песок, горы. Особенно тяжело в горах.

Как-то упал в пропасть БТР, в нем разбился рядовой Абдулхамидов из 7-й роты. Высота 3200 метров, вертолет сесть не может. Травмы тяжелые – кости таза и бедро переломаны, ушиб головного мозга, лёгочное кровотечение и т.д. Больше двух часов везли его вниз по горной дороге. Западание языка. Погрузили раненого в вертолёт, тот резко пошел вверх, перепад давления, началась рвота. Дьячуку пришлось рвотные массы отсасывать ртом. Остановка сердца. Запустили. А за 10 минут до посадки – остановилось окончательно.

Спасибо вертолётчикам! Ночью им запрещено садиться. А тогда ночью на неизвестную неподготовленную площадку садились дважды, чтобы вывозить раненых.

«Таблетка» – гусеничный транспортёр медицинский универсальный (ГТМУ). Машина отличная, но подвеска жестковата. От пуль и осколков защищает, четверо носилок – всё отлично. Но не мешало бы смягчить подвеску, ниши для

медикаментов, приспособления для кровезаменителей. Если бы это было предусмотрено – цены бы машине не было. Плохо еще, что нет сообщения между салоном и кабиной, хотя бы переговорного устройства. Зато проходимость отличная, машина лёгкая, маневренная.

Часто приходится работать под огнем. Был случай, когда санинструктор младший сержант Овчинников Сергей и старший лейтенант Галлиев Ильдар уложили раненого на носилки, схватили их и побежали. Галлиев зацепился и упал. Бежать далеко, Овчинников задыхается. Дьячук подхватил раненого и побежал с ним. Так и вынес. Он занимается спортом, каждый день бегал по 10 километров. Считал, что физическая подготовка для медика очень важна. Особенно в горах, где всё приходится носить на себе.

Первоапрельская шутка

Это была моя лучшая первоапрельская шутка в жизни. Готовиться к ней я начал загодя.

Ходили разговоры, что в Кабуле будут вводить должность инструктора политотдела 40-й армии по печати. И наш редактор на эту должность вполне подходил. И очень боялся, что его туда заберут. Здесь он был местный хозяин, пусть и хозяйство небольшое. А в Кабуле он был бы рядовым майором, клерком в штабе. Между тем, я считаю, что разыгрывать человека, обещая ему что-то хорошее, некрасиво – человек поверит, а ему приходит разочарование. Вот и решил я это всё обыграть.

На чужой письменной машинке (чтобы по шрифту не догадался) отпечатал примерно такой текст:

Редактору газеты в.ч. пп…
Майору Дахно В.М.

Уважаемый Виктор Михайлович!

Ваша кандидатура рассматривается на должность инструктора по печати в.ч. пп… В связи с этим прошу Вас не отлучаться из гарнизона в течение двух недель, Вы будете пригашены в Кабул для собеседования.

Поставил какую-то подпись. Бланка у меня не было, печати тоже, подписи начальника, который имеет право писать такие письма, я в жизни не видел. Поэтому эту чушь я напечатал через копирку, а потом внизу сделал приписку: «Подлинник подписан» и поставил какую-то закорючку.

Любой человек, который хоть раз держал в руках официальную бумагу, поймёт, что это полнейшая чушь – на что я и рассчитывал. Потом запечатал всё это, пошёл к друзьям на почту и попросил, чтобы они понаставили на конверт много штампов и штемпелей и вручили письмо 1 апреля.

Наступило 1 апреля. Я с утра уже немного шутил над ребятами – мол, на кухню кобра заползла, что «баобаб» зацвёл, ещё что-то. А сам жду почту. Приносят. Через несколько минут ворвался в кабинет Михалыч, бросил мне на стол письмо и стоит, ждёт. Я думаю только о том, чтобы не расхохотаться. Наконец выдавливаю из себя:

- Что ж, – говорю, – поздравляю. Там тоже кому-то служить надо.

Михалыч объяснил в цветах и красках, кто я такой и каким образом произошёл от обезьяны, что он думает о начальниках, о Кабуле и обо всех нас. И убежал. Все в шоке, потому что думают, что теперь я буду начальником.

Решил я не сразу раскрываться, а выждать паузу. Куда-то нужно было отлучиться. Возвращаюсь. Решил, что клиент созрел. Спрашиваю, где Михалыч, чтобы признаваться.

И тут мне говорят:

- А он пошёл в штаб дивизии, звонить в Кабул, отказываться от должности.

Я представил картину: Михалыч звонит в политотдел, тому самому начальнику, подпись которого я поставил, начинает ему говорить, начальник его материт. Картина получалась за гранью шутки!

Как я бежал!!!

Расстояние там не очень большое, но несколько сот метров было. Я мчался, как олень, перемахивая через препятствия. Врываюсь в политотдел и вижу, что Михалыч сидит в комнате дежурного и держит у уха трубку телефона.

Оказалось, что он пришёл в политотдел и прошёл по всем кабинетам, показывая это письмо. И никто, ни один человек,

хотя все с документами имеют дело, не заподозрил «липу» и не вспомнил, какое в тот день было число!

Я всем телом рухнул на телефонный аппарат, нажимая рычаг. Михалыч вылупился на меня – перепуганного и красного, в поту.

- Что случилось? – спрашивает.

- С первым апреля! – задыхаясь, сказал я.

Первым понял дежурный. Он захохотал так, что дощатые стены сотрясались. Захлопали двери кабинетов. Все высыпали в коридор. И тут Михалыч начал багроветь.

Пришлось мне в тот день выставлять заначку-спирт, замаливая грех. Над Михалычем ещё какое-то время подтрунивали. Надо отдать ему должное: за такую злую шутку он на мне не отыгрывался, хотя при его самолюбии было непросто сдерживаться.

Только заместитель начальника политотдела подполковник Демьяненко Александр Николаевич (ныне уже покойный) мне как-то сказал:

- Нельзя так над начальниками шутить. Осторожнее надо.

А что ж, прав ведь он был!

Сентябрь 2011 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лысанов Сергей Вячеславович**, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Такдир Наджимулла

С полуночи до шести утра мы вели бой

Я родился 21 сентября 1955 года. Окончил 14 классов Горно-нефтяного техникума. Далее два года работал на заводе азотных удобрений. В техникуме и на заводе работали советские преподаватели и специалисты. Я, как и любой гражданин Афганистана, пошел в армию. Мне было тогда 17 лет. В это время война уже шла полным ходом. Я попал в 65-й оперативный полк имени Защиты революции. В основном мы охраняли завод азотных удобрений и газопровод, который подавал метан на завод. Несколько батальонов постоянно охраняли газопровод, но и в оперативных боевых действиях тоже пришлось участвовать.

Тогда прибыль от завода азотных удобрений составляла 46% от всего бюджета Афганистана. Советский Союз покупал удобрения у нас. Мы вместе с Советскими войсками защищали завод. Душманы пускали с гор ракеты «земля-земля» и тем самым пытались подорвать газопровод. В итоге я получил контузию.

Во время охраны газопровода мы получили информацию о том, что готовится нападение на батальон, и меня с двумя солдатами отправили на его защиту. Местом расположения батальона был квадратный двор с блиндажами по углам и одним на фасадной части. Блиндаж был хорошо укреплен и имел 1,5-метровые стены, которые невозможно было пробить

простыми минометами. А для нас было всего пару окон, из которых мы вели огонь.

Нашей задачей было не пропустить душманов к складу с оружием. Они убили всех, кроме нас троих, захватили все блиндажи, но к складу с оружием так и не смогли подобраться. С полуночи до шести утра мы вели бой. В начале боя было страшно, но потом мы уже перестали об этом задумываться. Не думали уже о том, что кто-то в тебя стреляет, все мысли только о том, что ты стреляешь. Где-то отскакивали пули, но мне уже нет до них дела. Только искал цель и вел огонь. За этот бой я награжден медалью Красного Флага (аналог Красной Звезды в СССР).

Как только я попал в армию, сразу нашел себе новых знакомых. Все слои общества - бедные и богатые, образованные и необразованные - все вместе. Было необычно наблюдать, как необразованный командир командовал теми, кто окончил университет. Многие, кто был и умнее, и здоровее меня, погибли, но я не думаю, что их смерть была напрасна. Ведь мы строили демократическую страну. Мы сражались не за квартиру, не за машину, не за вознаграждение. Мы сражались за Родину! Мы мечтали, что у нас будет нормальная демократическая страна.

Я, как активный член Народно-демократической партии Афганистана НДПА), ещё будучи школьником, успел в полной мере принять участие в войне: защищал больницы, кинотеатры и другие сооружения. Участвовал в агитационной деятельности - объяснял людям о революции, о достижениях революции, о том, чем занимается Советская армия, зачем они приехали. Объяснял цель их приезда. Но со стороны маджахедов шла совсем другая агитация. Они говорили всем, что приехали неверные, захватят Афганистан, уничтожат наш народ, чего на самом деле не было.

Советский ограниченный контингент располагался далеко от населенных пунктов. Они не проводили никаких операций внутри городов, работали только совместно с афганскими правоохранительными органами и без нашего разрешения не предпринимали никаких действий. Не то, что сейчас. Можно привести пример, что американцы, не ставя никого в известность - ни правительство, ни милицию, ни армию,

десантируются в деревню, забирают нужного им человека и сразу отправляют его в «Гуантанамо».

Противовоздушной обороны в Афганистане нет. Это тогда у нас была система, армия и государство. Каждый советский солдат был олицетворением чести, дисциплины, высших моральных качеств и отвечал за свои поступки. Это была Армия. Мы, вместе с одной ротой, защищали завод азотных удобрений. Не то, что сейчас у американцев. Их в Афганистане называют варварами и убийцами 21-го века. Поэтому и идет сопротивление. Народ знает, что они, как Александр Македонский, как Чингиз, и как англичане-захватчики - все получили отпор.

Недавно читал интервью одного афганца. Он пишет, что когда приехали советские солдаты, ему было плохо, и по поводу вывода советских войск он зарезал барана, но сейчас, если бы советские войска вернулись, то на радостях - зарезал бы тридцать баранов. Сейчас приехали люди, у которых нет морали, а чем ниже мораль, тем ниже нравственность. В наши традиции, в наши обычаи привезли с собой очень неприятные аморальные явления. Привезли с собой коррупцию. Сами строят, сами разрушают, сами дают, сами воруют. Используют Афганистан как кормушку.

В то время, когда нам помогал Советский Союз, были построены политехнический институт и механический университет. Дорогу между Панджшером и Кабулом тоже построили русские, а что сделали приехавшие американцы и НАТО с 42-мя странами? Ничего! Поэтому и идет сопротивление народа захватчикам и, похоже, оно будет продолжаться.

Американцы, англичане, Пакистан и Иран, в какой-то степени - Китай и Япония, помогали басмачам. Их основной целью был не Афганистан. Главная их цель - отомстить Советскому Союзу за Вьетнам. Это было их целью, но потом они получили такую проблему. Они сами себе создали Усаму бен Ладена. А кто разрушил башни в Нью-Йорке? Это же те самые люди, которых они тренировали, те, кто, узнав свою силу, направил ее против Америки и сейчас совершает теракты. Это люди, которые знают только один путь: разрушать и убивать невинных. Те, кто не с ними, тот против них. Те, кто думает не как они, становятся для них врагом. И сейчас

теракты, которые происходят по всему миру, происходят по вине тех, кто создал этих людей. Ведь третий закон Ньютона звучит, что каждое действие получает такое же противодействие. Сначала они помогали душманам, но когда душманы почувствовали свою силу, то повернулись против них же самих.

Я уже 20 лет не был в Афганистане. Мне очень хочется увидеть родителей и родственников, ту улицу, на которой я вырос, но я не могу поехать. А все из-за того, что в свое время освобождал советских специалистов, я был членом НДПА, активным членом партии. Теперь там другая власть. Власть, из-за которой я не могу вернуться.

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Салахеев Ильдар Наилович****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Темченко Александр Андреевич

Ленточка орденская на знамени. Вот она меня и спасла

Я родился 9 сентября 1968 года в селе Ковалёвка Беляевского района Одесской области. В 1975-1985 годах учился в Ильинской школе. Учился неплохо и в 1985 году поступил в Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина на кафедру авиационных двигателей энергомашиностроительного факультета, где учился 1,5 года, после чего оставил учёбу и уехал домой.

При постановке на воинский учёт мне предложили учиться в ДОСААФ на водолаза. Три года барахтаться в глубинах мирового океана мне очень не хотелось. Я начал дерзить и пререкаться, чем и разозлил военкома. Спасло то, что я был 1968 года рождения, а не 1969-го. Группа комплектовалась в мае 1987 года. В институте мне дали отсрочку до лета, то есть она ещё действовала. Военком отпустил и посоветовал активно готовиться к сухопутной службе. В результате я попал из Одессы опять в Ленинград в составе команды, состоящей из 10 человек и прапорщика-покупателя.

В дороге мы пили безбожно, но не воду, конечно. Прапорщик резонно заявил нам, когда мы его активно угощали, что служить нам будет тяжело. Это я понял в первый

же день службы. До службы я весил 105 килограммов. Гоняли нас «классически», и за полтора месяца во мне осталось 69 килограммов. После этого служба полегчала, но домой, как ни странно, хотелось всегда и очень.

Мир тесен. В мою воинскую часть, находившуюся на улице Блюхера в 150-ти метрах от общежития политехнического института на Лесном проспекте, часто забегали мои друзья-студенты, чтобы посмотреть на то, что осталось от «Сани из Одессы».

После окончания военной учебы я стал специалистом по ремонту и консерваций танкового вооружения, а также вооружения БМП-1. В составе группы товарищей Родина направила меня в Демократическую республику Афганистан. Перечислю места моего служебного путешествия: Ленинград-Ташкент-Кабул-Баграм-Джабаль-ус-Сарадж-Баграм-Кабул-Термез.

Через два дня после прибытия в Ташкент нас загрузили в военно-десантный самолёт «Ил» и выдали по парашюту. Нас на «борту», видимо, было больше, чем надо, поскольку парашютов не всем хватило. Но мне, никогда не прыгавшему с парашютом и никогда его не видевшего, досталось это «счастье».

Летели днём, пролетали хребет Гиндукуш. Сразу скажу - зрелище это потрясающее. В голове «дитяти степей» оно не укладывалось своим величием и грандиозностью. От зрелища вершин заснеженных, проплывающих практически рядом с самолётом, становиться жутковато и буквально захватывает дух.

Посадка в Кабуле проходила на закате. Когда выбрались на твердь земную, первое, что я увидел, так это горы вокруг. Народ встречал нас с оружием. Вокруг взлетали и садились самолёты. Носились по кругу «вертушки» и катались по аэродрому БТРы, БМП и прочие бронированные «железки». А вокруг валялись стреляные гильзы и патроны. Первая мысль: «Попал ты, Саня! Если не сейчас подстрелят, так ночью зарежут. Ну, а если нет, то завтра уж точно шлёпнут».

Следующей ночью, на самолёте, нас переправили в Баграм. Там мы две недели сидели на варёной пшенице. Затем нас посадили на БТРы и повезли в полк. Месяц сидели в карантине, где нас активно «обстругивали» под обстановку.

Я попал в ремонтную роту. Хотелось, конечно, в более боевую часть, но мне сказали, что за специалиста Кошелев, наш ротный, загрызёт кого хочешь, даже «полкач» не поможет. Там мне дали личное оружие СВД и книжечку-пособие для снайпера. До меня, её носил предыдущий комвзвода Зырянов, но его сменщик Васильев предпочёл АКСУ.

Обстановка сложилась на время моей службы нервная. «Духи» постоянно пытались прервать сообщение по дороге: Хайратон - Саланг - Кабул. Полк наш выполнял функции по охране этой дороги. Зона ответственности нашего полка протянулась от Баграмского поворота через Чарыкар, Джабаль, Таджикан, Уланг, Саланг, другие точки и кишлаки, которые заканчивались далеко за Химжаном.

Наша рота находилась напротив кишлака Джабаль-ус-Сарадж в ППД (пункт постоянной дислокации). Подразделения полка были разбросаны по маршруту заставами и на вершинах «секретами». Задача одна - не допустить минирования и нападения на автоколонны. А так как «духи» очень уж любили пострелять и пограбить на трассе, то служба в полку была беспокойной. Днём как днём, а ночью трассера летели, и из «зелёнки» - по одиночке и дружными стаями постоянно. Но на них мы уже не обращали практически никакого внимания. Лишь когда мины начинали летать, мы прыгали в окопы и с возмущением смотрели в «зелёнку». Достать «стрелков» из стрелкового оружия мы не могли, зато артиллеристы резвились вовсю.

Постепенно на нас наваливались тоска и уныние! Опять завтра грузить со склада на батарею ящики со снарядами. У нас любили затыкать нашей ротой дыры. Ходили на «секреты», таскали туда боеприпасы, уголь и продовольствие. Пыли было столько в этой стране, что я ещё нигде столько не видел. Жара, постоянно хотелось вдоволь напиться воды, хорошо поесть и «вкусно поспать».

Постоянные караулы, посты, стрельба, жара и тоска по дому истощали физически и морально. Очень часто, отстояв на посту, вместо отдыха шли в парк, потому, что приехал танк, пушка сломана, пулемёт не стреляет, и вообще: «Бери винтовку и иди ремонтировать!» А через два часа опять на пост. На выезды ездили по маршруту очень часто, так как хотя оружие надёжное, но и оно ломалось. Особенно любили ездить на

Саланах, потому что там зимой холодно, а летом прохладно. И воды там было много, и была она не тёплая, как в бачке в роте. Иногда хотелось зарыться в снег и сидеть там.

Однажды прибежал солдат и зовёт меня: «Танк стоит, пушка не работает, а этот гад жить не даёт, из пулемёта лупит. А достать не можем, гильзо-выбрасыватель сломался». Взял запчасти, и мы пошли. Прошли метров 600, потом на пузе поползли. «Дух» резвится, пули шипят. Доползли до ложбины, затем, согнувшись, побежали к танку. Он стоит в капонире. Через люк механика-водителя в танк залез. А этот псих лупит - по броне пули стучат. Через 15 минут танкисты его из пушки и «отправили».

Весной 1988 года мы отошли от промозглой зимы, почистились, вывели вшей, а тут и вывод. Вызвал Кошелев меня 16 мая в свою «канцелярию» и объяснил - будет дивизионная операция в Гульбахоре, сбор боевых групп возле нас. Стою на посту - в штабе у знамени. Ночью такая стрельба началась, хоть святых выноси. А когда начали падать мины и делать из штаба решето, я схватил знамя и побежал в караулку. Полк наш был героический, о чём говорила ленточка орденская на знамени. Вот она меня и спасла. Когда я бежал, наступил на неё и со всего маху зарылся в землю. В этот момент метрах в семи на взгорке рванула мина, и осколки все прошли надо мной. После такого, я перемахнул колюче-каменный 2-метровый забор без шеста и не зацепился. Забился в караулке в угол и спокойно, обняв знамя, задремал, неся дальнейшую службу. А ребята наши бегали на склады РАВ и тушили пожар. Там взорвалось несколько мин, и загорелись ящики со снарядами.

Подходило время вывода нашего полка. Всех нас определили в боевые расчёты машин, технику начали сдавать «зелёным», наш полк обеспечивал выход тех, кто находился южнее, на блокпостах, «секретах» и заставах. Организовывались боевые группы, которые участвовали в выводе войск из Файзабада, из других отдалённых гарнизонов. Ездили ребята и из нашей роты на БТФе и БТРе в составе эвакогруппы. Ещё один БТФ и тягач «Урал» были постоянно прикомандированы на перевале Саланг.

Ситуация зимой 1988 и 1989 годов на перевале была очень сложной. Второй этап дотянули до зимы. А зима на

Саланге вещь серьёзная - снег, лавины, гололёд. Сколько техники ушло в ущелье!

В пеший состав я не попал, поэтому меня и ещё человек 300 на перекладных через Баграм и Кабул отправили по воздуху. Наш борт сел 13 января 1989 года уже в кромешной тьме. Колонной автомашин нас привезли в «отстойник».

Я, наконец-то, написал домой, что служил в Афганистане. Полтора года я писал родителям, что служил в Монголии. Затем попал дослуживать в самоходно-артиллерийский полк. Нас постоянно поднимали по тревоге к границе, мы разворачивались, стояли дня два, а затем опять уходили в часть. Ползли слухи, что нас опять отправят «за речку».

5 апреля 1989 года я был дома.

Смотря на прошлое с высоты прожитых лет, я удивляюсь, как это я смог всё так удачно выдержать. Нагрузки очень часто бывали запредельными. Жаркий климат, букет всяких болезней, боевые действия, понимание того, что здесь что-то не то. Сейчас бы я этого не выдержал. Не буду рвать тельняшку и кричать, что «кровь мешками проливал», но скажу, что всё же что-то героическое в этом было. Наш ротный Кошелев говорил: «Орден нужно давать только за то, что уже попал сюда».

Часто вспоминаю его, своих друзей-однополчан - Диму Попова, Сергея Кашёлкина, Краснова, Жёлтышева, Чернова, Пашаева, Синельникова, Лозувенко и ещё многих и многих других, с кем служил. Вспоминаю все эти фейерверки с дымом и копотью, и в душе тихо начинает что-то щемить. И даже после преступного развала нашей страны я был, есть и буду советский солдат, никогда не изменивший Присяге своей Родине, солдатам, другую присягу не принявшим!

Афганистан живёт в моей душе. Я читал 11-й том воспоминаний о войне «От солдата до генерала». Один «афганец» написал, что он тихо радуется тому, что сейчас там завязли американцы. Я радуюсь не тихо. Я радуюсь громко, часто подпрыгивая от восторга. Американцы сами воспитали этих «духов», снабжали их оружием и деньгами. Пусть теперь сами и «расхлёбывают эту кашу».

Апрель 2010 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь

студентка Одесского государственного университета МВД ***Темченко Ольга Александровна***

и

Гольцер Владислав Александрович

Тестов Владимир Алексеевич

За сорок минут боя из 22-х человек только шестеро остались

Я родился 15 июня 1952 года на Урале, под Свердловском, там, где служил отец, Тестов Алексей Егорович. Судьба распорядилась так, что в нашей семье трое мужчин (папа, мой старший брат и я) выбрали себе военную дорогу. Так получилось, что в одной семье три полковника, и все трое - танкисты.

Другого какого-то жизненного пути, кроме как военного, танкиста, я в принципе не представлял для себя. Даже, когда уволился 12 лет назад, для меня поначалу гражданская жизнь, она была какая-то новая - другие взаимоотношения, общности. Первое время даже понятия не имел, что тут и как.

Потомственный военный, я всю жизнь жил в военных городках. Под Свердловском отец служил в танковом полку, потом его направили на службу в Германию, и мы, естественно, отправились вместе с ним. Тогда мне было лет пять. В Германии я учился до шестого класса, потом мы переехали в Наро-Фоминск, к месту новой службы моего отца, в Гвардейскую Кантемировскую танковую дивизию, где в 1969 году я и окончил среднюю школу.

Разумеется, когда учился в старших классах, вступил в комсомол. Решил поступать в Казанское высшее танковое командное краснознаменное училище, потому что к этому

времени у меня там уже учился брат, да и отец его окончил. В военном училище стал кандидатом в члены КПСС. Общественные обязанности я всегда старался исполнять добросовестно.

Окончил училище в 1973 году. В то время человек, который заканчивал военное училище с красным дипломом, имел право выбора места службы. Я окончил с красным дипломом и написал заявление, что хочу служить в Гвардейской Кантемировской танковой дивизии (сейчас она называется Гвардейская Кантемировская танковая бригада), поскольку в это время мой брат Сергей, после окончания Казанского танкового училища (а он старше меня на 2 года) уже служил в прославленной дивизии. Вот так у нас в семье все связано.

Служили в форме рядового солдата

Сергей прошел Афганистан, был начальником штаба полка. Сейчас он Председатель совета воинов-интернационалистов в Наро-Фоминске. А 30 декабря 1979 года он входил в Афганистан. Я же попал в Афганистан уже в 1987 году.

Когда я служил на Дальнем Востоке, мне предложили: «Хочешь служить в Афганистане?» Я ответил: «Да». И меня отправили воевать в афганскую армию в должности военного советника вне состава нашей группировки.

Служил в 22-м пехотном полку, 7-й пехотной дивизии. Командир полка - генерал Убайт Гольд. Я был военным советником, обучал их воевать. Не как инструктор, обучающий непосредственно стрелять, а как командир, стратег.

У нас был коллектив: четыре офицера (замполит, начальник артиллерии, заместитель по технике, переводчик), два сержанта (ординарец и порученец) и водитель бронетранспортера.

Переводчик – Юра Караваев. Молодой лейтенант, который только-только окончил Военный институт иностранных языков. Как переводчик он знал английский, немецкий и, разумеется, арабский язык. Афганцы говорили на дари, но вообще у них два языка - дари и фарси. Фарси язык более древний, для богатых, для элиты общества, поэтому все

переводчики говорят на дари. После увольнения с военной службы, Юра пошел в бизнес, и где он сейчас я не знаю.

Советник замполита – Молчанов Владимир. После Афганистана сразу же вышел на пенсию.

Советник артиллериста – Геннадий Арефьев, попал служить в Ленинградский военный округ, где-то под Выборгом.

Советник зампотеха - Сергей Панфилов, попал в штаб Ленинградского военного округа, прослужил недолго.

«Афганским синдромом» почти никто не страдал. Ни я, ни мои товарищи. Как-то пережили, и проблем с этим не возникало, хотя были ситуации, после которых можно было и запить.

Вот таким отрядом в Афганской армии мы служили, все в форме рядовых солдат. Как военные советники, мы находились законно на территории Афганистана и были оформлены по линии Министерства иностранных дел. Но по существующим положениям, военный советник не может приближаться к зоне боевых действий ближе, чем на 30 километров. Он где-то должен руководить (в тылу, по рации), откуда-то оказывать помощь. Мы же, естественно, находились прямо в окопе, прямо с афганцами. Калат, Мукур и Кандагар – это самый юг Афганистана, пустыня. Там купальный сезон заканчивался 20-го декабря и начинался числа 20-го января, месяц не купались, все остальное время – пожалуйста. На Новый год стоял на посту – ночью +20. Но вообще прохлада ночная ощущается, ведь днем там +40.

Получилось так, что ту же самую караульную службу, ту же самую охрану и оборону самого себя не поручишь трем солдатам. Получается им беднягам - день работай, воюй, а ночь стой в карауле? Поэтому я совершенно спокойно сразу сказал всем офицерам, (а у меня были и подполковники в подчинении), что хотите, не хотите, а службу несут солдаты и офицеры совершенно одинаково - по общей очереди. По полтора часа парой - солдат и офицер, для того, чтобы и контроль был.

Единственный, кто у меня на посту не стоял – это механик-водитель, я его на пост практически не ставил. В дороге ему доставалось. Мы все снаружи сидим, температура летом +50-60 градусов, а он один внутри бронетранспортера.

Там +80-90 минимум, и вот он, бедняга, в таких условиях, сидит в одних трусах. Фамилию его забыл, звали Кадыр, таджик. Мы его, естественно, Коля называли. И вот, Коля - худой, черный, находится там как в аду, а мы сидим сверху. Хоть как-то, но обдувает, но под попу обязательно клалась так называемая «сидушка». Ее делали, сами себе шили, потому что по жаре на броню без чего-то подобного не залезть, рукой голой ведь взяться невозможно, не говоря о том, чтобы сидеть. Чтобы залезть на БТР, была целая отработанная система - одну ногу на колесо ставишь, пилотку снимаешь, рукой через нее за ручку берешься, залез и сел на «сидушку». Консервы разогревали на броне, ставили банку тушенки и ее можно было совершенно спокойно есть через несколько минут.

Готовили пищу сами, поварих не было. Приготовление пищи – один из проблемных вопросов на войне, но не для нас. В нашем коллективе готовил я. Когда учился в школе, в Германии, не знаю на каком основании, но у нас в школе у мальчиков было домоводство, а девочки пилили, строгали и гвозди забивали. Вот поэтому у меня проблем с приготовлением пищи и с ремонтом одежды вообще не было никогда в жизни. Такой вот полезный опыт из детства.

Ребята, кто со мной?

Из наград, полученных в Афганистане, могу назвать орден Красной Звезды, вручённый за боевые действия. Было небольшое окружение, не полностью со всех сторон окружение, но выйти оттуда было практически невозможно. Вместе с афганцами стояли практически месяц, продукты закончились, вода закончилась. На дворе – почти Новый год. Старший коллектива принимает решение – надо выходить, может быть с боем. Дело в том, что, как правило, афганцы боевых действий ночью не вели.

Очень много в их армии воевало индусов. А индусам по вере не положено что-либо делать в ночное время суток, в том числе и боевые действия вести. Вот они и воевали с рассвета до заката. Старшим было принято решение: до рассвета нужно вырваться из окружения.

Я предложил: «Давайте возьмем афганцев с собой. Пусть саперы пройдут, посмотрят, что найдут – разминируют». Он

отвечает: «Да мы и так пройдем». Вышли мы тремя бронетранспортерами. Мой впереди, затем на расстоянии видимости, чтобы не терять друг друга, два других. Минут через сорок наш бронетранспортер ломается. Вышел из строя один из двигателей, но второй (их два) исправен, то есть ехать по равнине я могу, но на преодоление какого-либо препятствия мощности уже не хватит. А тут у меня еще и радиостанция работала только на прием, поэтому я только мог слушать, не мог ничего говорить.

Техника наша, эксплуатируемая афганцами, она убитая просто, до безобразия. Что делать - посигналил рукой своим, они подъехали, спрашивают: «Что такое?» Я объясняю ситуацию. Старший принимает решение, что вот сейчас будет афганский пост, около него поглядим. Я говорю: «Какой там пост афганский, давайте сейчас все сделаем, есть три зампотеха, они сейчас сделают этот движок, запустим и поедем. А добираться пока будем так: я еду впереди, чуть забуксую, вы подъезжаете и подталкиваете, естественно - никаких тросов. Там болот нет, луж нет, Кандагар, воды вообще нет. Только если яма, там может не хватить мощности двигателя. Вот вытолкнете меня, и поедем дальше. Ну, хоть все вместе». Так и решили.

Добрались до афганского блокпоста, остановились. Старший говорит: «Ну, я поехал, тут осталось недалеко до 70-й бригады нашей, советских войск». Я говорю: «Да вот сейчас сделаем и поедем». Он: «Нет, что тут стоять, времени нет». Оставил нас на блокпосте с двумя бронетранспортерами, а сам поехал вперед.

Проходит минут пять, слышим взрыв. На связь выходим – никто не отвечает. Я говорю: «Что-то тут не то». А второй командир: «Нам приказали сидеть здесь». Я ему: «Ну что значит приказали? Командир приказал сидеть, ждать помощи, но кто знает, что там, связи ведь никакой». Он отнекивается: «Нет, я не пойду, мне приказали». Я тогда сказал: «Ребята, кто со мной?» Мы решили на моем бронетранспортере идти туда. Второй командир тоже за мной решил поехать.

Проехали полтора километра, а там бой, уже двое убиты, трое ранены, трое отбиваются. Помогли им, разумеется. В итоге за сорок минут боя из 22-х человек только шестеро остались целыми и невредимыми. Я был в их числе. Вообще,

меня, тьфу-тьфу, и в Афгане, и в Чечне пуля стороной обходила – ни одного серьезного ранения, ничего. Видно, так на роду написано.

А вот Валера, друг мой, который погиб в том бою, в первой для меня боевой операции, спрашивал меня:

– Как ты вообще?

– Ну, вот не страшно, но какое-то непонятное чувство, чего-то тревожно.

– Да ты не переживай, у тебя все будет нормально, живой и здоровый, а я погибну.

– Ты чего это себя хоронишь?

– А я знаю, что погибну в 36 лет, в день рождения.

– И когда день рождения у тебя?

– Двадцать девятого декабря.

И вот мы двадцать девятого вечером сидим, я подошел, говорю:

– Видишь, ты живой, здоровый.

– Еще не ночь.

– Да час остался.

– Еще не ночь.

Утром подхожу к нему: «Ну, теперь ты видишь?» На следующий день, тридцатого числа, первым погиб он. Попали из гранатомета в бронетранспортер, ему бок прожгло, все мясо с левой руки сорвало.

Когда жене его привез, она говорит: «Подними левую руку ему». Я не понимаю ничего, машинально поднимаю правую руку, успокаиваю: «Погиб сразу, не мучился, в бою». А она на своем стоит: «Левую покажи!» Что поделаешь, поднимаю искалеченную левую руку, она - в обморок, врачи набежали. Что-то видно есть, ведь она чувствовала, не зря же знала, про левую руку!

Так и моя жена, уже после Афганистана, лет этак пять спустя, сидим за столом, и она говорит: «Да я, по большому счету, все дни, когда тебе было тяжело, знаю», - и начинает перечислять даты. Скажу так, совпадение не день в день было, но в десять дней точно попадало: «В начале июля было, в декабре тоже было». Сижу я, анализирую, думаю, может совпадение, в сущности, каждый месяц что-то было. Но наиболее сложные моменты, разумеется, в памяти отложились

и совпадают ведь! Вот ведь получается, какая взаимосвязь есть между близкими людьми.

С женой я познакомился 6 февраля 1977 года, а 9 июля мы расписались. Разумеется, письма писали друг другу часто, я, честно сказать, писал практически ежедневно. Доходили они примерно через месяц, и доходили они примерно не так, что – послал, и через месяц оно пришло. Послал письмо – пришло через неделю, на следующий день послал письмо, а оно пришло через месяц, а следующее опять приходит через неделю. Поэтому нас уже предупредили опытные товарищи, что письма должны быть пронумерованы, для того чтобы хронология соблюдалась. Из Союза письма, в принципе, приходили тоже довольно регулярно, в месяц могло прийти писем шесть сразу, вот все их сразу и прочитаешь. Её письма тоже, разумеется, нумерованные были, и вот я читал их, как книгу, запоем, одно за другим. У нас, военных советников, была немного другая почта, но письма все равно приходили сначала в 40-ю армию, потом уже их все собирали и доставляли нам.

Держать на сохранении

Третьего июля 1988 года, когда мы уже собирались покидать Кандагар, произошел такой случай. Утром я договорился встретиться с товарищем, с которым мой родной брат учился в училище. Знакомы мы были еще по училищу. Звали его Витя Дидейчук. В Афганистане он прослужил уже три года, и до демобилизации ему оставалось два месяца.

У нас существовал такой негласный закон, сами придумали, и соблюдался он неукоснительно – 2 месяца после отпуска и 3 месяца перед дембелем мы на боевые задания никого не брали. Причина одна – погибнуть перед самым отъездом на Родину, это очень обидно и глупо, а после отпуска человек расслаблен, у него инстинкт самосохранения и чувство опасности - совсем другие. Солдат еще дома, у него мысли по-другому работают, реакция по-другому работает, к ситуации постоянной опасности надо привыкнуть, это как акклиматизация своеобразная. У нас это называлось «держать на сохранении», «посадить на сохранение», как беременных женщин.

И вот Виктору оставался месяц до того, как он поедет домой. Договорились с ним утром встретиться, в пять утра, там это раннее утро, потому что подъем в $4^{\underline{00}}$, с пяти начинается рабочий день. Мы жили тогда под Кандагаром в военном городке. Он мне помахал, я говорю: «Вить, сейчас я к тебе зайду». Собирался показать ему, как оладушки правильно жарить, с вечера тесто поставил.

Но мне надо было срочно отдать документы. Думаю, сейчас быстро сбегаю, отдам документы, и сразу пойду к Вите. Пришел, отдаю бумаги, он мне чай, кофе предлагает, я говорю: «Да нет, там у меня все стоит уже на столе, готовое практически». Только собрался я выходить – начался обстрел. «Духи» стреляют, минометом. Говорю: «Ну, раз такое дело, давай попьем чайку».

Стреляли они снарядами маломощными, укрепление у нас было надежное, вообще их не боялись. Когда сидишь в помещении – пускай стреляют, мы пока чайку попьем, поговорим. Обстреливали они позиции наши примерно раз по 5-6 в день, так что мы уже привыкли до такой степени, что внимания практически не обращали на это. Попили чай, смотрю – обстрел закончился уже, разумеется, они стреляли минут 15-20 максимум. Выхожу на плац, Витя с другой стороны идет ко мне, прохожу мимо Уазика, рядом стоящего, и тут летит реактивный снаряд, я прыгаю под УАЗзик этот. Снаряд разорвался между машиной и Витькой. Подбегаю, брюшина разорвана, я кричу: «Витя, все нормально будет, не переживай».

Тут подбегает мой ординарец, Леша, я приказываю: «Заводи бронетранспортер». Он побежал, завел, повезли раненого в 70-ю бригаду, в госпиталь. А там так заведено, если сигнал включен у бронетранспортера, свет включен – значит, везут раненого, тяжелого. И врачи уже бегут, готовятся, операционная подготовлена. Да только, все равно не успели – как только положили мы с врачом его на стол, так при мне на столе и умер Витя сразу.

Погиб Витя, месяц оставался до возвращения на Родину, очень обидно. В бою там как-то не так. Хотя и тут тоже был бой, обстрел ведь был.

Просто сидел и ждал, когда следующий снаряд прилетит

При обстрелах этих, иногда бывало, только сядешь где-то, а тут снаряд прилетел, упал метрах в пятидесяти. Думаешь: «Ну ладно, сейчас еще один прилетит. Посмотрим, куда стреляют». Если ближе к тебе, значит, тебя заметили и стреляют по тебе, вот сейчас еще один прилетит. Посмотрим, тогда в окоп и спрячусь.

Были моменты и такие: «Лишь бы закончилось!» Чувство апатии было колоссальное. Уставали морально и физически порой так, что равнодушие к своей судьбе выходило за все рамки. Я вот потом уже вспоминал: «Как так можно, не спрятаться в окоп, когда чувствуешь, что стреляют по тебе, когда разрывы к тебе приближаются». Раза три-четыре такое состояние было, просто сидел и ждал, когда следующий снаряд прилетит. Может организм так реагировал на напряжение?

В бою, в экстремальных условиях, организм колоссально мобилизуется. В бронетранспортере дверь довольно узкая, и в спокойной обстановке вылезти и не зацепить ничего довольно сложно. А был бой, после которого мне ребята сказали, что я в бронежилете, в одежде, 15 раз нырял туда-сюда, вверх-вниз и не застрял.

В Афганистан отправлялся я в звании подполковника. Звание полковника получил по срокам. Оформлялись мы в Афганистан на 3 года, и когда выходили, срок пребывания еще не закончился. Мне предложили: «Переходи в Индию, тоже советником военным». Я отказался: «Нет, ребята, я очень сильно хочу домой, полтора года без жены, без детей, а вы мне еще столько же предлагаете».

Выходили мы из Афганистана не торжественно, нам объяснили, что такого-то числа будет самолет. В «гражданку» переоделись, афганцы пришли, по рюмке выпили, попрощались, и мы в самолет сели. Приземлились в Ташкенте, прошли паспортный контроль и дальше на Москву полетели. В аэропорту нас встретили и привезли на автобусе в центр, 20 января 1987 года, по линии Минобороны. Часа в два ночи нас привезли к Казанскому вокзалу. Нашел машину, подошел с замполитом, записал ее номер, договорились завтра созвониться, выйти на связь. Не просто - сел в машину и уехал.

Чувство опасности еще долго потом присутствовало. Идешь по Москве, наступаешь аккуратно, к людям приглядываешься, кто идем, зачем идет, как идет, оцениваешь. Если в лесу, на природе, то только с тропинки ступишь в сторону, сразу не по себе. Настолько это чувство опасности в крови засело, в сознании. Домой добрался к трем часам ночи. Встретились, естественно покормили сразу же, поскольку похудел на 20 килограммов. В это время жил с родителями жены, в Люберцах. Тесть тоже военный – подполковник, танкист. Проговорили до утра. Супруга все время удивлялась – разве можно быть седым и таким загорелым в январе месяце.

Август 2010 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Головастиков Михаил Вячеславович****, студент 3-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Титоренко Александр Николаевич

У душманов была преобладающая высота

Я родился 31 августа 1963 года в селе Новозаведенном Ставропольского края. Русский, христианин.

В 1980 году окончил среднюю школу села Новозаведенного. В августе 1981 года окончил курсы парашютистов в городе Ессентуки, после чего совершил три прыжка с парашютом.

В Вооруженные Силы СССР призван осенью, в октябре 1981 года. Был направлен в учебную Воздушно-десантную дивизию, в 26-й полк, который дислоцировался в Литве, недалеко от города Ионава. В течение шести месяцев проходил службу в учебной разведроте, где нас готовили на должность командира разведотделения, командира боевой машины десанта. Изучали действия разведчиков в тылу врага, материальную часть боевой машины, ее вождение, проходили тактическую и огневую подготовку. Большое внимание уделялось физической подготовке, совершали марш-броски с оружием и боеприпасами.

Тяготы службы сблизили меня с друзьями-земляками: Валерой Ларионовым, Петром Буяновым, Григорием Литвиновым. Они часто оказывали мне помощь в изучении военного дела, я им очень благодарен за это. По окончании учебных курсов мы с земляками изъявили желание служить в Афганистане, и нас направили в Витебскую десантную дивизию, которая дислоцировалась в Афганистане. Нас

распределили по подразделениям. Я попал в отдельную разведывательную роту дивизии.

28 апреля 1982 года, укомплектованной группой, был отправлен в Афганистан, в город Кабул. Приземлились утром в Кабуле. Первые впечатления. Военная база, кругом все военнослужащие с оружием, рядом со взлетной полосой стоит артиллерийский расчет.

К нашей группе подошел офицер с сержантом, оценивающе оглядел и выбрал четверых. Для проверки дал задание: с только что приземлившегося самолета принести по ящику сухих пайков. «Вы же разведчики», - сказал он. Быстро выполнив задание, мы стояли перед ним.

Воинская часть находилась прямо у взлетной полосы аэродрома. Разведчики жили в нескольких палатках. На территории имелась глубокая яма, где содержались пленные душманы.

В обязанности разведывательной роты входило: разведка в тылу, засадные действия, охрана взятых в плен душманов, пока с ними работает разведотдел дивизии.

На третий день службы с группой разведчиков я участвовал в небольшой операции в провинции Пагман. Задача перед нами стояла не очень сложная. Мы находились в резерве на командном пункте. 317-й полк прочесывал «зеленку» (зеленую зону). Там были мои земляки, с кем я делил трудности службы в «учебке». Завязался бой, появились раненые и убитые. Я переживал за своих земляков. В конце операции бронегруппа, которую мы сопровождали, попала под обстрел. Пули свистели и шлепали по броне, мы открыли ответный огонь. Так, на третий день службы в Афганистане, я прошел «прописку».

В мае 1982 года готовилась крупная операция в провинции Панджшер. Со всего моего призыва командир разведроты, старший лейтенант Евсюков взял двоих: Потапова Александра (в десантгруппу) и меня (в бронегруппу).

Сразу войти в ущелье на боевых машинах было невозможно. Все дороги были заминированы. Сначала на вертолетах был высажен десант, разведрота высаживалась в числе первых. Когда заняли преобладающие высоты, в ущелье пошла бронегруппа. В бронегруппе наши машины шли первыми вместе с саперами. Мы выполняли роль дозора. У

саперов было много работы по расчистке и разминированию дороги. В это время мы их прикрывали. Часто были случаи обстрела колонны. Бронегруппа вытянулась километров на пять. В нее входили боевые машины трех крупных подразделений 40-й армии и армии правительства Афганистана (Царандой).

Возвращаясь обратно, с десантом на борту, одна из наших боевых машин подорвалась. Тяжело ранило сержанта Львова, погиб оператор-наводчик Набиев.

Сержант Львов полгода готовил в «учебке» разведчиков для нашей роты, прибыл с ними в Афганистан, месяц прослужил, и теперь его тяжелораненого отправили в госпиталь в Союз. Залечив раны, он мог комиссоваться, но он вернулся в часть и дослужил до конца своего призыва.

По результатом операции, был заключен мирный договор с Ахмад Шахом Масудом, начальником провинции Панджшер. Он даже отдыхал в госпитале в Кабуле, и к нему на встречу ездил начальник разведки дивизии полковник Кривенко. Я сопровождал его и видел, как они мирно беседовали.

Готовилась крупная операция в провинции Пагман, недалеко от Чарикарской долины. Нашей разведывательной роте необходимо было собрать информацию и при начале операции сообщать о передвижении душманов.

3 июля 1982 года к нам для подкрепления прибыла разведрота 317-го полка, и мы без опознавательных знаков ночью выдвинулись.

На марше водитель 317-го полка не увидел овраг, и его БТР свалился в овраг, придавив нескольких разведчиков, сидевших на его броне. Пришлось вызвать машины, чтобы отправить раненых.

Операцию продолжали, уже спешившись, с бронеруппы. Мы двое суток выходили на место дислокации, передвигались только ночью, днем занимали круговую оборону, несли службу. У каждого разведчика за плечами в рюкзаке по 40 килограммов боеприпасов и на четверо суток сухой паек и вода. У кишлака Махмуддраки сели в засаду. Вся группа из 30 разведчиков была укомплектована на базе нашего 3-го разведвзвода и усилена разведчиками с других взводов.

На рассвете по тропе к кишлаку шла небольшая группа душманов, с ними была женщина, а также навьюченный ишак.

Подпустив поближе душманов, Широких Александр с прибора бесшумной стрельбы (ПБС) начал стрельбу, снайпер добил остальных. Женщину отпустили. Когда Широких и сержант Меркулов стали подходить к убитым, чтобы забрать оружие и убрать их с тропы, раненый душман выстрелил в Широких и убил его.

Женщина, которую отпустили, убежала в кишлак. И оттуда стали бежать в нашу сторону человек 100 душманов, крича и стреляя. Часть из них начала обходить нас с флангов. Завязался бой. Весь день была перестрелка. Лишь прилетевшие вертолеты за убитым Широких ненадолго распугали душманов. Как только стемнело, душманы с криками: «Аллах Акбар», бросились на крайние наблюдательные посты в атаку, прихошлось кидать гранаты. Уже ночью старший лейтенант Евсюков принял решение сниматься с места и идти выше в горы.

Когда стало светать, мы увидели, что за нами движется группа душманов, а слева по склону горы наперерез движется другая группа, и нам уже не успеть подняться выше их. Оставив несколько разведчиков и старшего лейтенанта Перкова на тропе, мы спешно продолжали подъем в гору, чтобы найти место для обороны. На небольшом перевале мы стали стаскивать камни, чтобы сделать укрытие.

Подошла группа старшего лейтенанта Перкова, они привели с собой двух пленных душманов, остальных уничтожили. Душманы были молодыми ребятами, физически крепкими и чуть старше нас.

Через таджика-переводчика, который был в нашей разведгруппе, расспросили о банде душманов, которая преследует нас. Узнали, что в её составе около 300 человек, у них есть миномет, но мин только штук десять. Через час они будут уже здесь, вокруг их боевые хранения, и нам не пройти. Ротный приказал всем готовиться к бою, а разведчику Приходько - охранять пленных.

Я сразу выбрал для наблюдательного поста два больших камня, подтащил к ним еще несколько, и получилось небольшое укрепление. Вдали, на расстоянии выстрела, из своего наблюдательного поста вылез душман, размялся и залез обратно, видно, он всю ночь просидел в хранении. Если бы мы еще прошли в этом направлении, то точно напоролись бы на

него. Рядом стали рваться мины, значит душманы уже подошли по склону, и теперь начнется перестрелка.

Мины рвались ближе и ближе, мы считали их, зная, что их немного, и «духи» не успеют пристреляться к нашим позициям. Под прикрытием миномета «духи» подошли близко, было видно, как их чалмы мелькают за пригорком. У душманов была преобладающая высота, наши позиции ими просматривались очень хорошо. Началась перестрелка. Сквозь стрельбу были слышны крики наших раненых ребят. Санитарный инструктор нашей группы перебегал от одного раненого к другому, оказывая медицинскую помощь. К моему наблюдательному посту перебежали еще ребята, в том числе замкомвзвода старший сержант Казьмин.

«Духи» пристрелялись к нашей позиции и вскоре ранили Казьмина. Через некоторое время он получил второе ранение. Места было очень мало, нужно было кому-то из троих перебегать на другую позицию. Я решил рискнуть и перебежать, метрах в тридцати была небольшая груда камней. Я вскочил и, петляя, рванул к новому месту.

По мне стреляли душманы, я почувствовал сильный удар сзади и подумал: «Все, попали!» Добежал до места и завалился за камни. Напротив был наблюдательный пост Приходько, по нему вели обстрел душманы. Видя, что уже не контролирует охрану пленных, он расстрелял их в упор. Через минуту убили Приходько. Наши потери увеличивались. Из группы в тридцать человек было одиннадцать тяжелораненых и четверо убитых. Старший разведгруппы - старший лейтенант Евсюков по рации вызвал вертолеты.

Прилетевшие вертолеты разогнали душманов и, прикрывая друг друга сверху, сели для того, чтобы забрать раненых и убитых. Оставив нам боеприпасы, они улетели на базу. Нам нужно было быстро менять позицию.

Старший лейтенант Перков с группой разведчиков рванул к высотке, откуда еще недавно по нам стреляли «духи». А мы, основной группой, стали поднимать боеприпасы. Теперь мы сидели на позиции, ранее занимаемой душманами.

Душманы, увидев, что нас осталось совсем немного, стали приближаться к нам все ближе и ближе. Каждый из разведчиков оставил в кармане по гранате. А это значит, что нам придется повторить подвиг старшего сержанта Чепика. К

счастью, прилетели вертолеты, мы загрузились и уже с них достреливали последние патроны. Прилетев в роту, двое суток отсыпались, а потом стали перебирать свои вещи и трофеи. Я нашел свой рюкзак, в нем виднелись пулевые отверстия. Пули вошли в рюкзак, застряли в пулеметной ленте, отбили грань у гранаты и вылетели, не задев мой бронежилет и меня. Я потом еще долго ходил с этим рюкзаком в разведку. Многих разведчиков нашей роты представили к наградам. Я получил медаль «За Отвагу».

Дорога на Джелалабад

За плечами уже было полгода службы, проводили своих «дедов», старослужащих, домой в Союз. В декабре 1982 года в составе бронегруппы 103-й дивизии ВДВ пошли на Джелалобад. Это на юге Афганистана.

Вся провинция контролировалась душманами. Чем дальше от Кабула в сторону Джелалобада, тем теплее климат, и жарче была обстановка боевых действий. Двигались по горной дороге как по серпантину. Душманы часто обстреливали колонну боевых машин. Бронегруппа останавливалась, и лишь после обработки огневых точек противника мы продолжали путь.

При сопровождении колонны был подбит вертолет. Внизу, в ущелье вдоль дороги, лежало много подорванной техники. Наша боевая машина шла впереди колонны. Мы вели наблюдение, сообщали старшему колонны, вели ответный огонь. В это время десантные группы 350-го полка Витебской дивизии были заброшены на вертолетах за Джелалабад, к границе Пакистана. Встретившись за Джелалабадом, бронегруппа вместе с десантом вытеснила душманов с территории.

В «зеленой зоне», которая представляла собой апельсиновый сад, душманы устроили засаду. Колонна остановилась, завязалась перестрелка. Как только бой стих, воспользовавшись тем, что колонна стоит, мы с механиком-водителем Лазовским под прикрытием своего оператора-наводчика, рванули в сад за апельсинами. Набрали апельсинов и, при возвращении в роту, сдали их старшине. Он выдал их в новогодний праздник всем разведчикам.

На ловца и зверь бежит

В апреле 1983 года, находясь в разведке, мы просидели две недели в местечке Нижраб. Было сыро и холодно, кончились продукты. Разведданные не подтвердились, каравана не было. В этом районе готовилась операция, и нам нужно было занять преобладающую высоту, обеспечить безопасность прохода бронегруппы с десантом для прочесывания долины.

Как только стемнело, мы начали подъем, гора была очень крутая и скалистая. Мы, в прямом смысле, скатывались вниз, подъем не удавался. Уставшие, мы повалились прямо на тропинке. Командир взвода, старший лейтенант Дворников, взяв дозор, решил обойти гору, чтобы найти подъем.

В темноте, метрах в пяти, я увидел силуэты, думаю, что это наш дозор возвращается. Когда силуэты приблизились, вижу, что рюкзаков за плечами нет, а на головах у каждого чалма. «Духи», - сработало в голове. Вскочил, ударил одного прикладом и закричал: «Дриш!» (стой!) Тут вскочила вся группа. «Духи» от неожиданности повалились на землю, и мы забрали у них винтовки.

Скоро вернулся дозор, сообщив нам, что им удалось найти место, где можно совершить подъем на гору. Мы показали, взятых нами в плен, «духов» старшему лейтенанту Дворникову. «На ловца и зверь бежит», - сказал он. Навьючив на пленных «духов» боеприпасы, мы поднялись в гору и доложили командованию, что можно начинать проход бронегруппы. Пленные душманы дали ценную информацию о складе боеприпасов в этом районе.

Служба в разведке

Отдельная разведывательная рота Витебской дивизии ВДВ в составе 40-й армии Туркестанского военного округа участвовала во всех крупных операциях, проводимых на территории Афганистана. Кроме этого, разведывательные группы нашей разведроты часто ходили в ночные заставы, взаимодействуя с подразделениями «Каскад» и «Кобальт», выезжали с ними на совместные операции.

При проведении строевых смотров, спортивных мероприятий в дивизии, разведывательная рота всегда была первой. Для этого часто тренировались и готовились. Бывало, целый день маршировали и пели песни, а ночью шли в засаду, три часа отдыха, и опять маршировать, чтобы быть первыми на строевом смотре. Чтобы быстро выезжать по тревоге в район боевых действий проводили тренировки, отрабатывая до автоматизма свои действия.

Так, поздней осенью, ночью в районе кишлака Дахехья душманы напали на пост. Разведгруппа в считанные минуты выехала на место боя, ведя огонь по душманам с боевых машин и из стрелкового оружия, мы их вытеснили.

Когда утром мы вернулись в роту, нас ждал начальник разведки дивизии. Объявили построение возле своих боевых машин. Построение затягивалось, не хватало одного молодого механика-водителя, он притих и не вылезал из машины. Постучав по броне, повторили команду, когда же он вылез, то удивил всех - он был в одних трусах и босиком, но с автоматом. «Да, надо вас еще потренировать», - сказал начальник разведки.

Любимым праздником в роте был день «100 дней до приказа» (о демобилизации призыва). С этого дня велся календарь. Как-то старослужащие решили отпраздновать этот день и при маршруте на стрельбище обменяли мешок муки на фрукты. Командиру роты стало известно об этом, построив роту, он сказал, что накажет роту за самовольство. Взял таджика-переводчика, старослужащих солдат и на БМД (боевая машина десанта) поехал к тому дукану (магазину), куда мы сдали муку. Там через переводчика спросил: «Были ли эти солдаты, на этой машине у дуканщика?» Тот отрицательно покачал головой и сказал: «Нет». Оказывается таджик перевел его вопрос по-другому: «Нужны ли дуканщику запчасти на боевую машину?» Дуканщик отказался. Так переводчик спас нас от наказания.

Когда рота в полном составе ушла на операцию в Панджшер, я с группой молодых солдат и прапорщиком Синициным остался охранять часть. Отсутствие основных сил в Кабуле могло спровоцировать душманов, и они могли напасть на подразделение. Надо было «быть на чеку». Кроме

того, задача осложнялась тем, что мы охраняли не только оставшиеся боевые машины, но и военнопленных душманов.

Как-то ночью прапорщик мне говорит: «Приведи «духа», я покажу нашему разведотделу, как нужно работать». Привел к нему душмана, он посадил его напротив себя, достал бутылку водки, налил себе и ему, а мне велел заниматься караулом. Я, обойдя посты, вернулся, подошел к окошку и наблюдал, как они между собой общались: один на русском языке, а другой на афганском (фарси). И смешно было, и переживал, если убежит пленный - мне отвечать. Конечно, ничего ценного прапорщик не узнал, но на «гражданке», наверно, вспоминал, как он выпивал с «духом».

Серкай

В октябре 1983 года была проведена операция в районе Серкай. Говорили, что там, возможно, была тюрьма для советских солдат. Наша рота была в резерве при командном пункте дивизии. Под конец операции старший лейтенант Дворников сообщил, что готовится рейд бывших душманов из банды Малана, они должны показать склад боеприпасов. Для связи с ними в группу нужно включить наших разведчиков. «Пойдешь?» - спросил он у меня. «Пойду», - ответил я. «Тогда возьмешь санинструктора, двух саперов и переводчика-таджика. Через полчаса построение у штаба», - дал он указание.

На грузовых машинах привезли бывших душманов, которые не раз воевали в этом районе против нас, а теперь перешли на нашу сторону и были готовы сотрудничать. 24 маланавца с оружием посадили в наши три БТРа. Я, как старший, поехал с ними к перевалу, чтобы совершить подъем и на другом склоне горного хребта проверить склад. У подножья горы, перекусив и покурив анаши, малановцы, повеселев, пошли в гору. Я с группой разведчиков сопровождал их.

На середине подъема обнаружили оставленный наблюдательный пост «духов» - крупнокалиберный пулемет и чан с еще теплой бараниной. Чувствовалось, что где-то рядом душманы, и они за нами наблюдают. Еще раньше наша разведрота не раз бывала в этих местах. Попадали под обстрел,

один раз подорвался БТР у этого перевала, но так далеко забираться в тыл противника не удавалось.

С командного пункта дивизии постоянно запрашивали информацию, которую я сообщал. Душманы не препятствовали нашему движению, и мы быстро поднялись на перевал. Внизу было видно несколько жилых построек, а в скалах - пещеры. Спустившись, мы нашли склад боеприпасов, противотанковые мины, безоткатное орудие, автоматы, мешки с рисом и мукой.

Я доложил на командный пункт дивизии. У меня спросили: «Могу ли я гарантировать безопасность посадки вертолета, чтобы забрать груз». Я не знал, как поведут себя бывшие душманы из банды Малана в случае, если при посадке вертолета начнется перестрелка, и решил взорвать противотанковые мины на месте. С двумя саперами мы подложили под мины тротил, развернули шнур и подальше отошли.

С командного пункта постоянно запрашивали по рации об обстановке. Взрыва долго не было, и я уже подумал - не душманы ли перерезали шнур. Решил приблизиться и заглянуть в пещеру. Вдруг прогремел взрыв. В небо взлетело облако пыли и камней. Меня отбросило в сторону, едва коснувшись земли, я бросился прятаться от летевших камней. Через некоторое время, нагрузив на пойманных там же мулов трофейное оружие, начали подъем к своим. До конца службы оставалось 10 дней.

Вечерняя проверка в роте всегда заканчивалась минутой молчания, перечислялись фамилии погибших разведчиков: Шпанка И.Г., Набеев В.С., Манухин М.А., Шикула С.М., Приходько М.В., Широких А.А.

Дорога домой

Уволился я 22 октября 1983 года, в первую партию. Четверо суток ждали в Ташкенте друзей из роты, чтобы вместе отправиться на родину погибших сослуживцев.

С билетами были проблемы, пришлось кое-что продать из трофейных вещей. Ввосьмером прибыли в город Стаханов Ворошиловоградской области, возложили цветы на могилу Шикула Сергея в городе Рубежный и на могилу Шпанко

Ивана. Выполнив свой долг, каждый отправился домой. Долгое время потом я поддерживал связь с мамой Шикула Сергея.

Кабул далекий и безжизненная степь -
Пейзажи эти надоели мне по-горло.
Ты многих не дождешься сыновей,
Земля родная, плачь, рыдай от горя.
Они ушли, покинули тебя,
Им партия дорогу указала.
Иди и выполняй святой приказ,
Чтоб солнце мирное над родиной светило.
Спокойно спите дети и отцы,
Невесты, братья, сестры и родные.
Мы свято держим честь своей страны,
Мы верные сыны твои, Россия.
И собираясь на каком-то торжестве,
Как женщины не плачьте, не страдайте,
А лучше вспомните своих ребят,
Хотя б одной минутою молчанья.

После службы я работал сельским ветеринарным врачом. Немного работал в администрации села, где часто вспоминал слова командира роты: «Дав присягу Родине, Вы теперь государственные люди и теперь служите Родине, правительству и своему народу».

Я не жалею, что в моей жизни были годы службы в Афганистане, где я приобрел боевых товарищей.

Ноябрь 2009 года

Уржунцев Вячеслав Васильевич

Помощь от шурави обязательно придёт, только верьте нам!

Я родился 26 мая 1949 года в селе Елшанка Бузулукского района Оренбургской области в семье участника Великой Отечественной войны (ВОВ), орденоносца, старшины запаса – Уржунцева Василия Петровича. Русский, православный. Образование высшее.

На момент моего рождения отец работал в детском доме в селе, и долгие десятилетия потом ему писали и просили совета бывшие его воспитанники. О каждом из них отец рассказывал различные истории из их жизни, что сделало меня небезразличным к их судьбе. Многим из них он заменил погибших отцов, став их воспитателем и учителем, а также наставником в их последующей взрослой жизни. Отец умер в 1984 году, сказались фронтовые раны, тяжелая жизнь и сиротство в детстве.

Мать моя, Уржунцева (Ратькина) Надежда Яковлевна, в семье была самым младшим ребёнком, а семья у деда была очень большая. Среднюю школу мама окончила в селе, а потом в райцентре - техникум землеобустройства. В послевоенные годы работала в селе по специальности.

О малой Родине у меня остались самые хорошие воспоминания. Вдоль села протекает речка Самарка. За речкой сразу начинается знаменитый Бузулукский сосновый бор. В

тяжелые военные и послевоенные годы жителей села не умерли от голода благодаря тому, что собирали там грибы и ягоды.

Как и все дети того периода, жили мы впроголодь, конфет и сладостей практически не видели. Но зато всё лето проводили на речке. Старшие дети ловили раков, рыбу, варили уху и кормили нас – малышню. Когда у меня в последствии появился брат и две сестры – я точно так же, как старший брат, заботился о них, и они об этом помнят до сих пор.

Родители, когда я был маленьким, переехали в Тернейский район Приморского края, где жили наши родственники по матери. Там родился мой брат Геннадий. Когда брат подрос, мы с ним часто сидели на высоком берегу и смотрели на величавые волны Тихого океана, выносившие на берег различный мусор. Нам это было очень интересно - мы всё ждали бутылку с запиской о помощи.

Из-за влажного климата мать заболела, и мы были вынуждены вернуться в родное село, там родилась сестра Лидия. В возрасте 5-7 лет мы с братом практически были неограниченны в своём свободном времени. Бабушка нас звала только обедать и ужинать, но к этому времени мы уже и сами сидели на завалинке под окном, так как кушать очень хотелось после игр в салки и купания в речке. Речка, рыбалка - летом, зимой - катание на санках с горы на окраине села, вот так и прошли эти годы детства. В 1956 году семья переехала в Среднюю Азию, в городе Чирчике родилась наша младшая сестра - Галина.

Все мы окончили в Чирчике среднюю школу. Я с сестрой Лидой - школу №13, а брат Гена с Галиной – школу №14. До сих пор помню своего классного руководителя учительницу истории Голубец Людмилу Павловну, участницу штурма Берлина в годы Великой Отечественной войны (ВОВ). Она нам рассказывала не только о предмете, но и о прошедшей войне. Её главная заслуга, как педагога, в том, что она воспитала нас настоящими интернационалистами, патриотами Отечества, привила нам не только любовь к Родине, но и самое главное - любовь к истории.

Жили мы в Средней Азии в тот период очень бедно, мать работать не могла – занималась четырьмя детьми, домом и

хозяйством: у нас был небольшой участок с виноградником и огород, а также куры и гуси.

Отец мой, Василий Петрович, имея всего 4 класса образования, работал на стройке, а это тяжелейший физический труд. До сих пор помню, так как уже ходил в школу и многое понимал, - в каких тяжёлых условиях жила наша семья.

В тот период мне и пришлось впервые услышать об Афганистане. На Чирчикском строительном комбинате набирали рабочих на стройки Афганистана, пригласили и отца, но здесь мать приложила все усилия, чтобы отец не уехал, так как считала – дети должны расти с отцом. Конечно, войны никакой в Афганистане тогда не было, но мать пугала неизвестность: «Если что случится с отцом, как ей быть с четырьмя малолетками, как дальше жить?» Но в то время Афганистан мне казался далеко за горами и я вскоре о нём забыл.

Отец, как и многие его фронтовые товарищи, пошёл учиться в вечернюю школу. Так что учились мы с ним одновременно. Фронтовики всей душой понимали пословицу: «Ученье - свет, а не ученье – тьма». Мне кажется, что только благодаря его примеру, трое из нас смогли получить высшее образование, а младшая сестра - среднее специальное. Окончив семилетку, отец смог продолжить учёбу и стать помощником машиниста тепловоза на строительном комбинате.

Самым любимым занятием всех детей было выйти на окраину посёлка и наблюдать за вождением танков и бронемашин курсантами танкового училища. Иногда, за окраиной посёлка, проводились республиканские и городские мотокроссы, но о мотоциклах мы тогда и не мечтали. В городе был большой воинский гарнизон – танкисты, мотострелки, десантники, инженеры и сапёры, были развёрнуты и военные госпитали Туркестанского военного округа. В танковом училище учились старшие ребята из соседних семей, мы любили слушать их рассказы об училище, слушать курсантские песни. Видимо в этом причина выбора мной военной профессии.

После окончания школы я получил специальность слесаря-лекальщика, но работать пришлось кузнецом. Призыв в армию был осенью, и летом все должности лекальщиков

были ещё заняты будущими призывниками. Я тогда принял своё первое самостоятельное решение – стал учеником кузнеца в цехе тугоплавких металлов металлургического комбината «УзКТЖМ». Через месяц я уже работал самостоятельно.

И хотя медицинская комиссия при окончании школы «забраковала» меня для поступления в военное училище, но от своей мечты стать танкистом я не отказался. Позже я лёг на операцию, мне вырезали гланды, и на следующий год я смог по комсомольской путёвке поступить в Ташкентское высшее танковое командное училище имени П.С. Рыбалко (ТВТКУ).

В училище мне пришлось второй раз столкнуться с Афганистаном. После третьего курса войсковую стажировку я проходил командиром танковой роты мотострелкового полка в городе Кушка. Полк был расположен на взгорье, и сверху открывался красивый вид на окрестности и на сам город Кушка, очень уютный и зелёный. До государственной границы с Афганистаном было совсем близко.

Знаменит полк был тем, что в его расположении стоял каменный крест, как нам говорили, один из четырёх крестов царской России, установленных по сторонам света на границах Российской империи. Наш крест отмечал южную границу.

Ежедневно я наблюдал в городе жителей этой соседней, дружественной нам в тот период, страны. Однако уже тогда я понимал, что приезжают к нам не бедняки, а вполне зажиточные афганцы - баи. И хотя приезжали они, как правило, на автомашинах марки «Запорожец», но у каждого был свой водитель, который таскал за ним большой мешок и складывал в него, покупаемые баем в большом количестве, товары народного потребления: сахар и мыло, соль и спички, одежду и обувь и т.д. Там же, в Кушке, в период войсковой стажировки, пришлось познакомиться и с пограничниками. Первый раз, когда на поезде въехали в пограничную зону, у нас проверили документы. Второй раз проверили, когда мы, возвращаясь ночью в Кушку из деревни, куда провожали девушек после танцев, организованных в гарнизонном доме офицеров, заблудились и вышли к государственной границе. Пограничный наряд осветил нас фонарями, увидел, что все мы в курсантской форме, и показал дорогу в город. Всё для нас обошлось благополучно, но потом встреча с пограничниками повторится, и не раз, для меня самым причудливым образом.

Ташкентское высшее танковое командное ордена Ленина училище, в котором я учился четыре года – легендарное. В числе преподавателей были и фронтовики-танкисты, имевшие множество ранений, наград, Они сумели привить нам любовь к танковым войскам. Условия для этого были самими лучшими среди всех военных училищ страны. Мы водили танки, отрабатывали подводное вождение, стреляли штатными снарядами. Танковое училище успешно окончил летом 1971 года. Отпуск провёл с родителями в Чирчике и на малой родине – в Елшанке.

Я был первым офицером в нашем селе. К моей радости, многие мои племянники последовали моему примеру, некоторые и сейчас служат в Российской армии. По окончании отпуска я встретился с однокашниками в штабе Кутаисского корпуса, Закавказского военного округа (ЗакВО). Распределили нас по всему округу. Тогда мы ещё не знали, что офицеры придумали округу другое название – «Забудь, как выбраться отсюда». Военная служба для нас всех началась по-разному. Некоторые из нас, попавшие в соединения, стали на другой месяц уже командирами рот, другие ходили командирами взводов по пять лет. Как офицеры-танкисты мы были подготовлены очень хорошо. Я стал ротным через год с небольшим.

Начал я службу в Закавказье командиром танкового взвода отдельной танковой роты мотострелкового полка мотострелковой дивизии в городе Ахалкалаки. Это небольшой приграничный городок на юге Грузии, на границе с Турцией, но с большим военным гарнизоном. На тот период дивизия дислоцировалась в пограничной зоне. Мы, молодые офицеры, быстро все перезнакомились с такими же выпускниками – ракетчиками, артиллеристами, связистами и мотострелками. В закрытом гарнизоне проводили вечера в доме офицеров: кино, танцы. В выходные – выходили в город, знакомились с жизнью приграничного городка, изучали национальные особенности. Основное население грузинского города, как это ни странно, составляли армяне. Город находился на высоте свыше полутора километров над уровнем моря, и добраться до него от железнодорожной станции Ахалцихе можно было только на автобусе.

Все учения проходили вблизи государственной границы, с соблюдением всех мер предосторожности. Стрельбы проводили не только в долине, но и на горном стрельбище, в районе горы Абул. В тот период там даже камень сохранился, на котором русские царские офицеры написали: «Здесь служил подпоручик…» На этом стрельбище я впервые задумался: «Почему в училище нас не обучали стрельбе в горах, ведь условия в Чирчике по местности были идеальные?» Тогда современных танков в ЗакВО не было, и для того, чтобы на косогоре навести пушку на цель, приходилось прилагать значительные усилия. Но нам, выпускникам ТВТКУ, выросшим под лозунгом нашего преподавателя Жоры Старосветского: «Броня не любит дряблых мышц», это было по плечу.

Этот год был самым насыщенным для меня в период всей военной службы, учёба не прекращалась день и ночь: стрельбы, вождение, тактика, физическая и политическая подготовка и все другие предметы. На всех занятиях приходилось писать и утверждать конспекты. Правда, потом мне это очень пригодилось, и я уже сам в полку и дивизии учил офицеров писать расписания и конспекты.

В Ахалкалаки я сильно удивился тому, что в горах стал бегать кроссы лучше, чем в училище. Возможно, сказывалось высокогорье, а может, я просто повзрослел и понял, что командир должен быть всегда примером для подчинённых – делай как я! Этому принципу я следовал всю свою службу, и даже будучи уже заместителем начальника оперативного управления Главного штаба Федеральной пограничной службы России, в возрасте более пятидесяти лет, первым на проверке выходил на сдачу зачётов по физической подготовке.

Романтика военной службы в ЗакВО захватила меня, и эти впечатления сильны и сегодня: горы и ущелья, высокогорные озёра и стремительные реки, пески и оазисы, памятники старины и главное - чудесные люди. На учениях в составе полка, дивизии пришлось объездить все Закавказье, и до сих пор у меня остались теплые воспоминания о тех простых людях, помнивших войну и знавших, что только дружба народов помогла нам победить. Красивейшие озёра: Севан, Гёль-Гёль, Марал-Гёль и другие оставили сильные впечатления на всю жизнь не только у меня, но и у моих детей.

Как жаль, что теперь мы все разобщены государственными границами и не живем в единой стране.

В мае 1972 года я был переведен для прохождения дальнейшей службы в 23-ю гвардейскую мотострелковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Кировабаде Азербайджанской ССР. Там я стал служить командиром танкового взвода в 131-м гвардейском Бранденбургском танковом полку.

Ныне Кировабад - это город Гянджа. С этим городом меня многое связывает, там я влюбился и женился. Там у меня родился сын.

Полк, как и дивизия, был сокращённого состава. В частях много внимания уделялось командирской подготовке самих офицеров. Первые стрельбы, вождение танков показали мой высокий уровень практической подготовки, и командование полка стало привлекать меня к исполнению должностных обязанностей офицеров управления полка, убывающих в командировки и в отпуска. До назначения на должность командира роты я успел поработать помощником начальника штаба полка по строевой части, начальником финансового довольствия, секретарём комитета комсомола полка, начальником инженерной и химической служб полка.

Командиром разведывательной роты танкового полка я служил более семи лет. Командир полка меня постоянно назначал на исполнение различных должностей в штабе полка, естественно, и начальника разведки полка, поскольку на этой должности они не задерживались и убывали на учёбу в Москву, затем помощника начальника штаба (ПНШ), заместителя начальника штаба, заместителя НШ по мобработе, начальника штаба полка. Исполнение этих должностей дало мне реальную практику штабной работы, пригодившуюся мне в период службы в высших органах военного управления в Москве.

Были в тот период конечно и казусы. В звании старшего лейтенанта я остался за начальника штаба полка и, в соответствии с телефонограммой, убыл в штаб дивизии на совещание. Прибыл к начальнику оперативного отделения, доложил о прибытии, как исполняющего обязанности начальника штаба полка. Оперативное отделение штаба дивизии тогда возглавлял полковник Антонов, участник войны:

«Ну мы дожились, даже в годы войны старлеи редко подымались до начальника штаба полка, а тут … . Можете быть свободным». Естественно, я вернулся в полк и доложил командиру полка о случившемся. Командиром полка в то время был подполковник Бондаренко, толковый, смелый и решительный офицер, буквально через год, выдвинутый на должность начальника штаба другой дивизии. Закончилась эта история для меня очень быстро. Полковник Антонов доложил командиру дивизии о проведённом совещании, отметив, что не было на совещании только начальника штаба танкового полка. «Как не было, - удивился генерал Осадовский, - начальник штаба в полку всегда есть». «Да был какой-то старший лейтенант, - сказал Антонов, - Я его отправил обратно в полк». Через полчаса я уже сидел в кабинете полковника Антонова и до меня одного он ещё раз доводил полученные из округа указания. Кстати, за решение той задачи, комиссия округа отметила наш полк с лучшей стороны, а я стал капитаном. А полковник Антонов в течение пары месяцев был отправлен на заслуженный отдых.

Служба в Закавказье для меня знаменательна и тем, что там пришлось служить не только вблизи государственной границы и по долгу службы взаимодействовать с пограничными отрядами в Грузии, Армении и Азербайджане, но и ещё раз напомнила мне об Афганистане. Сам ввод советских войск в Афганистан в 1979 году, из-за своей секретности, прошел для нас незамеченным. Но в 1980 году, когда информация об участии наших войск в боевых действиях появилась в средствах массовой информации, когда пошли из Афганистана гробы с погибшими воинами, когда «вражеские голоса» заговорили об интервенции с нашей стороны, эта сторона нашей истории уже захватила умы всех жителей страны.

В начале 1980 года наш 131-й гвардейский танковый полк, где я был уже командиром разведывательной роты, выступил с просьбой направить его в полном составе в Афганистан для оказания интернациональной помощи свободолюбивому народу Афганистана. А на тот период в полку ещё служили участники ВОВ. К нашему сожалению, Военный Совет Закавказского военного округа, поблагодарив нас за нашу инициативу, в данной просьбе отказал, так как

войсковая составляющая ограниченного контингента советских войск была заранее определена в составе 40-й общевойсковой армии и находилась уже в Афганистане.

Весной 1980 года я стал старшим помощником начальника оперативного отделения дивизии, а с мая приступил к исполнению обязанностей начальника отделения. 9 мая мой начальник, подполковник Бурдюг Николай Иванович, срочно вылетел на вертолёте в штаб армии в город Баку для убытия советником в Афганистан.

В этом же году, с должности старшего помощника начальника оперативного отделения дивизии, я поступил на учёбу в Военную академию имени М.В. Фрунзе в Москве и стал учиться на основном факультете с офицерами, которые входили в Афганистан в 1979 году и уже имели боевые ордена и медали. В тот период вместе с нами в академии учились и офицеры народной армии Афганистана. Со многими своими однокашниками я впоследствии встречался уже в период моей командировки в Афганистан, а после вывода советских войск из Афганистана - в период учёбы в Военной академии Генерального штаба (ВАГШ).

После окончания ВА имени М.В. Фрунзе я был направлен в военный институт Министерства обороны старшим научным сотрудником. Но это был промежуточный этап, ко мне присматривались, и вскоре меня направили служить в Главное оперативное управление Генерального штаба Вооружённых Сил офицером-оператором.

О службе офицеров Генерального штаба в годы войны я, конечно, читал и знал, что их служба и опасна, и трудна, но действительность показала, что все тяготы и лишения моей предыдущей военной службы были не напрасны, я прошел хорошую школу, уверенно вписался в коллектив «южного направления» и прослужил в нём около десяти лет. По роду службы занимался многими вопросами, но Афганистан стал «краеугольным камнем» всей моей последующей военной службы. К сожалению, из-за закрытости многих вопросов и в настоящее время, многого не расскажешь, но на ряде моментов могу остановиться.

Конечно, участие ограниченного контингента советских войск в войсковых операциях в Афганистане было спровоцировано лидерами афганской оппозиции и теми

иностранными государствами, которые оказывали бандам оппозиции военную, финансовую и политическую поддержку. Генеральный штаб отслеживал все изменения в военно-политической обстановке в Афганистане, вносил конкретные предложения по противодействию экстремистским устремлениям оппозиции. В Афганистане членов бандитских формирований стали называть душманами, а советские солдаты их называли проще – «духами». Для ведения борьбы с «духами» Генеральным штабом был предложен и успешно стал реализовываться метод совместных боевых действий, когда советские войска оказывали помощь народной армии Афганистана в войсковых операциях. Такие войсковые операции вошли в историю, как совместные.

Самостоятельно боевые действия 40-я армия старалась не вести, за исключением отражения нападения душманов на колонны и гарнизоны, посты советских войск. На Генеральный штаб возлагалась роль координатора всех предпринимаемых действий по борьбе с вооружённой оппозицией. Одновременно приходилось вникать и в вопросы обеспечения жизнедеятельности советских войск, оказания гуманитарной помощи населению Афганистана.

В 1987 году я вылетел в Афганистан в составе Оперативной группы Министерства обороны СССР (ОГ МО), возглавляемой генералом армии Варенниковым Валентином Ивановичем, бывшим на тот момент первым заместителем начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. До самого окончания вывода советских войск из Афганистана в феврале 1998 года ОГ МО стала основным координирующим органом, в ведении которой практически оказались все вопросы войны, жизнедеятельности и обеспечения как частей 40-й армии, так и остальных частей Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ). Состав ОГ МО был самым оптимальным, он предусматривал управление войсками, сбор и оценку военно-политической и боевой обстановки, руководство и координацию всеми видами обеспечения деятельности ОКСВ.

В ОГ МО меня назначили на должность заместителя начальника штаба ОГ МО. Начальником штаба группы был генерал-лейтенант Богданов Владимир Алексеевич. Генерал Богданов В.А. был для меня не только моим начальником по

штату ОГ МО, но он же был и заместителем начальника Оперативного управления, в котором я проходил службу в Генеральном штабе ВС. В составе ОГ МО было много офицеров из Главного оперативного управления, главных и центральных управлений видов Вооружённых Сил, штаба тыла и других оперативных служб.

Был период моей службы в Министерстве обороны России под руководством заместителя Министра обороны РФ генерал-полковника Громова Бориса Всеволодовича. Кстати, Громов Б.В. знал меня и раньше, еще до нашей встречи в Афганистане. В период, когда его направили второй раз в Афганистан генералом для особых поручений начальника Генерального штаба, мне, как «офицеру-направленцу» на Афганистан, пришлось готовить различные материалы для его подготовки к заграничной командировке. Поэтому, в период моей службы в составе ОГ МО, мне было легче, чем другим, в общении с командармом. Да и сам руководитель ОГ МО для решения наиболее ответственных вопросов старался к командарму направить меня.

После вывода войск из Афганистана Громов Б.В. командовал войсками Киевского особого военного округа, и мы уже встречались во время его приездов в Москву на различные мероприятия, как правило, на Чкаловском аэродроме, где я как офицер-направленец, на тот период, по должности встречал командующего Средне-Азиатским военным округом. Таким образом, когда я в 1992 году закончил ВАГШ, генерал-полковник, Герой Советского Союза Б.В. Громов уже был заместителем Министра обороны, и он пригласил меня к себе в аппарат.

В 1992-1995 годах я возглавлял группу по делам воинов-интернационалистов при Секретариате заместителя Министра обороны РФ (ЗМО). Многие офицеры из Секретариата ЗМО, в том числе и мои подчинённые, в последствии, после увольнения с военной службы, перешли на работу в Аппарат Губернатора Московской области, где сейчас занимают важные посты в Правительстве Московской области.

Но вернёмся к Афганистану. В период своего нахождения в Афганистане мне особо запомнилось несколько эпизодов.

К первому я могу отнести мое участие в войсковой операции в районе Джелалабада. Летом 1987 года в Индии

опасно заболел и был при смерти духовный лидер пуштун (доминирующих племен Афганистана) А. Хан. Правительство Афганистана обратилось к руководству Советского Союза за помощью в спасении его жизни. Средства на лечение были выделены, но не было уверенности в том, что его жизнь будет индийскими врачами спасена… В этом случае предусматривалось, что если он умрет, то надо будет захоронить его на его родине – в Джелалабаде. Этот фактор играл большую политическую роль, так как позволял, в условиях проводимой руководством Афганистана политики национального примирения, сплотить племена пуштун вокруг народной власти и обеспечить стабильность военно-политической обстановки в стране. Афганистану на тот момент было очень важно перед лицом мирового сообщества продемонстрировать единство афганского общества и приверженность населения курсу национального примирения. Меры, которые были ОГ МО предприняты в Джелалабаде, впоследствии, после смерти А.Хана, позволили не допустить использования афганской оппозицией его имени, в качестве флага в борьбе с народной властью.

Запомнился и случай обстрела расположения штаба 40-й армии. В гости к воинам 40-й армии прилетели артисты, в клубе армии шёл концерт. На сцене выступал Винокур – шутки, прибаутки. Вдруг, нас стали обстреливать реактивными снарядами (РС). В зале находилось больше тысячи человек, не потерявший самообладания Винокур говорит Громову Б.В.: «Товарищ командующий, это недолёт». Не успел он это сказать - ещё один налёт РС. Винокур показывает в сторону разрыва и говорит: «Перелёт. Сейчас, как нас учили по фильмам, нас возьмут в вилку. Если что, считайте наших артистов героями». После первого разрыва из зала вышло много офицеров и генералов, но, конечно, не для того, чтобы спастись, а для принятия мер противодействия обстрелу РС. После третьего налёта РС началась настоящая канонада по окрестностям Кабула. В течение нескольких минут грохот стоял как при штурме Берлина, но обстрел прекратился, и артисты остались, как и мы – живы. Теперь, по прошествии десятилетий, можно сказать, что ощущение было не самое лучшее. Но, мы - военные, за это потом и льготы получили, а гражданские

артисты так и остались без них, как и артистические бригады в годы ВОВ.

Запомнился мне и ещё один знаменательный момент в моей судьбе. К осени 1987 года банды душманов взяли в блокаду город Хост в одноимённом округе (территориальная единица в Афганистане). Советских войск там не было. По информации, полученной от военного советника командира дивизии, была реальная угроза захвата Хоста в течение нескольких дней, так как боеприпасы кончались, а топлива и продовольствия уже практически не осталось. По указанию руководителя ОГ МО генерала армии Варенникова В.И. я срочно собрал небольшую мобильную группу и ночью вылетел военным транспортом в Хост для оценки обстановки на месте. Срок – одни сутки. Мне как общевойсковому офицеру, конечно, привычнее было находиться на земле, она всегда защитит, или по крайней мере в танке. А в Афганистане каждый полёт – это не только риск, это и реальная угроза того, что «стингер» собьёт самолёт или вертолёт в любой точке полёта, особенно на взлете или при посадке.

После взлёта с аэродрома в Кабуле каждый из нас через иллюминатор вел наблюдение за землёй. Честно говоря, я и до сих пор не верю, что это нас спасло бы от «стингера». Мы все были заняты делом, и времени на переживания у нас не было. Я не уверен, что нашего прилёта ждали, хотя шпионы душманов были во всех афганских частях. Но как только мы стали снижаться, и самолет пошел на посадку, при выключенном полностью освещении в салоне, по аэродрому был нанесён огневой удар РС. Когда колёса самолёта почти коснулись покрытия полосы, свет на полосе был включён. Наше счастье, что колёса не попали в воронки от разрывов. Конечно, информация о нашем полёте могла уйти к душманам и из штаба Главного военного советника, который располагался в здании Министерства обороны Демократической Республики Афганистан. Но всё же я думаю, что душманы просто держали аэродром под прицелом, каждый день всё теснее сжимая кольцо окружения вокруг Хоста. Утечку информации о нашем полёте из ОГ МО и штаба 40-й армии я полностью исключаю, так как времени на сбор группы было всего несколько часов, и знало об этом очень мало людей. Я, да и все мои товарищи, а некоторые из них сейчас тоже

живут в Москве, до сих пор вспоминаем ту командировку, а её результат - как божью помощь.

После короткого ночного совещания на аэродроме мы выехали в городок советников отдохнуть до утра. Однако под утро сам городок подвергся ракетному обстрелу. Решение созрело быстро, вспомнил, что в ходе совещания советник докладывал, что боеприпасы у артиллерии практически отсутствуют, но в танковой роте, расположенной на горе, имеется полный боекомплект, являющийся последним резервом. Выехали за ним на УАЗике в расположение танковой роты, но доехать не смогли - на склоне горы кончился бензин. До танковой роты оставалось 200-300 метров. Оставили машину, и бегом в гору к боевым машинам.

Танки стояли в окопах, у каждого свой сектор обстрела. Оценили обстановку, сформировали три экипажа и огнем из танков подавили позиции РС. В течение дня, слив предварительно бензин из нескольких машин для заправки нашей, смогли обеспечить возможность нашего проезда в опорные пункты афганских войск, расположенные вокруг города для того, чтобы убедиться в истинном положении дел: склады горючего пусты, боеприпасы на исходе, продовольствия, кроме муки, нет. Моральный дух афганских солдат низкий, того и гляди сдадут своих офицеров душманам.

Хорошо, что в группе был переводчик, с его помощью провели в подразделениях беседы, пообещали, что помощь от шурави, так называли афганцы советских военнослужащих, обязательно придёт, только верьте нам. За день полосу на аэродроме, конечно, отремонтировали, и мы смогли ночью вернуться в Кабул. Потом был доклад в Москву, выделены средства на помощь и проведение крупнейшей войсковой операции за все годы афганской войны. Но сначала, конечно, наша авиация стала снабжать по ночам осаждённый гарнизон продуктами, боеприпасами, медикаментами и другим необходимым. Эта экстренная помощь помогла афганцам поверить, что наше обещание – не простые слова.

Сама войсковая операция уже была проведена без моего участия. Я вернулся в Москву для подготовки первого этапа вывода советских войск из Афганистана. Тогдашний руководитель СССР – Горбачёв М.С., находясь во Владивостоке, заявил, что мы поддерживаем политику

национального примирения в Афганистане и как акт доброй воли приступаем к поэтапному выводу войск из Афганистана.

Потом была работа в «южном направлении» Генерального штаба по планированию вывода войск, формирование на Центральном командном пункте (ЦКП) состава Оперативной группы Генерального штаба по руководству выводом войск с ЦКП.

После вывода войск из Афганистана, в феврале 1998 года, мне пришлось заниматься созданием воздушного моста по доставке в Афганистан запасов материальных средств. Только благодаря их созданию народная власть смогла на несколько лет удержать власть в своих руках. И только отказ первого Президента России Ельцина Б.Н. от поставок материальной помощи и прекращение поддержки правительства Наджиба привели к ослаблению позиций народной власти и гибели Президента Афганистана.

А ведь, кроме помощи продуктами и материальной помощи, Советский Союз даже в годы войны продолжал строить в Афганистане дома и школы, дороги и аэродромы. Советские войска охраняли газовые и нефтяные разработки, обеспечивали безопасность нашим специалистам. К выполнению этой задачи на севере страны активно привлекались и подразделения пограничных войск КГБ СССР (ПВ). Мотоманевренные группы ПВ, находившиеся в 40-километровой зоне на севере Афганистана, обеспечивали защиту нашей государственной границы на южных рубежах страны.

После окончания военной кампании в Афганистане я поступил в ВАГШ, сдав необходимые экзамены. Позже экзамены были отменены, и слушатели (не ниже заместителя командира дивизии) назначались на учёбу приказом Министра обороны.

Война в Афганистане затронула сотни тысяч семей наших соотечественников. Ветеранское движение, созданное практически сразу после вывода советских войск из Афганистана, сегодня охватывает многие страны.

В последние годы мне приходилось бывать на приёмах, посвящённых Дню независимости, в Посольстве Афганистана в Москве. Сегодня, после десятилетнего пребывания в Афганистане войск западного сообщества, афганцы признают,

что зря они воевали против шурави. Сами афганцы на встречах открыто говорят, что нынешние завоеватели ничего не строят, а только разрушают то, что было построено ещё шурави. И вполне возможно, что после ухода американских и других воинских контингентов, Афганистан опять попросит нашей помощи, но уже не военной.

Сейчас я полковник пограничных войск в отставке, член Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство».

Октябрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана

Ситчихин Елисей Сергеевич

и

Соловьев Кирилл Михайлович

Черноусов Олег Вячеславович

Нам утвердили вариант ночного рейда

В провинции Лагман, по плану зонального военного советника полковника Ушакова В.С. проводились совместные боевые действия частей 1-й АК армии ДРА и подразделений 66-й МСБ по стабилизации обстановки.

Марш по разбитому войной шоссе к провинциальному центру Митерлам, проходил в условиях небывало знойного летнего дня. Выцветшее под беспощадными солнечными лучами безоблачное бледно синее небо, раскаленная броня БТР, нагретые за день каменные склоны гор не успевающие остывать за короткую южную ночь. А рядом вдоль маршрута заманчивый манящий блеск прозрачных вод стремительной реки Лагман. В измученном жарой мозгу невольно возникают соблазнительные картины купания, вынуждая отводить взгляд от водной глади, чтобы не мучить виртуальными картинами жаждущий прохлады организм.

Зато марш прошел без приключений, видимо мятежники расслабились в тени зелени у прохладных арыков, поэтому удалось избежать подрывов и обстрелов. Запыленная колонна остановилась на окраине Митерлана у расположения дислоцировавшегося здесь МСБ 66-й мотострелковой бригады.

Батальон располагался на плоском каменистом плато, на котором сиротливо зеленели несколько одиноких деревьев. Выгоревший на солнце до белизны и иссеченный песчаными бурями брезент палаток, за ровными рядами которых под

маскировочными сетями обнаружились довольно добротные сооружения штаба батальона, узла связи, медицинского пункта, складов. Всюду чувствовался твердый воинский порядок, авторитет и воля командира. Койки аккуратно заправлены, в расположении ни одного праздно шатающегося, готовый к бою наряд дежурных сил и средств.

После ознакомления с обстановкой в зоне ответственности батальона, отправились на совещание с руководством провинции.

Ситуация в провинции сложилась тревожная, влияние народной власти в большей части сельской местности было утрачено. Кроме того, по информации местного начальника Хад (контрразведки) стало известно, что в горном массиве на севере провинции у мятежников имеется крупный склад оружия и боеприпасов.

В этом районе особенно активно действовали бандформирования маоистского толка, которые довольно умело, строили пропагандистскую работу и старались избегать излишней жестокости, что позволяло им расширять базу своих сторонников.

От совещания осталось впечатление, что представители провинциальных властей информацию довели, дозировано и не в полном объеме, так в докладах совершенно не была освещена обстановка на контролируемой властью территории.

Странной показалась их просьба не размещать войска на ночной отдых в городе. Вообще мы этого и не планировали, части уже получили задачу и выдвигались в районы отдыха за городской чертой.

Здесь же получили печальное известие о первых, пока не боевых, но не менее горестных потерях. Женщина военврач со своим коллегой, решили искупаться, в результате мгновенного переохлаждения в ледяной воде она потеряла сознание. Быстрое течение горной реки унесло беспомощное тело на несколько километров, не оставив ни малейшего шанса на спасение. Так мгновенно на чужой сторонушке прервалась молодая жизнь, любовь, мечты и планы, а в далекий Союз, неся горе родным и близким, в чреве Черного тюльпана ушел очередной груз 200.

На первом этапе операции наша задача заключалась в зачистке кишлачной зоны и восстановлении в ней органов

правительственной власти. При проведении зачистки часть войск блокировала населенный пункт, другая развернувшись в стрелковую цепь, действуя совместно с группами сотрудников Хад и Царандоя (милиция) тщательно осматривала сады, жилые и хозяйственные постройки в поисках оружия, боеприпасов и затаившихся представителей бандформирований.

Все взрослое мужское население задерживалось и проходило проверку на развернутых органами МГБ пунктах, при этом попутно решалась задача призыва на военную службу.

Прибыли в район расположения, близость реки и приближающийся вечер несколько снизили неимоверную дневную жару.

У наблюдательного пункта на КП дивизии, заметил странное столпотворение. Оказалось, наблюдатель обнаружил на противоположном берегу реки отряд боевиков, который нагло и неспешно уходил в горы на наших глазах.

Оперативный дежурный на командном пункте и советник начальника политотдела Харинов Н.И. попытались организовать огневое поражение противника, но столкнулись с противодействием группы младших афганских офицеров, которые вполне резонно заявляли, что это может быть группа местных малишей, или отряд Хад, или мирные жители, скрывающиеся от возможного призыва в армию.

Вопрос с «мирными жителями» быстро отпал, так как в окулярах стереотрубы четко просматривались стволы автоматов и винтовок на склоненных под тяжестью экипировки спинах моджахедов. Но сомнения оставались, чтобы не пролить невинную кровь и успокоить «общественность» пришлось связаться с начальником гарнизона для получения подтверждения об отсутствии на противоположном берегу реки подчиненных ему подразделений.

Офицерами устроившими «митинг протеста» занялись политработники и начальник контрразведки дивизии. Подобные действия недопустимы в регулярной армии и видимо здесь не обошлось без подстрекателей.

Время было упущено, извилистая змейка колонны противника приближалась к повороту за склоном горы. Ближайшим огневым средством, способным достать

ускользающую банд группу, были 14,5-мм пулеметы ПКВТ на двух БТР-60пб.

Николай Иванович, выпускник Ульяновского гвардейского танкового училища в совершенстве владел крупнокалиберным пулеметом, и пока наводчик командирского БТР только готовился к открытию огня, он несколькими очередями накрыл противника.

Были хорошо видны фигурки душманов, разбегающиеся в поисках укрытия за ближайшими валунами. Банда была рассеяна, а остаток пути до спасительного поворота моджахедам видимо пришлось преодолевать ползком по-пластунски.

Возможно, провинциальному руководству было известно о присутствии в городе отрядов мятежников, отсюда их настойчивые просьбы не располагать войска в пределах городских кварталов. Ведь возникни боестолкновение на городских улицах и были бы неизбежны жертвы среди мирного населения и разрушения.

На следующий день выдвинулись в район боевых действий, остановились у последнего поста местного ополчения, на котором атрибутами принадлежности к государственной власти развевались два флага – красный и трехцветный ДРА.

Впереди зеленовато-серыми бусами, словно нанизанными на нитку реки виднелись, впавшие в грех оппозиции, кишлаки. Первая половина дня прошла без результата, кроме охотничьих ружей, да древних кремневок ничего обнаружить не удавалось.

Наконец, от начальника контрразведки дивизии поступил доклад о задержании нескольких боевиков, их готовили к отправке в следственные органы МГБ в Джелалабад. Вертолеты ожидались вечером, днем полетам мешала высокая температура воздуха, поэтому время на допрос было.

С начальником штаба и начальником разведки дивизии выехали на пункт проверки. В тени дерева на корточках с совершенно безразличным видом сидело пять бородачей, внешне ничем не отличных от местных крестьян.

Начал выяснять у офицера Хад причину задержания. У них в карманах обнаружили боеприпасы, и показывает мешочек с тремя десятками патронов к английской винтовке Бур времен первой империалистической. Но в отрядах

мятежников к этим винтовкам давно утрачен интерес, они в достаточном количестве получают современное оружие. Реально эти пятизарядные магазинки остались у части населения как средство самозащиты и охоты, да в племенных отрядах самообороны. Пока существовал спрос, патроны к ним производились в Пакистане полукустарным способом.

Пообщался с пленными, трое из них оказались местными жителями, а двое якобы прибыли из соседнего кишлака в дукан за покупками, документ подтверждающий их место жительства, у них имеется.

Видя на моем лице явное разочарование, контрразведчик сообщил, что у него есть свидетель бача (мальчик), который опознал этих людей и указал на них как на участников бандформирования.

Вскоре показался начальник разведки дивизии, с которым оживленно беседовал стройный паренек в тюбетейке. На худеньком плече юноши покоился видавший виды старенький ППШ, отполированный кожух ствола которого, лишившись за долгую службу воронения, блестел на солнце белым серебром металла.

Оказалось мальчику 14 лет, он член молодежной организации и состоит в отряде самообороны. В глаза бросилась несовместимость доброй наивной еще детской улыбки и совершенно взрослый строгий и спокойный взгляд. Мальчик оказался грамотным, учился в школе, но сейчас он единственный кормилец в семье, поэтому учебу пришлось прервать и поступить на службу малишом (ополченцы подчинялись пограничным войскам). В отряде самообороны он занял место отца и получил его оружие.

Отец год назад был захвачен душманами, уведен в горы, судьба его неизвестна. Трагедия произошла в соседнем кишлаке, население которого вроде придерживалось нейтральной позиции. В нем располагался единственный в ближайшей округе дукан, в котором отоваривались жители как с территории контролируемой мятежниками, так и населенных пунктов поддерживающих государственную власть. Единственным условием для посещения магазина было отсутствие оружия.

Отец после завершения дежурства оставил свой автомат на сторожевой заставе и с сыном отправился в дукан за

покупками. На их беду в кишлаке находилась вооруженная группа боевиков, которым хозяин дукана выдал отца и со своими подручными оказал им помощь в момент захвата. На мальчишку, в суматохе, не обратили внимание, и ему удалось скрыться.

Так внезапно закончилось детство и на неокрепшие плечи подростка легла взрослая забота по содержанию многочисленной семьи, а в душе появилась беспощадная ненависть к соплеменникам, лишившим его близкого человека.

Когда стало известно о предстоящей войсковой операции, он напросился участвовать в зачистке в составе подразделения МГБ и вывел группу контрразведчиков на своих обидчиков.

Попытался убедить мальчика, что революции и войны рано или поздно заканчиваются, а чтобы строить новую жизнь, нужны грамотные люди, хорошие специалисты. Да и не детское дело война, ведь оружие в руках требует огромной ответственности при его применении, можно и невинные души загубить.

В ответ он привел мне примеры из советской истории с её юными героями времен гражданской и Великой Отечественной войн. Оказывается, к стыду современного российского поколения молодых людей выбравших пепси, афганский мальчик читал «Как закалялась сталь» Николая Островского и «Молодую гвардию» Фадеева. Чувствовалось, что эти произведения сыграли большую роль в формировании его мировоззрения и характера. Что же касается оружия, и он ласково похлопал ладонью по ложу автомата, то буду стрелять только в вооруженных врагов, если они попытаются проникнуть в мой кишлак.

У афганского домостроя есть хорошее правило, если в семье умирает кормилец, то заботы о его семье берет старший брат. Конечно, и у этого мальчика были родственники, и помощь посильную оказывали, но понимая, что всем тяжело он старался обойтись своими силами и сохранить независимость семьи. Кроме того в ребёнке жила надежда, что случится чудо и папа вернется. Расставался с пареньком с чувством глубокого уважения, по-взрослому пожал ему руку и пожелал удачи.

Комсомольская свадьба

В Афганистане уже начало формироваться новое поколение, которое стремилось к современной цивилизации, однако зона влияния правительства была слишком ограничена территориально, поэтому повлиять на думы и чаяния большинства населения не было возможности.

А новое прорывалось даже на бытовом уровне. В Афганистане всегда существовала проблема брака, за невесту нужно было платить достаточно большой калым, который был не всем по карману. Например, в провинции Кунар за подругу жизни, нужно было выложить сумму в триста тысяч афганей. Столько примерно стоил автомат АКМ на черном рынке, что иногда было поводом для дезертирства с оружием.

Молодой лейтенант с артиллерийского полка дивизии заприметил за высоким глинобитным забором соседнего дувала кареглазую красавицу. Между молодыми людьми возникла симпатия. Общались по вечерам, когда девушка, скрываясь от бдительных родительских глаз, поднималась в укромное место на стене, видимо облюбованное ею еще с детства. Постепенно возникла привязанность и любовь.

Офицер попытался идти традиционным путем и обратился к родителям девушки со сватовством. Однако глава семейства оказался неимоверным скрягой, его больше волновал личный доход, чем счастье дочери. Он потребовал огромный для доходов лейтенанта калым.

Тогда молодые офицеры дивизии члены «Дома» (аналог комсомола), предложили сыграть комсомольскую свадьбу. Молодежь собрала необходимую сумму для её проведения и начала семейной жизни, командир полка выделил жилое помещение.

Девушка в назначенное время выпорхнула, словно птичка из сурового родительского гнезда, навстречу обретенной любви и новой свободной жизни. В последующем, правда, пришлось перевести офицера на другое место службы в Кабул, дабы уберечь молодую семью от родительского гнева.

Допрос пленного

Но вернемся в провинцию Лагман. После расставания с юным афганским героем мы с начальником штаба дивизии обнаружили исчезновение начальника разведки и одного пленного. Со слов охраны задержанный боевик обещал показать разведчикам место размещения склада оружия и боеприпасов, у нас появилась слабая надежда на результативность завершающегося дня.

Надо отметить, что начальник разведки обладал чутьем на источники информации и не очень жаловал противника. Это был смелый и бескомпромиссный к врагам офицер, а к душманам у него были свои личные счеты, не раз его жизнь буквально висела на волоске. В начале восьмидесятых годов мятежники, пользуясь близостью границы с Пакистаном, начали масштабную операцию по захвату провинции Кунар.

Первым под удар попал 31-й ПП в Асмаре, где в то время проходил службу Мир Ака. Гарнизон был блокирован и после длительного сопротивления, под воздействием тягот осады, предательства и разложения части личного состава началась сдача в плен. Он с частью офицеров и солдат пошел на прорыв, в ходе боя был отрезан от своей группы и прижат к берегу реки.

От неминуемой гибели, спасла находчивость и физическая выносливость. На берегу лежал сучковатый ствол срубленного на дрова дерева, Мир Ака столкнул его в реку и, держась за сучья, нырнул в ледяную воду Кунара.

Когда на берегу появлялись душманы он, задерживал дыхание, погружаясь с головой под древесный ствол, а быстрое течение довольно скоро вынесло его закоченевшее тело в безопасное место.

Через пару часов, в ходе перемещения в новый район, у живописного арыка, берега которого были покрыты сочной зеленью, не поддающейся даже испепеляющим лучам солнца, обнаружили БТР начальника разведки.

На берегу лежал пленный мятежник, голову которого периодически погружала в воду крепкая рука школьного сержанта из разведывательного батальона. Допрос в столь жесткой форме был немедленно прекращен.

Оказалось, пленный действительно пообещал вывести разведчиков на склад, но при этом затеял свою игру, несколько раз менял показания, а при удобном случае во время осмотра указанного им дувала попытался сбежать. В конце концов, терпение разведчиков лопнуло, и они устроили несостоявшемуся беглецу «водяную купель».

Пленный не обладал серьезной информацией, но видимо за ним водились немалые грешки, возможно и кровавые, что он смертельно боялся встречи со следователями органов МГБ и попытался морочить голову разведчикам, а своей головой готов был терпеть купание в арыке лишь бы остаться при дивизии. Ведь при перемещении войск и отсутствии условий для содержания пленных, всегда найдется удобный момент для побега.

Обычно пленные мятежники и задержанные по подозрению в причастности к антиправительственной деятельности проходили стандартный допрос у контрразведчиков дивизии, после чего передавались органам госбезопасности провинции.

Запомнились два курьёзных случая по этой теме. Во время зачистки в районе Чаукаи, царандоем был задержан местный житель по подозрению в сотрудничестве с душманами. «Мятежником» оказался баба (дедушка), такой же древний, как и окружающие нас горы. На столе лежали надорванные нелегким крестьянским трудом руки, губы от возраста настолько задубели, что не чувствовали ползавшую по ним муху.

У офицера контрразведки в руках была справка, что этот человек является помощником гранатометчика в отряде ИПА. На справке стояла выцветшая за давностью печать полевого командира, который, скорее всего давно сгинул в огне многолетней гражданской войны.

Видя, благожелательное к нему отношение баба разговорился, оказывается всему виной женщины. Старшая жена приревновала его к более молодой и, чтобы отомстить за смену любовных приоритетов, передала справку сотруднику МВД. Ну а справку дедушка получил, когда власть в провинции была неустойчивой, и довольно часто менялась. Тогда он был немного моложе, кишлак захватили мятежники и всех мужчин зачислили в свои формирования. Для боя такие

престарелые «воины» не годились, но в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции их можно было использовать.

На всякий случай, как и положено умудренному жизнью человеку он хранил эту злосчастную бумагу.

Люди были запуганы насилием и полностью дезориентированы политически. Память хранила массовые расстрелы в период правления Амина, и дикую жестокость оппонентов власти из отрядов «непримиримых». Поэтому народ приспосабливался и обзаводился при случае всевозможными бумагами подтверждающими лояльность к различным оппозиционным течениям. Главное не перепутать и достать из сундука при очередной смене власти нужную справку.

Пришлось извиниться перед старым человеком, напоить его чаем, и отпустить к привередливым женам.

Но вернемся к теме пленных боевиков, далеко не все из них были непримиримыми борцами за веру, некоторые даже умудрялись прижиться в захвативших их частях и подразделениях.

В провинции дислоцировался батальон спецназа Джелалабадской бригады. На КПП батальона довольно долго находился афганец, который открывал шлагбаум, а при появлении офицеров бодро отдавал честь, при этом приветствовал их возгласом «Слава советским десантникам!».

Оказывается, это был душман, которого захватили в плен во время боя. Поскольку он хорошо знал местность, где планировалась, очередная боевая операция спецназовцев и выразил готовность быть проводником, его оставили при батальоне.

Вначале держали под охраной, потом поставили на довольствие, а заботы о нем поручили наряду по КПП. Между ровесниками, несмотря на языковый барьер, быстро установились вполне дружеские отношения. Бойцы знакомили своего визави с русским языком и премудростями солдатской жизни.

В конечном итоге боевой выход в данный район не состоялся, и пленного отпустили за ненадобностью, учитывая его хорошее поведение.

Неожиданная встреча

Наш БТР, нагоняя ушедшие вперед войска, въехал в кишлак, где завершалась зачистка. Поразила звенящая тишина на его окраине, в дувалах не было заметно признаков человеческой деятельности.

Обычно над ними уютно вились струйки дымков от глинобитных печей, на которых местные домохозяйки ловко готовили лепешки для своих многочисленных семейств, слышалось блеянье коз, а со стен и подворотней выглядывали любопытные чумазые детские головки.

Спешились с брони, чтобы размять затекшие мышцы и осмотреться. В душе нарастало нехорошее предчувствие, может зачистку войска проводили слишком жестко, что напугало местное население.

Внимание привлекла блеснувшая между стволов деревьев вода, на тропинке к водоему внезапно встретился с афганским мужчиной лет тридцати пяти. Вот думаю удача, можно от первоисточника узнать мнение о действиях войск.

С широкой славянской улыбкой на пыльной физиономии поприветствовал, ошарашенного незнакомца обычным в таких случаях набором слов, пожелав ему четуростей, хубостей, цанге цангей и прочих благ. А в ответ тишина, наконец, подошел переводчик и объяснил, что шурави не хотят причинить ему зла, нас только интересует, куда делось население и есть ли обиды на действия войск. На все вопросы человек твердил только одно слово - хуб, хуб (хорошо).

Надолго запомнился взгляд этого крестьянина, в его глазах был просто океан тревоги и беспокойства, а вместе с тем полная покорность судьбе, что самому стало от этого неловко. Мы извинились, что оторвали человека от дел, пожелали ему доброго пути.

В душе остался горький осадок, от возникшего ощущения, что нас советских людей могут воспринимать как источник опасности. Позже выяснилось, что население под воздействием хорошо организованной мятежниками пропаганды об «ужасах» предстоящих действий правительственных войск, вместе с козами, овечками и собаками попряталось в ближайших ущельях.

Решили ограничиться зачисткой кишлака и не трогать прилегающую к нему местность, чтобы развеять опасения перепуганных жителей и создать им условия для возвращения, ведь в пещерах и редких кустиках долго в горах не просидишь.

Поскольку в кишлаке в каждом доме для присмотра за хозяйством кто-то остался, в основном это были мужчины, то имелась возможность проведения своих агитационных мероприятий. Этим занялись представители власти, а для силовых структур главным аргументом контрпропаганды было отсутствие мародерства и лояльное отношение к местным жителям.

Война создавала экстремальные условия, для большинства жителей в Афганистане, многим приходилось буквально «сидеть на чемоданах». И народ к этим условиям приспосабливался.

Мы давно заметили, что при овладении населенными пунктами, особенно у границы с Пакистаном, в покинутых жилищах была удивительная пустота. Вроде налицо все признаки недавнего присутствия людей, в рукомойнике еще не остыла вода, в очаге тлеет чуб (дерево, дрова), у арыка брошенный недомытый от остатков пищи чан, а в комнатах дувалов только голые стены, да самодельные деревянные кровати. Возникало сомнение, неужели люди весь домашний скарб, нажитый за долгие годы, каждый раз с появлением войск тащат на себе.

Разгадка наступила во время боевых действий в районе Мару. В захваченном после боя кишлаке мы увидели знакомую по кадрам из фильма «Свадьба в Малиновке» картину. Несколько военнослужащих царандоя соседней провинции, с чувством выполненного воинского долга, бодро тащили на спинах огромные целлофановые тюки, набитые разноцветными одеялами, подушками и прочей постельной принадлежностью.

Начальник политотдела дивизии полковник Хабиб Рахман, под угрозой расстрела за мародерство заставил их вернуть на место чужое добро, которое хранилось в искусно замаскированных ямах рядом с жилыми постройками.

Дезертиры

Кишлачная зона заканчивалась, ущелье Лагман начинало резко сужаться, а впереди сурово маячил труднодоступный горный массив. С его западной стороны возвышались крутые горы, частично покрытые мелкорослым лесом и колючим кустарником, причем именно здесь проходила единственная оригинально сооруженная навесная дорога.

В склонах гор вырубка дорожного серпантина была неглубокой и играла роль опорной части, к которой на металлических распорках под углом крепилась стальная сетка. В карман образованный сеткой был насыпан хорошо утрамбованный камень, образуя большую часть дорожного полотна, которое хрупко висело в воздухе над глубокой бездной ущелья.

Для ишаков, лошадей и гужевого транспорта прочности этого шедевра инженерной мысли было достаточно. Использовать её для движения боевой техники, было весьма проблематично и опасно, а применение тяжелой техники было невозможно.

С востока горы были ниже, более плоские и совершенно голые, изредка встречались редкие островки засохшей травы и колючек. Но главное, здесь отсутствовали даже пешеходные тропинки, войска могли воспользоваться только звериными тропами, которые причудливо петляли по каменистым склонам.

Все это каменное великолепие, словно гигантским мечом было рассечено глубоким узким ущельем с почти вертикальными стенами, на дне которого зажатая в каменных тисках шумно бесновалась в белых гребешках бешеного течения горная река.

Пока мы занимались изучением впереди лежащей местности и прикидывали альпинистские возможности нашего войска, в расположении тылов дивизии раздались частые минометные разрывы. Постепенно серые фонтаны разрывов начали приближаться к штабным палаткам КП дивизии.

Вдруг, обстрел также внезапно, как и начинался, прекратился. По информации, поступившей со сторожевых застав, огонь велся с небольшой высоты, занятой минометной батареей 69-го ПП. Несмотря на интенсивность обстрела

потерь среди личного состава и повреждений техники не было. Чувствовалось, что огонь велся спешно, корректирование стрельбы осуществлялось на глазок.

Катастрофическая нехватка пехоты заставляла нас использовать при зачистке местности на блок постах подразделения различных родов войск. Миномётная батарея в качестве сторожевой заставы прикрывала правый фланг подразделений зачистки и одновременно блокировала на своем направлении возможные попытки прорыва из кишлака противника.

Рядом с КП дивизии располагались огневые позиции 46-го АП. Советник начальника артиллерии дивизии опытнейший артиллерист быстро подготовил данные для стрельбы. Расчеты гаубичной батареи, привычно ухватившись за станины, развернули стволы орудий на 180 градусов и замерли в готовности к открытию огня.

От немедленного уничтожения артиллерийским огнем предательской минометной батареи удерживала неясность обстановки. Вдруг батарея захвачена противником, тогда от нашего огня мог пострадать плененный личный состав. В измену не хотелось верить, всё же в артиллерийские подразделения старались набирать лучших, наиболее грамотных людей.

Единственный ближайший резерв, которым мы располагали комендантская рота дивизии на двух БТР, оставляя за собой пыльные шлейфы, помчалась в сторону позиций минометчиков. Вскоре поступил доклад, у подножья высоты обнаружили несколько офицеров и сержантов батареи, на вершине брошенные минометы и тела расстрелянных офицеров и партийных активистов.

Позже выяснилось, что в батарею попала группа агентов мятежников, которые были внедрены с целью освоения дефицитных воинских специальностей и ведения пропагандистской работы по разложению и склонению к дезертирству военнослужащих.

Со слов выжившего офицера, буквально за несколько минут до начала мятежа его предупредил один из солдат, но предотвратить трагедию не удалось, на НП батареи уже началась стрельба и расправа над командным составом. Ему с

небольшой группой чудом удалось скрыться и избежать печальной участи своих товарищей.

Организаторы мятежа числились как наиболее дисциплинированные и подготовленные военнослужащие, им удалось втереться в доверие к командирам, при этом запугать большую часть солдат и склонить их к предательству.

Значительную часть личного состава составляли безграмотные люди, которые не могли читать и писать. При получении денежного довольствия в ведомости вместо росписи многие оставляли чернильный отпечаток пальца, или личной печатки на бронзовом перстне.

Для этих людей были одинаково непонятны идеи социализма, провозглашаемые властью и призывы к джихаду против неверных декларируемые оппозицией. Поэтому в большинстве случаев к дезертирству толкал страх за собственную жизнь, а также стадный принцип идти туда, куда склоняется большинство.

Видимо место для акции было выбрано не случайно, мятежники хорошо знали местность, все наши попытки обнаружить и покарать изменников не увенчались успехом. Три десятка вооруженных людей буквально растворились в складках горной местности.

Это был первый за мою службу массовый уход целого армейского подразделения на сторону противника, в последующем нам доведется еще дважды столкнуться с подобными случаями. Причем оба произошли в элитных подразделениях.

Мы получили информацию от надежных источников, что через территорию провинции из Пакистана должен проследовать крупный отряд с грузом оружия и боеприпасов. Было принято решение организовать засаду на пути его движения в районе Гатулай.

Недалеко в заброшенном кишлаке, на стене разрушенной школы ностальгическая надпись, сделанная в тоске по Родине экипажем нашего танка: «Хотим домой в мае экипаж танка 434». Скорее всего, это след 1981 года, когда в провинции Кунар проводилась частями 40-й армии крупная войсковая операция, по её освобождению от мятежников.

Танкисты видимо действовали в сторожевом охранении, контролируя выход из ущелья, возможно у них приближался

срок демобилизации, который с началом боевых действий мог задерживаться.

Готовились тщательно. Удачно выбрали место засады, продумали вопросы огневого обеспечения, а главное меры по обеспечению скрытности выхода в район засады.

К засадным действиям привлекался разведывательный батальон дивизии, очень надежное подразделение. Обычно кандидаты для службы в нем проходили основательную проверку на благонадежность. Но в какой-то момент система дала сбой, в батальон под видом новобранцев попали хорошо законспирированные агенты оппозиции.

По плану засады боевой порядок батальона строился углом назад. Две разведывательные роты занимали позиции на входе в ущелье по обе его стороны, а одна перехватывала караванный путь в глубине по центру ущелья. Основное поражение противнику планировалось нанести минами направленного действия, а затем завершить его уничтожение огнем стрелкового оружия с флангов и фронта.

В район засады батальон удалось доставить незаметно, под видом сопровождения транспортной колонны. Бойцы, назначенные, для действий в засаде лежали под тентами в кузовах автомобилей, скрытые от глаз вражеских лазутчиков.

Короткая остановка напротив безлюдного входа в ущелье и скрытые вечерними сумерками три пеших колонны крадучись двинулись на свои позиции. При этом мы поддерживали связь с источником информации, который должен был сообщить о начале движения противника.

На следующий день утром командир разведывательного батальона сообщил по радио, что на левом фланге засады слышны звуки боя, командир роты на связь не выходит. Мы подумали, что наше подразделение столкнулось с охранением противника. Командир батальона с резервным подразделением выдвинулся к позициям роты и увидел печальную картину, на высоте лежало полтора десятка бездыханных тел.

Погибли все офицеры, сержанты, партийный актив роты. Все они стали жертвами вероломного предательства, большинство погибло мгновенно от огня в упор своих «сослуживцев», некоторые успели оказать сопротивление в скоротечной схватке, о чем свидетельствовали обрывки бинтов и следы крови на пути бегства мятежной роты.

В конце 1987 года ушел к противнику взвод управления начальника артиллерии, человек девять. Правда, обошлось без жертв, это было подразделение «интеллигентов», там были сосредоточены только образованные люди, не способные на кровавые акции. Они вредили тихо, незаметно, но достаточно эффективно.

С начальником артиллерийского наблюдательного поста, бывшим школьным учителем можно было, и пофилософствовать на различные темы. К сожалению именно учитель оказался организатором и вдохновителем подпольной группы мятежников.

Так сложилось, что в дивизии у начальника артиллерии взвод управления числился только по штату, реально его не было. Причина в низкой укомплектованности личным составом, людей не хватало для боевых подразделений, поэтому большинство «новобранцев» призванных методом отлова в населенных пунктах мужского населения, использовались для их пополнения.

Советник начальника артиллерии полковник Слюсарчук Л.Г., очень грамотный и подготовленный офицер взялся за непростую задачу в короткие сроки подготовить это небольшое, но очень важное подразделение боевого управления. В дивизию, после окончания курсов «Выстрел» прибыл энергичный начальник артиллерии майор Бариолай, нужно было обеспечить его необходимыми силами и средствами управления.

В учебном батальоне при подборе грамотных курсантов для комплектования взвода, обнаружили учителя математики, для наших артиллеристов это была ценная находка.

«Учитель» с энтузиазмом отнесся к освоению престижной специальности и даже порекомендовал нескольких курсантов, видимо своих сообщников по подполью.

Благодаря педагогическому мастерству Леониду Григорьевичу удалось быстро подготовить взвод к боевой работе. Курсанты освоили лазерный дальномер и средства связи, научились вести разведку и корректировать огонь артиллерии.

Наступили осенние дни уходящего года, готовился к выводу ограниченный контингент советских войск в ДРА, что вызвало резкую активизацию вооруженной оппозиции.

Асадабад ежедневно подвергался массированным обстрелам, каждый из которых приносил новые жертвы и разрушения.

Отбиваться могли только ответным артиллерийским огнем, сил для войсковой операции не хватало. На окружающих высотах развернули целую сеть наблюдательных пунктов, в том числе и от взвода управления начальника артиллерии, с которых велась разведка целей и корректирование огня.

Доверие к его бойцам было полное, что нередко они выходили на позиции без офицеров. Потом мы стали замечать, что резко повысилась точность огня противника.

Очередной залп и попадание в складированные на аэродроме ракеты к РПУ «Град», которые от сработавших при поражении осколками маршевых двигателей, огненными хвостами комет долго носились по летному полю.

Потом несколько попаданий в здания электростанции, штаба дивизии и провинциального комитета. Сразу возникло подозрение, что огонь противника корректируется из нашего расположения.

Подключили к поиску вражеских корректировщиков сотрудников Хад, а в дивизии организовали прослушивание эфира. Вскоре с началом очередного обстрела удалось установить радиостанцию корректировщика, к нашему удивлению и огорчению, огонь противника направлялся с АНП взвода управления начальника артиллерии.

Правда, захватить агентов противника не удалось, до прибытия группы захвата их успели предупредить доброжелатели. На наблюдательном посту остался лазерный дальномер, он оказался слишком тяжел для ходьбы в горах. С собой мятежники унесли стереотрубу, радиостанцию и личное оружие.

По пути на поросших густым лесом склонах огромной горы Качбарисар они натолкнулись на дружественное нам горное племя, мы регулярно оказывали этому племени гуманитарную помощь мукой, сахаром и одеждой.

Горцы быстро сориентировались и разоружили непрошенных гостей. Правда по законам своего племени они не стали их задерживать и позволили уйти.

Вскоре старейшины племени в знак дружбы и верности договорным обязательствам вернули дивизии стереотрубу и радиостанцию, ну а Калашниковы все же приватизировали.

Как мы не ухитрялись и какие только не обещали блага, добиться возвращения оружия не удалось. Для бедного племени наличие нескольких автоматов в отряде самообороны было серьезным фактором безопасности и суверенитета.

Что касается дезертиров одиночек, то это явление присутствовало постоянно, в основном дезертировали во время боевых выходов.

Безусловно, это не умаляет высоких боевых качеств афганского солдата, отличительными чертами которого были физическая выносливость и неприхотливость, дисциплинированность и безусловное подчинение командирам, наверное, врожденная любовь к оружию и поразительное стремление овладеть военной специальностью.

Серьезных недостатка было два, это большой процент абсолютно неграмотных людей и отсутствие идейной мотивации службы. Но оба эти недостатка в большей части можно отнести к власти, которая не смогла решить проблему массовой безграмотности в стране и не выработала понятной для простого населения идеологии, за идеи которой люди готовы были проливать свою кровь.

Был период, когда остро встала проблема нехватки водителей, поступление из учебных центров прекратилось, нам предложили организовать их подготовку на учебной базе дивизии. Но найти полторы сотни хотя бы полуграмотных солдат для этой цели оказалось невозможным. Новенькие ЗИЛы и газики простаивали в парке, а дивизия задыхалась от перебоев со снабжением.

Пошли на риск, стали готовить водителей из абсолютно безграмотных солдат, которые в своей молодой жизни были знакомы только с орудиями труда лопатой, мотыгой, да топором.

Только высочайшее методическое мастерство и грандиозное терпение советников заместителя командира дивизии по вооружению и начальника автомобильной службы Горбачева Е.И. и Кармазина А.А., помноженное на огромное желание курсантов освоить ценную и престижную в Афганистане специальность позволило сделать невозможное.

Готовили по специально разработанной упрощенной программе, все занятия только практические, общее устройство автомобиля изучалось путем устного запоминания названий и функций узлов и агрегатов. Занятия по вождению буквально выматывали, каждое из них могло закончиться катастрофой, увечьями или гибелью людей. Подбор курсантов осуществлялся собеседованием, в ходе которого мои коллеги умудрялись почти безошибочно определить технические наклонности у людей.

Наш опыт себя оправдал, за рулем новоиспеченные водители чувствовали себя вполне уверенно, правда осталась проблема с устранением мелких неисправностей часто возникающих в пути.

Сон в горах

После трагической эпопеи с минометной батареей, продолжилось наше медленное, но упорное движение вглубь провинции Лагман, главной движущей силой было твердое управление организованное руководителем боевых действий полковником Ушаковым Виктором Сергеевичем.

На этого энергичного, грамотного и требовательного офицера казалось, и дикая жара не действует, любые сложные вопросы им решались оперативно, тут же войскам уточнялись задачи, и движение вперед возобновлялось.

В дивизии шла передача сторожевых застав подразделениям МВД и МГБ, после чего короткий отдых и выполнение изнурительной задачи по блокированию восточной стороны ущелья, с её «лысыми» вершинами и козлиными тропами.

Вход в «угрюмый» горный массив уже был захвачен передовыми подразделениями наших войск, там после организации предстоящих боевых действий, мы остановились на отдых.

Всё же в кишлаках дышалось легче, зелень и арыки снижали воздействие безжалостного потока солнечных лучей. Развернуть в наступающих сумерках места для отдыха не успевали, укладывались среди скал на крутом склоне горы. Вещевой мешок под голову и постель готова. Была надежда,

что ночью с гор потянет прохладой и под её живительными потоками удастся немного поспать.

Но сон не шел, спина готова была терпеть жесткую твердь горной породы, но смириться с теплом излучаемым скалами было невозможно. Когда от усталости проваливался в короткое забытье, снились благостные картины сибирской зимы.

Огромные белоснежные сугробы, руки загребают пушистый снег, высыпают его на голову и грудь, рядом ледяные глыбы, заготовленные на Иртыше для любителей зимней скульптуры, сейчас обниму одну из них, прижмусь к ее холодной хрустальной поверхности и станет легче.

Но душное безветренное тепло «горной микроволновки» снова возвращает к реальности, над головой чужое черное небо, а руки лихорадочно шарят по неровностям скалы в поисках прохладного места, хотя бы щелки со сквознячком.

Глоток из фляжки, мокрый носовой платок на лоб и опять снится сказочный такой желанный хруст снега под ногами, багровый закат уходящего зимнего дня.

Увы, не все сны сбываются, непомерная духота, и её верная спутница бессонница сопровождали нас до завершения боевых действий.

Спор в дукане

Как ни странно, но в этом казалось забытом аллахом месте к склону горы, словно птичье гнездо прилепился дукан.

Видимо, до нашего вторжения, в этих местах было достаточно многолюдно, по единственной дороге в обе стороны сновали пешие и конные, останавливались на постой караваны. Хозяину его торговое заведение, похоже, давало вполне приличный доход.

Советник начальника политотдела с переводчиком, воспользовавшись паузой в боевых действиях, решили пополнить в дукане запас сигарет. При этом они стали свидетелями забавной картины.

Бравый крепыш из ДШП, оживленно и довольно напористо спорил с хозяином дукана.

Оказывается, солдату приглянулись авторучки «Пилот», афганей у него естественно не было, а рублевые чеки на дуканщика не производили впечатления.

Это в Кабуле, или Джелалабаде в обменных точках предприимчивых афганских бизнесменов, в ходу была любая валюта и её заменители в виде наших чеков предназначенных для сети Военторга.

Хозяин дукана был явно напуган появлением необычного для этих мест покупателя, но выработанный годами торгашеский менталитет и природная хитрость, перевешивали чувство страха.

Поняв, что традиционных денежных средств у бойца нет, он предложил в качестве презента за спасение от «душманского ига» одну ручку, но солдат упорно показывал на пальцах, что ему необходимо двадцать.

При этом, торговец опасливо косился на штык, выглядывающего из под правой руки бойца ствола автомата. Николай Иванович быстро взял процесс торговли в свои руки и поинтересовался, зачем солдату такое количество ручек.

Оказалось на весь взвод, для конспектов на политзанятиях. Вообще в искренность данной мотивации верится с трудом, но в находчивости солдату не откажешь.

Естественно для политработника, такой ответ, как бальзам на сердце. Растроганный он купил все двадцать авторучек и вручил их любителю политзанятий, правда, на выходе из дукана устроил ему хорошую трепку за грубоватую настойчивость и недостаточную корректность при общении с хозяином торговой точки.

Курьез со снайпером

Активное использование противником снайперов, заставило и нас подумать о решении этой проблемы. Собственно исторический опыт у наших силовых структур в этом плане был огромный, но его использованию мешала традиционная особенность быстро забывать, то что достигалось на практике и зачастую кровью.

В нашей библиотеке мне попалась книжка послевоенного издания, где были собраны статьи посвященные борьбе с различными бандитскими формированиями на территории

СССР. Практически, приемы действий войск в горах с тех пор не изменились, но в Афганистане нам приходилось все осваивать заново.

Запомнились отчеты НКВД по уничтожению чеченских боевиков образца 1942 года. Там подразделения НКВД, столкнулись с тем, что противник при боевых столкновениях винтовочным огнем наносил потери красноармейцам вооруженным ППШ, до их выхода на дальность действительного огня автоматов. Тогда было принято решение ввести в штат подразделений бойцов со снайперскими винтовками, что сразу сказалось на эффективности боевых действий.

Вскоре мы получили официальное указание организовать подготовку снайперов. Подобрали несколько хороших стрелков из комендантской роты, провели курс обучения и вооружили хранившимися на складе дивизии снайперскими трехлинейками времен минувшей войны.

Перед очередным выходом на проверку занятых войсками позиций, начальник штаба дивизии предложил в подразделение охраны включить снайпера, может появиться возможность проверить в деле приобретенные им навыки.

К БТРу подошел худой жилистый солдат, с черной щетиной на давно не бритых щеках, вооруженный снайперской винтовкой образца 1981/1939 года. Добротно сработанная винтовка смущала её длительным сроком службы.

После общения с солдатом стало ясно, что обучение он проходил с другой винтовкой, эту получил на складе перед выходом на боевые действия. Пришлось организовать проверку оружия и меткость стрелка.

Выбрали приметный валун в направлении противника, солдат занял огневую позицию, дослал патрон в патронник, прицелился, нажал на спуск, а выстрела нет. Попытался перезарядить оружие, патрон не извлекается.

Смущенный снайпер поднялся, решили выбить патрон шомполом. Стоим напротив друг друга, он в сердцах резко опускает винтовку, удар приклада о грунт и происходит выстрел. Пуля мимо наших, оцепеневших от неожиданности, фигур свечой ушла в бездонное небо.

Даже беглый осмотр оружия заставил убедиться в отсутствии элементарного порядка при выдаче оружия и

последующем уходе за ним. Винтовку выдали со склада в законсервированном виде, смазка в патроннике мешала полному досыланию патрона.

Командир роты формально проверял готовность своих подчиненных к боевому выходу. Принцип обучения только с личным, закрепленным за солдатом оружием был нарушен, что снижало его уверенность в бою.

Случись реальный бой и этот снайпер - первый кандидат в покойники. Надо отметить мгновенную реакцию начальника штаба дивизии, мешая пушту и крепкие русские выражения, он быстро по горячим следам провел разбор, при этом обязал проверить состояние всего стрелкового оружия, с которым подразделения вышли на боевые действия.

Конечно мера запоздалая, но возмущенного беспечностью и беспредельной халатностью своих подчиненных полковника Саид Гани останавливать было бесполезно.

Это был жесткий, волевой и очень принципиальный командир. При этом он имел богатейший боевой опыт, высокий уровень военной подготовки и отличался исключительной храбростью в бою.

В семейной жизни все наоборот, удивительная мягкость, забота и любовь к близким людям. Судьба этого замечательного афганского офицера сложилась трагически. Будучи постоянно на войне он не смог устроить свою личную жизнь и завести семью. Погиб старший брат и семья брата жена и племянник становятся его семьей.

В редкие выходные мы иногда ездили на чай к гостеприимному командиру 10-й пограничной бригады генералу Килмутдину.

Генерал по образованию был танкист, мы оказались однокашниками по академии БТВ, что способствовало налаживанию дружеских и конструктивных отношений при решении вопросов безопасности провинции.

В эти поездки Саид Гани всегда брал своего племянника, при этом он буквально преображался. Суровое лицо трижды раненого боевого офицера сияло мягкой улыбкой, а глаза лучились радостью и теплом отцовской любви.

А с каким уважением, гордостью и нежностью он рассказывал о своей супруге, все командирские нотки в голосе

мгновенно исчезали. Это был маленький островок человеческого счастья, очень хрупкий в разбушевавшемся и безжалостном к людским судьбам море гражданской войны.

В такие минуты возникала мысль, о смысле этой долгой и непримиримой борьбы расколотого на две части народа, ведь человеческое счастье не стоит того обилия крови которое продолжает литься на земле Афганистана.

Будучи заместителем командира корпуса, при зачистке «зеленки» под Кандагаром генерал Саид Гани, геройски погиб сраженный осколком душманской мины.

Война разрушила еще один неповторимый человеческий мир, а вмиг осиротевшей и беззащитной семье дважды выпала участь пережить горечь потери самого близкого и дорогого человека.

Учите топографию

Слегка отдохнув, войска двинулись на штурм горного массива. Назначенные сроки на занятие блокирующих позиций не выдерживались. Соседняя 11-я ПД имела возможность выдвигаться к господствующим высотам по дороге, но сам подъем на лесистые вершины был поистине изнурительным, поскольку крутизна скатов заставляла людей буквально карабкаться по склонам гор.

Положение 9-й ПД было тоже достаточно сложным, дорожная сеть и даже пешеходные тропы, где можно выпрямиться в полный рост отсутствовали. Личный состав подразделений перемешался с таким углом наклона, что руки солдат касались грунта, при этом приходилось повторять петляющие зигзаги звериных троп, что еще удлиняло путь к заветным вершинам.

Каждый «сарбоз» нес на себе индивидуальный запас продовольствия, воды и боеприпасов. Кроме того, была дополнительная поклажа. Одним досталась парочка 82-мм мин, их связав за стабилизаторы веревкой или полотенцем, переносили, перекинув через шею. Руки других оттягивали патронные коробки к пулеметам ПК. Третьи тащили бурдюки с драгоценной водой. Связисты традиционно обливались потом под тяжестью радиостанций Р105.

При планировании этого этапа боевых действий, нам предлагалась скорость движения 1км/час, в ходе обсуждения остановились на 0,5 км/час, что и легло в основу расчетов временных показателей выполнения боевой задачи. Реально времени на занятие позиций ушло значительно больше.

Чувствовалось, что душманы наблюдают за нашими альпинистскими упражнениями с уважением, даже обычного огневого воздействия с их стороны не было. Но в том, что они рядом и ситуацию держат под контролем, мы вскоре убедились.

Наконец, через треск радиопомех пошли доклады о занятии подразделениями назначенных позиций. Одновременно, возникла проблема снабжения питьевой водой. В ходе выдвижения под нещадным солнцем, большая часть воды была выпита. Внизу сверкает прозрачной чистотой горная река, но воспользоваться ею оказалось выше физических возможностей людей.

В этих условиях руководством операции было принято решение организовать доставку воды по воздуху. Правда возникла промежуточная проблема, а в чем доставлять, где найти необходимое количество емкостей. Задействовали все, даже чулки от общевойскового защитного комплекта.

Чулки очень популярные в Союзе у рыбаков, охотников и собирателей клюквы, благодаря своей абсолютной непромокаемости и большому внутреннему объему оказались прекрасными емкостями для воды.

Пара «восьмерок», нагруженная разнокалиберной тарой с противно теплой, но такой желанной водой, закружила над высотками. Все шло хорошо, если не считать несколько ОКЗ, упавших мимо солдатских рук, и расплескавшихся «Чулков».

Вот вертолет пытается зависнуть над очередной высотой, как вдруг с резким набором высоты он уходит в сторону. Вторая вертушка ложится на боевой курс, её фюзеляж озаряется вспышками срывающихся с направляющих НУРСов, длинные дымные стрелы которых устремились к земле.

От экипажей поступает доклад, что они были обстреляны противником из стрелкового оружия.

Одновременно с созерцанием завораживающей картины воздушной атаки приходит осознание, что обстрелянная высота входит в зону ответственности дивизии.

Связываемся с командиром 69-го ПП, он докладывает, что наблюдал вертолетную атаку по соседней высоте, запрашиваем координаты положения подразделений, дает их точно в соответствии с боевой задачей.

Стало ясно, что командир полка ошибся при ориентировании на местности, его советник опытнейший офицер находился в плановом отпуске, поэтому некому было подстраховать и оказать помощь.

Реакция руководства была справедливой и жесткой, лично разобраться и доложить. По левой стороне ущелья относительно доступной для движения транспорта наш БТР быстро вышел в намеченную точку для встречи с командованием полка.

Вскоре на противоположной стороне показался командир полка с группой управления, через глубокую теснину реки ему как акробату пришлось перебираться по шаткому висячему мостику.

Подразделения полка обозначили свое положение ракетами, мера вынужденная ведь при этом одновременно они наблюдались и противником. Все было точно, кроме одного ПБ, не дошедшего до назначенной точки.

Поразительно, но две соседние высоты оказались внешне близнецами, совершенно одинаковыми по конфигурации, незначительное отличие по высоте для глаз было не заметно.

Поэтому вероятность ошибки объективно существовала, хотя и не снимала ответственности за выполнение поставленной боевой задачи.

Данный инцидент, заставил нас обратить серьезное внимание на топографическую подготовку офицеров дивизии и проведение рекогносцировок накануне боя.

К сожалению, поработать на местности не всегда удавалось, часто подразделения вступали в бой прямо «с колес», или получали новую задачу в динамике боя по карте.

Нас засада ждет

Задачи операции были выполнены, противник понес потери, разрушена его агентурная сеть, правительственная власть вернула утраченные позиции в большей части кишлачной зоны провинции Лагман.

Душманы были вытеснены в труднодоступные горные районы, для продолжения боевых действий требовались дополнительные силы, а их не было.

Однако, соблазн окончательного разгрома, ускользнувших в горы отрядов мятежников толкал нас на дальнейшее продолжение операции.

Правая часть ущелья до конца блокирована не была, остались не занятыми две высоты, одна из них крупная и продолговатая контролировала выход из ущелья.

На выходе ущелье раздваивалось руслами двух рек, в водоразделе которых размещались две высоты - ключевые для обороны мятежников. Одна из них выводила в тыл противнику, удерживающему высоты на правой стороне ущелья.

Очень заманчиво было овладеть этими высотами, сразу открывался доступ к местности на противоположной стороне ущелья, а вражеские подразделения, блокировавшие его правый выход, попадали под перекрестный огонь.

Увы, добраться туда можно было только под покровом ночи, днем дорога на этом участке простреливалась плотным огнем из стрелкового оружия. Был, конечно, и более надежный традиционный путь, завершить блокирование ущелья, и только после этого продолжить движение дальше. При этом требовалось больше сил и времени.

Нам утвердили вариант ночного рейда в тыл противника. Интересное и реальное решение, но для его успешного выполнения желательны были подготовленные для таких действий подразделения советского спецназа или афганских коммандос.

Мы переоценили возможности нашей измученной бесконечными подъемами и спусками с гор пехоты. На блок посты отправили саперов, связистов, тыловиков чтобы высвободить пехоту. Удалось собрать небольшой отряд, чуть больше 150 человек.

Людям нужно было дать возможность отдохнуть перед выполнением сложной и чрезвычайно опасной боевой задачи.

Когда с начальником политотдела пошли пообщаться с солдатами, проверить их готовность к предстоящим действиям, ко мне вдруг обратился «сарбоз», он возмущенно показывал на свои ноги.

Попросил его снять ботинки и все стало ясно - обувь он носил на босые ноги, в результате они покрылись ранами потертостей и волдырями. Оказалось, что солдатам вместо носков, некоторые умники выдавали обмотки абсолютно не способные обеспечить даже минимальный комфорт при ходьбе, естественно за ненадобностью их просто выбрасывали.

Пристыженные тыловики достаточно быстро исправились, закупили и обеспечили бойцов добротными носками, накормили горячим мясным обедом. Перед выходом проверили подгонку экипировки, чтобы исключить любые звуки при движении.

Практически бесшумно отряд растаял в черноте ночи. Ночной марш прошел успешно, утомленные за день мятежники беззаботно спали, кишлаки на той стороне оказались безлюдными, поэтому опасность собачьего лая отсутствовала, шум речного потока скрадывал шарканье солдатских ботинок.

В дальнейшем сыграл как всегда человеческий фактор, и не в нашу пользу. Только забрезжил серый рассвет, старший отряда подполковник Сардар разделил его на три группы.

Первая группа разведчики 125-го ОРБ, во главе с командиром этого батальона капитаном Сайдулой немедленно начала подъем на ближайшую высоту. Вторая, наиболее многочисленная, начала выдвижение к дальней высоте. У подножья высот Сардар весьма предусмотрительно оставил небольшую группу прикрытия. Она должна была обеспечить занятие позиций главными силами, а в последующем доступ к воде. Можно было её использовать и для засадных действий против небольших групп противника.

Подвел командир группы прикрытия, вместо того, чтобы осмотреть окрестности, выбрать и занять удобную позицию, он разрешил бойцам умыться в реке. При этом проявил непростительную беспечность, даже не удосужился организовать наблюдение и охрану.

Рядом темнели силуэты дувалов, где мирно досматривали утренние сны, уютно упакованные в китайские спальные мешки боевики крупного отряда противника.

Видимо шум возни у реки разбудил дремавшую охрану мятежников, боевики незаметно подобрались с тыла и внезапным налетом обезоружили и захватили три десятка ошарашенных солдат и офицеров группы прикрытия.

Разведчики уже успели занять огневые позиции, зоркие глаза внимательного и осторожного командира разведывательного батальона быстро оценили обстановку - мятежники пытались повторить свой маневр выходом в тыл второй группе пехоты.

Сонная утренняя тишина внезапно была нарушена грохотом начинающегося боя. Пулеметные и автоматные очереди разведчиков быстро загнали противника в развалины дувалов.

Сардар сориентировался мгновенно и под прикрытием огня разведчиков бегом в гору повел свои подразделения на соединение с ними. Фактор внезапности был потерян, и теперь дробление отряда стало нецелесообразным.

Для организации прочной обороны и на случай необходимости прорыва нужно было собрать немногочисленный отряд в один кулак.

Судьба пленников сложилась благополучно, они попали в руки группировки маоистского толка. Солдаты были отпущены через сутки, большая часть, из них воспользовавшись благоприятным случаем, устроила себе «демобилизацию» и разбрелась по домам.

Офицеров душманы долгое время таскали по горам за собой. На ночь их опускали в глубокие ямы, или запирали в хозяйственных постройках. Потом вообще перестали их стеречь, и пленные дремали вместе с ними у походных костров.

В одну из таких ночей, когда боевики безмятежно заснули, офицеры тихонько покинули своих «гостеприимных» хозяев. Через полтора месяца блужданий ободранные, исхудавшие и обросшие длинной щетиной они вышли в расположение дивизии.

Все же несмотря на чувствительные потери положительный эффект был достигнут, наши подразделения болезненной занозой торчали в ближайшем тылу противника, контролируя при этом развилку дорог на выходе из ущелья. Осталось только закрепить этот успех, протянуть к рейдовому отряду ниточку снабжения и обеспечить ему огневую поддержку.

Лихорадочно ломаем голову с командиром дивизии, где взять боеспособные подразделения, чтобы сбросить

противника с правой стороны ущелья и взять дорогу под полный контроль.

Обычно это воздушный мост снабжения и авиационные бомбоштурмовые удары. Но погодные условия и сведения о наличии у противника ПЗРК ограничивали применение авиации.

Одновременно, начали прорабатывать вариант прорыва отряда через заслоны мятежников. Переговорил с Сардаром, положение отряда было стабильным, все подступы к высоте хорошо просматривались, любые передвижения противника пресекались огнем.

Сардар был опытным командиром, его полк практически не выходил из боев.

Мы рекомендовали этого достойного офицера на учебу в академию Фрунзе, но вывод советских войск и последовавшая следом эскалация боевых действий в Афганистане помешали осуществлению этих планов.

В судьбе этого офицера были личные трагедии - душманы разрушили его родовое гнездо, от их рук погибли близкие родственники.

Вообще, поражала неустроенность большинства афганских офицеров дивизии, многие годами жили вдали от семей, служебного жилья не хватало. Те, кто привез свои семьи, постоянно испытывали страх за их судьбу.

Запомнился эпизод во время очередного обстрела Асадабада. На окраине города у безлюдного склона горы сиротливо стоял УАЗ командира 69-го ПП, рядом окруженная стайкой детей стройная женская фигурка в парандже, чуть поодаль солдат комендантской роты с автоматом наперевес. Более безопасного места для своей семьи командир полка обеспечить не мог.

Детально обговорили с Сардаром вариант отхода, на случай возникновения в этом необходимости. Решили прорыв осуществлять ночью, использовать прежний маршрут, но двигаться не по дороге, а вдоль русла реки. Глубокое ущелье, и шум бешеного потока обеспечивали надежную скрытность. Впереди в походном охранении должны действовать разведчики, они привыкшие к ночным засадам были наиболее для этого приспособлены.

Командир разведчиков Сайдула начинал службу молодым сержантом еще во времена шахского режима, за годы революции вполне заслуженно дорос до командира батальона. Это был прирожденный следопыт, своей мягкой бесшумной походкой напоминал горного барса. Его отличительной чертой было хладнокровие, что позволяло даже в критических ситуациях находить правильное решение.

Наконец, нам сообщили из штаба руководства, что в наше распоряжение поступает ДШР 66-й ОМСБр. Нам предлагалось немедленно выдвинуться на соединение с рейдовым отрядом, развернуть роту на выходе из ущелья и огнем сбить противника с высот на его правой стороне.

Предприятие, как говаривали наши предки участники кавказской войны царских времен, рискованное. Треть горного серпантина, нам предстояло пройти напротив занятых противником позиций, словно движущиеся фигурки целей в тире.

Лихо подъехала рота десантников на шести БМП-2, на броне родные улыбающиеся лица солдат, в глазах мелькают бесшабашные искорки боевого задора. Командир роты, старший лейтенант, произвел положительное впечатление опытного боевого офицера, установили с ротным связь, и колонна двинулась вперед.

Оставался сравнительно небольшой участок дороги, левый поворот и впереди видим завал. Крупный монолитный валун высотой с корпус бронетранспортера надежно закупоривал дорогу. Удивительно, каким образом мятежники умудрились затащить подобную тяжесть на дорогу.

По радио остановил колонну, предварительно обсудили с советником начальника инженерной службы Андреевым А.В. ситуацию, скорее всего каменную глыбу, придется раскалывать кумулятивными зарядами. Подрывать нельзя, хрупкая навесная дорога при этом может обрушиться и улететь в пропасть. Была вероятность попробовать столкнуть камень бронетранспортером, но для этого нужно более детально ознакомиться с неожиданной преградой.

Внимательно осмотрелись вокруг, вроде все тихо. Андреев А.В. направился к завалу, сзади метрах в десяти его прикрывал переводчик Гуров А.В.

Доложил в штаб руководства о задержке движения, за пулеметом оставили школьного сержанта Гулям Ака и гуськом с Хариновым Н.И. двинулись вслед за нашими товарищами, дабы подстраховать их от возможных неожиданностей.

Вдруг вижу, сзади Андреева Н.А. заплескались в дорожной пыли фонтанчики от пулеметной очереди, резко останавливаюсь и кричу: «Ложись». Две фигурки впереди падают в чахлый кустарник на склоне горы.

Почти одновременно свист пуль над моей головой, тело само в прыжке ищет спасение от разящего свинца, за доли секунды глаза охватывают пространство и направляют его полет в сторону небольшого камня у обочины, краем глаза вижу спринтерский рывок Николая Ивановича в сторону БТР. Только бы добежал, тогда спасительно заработает ПКВТ, видимо у Гуляма случилась задержка при стрельбе и пулемет молчит.

Падаю за камень, одновременно правая рука срывает с плеча автомат. Все наиболее ценные части тела голова, грудь и чуток пониже умещаются за щербатыми округлостями камня, на дороге остались только ноги. Очередная очередь и по подошвам застучали осколки каменной крошки, это придало энтузиазма и за маленькой каменной крепостью удалось упрятаться полностью.

Голосом связался со своими товарищами, главное все живы, договорились об очередности перебежек и взаимной огневой поддержке. Интенсивность огня не уменьшается, очереди хлестко бьют по дорожному полотну и склону горы.

По звукам выстрелов и поднимаемыми ими фонтанами пыли удается определить направление стрельбы, открываем ответный огонь. Зависшее на той стороне солнце слепит, затрудняет обнаружение огневых точек противника.

Наконец над грудой камней поднялась струйка дыма гранатометного выстрела, боевики обнаружили себя. С этого мгновения становится спокойнее на душе, появляется возможность перехватить инициативу в огневой дуэли.

Вскоре к треску автоматных очередей присоединились раскатистые выстрелы крупнокалиберного пулемета. Это Николай Иванович устранил неисправность пулемета, и занялся своим любимым делом, его меткие очереди быстро остудили воинственный пыл мятежников.

Перебежками уходим под прикрытие брони, в камнях рядом с БТР Хабиб продолжает бить короткими очередями, тут же мой старый знакомый снайпер через оптику винтовки находит противника.

Пробежка по косогору, когда одна за другой подвернулись ступни, пронзая болью растянутые связки, отучила на всю дальнейшую афганскую службу от легкой обуви. Лучше тяжелых солдатских ботинок, хорошо закрепляющих ступню, в горах нет.

Командиру приданной роты показал цели на местности, несколько смертоносных пушечных очередей БМП окончательно угомонили боевиков, огонь с их стороны прекратился.

На душе неприятный осадок, ведь имевшийся опыт и профессиональное чутье предупреждали о вероятности засады, а в обманчивой тишине окружающего пространства буквально витало ощущение тревоги и опасности.

При этом так элементарно и запросто подставиться под душманские пули. Конечно, нужно было внимательно осмотреть местность через оптику прицелов и приборов наблюдения, подвергнуть обстрелу все подозрительные места, обеспечить надежное огневое обеспечение группы выделенной для осмотра препятствия.

Достаточно было назначить дежурные экипажи БМП, организовать в опасном направлении наблюдение, и подавить засаду противника можно было быстро и результативно.

Так должны быть, но в реальности засада, увы, всегда внезапна, принцип такой заложен в этот способ боевых действий.

Жажда

Наша Лагманская эпопея подходила к завершению, отбив нападение мятежников мы еще часа два простояли у злополучного завала на дороге, в ожидании обещанных саперов и кумулятивных зарядов.

Время было потеряно противник, воспользовавшись паузой, стягивал к месту завала дополнительные силы. Мы понимали, что дальнейшее пассивное ожидание может

привести к очередному столкновению в невыгодных для нас условиях.

Вообще при любом перемещении по афганским дорогам, всегда в состав походного охранения включались саперные подразделения, это было неукоснительной догмой. Оставалось сожалеть, что сжатые временные рамки, не позволяли нам к началу движения снять с блок постов своих саперов.

Мы стали заложниками поспешных решений, принятых на основе необъективных докладов командиров, ответственных за блокирование левой стороны ущелья. По их докладам, дорога на всем ее протяжении свободна для движения.

Очевидно, войска, опасаясь противопехотных мин на дороге, двигались по хребту, а с позиций сторожевых застав за мертвыми пространствами образованными крутыми склонами некоторые участки дороги могли и не просматриваться. Пресловутый человеческий фактор тоже нельзя исключать, это могли быть ошибки в ориентировании на незнакомой местности, или несоответствующие реальности доклады о положении своих подразделений.

С иллюзиями в объективности, поступающей от войск информации, пришлось расстаться после опыта своих первых боевых выходов, и в дальнейшем верить только глазам своим.

Поэтому у меня создалось впечатление, что на вершине горы, у подошвы которой растянулась цепочка нашей колонны, просто никого нет. Появилось жгучее, но не реальное в нашем положении желание убедиться в этом лично.

Даже простое человеческое любопытство должно было привлечь внимание к движущейся внизу колонне, тем более, когда по ущелью разнесся шум начинающегося боя. Ведь сверху с высоты птичьего полета, местность просматривалась на большую глубину, что позволяло своевременно обнаруживать любые перемещения.

Однако нас никто не видел и не слышал, кроме упорных и целеустремленных мятежников.

Солдаты в тени корпусов БМП аппетитно хрустели галетами, завершая обед сухим пайком, когда над их головами раздались хлопки гранатометных разрывов. Стрельба велась снизу вверх, карниз дороги не давал гранатометчикам поймать в прицел боевые машины. Несколькими пулеметными

очередями отогнали настырных боевиков в глубину многочисленных расщелин.

Обычная тактика противника, с разных сторон мелкими группами подобраться к объекту нападения, выбрать удобную позицию, иногда как в нашем случае путем пристрелки, затем следовал массированный обстрел из РПГ и стрелкового оружия. Атака была редким явлением, противник старался обойтись огневым боем, на сближение шел, когда сопротивление оказывать уже было некому.

Дальнейшее наше пребывание на открытом пространстве теряло смысл, из штаба руководства поступило добро на возвращение.

БМП легко развернулись вокруг своей оси на узкой дороге, и грациозно покачивая камуфлированными корпусами, лебединой стайкой понеслись в район расположения. БТР пришлось задним ходом отгонять до ближайшей площадки, удобной для разворота.

Затихшие было боевики, вдруг ожили, и открыли беспорядочную стрельбу по ускользающей «добыче». Огнем с колена и ближайших укрытий словно стаю назойливых шакалов удерживаем их на безопасном для себя расстоянии. Притормозила назначенная для нашего прикрытия БМП, развернулась башня, горох пушечных очередей рассыпался по ущелью. Это позволило нам завершить маневрирование и осуществить посадку на броню.

После достаточно эмоционального анализа в штабе руководства сложившейся обстановки, решили выводить рейдовый отряд. Без устойчивого снабжения и огневой поддержки его судьба могла закончиться плачевно, а подход резервов в ближайшее время был маловероятен.

Заранее отработанный план выхода из боя упрощал задачу, с Сардаром уточнили только место встречи и порядок связи. При движении по контролируемой мятежниками территории, о положении отряда он должен был сообщать короткими сигналами в установленные промежутки времени, и только после выхода в намеченные точки маршрута.

К сожалению, удаленность огневых позиций артиллерии, не позволяла обеспечить огневое обеспечение отхода. Незаметно, в напряженном ожидании у радиостанции, прошла короткая летняя ночь. Заполнили фляги остывшим чаем и

небольшой колонной двинулись к месту встречи рейдового отряда.

Чтобы не привлекать внимание противника, технику оставили за скрытым для наблюдения поворотом серпантина. Дальше в составе небольшой группы управления двинулись пешком.

Подход рейдового отряда затягивался, за ночь ему удалось благополучно проскользнуть мимо постов мятежников, но скорость движения вдоль русла реки оказалась ниже наших ожиданий. Хаотическое нагромождение отполированных течением камней на её берегах, заставляло зачастую перемещаться прыжками. Выходить к дороге было пока опасно, скрытый глубоким ущельем отряд все еще находился в зоне досягаемости огня противника.

Поднимающееся ввысь солнце все более распалялось горячими лучами, заставляя чаще прикасаться пересохшими губами к пустеющей фляжке. К горлу начинала подступать тошнота близкого теплового удара. Последние два глотка спасают от надвигающейся дурноты. Фляжки опорожнились практически одновременно у всей нашей группы, ведь стоит потянуться за ней одному, как такое же желание возникает у окружающих. Организм все настойчивее требует пить. В мозгу настойчиво мельтешат кадры из фильма, где красноармеец Сухов протягивает закопанному в песок Саиду точно такую же армейскую фляжку с водой.

Начинаем искать выход, связались с колонной, но пока нам доставят пешим порядком воду нужно как-то продержаться. Река близко, но спуск к ней по почти вертикальной стене ущелья займет не меньше часа.

Поскольку ответственность за водоснабжение лежит на инженерных войсках, все наши утомленные жаждой взоры обратились к советнику начальника инженерной службы.

Анатолий Васильевич, каким-то, инженерным чутьем уловил, что в отрогах горы должен быть родник. Вскоре наши поиски увенчались успехом, на сером фоне высохшей растительности, мелькнуло веселое пятно свежей зелени.

Затем нашему взору открылось живописное творение природы, в вертикальной стене скалы внутренними водами была вымыта промоина, которая ниже заканчивалась

белоснежной чашей известковой породы полной прозрачной воды.

Вокруг этой красоты буйными гирляндами зеленели вьюны и прочая незнакомая нам растительность. Родничок видимо истощился в летнюю жару, но по влажной стенке промоины постоянно, словно через губку сочилась вода.

Вода казалась абсолютно чистой, правда в ней резвились, несколько крупных черных головастиков. Впрочем, это нас не остановило, решительно выбросили живность, наполнили фляги водой, и бросили в них обеззараживающие таблетки. Осталось выждать минут тридцать, и можно было безбоязненно пить.

Тяжесть наполненных фляжек на боку придала оптимизма, и мы бодро двинулись в сторону ущелья, куда уже подтягивалась голова пешей колонны рейдового отряда.

По пути не выдержал, пренебрег предупреждениями нашего врача, понюхал содержимое фляжки, вроде пахнет хлоркой. Истомленные жаждой губы, словно магнитом притянуло к её дюралевой горловине, глоток еще глоток остановился, когда почувствовал легкость наполовину опорожненной фляги.

Потом была радость встречи вышедшего на этот раз без потерь отряда, его действия доставили много неприятностей противнику.

Прибыли в район КП дивизии. Вдруг, почувствовал резкое недомогание, вскоре вместе с высокой температурой начались бесконечные рвотные страсти. Надеялся, что это последствия теплового удара и молодой организм быстро восстановится, но состояние ухудшалось стремительно.

Ближе к вечеру вертолет умчал мое измученное тело в инфекционное отделение Джелалабадского госпиталя. Питье воды из живописного, но непроверенного источника закончилось тремя неделями госпитализации.

Практически одновременно завершилась операция в провинции Лагман. Войска возвращались в пункты постоянной дислокации.

Уже на завершающей стадии марша колонна 11-й ПД была обстреляна из засады, в результате чего пулевое ранение в бедро получил один из военных советников этой дивизии.

По его информации, засада была нагло организована в кишлачной зоне, кажется в районе кишлаков Миндравур и Аграбат, что затрудняло возможность применения тяжелого оружия.

С началом обстрела он спрыгнул с брони, чтобы занять огневую позицию, как почувствовал сильный удар, словно палкой по бедру. В горячке боли не ощутил и, несмотря на ранение, успел занять ближайшее укрытие.

В этом месте рокадой с мостом через реку соединялись две параллельные дороги, расположенные на противоположных берегах реки Лагман. Втягивание на рокаду создавало пробку, уменьшало скорость движения, что создавало выгодные условия для засадных действий.

Пока утомленные войска пылили по дорогам в предвкушении скорого отдыха, я окунулся в звенящую тишину и стерильную чистоту полевого госпиталя. Госпиталь был расположен в живописном месте в районе кишлака Шамархейль, там же дислоцировалась 66-я ОМСБр. Рядом спокойно несла свои воды река Кабул, чуть восточнее возвышались занятые сторожевыми заставами вершины сравнительно небольших по афганским меркам гор Тангигар и Чорагалайгар.

По ночам воздух наполнялся пеньем цикад и шуршаньем листьев обширных камышовых зарослей. В вечернее время в этих зарослях мелькала фигура с сачком в новеньком экспериментальном обмундировании без знаков отличия на плечах. Оказалось, что полковник эпидемиолог из Москвы, занимался разработкой антималярийных препаратов.

Для изучения носителей малярийного плазмодия он ежедневно отлавливал партию комаров, таких же настырных и назойливых как местные боевики. С его слов имелась большая вероятность распространения противником на афганской территории комаров заранее зараженных в лабораториях Пакистана. Подобный опыт имелся в годы Великой Отечественной войны, когда на Дальнем Востоке японцы, запускали на нашу территорию тучи энцифалитных клещей.

Тишина госпиталя была обманчивой, периодически влетала санитарная машина, или на вертолетную площадку не останавливая вращение винтов, приземлялся Ми-8 с очередной партией раненых и больных. У входа в брезентовые

операционные, после проведения очередной операции, жадно затягивались сигаретным дымом хирурги и ассистенты в синих куртках и брюках, со свежими следами крови на одежде и руках.

В инфекционное отделение принесли на носилках солдата снятого с блок поста. Обезвоженное холерой тело напоминало серую мумию, ввалившиеся щеки, закрытые глаза, безвольно вытянутые тонкие плети рук, ни звука, ни малейшего шевеления казалось в абсолютно безжизненном теле и только легкое трепетание ресниц говорило о присутствии жизни. Потом появился веселый и неунывающий прапорщик с тяжелой формой тифа, затем сержант, пораженный гепатитом, и, конечно, большое количество больных малярией. Инфекция наносила войскам урон гораздо больший, по сравнению с боевыми ранениями и травмами.

В госпитале царила особая незабываемая атмосфера добра, искреннего сочувствия, сострадания и желания оказать помощь. Там действительно шла самоотверженная борьба за жизнь и здоровье каждого военнослужащего, именно с этим чувством жил и трудился весь его многочисленный персонал.

Военный врач-профессионал, как солдат в бою, делал свое нелегкое дело. А медицинские сестры своим душевным теплом и неповторимой заботой согревали наши сердца. Их искренняя забота о раненых и больных, подтверждала небывалую жертвенную самоотверженность и доброту русской женщины. В больничных палатах часто слышалась знакомая по военным фильмам фраза: «Потерпи родненький, скоро будет легче».

За многолетнюю военную службу пришлось несколько раз побывать в различных военных госпиталях, но такой поистине братской и теплой атмосферы встречать больше не приходилось.Низкий поклон всем этим замечательным людям, отстоявшим жизнь и здоровье огромного количества солдат и офицеров.

Минные сюрпризы

Горная местность с многочисленными поворотами, серпантинами, узостями, тоннелями, крутыми спусками и

подъемами весьма способствовала эффективному применению различных взрывных устройств.

Наиболее распространенными у мятежников, были ребристые мины итальянского производства, благодаря пластмассовому корпусу они не обнаруживались миноискателями и доставляли нам немало проблем.

Встречались китайские аналоги советских противотанковых мин ПТМ, металлический корпус которых значительно облегчал их обнаружение. Однако, инженерная мысль противника работала творчески и, однажды, нам удалось избежать подрыва на подобной мине, только благодаря зорким глазам рядового Дусекова ординарца советника командира 69-го ПП.

Войска развивали наступление в направлении Дорбаба, стремясь выйти в район пер. 2124 на границе с Пакистаном. Здесь, в ущелье был образован природой и за многие века доработан человеческими руками, целый каскад небольших высот испещренных, словно пчелиные соты многочисленными пещерами.

Великолепное место для развертывания баз снабжения и противник не упустил такой возможности, Его склады в пещерах были целью боевых действий. Впереди нашего бронетранспортера прошла группа саперов с миноискателями и щупами, тщательно проверяя колею.

Дно ущелья было песчаное с каменной галькой по краям, на его середине слабым прерывистым ручейком струилась вода.

Наиболее крупным отрядом мятежников, действовавшим в ущелье, командовал полевой командир Рузеддин, именно его боевики пытались задержать наше стремительное движение спешным минированием местности.

После организации наблюдения, двинулись за саперами, под колесами БТРа ласково шуршал песок, навевая своим видом воспоминания о солнечных пляжах черноморского побережья Кавказа. Толчок резкой остановки быстро вернул к суровой действительности.

Оказалось, Дусеков в промоине заметил подозрительный блеск, на его крик мгновенно среагировал водитель Александр Литвинов и БТР буквально в метре замер от грозящей опасности.

Сдали БТР назад на безопасное расстояние, вызвали саперов. Не дожидаясь прихода своих подопечных, советник начальника инженерной службы, осторожно разгреб песок. Мина вместе с взрывным устройством была установлена посредине между колеями ориентированная на подрыв под днищем, а, соединенные проводами с элементом питания, замыкатели размещались в колее.

Просто, но сработало, саперы не заметили и прошли мимо. Вскоре они появились и, хотя признаков установки на неизвлекаемосить не было, сорвали опасную находку кошкой. Учитывая этот опыт, дополнительно проинструктировали саперов и уплотнили их боевой порядок, чтобы охватить проверкой проезжую часть ущелья на всю его ширину.

Четкие действия солдат спасли нас от смертельной опасности, а впереди их ждали новые бои и испытания судьбы.

Рядовой Дусеков исполнительный, умный и надежный боец. Во время обстрела Асадабада, будучи раненым осколками разорвавшегося реактивного снаряда, сам добрался в место нашего расположения. Хотя его состояние ухудшалось буквально с каждой минутой, солдат мужественно и терпеливо дожидался эвакуации, несмотря на нараставшую боль, ему удавалось сохранять спокойное выражение лица и только в дальней глубине карих глаз иногда мелькали редкие искорки тревоги. К сожалению, ранение оказалось серьезным, солдату удалили почку и комиссовали из Вооруженных Сил. После лечения он уехал в родной Узбекистан и был награжден орденом Красной Звезды.

Литвинов Александр отчаянной лихости и храбрости солдат. За время службы в Афганистане стал настоящим профи. Под внешней бесшабашностью, скрывалась целеустремленная натура. Мастерски водил бронетранспортер в горных условиях и поддерживал его в постоянной технической готовности. Везде, где возникала опасность, старался быть впереди. При передвижениях часто возникали условия, когда приходилось преодолевать опасные участки местности без предварительной проверки саперами. В подобных ситуациях, чтобы избежать напрасных жертв десант спешивался, в бронетранспортере мы оставались вдвоем. В эти моменты риск был реальный, но Саша Литвинов проявлял

удивительное хладнокровие и уверенно выдерживал колею под колесами бронетранспортера.

Вот и покурили

Асмар. Осуществляем проводку колонны с боеприпасами, продовольствием и ГСМ для гарнизона 31-го ПП. Сторожевые заставы вдоль маршрута выставлены, опасность внезапного нападения противника отсутствует. Впереди колонны идут танки с саперами. Останавливаемся у знакомого поворота в низине образованной водоразделом. Саперы в традиционном месте снимают заботливо установленную боевиками инженера Кашмира противотанковую «итальянку», казалось можно двигаться дальше.

Но прошедшие недавно ливневые дожди основательно размыли небольшой участок дорожного полотна, для автотранспорта промоина оказалась серьезным препятствием. Пришлось спешивать людей и организовывать работу по восстановлению дороги, благо камней вокруг было достаточно. Вокруг нас началась муравьиная суета, десятка два солдат и офицеров собирали камни, руководство работами взял в свои руки начальник инженерной службы дивизии.

У нас появилось несколько свободных минут для неспешного перекура. Разместились у стены обрыва и успели с наслаждением сделать пару сигаретных затяжек. Вскоре, в метре от нас, наклонился за плоским камнем лейтенант замполит саперной роты, явно показывая свое служебное рвение перед начальником политотдела дивизии.

Хабиб начал расхваливать офицеров политработников, которые своим личным примером увлекают на трудовые подвиги солдат и сержантов, как вдруг его глаза изумленно округлились, напряженно уставившись в одну точку. Переводим взгляд в этом направлении и все замираем в мгновенно охватившем оцепенении, забытые сигареты тонкими струйками продолжают дымить в наших замерших руках. Перед глазами неподвижная согнутая фигура лейтенанта с камнем в руках, а ниже из серого грунта угрожающе выглядывают три усика выпрыгивающей американской противопехотной мины.

Вышибной заряд выбрасывает такую мину на полтора метра вверх, после чего происходит ее подрыв, поражая стальными шариками в ближайшем окружающем все живое. При срабатывании такой мины нет шансов остаться в живых. И у нас тоже не было.

Огонек выгоревшей сигареты, начавший жечь пальцы, снял оцепенение от встречи со столь неожиданным сюрпризом на дороге. Кто-то, успел крикнуть: «Мина!»

Советник начальника инженерной службы Андреев В.А., немедленно бросил занятие по ремонту дороги и приступил к опасному, но знакомому делу.

Убрали людей в укрытие, первое решение было сдернуть мину кошкой, или расстрелять ее из стрелкового оружия. Потом остановились на более надежном способе, подрыве с помощью накладного заряда. Заодно Анатолий Васильевич провел практическое занятие с группой офицеров и солдат саперного батальона дивизии. Наконец, зашипел бегущий по бикфордову шнуру быстрый серебристый огонек, в воздухе прогремел сдвоенный взрыв, смертоносные осколки мины ушли в грунт.

Возможно, в далеком будущем, когда разрушение войны уступит место мирному созидательному труду, дорожные строители в этом месте наткнутся на плотную груду стальных шариков в земле.

Сюрприз от своих, спасибо перестройке

В районе Асмара предпринималась попытка восстановить путь снабжения нашего самого отдаленного гарнизона в Биркоте, где в полной изоляции дислоцировался 55-й ПП 9-й ПД.

Нужно было провести рекогносцировку местности на выезде из Асмара для исходного района сосредоточения войск. Двигаться на броне на всю глубину было опасно, в полотне дороги могли «дремать» дожидаясь своего звездного часа мины, установленные несколько лет назад. Поэтому часть пути пришлось проделать пешком.

Медленно двигались по дороге «след в след» за саперами, которые щупами проверяли выбитую техникой колею. Одновременно, делали остановки и намечали удобные места

размещения войск, сторожевых застав, огневых позиций артиллерии.

Начальник инженерной службы дивизии полковник Максен, самый старший из нас по возрасту, оказался и самым внимательным. Его опытный взор обнаружил тончайший проводок, поблескивающий поперек дорожного полотна. Стоим с ним и рассуждаем, что сие явление может означать. Мне показалось, что это провод управления ПТУР запущенной по противнику во времена прежних боев.

Наши сомнения быстро развеял Андреев А.В., оказывается, мы зашли на минное поле системы «охота», которые обычно устанавливали подразделения спецназа. Особенность системы заключалась в том, что её инфракрасные датчики реагировали только на колебания человеческого тела в движении. Для животных «охота» была безопасной. При этом система позволяла зайти на минное поле, а вот выйти из него было уже невозможно. Коробка управления запоминала количество шагов, и потом любой шаг назад или вперед приводил к срабатыванию ближайшей к цели выпрыгивающей мины начиненной поражающими элементами.

Как всегда встал вопрос, что делать. Первым делом остановили всякое движение и организовали визуальный просмотр местности рядом с дорогой. Нужно было обнаружить и огнем стрелкового оружия уничтожить все элементы управления минным полем, тогда шансы на успех у нас оставались.

Видимо, мины устанавливались ночью, маскировка оказалась недостаточно надежной. Анатолий Васильевич хорошо знакомый с принципом установки такого минного поля, первым обнаружил антенну главной коробки управления, потом были обнаружены еще несколько.

Загремели короткие автоматные очереди, превращая в крошево металла и тротила это гениальное и столь же зловещее творение инженерной мысли. Оставшиеся мины, многие из которых были прикопаны, остались слепыми без управляющей системы и уже не могли сыграть свой смертельный квартет.

Все же главную роль в счастливом завершении этого инцидента сыграли не наши меткие выстрелы, а банально просроченные элементы питания, установленные в блоках системы управления. Одну из таких батареек, Андреев А.В.

обнаружил у разрушенного пульта управления. Видимо кипевшая в стране перестройка добралась и до качества поставляемой для военных нужд продукции. Кстати на батарейках стоял тот самый знаменитый знак качества, причина конечно не в нем, а в оказавшейся для нас счастливой, безответственности людей отгрузивших в войска негодные к эксплуатации элементы питания.

По правилам, информация о новых минных полях, вместе с точной картой привязки минного поля должна передаваться всем действующим на данной территории войскам. Раньше у нас подобной проблемы не возникало, обмен информацией по минным полям, соблюдался неукоснительно.

Оказалось, что саперы батальона спецназа организовавшего в этом районе засаду, по возвращении с боевых действий отбыли в командировку, и в спешке забыли сообщить нам о минном поле.

Полет над танком

В провинции Наргархар, восточнее Джелалабада успешно закончились боевые действия, по обеспечению безопасности на стратегически важнейшей для Афганистана дороге связывающей Кабул с Пакистаном через пограничный пункт Тор Кхам.

В ходе боевых действий, в приграничной полосе, удалось захватить несколько крупных складов снабжения мятежников. Руководством операции по итогам боевых действий готовилась пресс конференция перед журналистами, аккредитованными в Кабуле. При этом планировалось организовать выставку многочисленных трофеев оружия, боеприпасов и имущества.

В основном это было современное оружие, но иногда встречались раритеты достойные стать музейными экспонатами. Поскольку доставить трофеи было достаточно сложно по условиям местности, то отбор образцов осуществляли на основе докладов командиров подразделений по радио, что позволяло избежать лишней физической нагрузки на солдат занимавшихся переноской.

Остальные трофеи планировалось уничтожить путем подрыва, вместе с захваченными боеприпасами. Разведчики радостно сообщили о захвате безоткатного орудия, но добиться

внятного описания его внешнего вида не удалось. При этом они пообещали своевременно доставить оружие к смотровой площадке.

К великому изумлению вместо ожидаемого безоткатного орудия, нам было представлено тело станкового пулемета системы Максима без станка. Судя по надписи на латунной пластинке, пулемет был изготовлен в Англии в 1905 году и до сих пор находился в рабочем состоянии.

Начали подшучивать над разведчиками, что трофей им достался из музея «комнаты боевой славы» исламского полка мятежников. Позже, чтобы афганские офицеры и солдаты имели внятное представление о вооружении противника, дали им возможность осмотреть трофеи, к сожалению, среди выставленных образцов «безоткатного орудия» не оказалось.

Вещевой склад мы предложили командованию дивизии вывезти, имущество оприходовать и использовать в последующем для обеспечения своих подразделений. В основном это была продукция китайского происхождения очень хорошего качества: кроссовки, куртки штормовки, свитеры, различное снаряжение.

Корпусное командование нашу инициативу поддержало, проблема в афганской армии с экипировкой военнослужащих удобным для боя обмундированием существовала.

Задача возлагалась на тыл дивизии, транспорта в батальоне материального обеспечения было достаточно, как вдруг появилась проблема с приемлемым маршрутом движения. После проведенной рекогносцировки, тыловики пытались доказать невозможность подачи транспорта к намеченной точке.

Собственно само размещение складов предполагало доставку их содержимого в районы размещения отрядов боевиков на гужевом транспорте. Дорога подходила со стороны Пакистана и использовалась противником для пополнения складов.

С нашей стороны на карте значилась проселочная дорога, но она терялась в отрогах ближайшего к складским пещерам хребта. До этого хребта предполагалась доставлять грузы на руках, и арендованных у местного населения ишаках. Кстати тогда у нас возникла идея иметь в дивизии небольшое

транспортное подразделение вьючных животных, но в повседневной текучке воплотить её так и не удалось.

Жалко было отказываться от столь богатых трофеев, и мы решили проверить намеченный нами маршрут. Отправились на повторную рекогносцировку маршрута с Андреевым А.В. и несколькими саперами десантом на танке. Наш БТР использовался в другом месте, а на автомобиле разъезжать по проселку в условиях возможного минирования местности было смертельно опасно.

По пути к хребту обнаружили свежие следы гусениц БМП, видимо в ходе боевых действий дорога использовалась активно, в памяти зафиксировался небольшой крутой подъем образованный водоразделом, он мог оказаться существенным препятствием для автотранспорта. Преодолели длинный, но достаточно пологий подъем, и танк выкатил на каменистое горное плато, которое упиралось в основание хребта. Дальше вниз к ущелью петляла узкая горная тропа доступная только для парнокопытных.

В целом наша оценка маршрута по карте подтвердилась, а намеченный объем инженерных работ по улучшению проходимости дороги был незначительным по трудозатратам.

Развернулись в обратный путь, поддался соблазну молодости, и небольшой участок удобный для разгона боевой машины проехал за рычагами танка. В лицо привычно ударил встречный ветер, ресницы прищуренных глаз припорошило поднятой гусеницами пылью. Душа поет, когда чувствуешь послушную твоим рукам многотонную машину.

Закончился скоростной участок маршрута, благоразумно передал управление танком механику водителю и занял место перед его люком, удобно пристроив спину на покатом лбу орудийной башни. Сзади, в командирском люке расположился Андреев А.В.

По пути, встретили группу «сарбозов», усталые солдаты тащили пустые бачки после доставки пищи на позиции своего подразделения. Загрузили довольных, и заметно повеселевших бойцов на броню и танк, не спеша, двинулся дальше.

Опытный механик водитель осторожно вел боевую машину, стараясь придерживаться своего ранее проложенного следа. Вскоре приблизились к крутому спуску, на земляной

поверхности которого отчетливо виднелись следы наших траков. Слегка притормаживая, танк медленно покатился вниз.

Вдруг яркий свет солнечного дня мгновенно померк, серая пелена сгоревшего тротила создала на короткий миг эффект солнечного затмения, оглушающий удар взрывной волны по барабанным перепонкам заглушил звук мощного взрыва. Словно в замедленном кинокадре, над нашими головами парящей птицей пролетело солдатское тело, подброшенное как пушинка огромной взрывной энергией под правой гусеничной полкой. Оглушенное тело солдата мягко приземлилось уже на левой стороне спиной к танку, его ноги безвольно подкосились, и он медленно вытянулся на земле головой под левую гусеничную ленту.

Механик водитель затормозил танк, экстренное торможение у танкистов отрабатывается до автоматизма. При этом одновременно работают ноги и руки, левая нога утапливает педаль главного фрикциона, правая жмет на горный тормоз, а руки берут рычаги управления в крайнее положение на себя.

Постепенно ошеломление стало проходить, механик водитель выключил передачу, уставшая от напряжения правая нога ослабила давление на педаль тормоза, и танк стал медленно скатываться, угрожая раздавить голову контуженого солдата.

Кричать бесполезно - у всех временная потеря слуха. Пришлось прибегнуть к ручному управлению – слегка стукнул кулаком по пыльному шлемофону механика-водителя, а на пальцах показал, чтобы он зафиксировал тормоз защелкой и заглушил двигатель.

Теперь можно было осмотреться. Впереди метрах в пятидесяти, испуганной стайкой неслись подальше от места взрыва наши бывшие «пассажиры», останавливать их было бесполезно. Убедились в отсутствии засады, и вызвали по радио санитарный УАЗ и танковый тягач.

Оказали первую помощь контуженому солдату, он находился в бессознательном состоянии, в углу плотно сжатых губ сочилась тонкая струйка крови. Контузия была сильной, но главное боец был жив, в последующем, после окончания лечения, он снова вернулся в строй.

С экипажем осмотрели танк, взрыв произошел под вторым катком, сам каток и несколько звеньев гусеничной ленты разорвало на куски, из корпуса сиротливо торчала ось балансира. Гусеничная полка в месте взрыва вздулась бугром, сварочный шов, крепивший ее к борту танка, частично разорван.

Анатолий Васильевич в воронке обнаружил взрыватель английской противотанковой мины времен второй мировой войны. Эти мины все реже использовались противником, благодаря металлическому корпусу они легко обнаруживались миноискателем, а большой вес и размеры усложняли их доставку к месту минирования. Единственным преимуществом «англичанки», был мощный заряд тротила, рассчитанный на немецкие Тигры и Пантеры.

Скорее всего, мина была установлена заранее до начала боевых действий в этом районе. Хотя, визуально нам не удалось установить отклонение танка от уже проверенной колеи. Поэтому вероятность организованной на нас охоты тоже не исключалась.

Несколько дней назад, недалеко от этого места, казалось в тылу своих войск, наша группа управления при возвращении с передовой на КП дивизии, была подвергнута обстрелу из стрелкового оружия. Пересеченная местность, с множеством скрытых от наблюдения участков, позволяла укрываться мелким диверсионным группам противника.

Противник нередко преднамеренно оставлял в тылу наступающих войск небольшие огневые группы, иногда они укрывались в пещерах, вход в которые прикрывался снаружи валунами, или прятались в многочисленных складках местности. После прохождения мимо боевого порядка войск, они покидали свои укрытия и использовались в основном для нападения на подвижные пункты управления, артиллерийские наблюдательные посты, отдельные машины и малочисленные группы военнослужащих.

В дальнейшем события развивались буквально по детективному сценарию. Вывоз трофейного имущества планировался на следующий день, а пока саперы по результатам рекогносцировки приступили к проведению инженерных работ на маршруте.

Однако ранним утром следующего дня, меня посетил офицер контрразведки дивизии и в конфиденциальной беседе сообщил, что ночью склад был вывезен, в Джелалабад для последующей реализации трофейного имущества в дуканах. При этом использовался частный автотранспорт и наемные грузчики.

В ходе общения с командованием дивизии выяснилось, что частники предложили на выгодных условиях продать трофеи. Поступившую в финансовую службу дивизии выручку планировалось использовать для улучшения бытовых условий офицеров и солдат.

Вполне рачительный вариант, смущала только информация хадовцев о принадлежности этих дуканов одному из старших офицеров дивизии.

Впрочем, в условиях неослабевающей фракционной борьбы в НДПА, приходилось осторожно относиться к любой компрометирующей информации. Мы старались строить свою работу с афганскими товарищами, но основе доверия и взаимного уважения и такой подход давал положительный результат.

Подработка

Ранним зимним утром длинная колонна двух афганских дивизий и корпусных частей остановилась в окрестностях районного центра (улусвали) Алихейль. С гор тянуло ледяным холодом, правда, разгорающийся утренний свет поднимающегося солнца внушал оптимизм ожидания теплого дня.

Втягивание в район сосредоточения по единственной дороге проходило медленно. Вокруг нас раскинулось широкое каменистое плато, которое позволяло дивизионными колоннами быстро занять назначенные районы. С этой осенившей меня идеей пошел в голову колонны.

Оказалось, мои афганские коллеги ранее предпринимали подобные маневры, но окружающая равнина была буквально нашпигована минами и после нескольких подрывов они больше не рисковали повторять подобные попытки.

Словно в подтверждение данной реальности резкий звук взрыва ударил по барабанным перепонкам, впереди метрах в

двухстах вырос высокий черно-серый куст, взметенный в небо подрывом нескольких сотен граммов тротила. На его вершине, словно в замедленной съемке медленно вращалось автомобильное колесо, вот оно сделало несколько оборотов, затем замерло на доли секунд и вдруг резко вместе с комьями земли и пыли рухнуло вниз.

Оказывается водовозка, сдавая задним ходом, съехала с колеи, и тут же поймала правым задним колесом противотанковую мину. Сейчас она представляла жалкое зрелище, накренившись на правый борт с разбитым задним мостом, из пробитой цистерны в нескольких местах бежали струйки воды. Рядом стоял контуженый водитель и перепуганными глазами неотрывно, словно загипнотизированный уставился в дымящуюся воронку.

Окажись мина под правым передним колесом, и пришлось бы ему уже смотреть в строгие глаза Аллаха, оправдываясь при этом за грехи земной жизни.

Но самое интересное, что рядом метрах в ста, на небольшой высотке находился пост местных малишей, на которых лежала ответственность за безопасность движения. Трудно верилось, что полтора десятка богатырского вида бородатых мужиков, к тому же хорошо вооруженных проспали саперов противника буквально под носом.

Контрразведчики тут же занялись разработкой версии об их причастности к данному злодеянию. После довольно серьезного разговора бородачи сломались и любезно с виновато подобострастными лицами показали места установки еще нескольких мин, которые саперы тотчас огородили и приступили к их разминированию.

Видимо находясь на государевой службе, эти малиши не стеснялись одновременно подработать и на стороне противника. А в условиях круговой поруки и совместной материальной заинтересованности подобные действия трудно доказуемы. Хотя подобные случаи подрывов вблизи постов безопасности имели место, большинство отрядов самообороны все же свои задачи выполняли добросовестно, проявляя стойкость и хорошие боевые качества особенно при защите своих родных кишлаков.

За подрывы на дорогах мятежники расплачивались исправно, причем за каждый вид техники была своя такса: танк

- дороже, БТР - дешевле. Безусловное торжество рыночных отношений и никакой морали.

Противоположная сторона, тоже грешила подобным бизнесом. По служебной необходимости приходилось неоднократно встречаться и разговаривать с душманами, поскольку противника нужно было знать всесторонне.

После объявления властью политики национального примирения, возможность такого общения увеличилась. Нередко они сами проявляли инициативу в организации встречи с военными советниками.

Мятежникам стали разрешать посещение родственников на подконтрольной правительству территории, при этом они должны были сдавать оружие и регистрироваться в органах МГБ. Многие из этих людей были способны к анализу и объективной оценке обстановки и имели вполне сносное для условий Афганистана образование.

Для большинства из них война была единственным источником дохода, а военная подготовка, полученная в учебных лагерях Пакистана, единственной освоенной специальностью. В отличие от своих родителей они уже не умели выращивать злаки или пасти скот, а психологически жили войной, были настроены только на войну.

Большинство высказывалось, что не имеют ненависти к Советским людям и нашей армии. Видели, какую огромную помощь оказывала их стране СССР. Воевать их заставляла необходимость содержания семей, но при этом они просто отрабатывали деньги и огонь по нашим войскам только обозначали, стараясь не нанести реального ущерба. В последнее время в это верится с трудом, скорее всего это дань вежливости.

Были конкретные предложения о сотрудничестве, за деньги, разумеется. Запомнилась одна колоритная личность, очень импульсивный и красноречивый боевик предложил ликвидировать за миллион афганей популярного главаря крупного отряда моджахедов.

В качестве доказательства выполненной работы обещал принести в мешке его несчастную голову. От столь кровожадной сделки пришлось вежливо отказаться, а деятельность «народного мстителя» и бизнесмена, направить в

цивилизованное русло по сбору разведывательной информации.

Другое предложение оказалось привлекательным и мы вполне успешно его реализовали. Через группу ГРУ на нас вышел мятежник с предложением взорвать склад боеприпасов одного довольно надоедливого своей активностью отряда противника.

Снабдили добровольного диверсанта взрывным устройством с часовым механизмом и несколькими толовыми шашками, обучили пользованию. Намеченные сроки проведения акции прошли, и мы стали сомневаться в своих действиях, ведь взрывное устройство могло быть использовано и против наших войск.

Прошло почти полгода, когда нами была получена разведывательная информация о взрыве на оружейном складе именно этого отряда противника. Потом поступили подтверждения из других источников, а через некоторое время появился исполнитель за положенным вознаграждением.

Выяснилось, что по неясным причинам охрана склада была усилена, а доступ на него был ограничен и осуществлялся под контролем. Обычно усиленные меры предосторожности противник предпринимал, в случае поступления особенно важных и дорогостоящих видов оружия и боеприпасов, возможно, на данный момент на складе хранились ПЗРК.

Подрыв удалось осуществить, после ухода отряда на задание, охрана была ослаблена, а в соседнем кишлаке проходило веселье, к которому большинство боевиков дружно присоединилось.

Барство и упрямство ценою в жизнь

Жалобы провинциальных властей на наличие маршрута снабжения мятежников рядом с Асадабадом в ущелье Шинкурак, вынудили нас, несмотря на низкую укомплектованность войск, выставить на входе в ущелье сторожевую заставу.

Маршрут использовался ночью, противник на надувных лодках переправлялся через реку Кунар, на противоположном берегу его уже ждал караван ослов с погонщиками. Попытки организации в этом месте засад результата не давали,

информация о любых перемещениях войск оперативно передавалась противнику через агентурную сеть.

Однажды, совершенно случайно, при возвращении в ППД после засады, рота наших спецназовцев натолкнулась на переправленный груз. Видимо у противника возникла транспортная проблема, и за ночь не удалось уложиться с перевозкой.

Ротного насторожило, что при приближении колонны БМП копошившиеся на берегу люди, разбежались в разные стороны и бесследно исчезли в окружающих скалах. Трофеями оказались несколько металлических бочек с говяжьей тушенкой китайского производства.

Сторожевую заставу комплектовали из военнослужащих разных ведомств - МВД, МГБ и армейских подразделений, но под руководством общевойскового командира. Такой способ формирования заставы уменьшал возможность активной деятельности агентуры противника и сговора между личным составом.

Для усиления огневой мощи, со склада дивизии выдали парочку станковых пулеметов СГ-43. Мощный пулемет, тяжелый колесный станок затрудняет его применение в горах, но на стационарной огневой точке, благодаря высокой точности и дальности огня, он весьма эффективен.

На подступах к заставе саперы под прикрытием танкистов, устанавливали минные поля. Работа приближалась к завершению, охранением командовал командир танкового батальона, танк с его фигурой в командирском люке виднелся в глубине ущелья.

Это был молодой и перспективный офицер, недавно прибыл в дивизию после учебы в академии БТВ, которую закончил с красным дипломом отличника. Предварительная беседа с ним произвела положительное впечатление и гордость за профессорский и преподавательский состав родной академии, выпускники которых отличались высоким уровнем профессиональной подготовки.

Комбат по радио доложил о завершении работ и предложил забрать саперов на броню и свернуть охранение. Однако, командир дивизии пожелал заслушать его доклад на пункте управления дивизии. Танк легко развернулся на месте и, переваливаясь бортами по крутым валунам, двинулся в нашу

сторону. Дальше события разворачивались по трагическому сценарию.

Трудно понять, что управляло действиями командира дивизии, тщеславие или желание сразу поставить на место молодого «академика», возможно, стремление укрепить свой властный авторитет или обыкновенная зависть к образованному офицеру с блестящей перспективой на будущее.

Судя по интонации и каменному выражению лица, видимо в унизительной форме, он потребовал, чтобы к его «светлости» офицер прибыл пешим порядком. Заведенный несправедливостью, командир батальона покинул танк и кратчайшим путем двинулся к нам, сзади шел солдат связист с переносной радиостанцией.

Вдруг, на высотку поднялся запыхавшийся советник начальника инженерной службы и предупредил, что два человека вошли на только что установленное минное поле. Потребовал от командира дивизии немедленно остановить командира батальона, одновременно мы предприняли попытку связаться с ним по своей радиостанции.

Но уязвленное самолюбие толкало офицера навстречу почти неминуемой смерти, установленные мины ПОМЗ достаточно заметны на местности, главное не зацепить растяжку. Было хорошо видно, как комбат высоко поднимал ноги перед очередной миной и вероятность благополучного исхода существовала.

В диком напряжении мы наблюдали эту игру со смертью, пока спешащий сзади связист не запнулся о проволоку растяжки, черный дым взрыва и медленно оседающие на землю фигуры двух невинно загубленных человеческих жизней на фоне вечных и безразличных к человеческим судьбам и страстям гор.

После этого инцидента авторитет командира дивизии был, безусловно подорван, вскоре он получил новое назначение. Политическая конъектура, которая порой была решающей в кадровой политике афганского военного и политического руководства, позволила избежать командиру дивизии, казалось неизбежной встречи с военным прокурором.

Беспечность

Завершились боевые действия в районе Наве Каза, нам предстояло для выполнения новой задачи совершить небольшой по протяженности марш, в другой район сосредоточения. Назначенный маршрут давно не использовался войсками, и существовала реальная минная опасность на всем его протяжении. Марш предполагалось провести в сжатые сроки, своевременный выход в новый район боевых действий позволял застигнуть противника врасплох.

Пришлось идти на разумный риск. По карте изучили наиболее опасные участки Ададхейль и Ману. Полагаясь на опыт, и командирское предвидение наметили наиболее вероятные места возможного минирования. В голову колонны выдвигался танковый взвод с десантом саперов на броне. При этом до подхода к опасному участку предполагалось движение на максимально возможной скорости. Как только появлялся «тот опасный поворот», саперы спешивались и под прикрытием танковых орудий и пулеметов начинали его проверку.

В этом случае вынужденные кратковременные остановки использовалась, как малый привал для осмотра техники и отдыха водителей, а главное удавалось обеспечивать приемлемую скорость движения. Правда, данный способ передвижения, не исключал действия противника из засад. Применяли его обычно в динамике боевых действий, когда была уверенность, что противник не успеет занять удобные для обстрела колонны позиции.

На марше войска наиболее уязвимы. Как только походная колонна начинает движение, сзади пристраивается хищная стая боевиков в ожидании легкой добычи из отставших или вынужденно остановившихся по техническим причинам одиночных машин.

Дабы избежать всевозможных неожиданностей с тыла, в арьергард был выделен неполный пехотный батальон, который занял позиции на высоте перед спуском в ущелье. С арьергардом осталась небольшая группа управления афганских офицеров и военных советников на БРДМ-2.

Танкисты и саперы были отправлены заранее, успели проверить несколько опасных участков, поэтому марш

проходил без осложнений, и вскоре голова колонны приблизилась к небольшой высотке в середине ущелья. На склоне этой высотки дорога делала левый поворот, затем следовал спуск в ущелье и подъем на его противоположную сторону.

Возможно, вид приближающейся колонны или отсутствие мин при предыдущих проверках отрицательно сказались на бдительности походного охранения. Один из танков охранения, не дожидаясь проверки опасного дорожного участка, двинулся вперед, его корма не успела скрыться за поворотом, как под левой гусеницей прогремел взрыв.

Вскоре, опомнившиеся саперы сняли еще несколько мин. Но их запоздалое усердие уже не могло компенсировать проявленную ранее беспечность. Дорога наглухо и надолго была закупорена обездвиженным корпусом боевой машины.

Левый борт танка, почти вплотную прижимался к крутому склону, чтобы добраться до поврежденной ходовой части его нужно было оттащить на более просторное место. Буксировка назад, могла привести к развороту корпуса вправо и опрокидыванию с приличной высоты в ущелье, а подать буксир спереди было некому.

Почти одновременно с подрывом донеслись слабые отдаленные звуки начинающейся перестрелки в хвосте колонны. Потом выяснилось, что офицеры группы управления тыльного охранения, тоже расслабились и проявили беспечность едва не стоившую им жизни.

После выставления сторожевых застав арьергарда, утомленные ратными трудами они решили перекусить. Уютно расположились у дороги в тени раскидистых деревьев, на расстеленной плащ палатке, появились аппетитные бутерброды, термос с горячим чаем, из армейского приемника неслась нежная мелодия. Идиллия мирного времени.

Все же благодаря их опыту и армейскому профессионализму, бронетранспортер был разумно оставлен ниже на спуске дороги в ущелье, вне зоны видимости со стороны противника. Несколько внезапных автоматных очередей застали участников пикника врасплох, офицеры кубарем скатились по крутому склону к «броне», смогли вовремя оторваться от противника и занять удобное место для наблюдения. Видимо на них случайно наткнулась одна из

групп боевиков, которые стекались с ближайших кишлаков с явной целью окружить и отрезать от колонны подразделения арьергарда.

Вскоре стали поступать доклады от них и командира арьергарда, с координатами обнаруженных целей. Противник полукругом охватывал подножье высоты занятое подразделениями малочисленного охранения. Боевые качества местных кишлачных банд были невысокими, но дефицит времени не позволял нам втягиваться в длительное противостояние. Действовать нужно было быстро, однако теснота узкой дороги не позволяла развернуть буксируемую артиллерию.

Как всегда выручил «Град», нескольких удачных пусков реактивных снарядов нанесли потери и отбросили противника. Огонь открыли прямо из походной колонны, при этом использовали только одну пусковую установку БМ21, хотя в готовности к бою находилась еще и батарея реактивной артиллерии. Её залпа было достаточно, чтобы навсегда закрыть вопрос о существовании сидящих у нас на хвосте отрядов боевиков, но опасность уничтожения раскинувшегося на горном плато кишлака не позволяла использовать эту огромную огневую мощь.

Теперь можно было спокойно заняться решением проблемы преодоления образованной на дороге пробки. После осмотра местности решили обойти место подрыва, перевалив через вершину высотки, её скаты были достаточно пологими. Единственным препятствием для техники был полутораметровый обрыв у её основания, который решили уложить камнями. Вскоре закипела напряженная работа, использование максимально возможного количества личного позволило быстро подготовить объездной путь. Первыми пустили танки, им предстояло стащить на ровное место подорванную боевую машину и помочь экипажу восстановить её подвижность.

Пока колонна втягивалась через объезд на основной маршрут, танкисты успели соединить и натянуть разорванную гусеничную ленту и вместе с подошедшим арьергардом занять место в хвосте колонны. Но не удалось установить опорный каток, поэтому поврежденный танк мог двигаться только на

небольшой скорости, прихрамывая покалеченным левым бортом.

Дорога пошла на подъем, на её обочинах виднелись немые свидетели давних и ожесточенных боев правительственных войск с отрядами оппозиции. Сгоревшие остовы автомобилей, ржавые стальные коробки раскуроченных на подрывах бронетранспортеров, словно памятники разыгравшейся здесь трагедии плотно обступали дорожное полотно.

Задача по выходу в новый район была выполнена в установленные сроки, несмотря на вполне реальную перспективу застрять на маршруте в опасном ущелье надолго.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Дзгоев Тимур Казбекович,*** *студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Чубаров Борис Иванович

В глазах его матери я чувствовал немой вопрос

Я родился 28 января 1958 года в городе Воронеже. Моё детство и юность прошли, как и у всех моих сверстников того времени. В 1975 году окончил среднюю школу №17 города Воронежа и поступил учиться в Тамбовское высшее военно-командное краснознаменное училище химической защиты, где проучился четыре года. Быстро и незаметно пролетели годы учебы. В июле 1979 года я окончил училище и был направлен для дальнейшего прохождения службы в Северо-Кавказский военный округ в район города Волгограда. С августа 1979 года по ноябрь 1981 года я проходил службу в должности командира взвода в городе Фролово Волгоградской области.

Зимой проходили учения. Стоял жуткий холод, градусов 40. В нашей части были солдаты из Южной Азии. Им пришлось хуже всего.

В конце октября 1981 года меня вызвали к командиру части, который сообщил мне, что в ближайшее время я должен буду отправиться на службу в Афганистан. По моей просьбе мне на несколько дней был предоставлен краткосрочный отпуск, и я поехал к моим родителям в город Воронеж, которым я сообщил об изменении моего места службы. Родные отнеслись с пониманием, хотя и в то время было слышно, что в Афганистане идут боевые действия. Попрощался с родителями, близкими, родственниками и друзьями.

Через несколько дней я уже находился в штабе Северо-Кавказского военного округа в городе Ростове, где мне вручили заграничный паспорт и предписание к новому месту службы. Тем же вечером наша группа самолетом вылетела в город Ташкент.

Следующий день был у нас свободным. Ходили по городу, знакомились с достопримечательностями и красотой столицы Узбекистана - города Ташкента. На следующее утро мы самолетом пересекли границу Советского Союза и приземлились в Кабуле. На пересыльном пункте я встретил своих старых знакомых по военному училищу, которые рассказали об особенностях службы в Афганистане. Далее вертолетом я добрался до населенного пункта Баграм, к месту моей службы. Вечером представился своему командиру части и командиру отдельного разведывательного батальона майору Николаеву и его заместителям.

По прилету в Афганистан я ощутил резкий контраст. Во-первых, стояла жуткая жара, градусов под 50. Воздух был сухой и горячий, несмотря на то, что это был ноябрь. Лето в Афганистане начиналось в марте и заканчивалось в ноябре. Резкие перепады температуры градусов на 20. К счастью, в нашей части были кондиционеры и душ. Старшие по званию предупреждали о необходимости следить за личной гигиеной, так как было много болезней, таких как тиф, малярия и гепатит.

Особое внимание уделяли общению с местным населением, так как у них было иное вероисповедание и колоссальные различия в образе мышления. Также сильно различались и традиции. Особенность менталитета - у них была принята кровная месть. У них было особое отношение к войне, для них считалось честью умереть в бою. За оружие брались все: и мужчины, и женщины и дети.

Распорядок дня был такой же, как и в обычной части. Единственное отличие было в питании. Из-за жуткой жары основным временем приема пищи было раннее утро и поздний вечер, когда температура падала. В течение дня, в основном, хотелось только пить.

Итак, я был назначен на должность начальника химической службы батальона. Кроме того, я исполнял обязанности начальника инженерной службы этой части. В

течение нескольких дней я принял дела и должность. Этой осенью проходила плановая замена. Мы заменяли офицеров и прапорщиков, которые входили в Афганистан еще в 1979 году.

В этот же период в соседние части прибыли мои знакомые, с которыми мы поддерживали дружеские отношения в течение всего срока службы в Афганистане.

Постепенно я познакомился с личным составом части. Подразделения батальона части часто выезжали на проведение боевых операций в зоне ответственности нашей дивизии.

Атмосфера в части была хорошая, доброжелательная. В свободное время мы писали письма на Родину и общались с сослуживцами. Ежедневно вечером нам показывали фильмы.

Дважды, за время моей службы, в нашу часть приезжал Иосиф Кобзон. Он пел на открытом воздухе целых 3 часа подряд. От его выступлений остались замечательные воспоминания.

Во время службы я переписывался с родственниками. Письма от родных каждый ждал с нетерпением. В общем, у меня остались очень хорошие воспоминания о сослуживцах. Были и неприятные моменты, которые быстро забывались.

В основном, я выполнял свои обязанности по обеспечению подразделений индивидуальными и коллективными средствами защиты органов дыхания и кожи, а также инженерными средствами обеспечения боевых действий войск.

Через месяц мы встретили Новый 1982 год. Хотя коллектив был чисто мужской, мы старались создать праздничное настроение.

Об особенностях службы порой трудно рассказать. Чтобы понять, нужно, наверное, ощутить и почувствовать обстановку, в которой мы были. У меня до сих пор в памяти остались впечатления о знакомстве с начальником медицинской служебной части нашим доктором Шаповаловым Юрием Ивановичем, старшиной 3-й разведывательно-десантной роты Прохоровым Николаем Алексеевичем, командиром 3-й разведывательно-десантной роты Киреевым Анатолием Викторовичем, начальником службы РАВ (ракетно-артиллерийского вооружения) Корчинским С.К., начальником связи части Соболевым.

На операции я выезжал редко. В основном находился в части, исполнял свои служебные обязанности, ходил к дежурным по части.

Основной задачей подразделения было патрулирование территории и проверка автотранспорта. Однажды мы остановили машину, в бензобаке которой под плотным слоем изолирующего материала мы нашли большое количество бутылок. В бутылках было спиртное, вредное для человеческого организма, которое хотели продать как алкогольный напиток. Водитель машины, местный житель, не стал ничего скрывать, ведь ему нечего было есть. Мы его накормили и напоили чаем, дали немного продуктов в дорогу и отпустили. Местные люди жили настолько бедно, что готовы были пойти на все, лишь бы выжить.

В начале 1982 года, вечером, солдаты одного из подразделений чистили оружие, и случайно произошел выстрел. Пуля попала в шею одного солдата. Врач части Шаповалов Ю.И. повез раненого в госпиталь. Через час он приехал, на глазах у него были слезы. Он сообщил нам, что солдат умер. Это был первый человек, который погиб по неосторожности из-за того, что не соблюдал правила обращения с оружием.

Это была не единственная смерть по неосторожности. В ходе одной из операций была организована засада на маджахедов. Советские войска расположились полукольцом и поджидали «духов» в засаде. Командованием соседней части была организованна другая операция, целью которой было передвижение советских войск, переодетых в одежду душманов. Поздней ночью наша группа, сидевшая в засаде, услышала движение людей и открыла огонь, лишь по крикам они поняли, что это были наши солдаты, но было слишком поздно, под пулеметным огнем погибли люди. Из-за таких несогласованных действий командования разразился крупный скандал.

Война удивительным образом изменяет взгляды на жизнь, и я ощутил это на себе в ходе одной из спецопераций. Однажды ночью нас неожиданно обстреляли. Мы упали на землю и начали ползти, прижимаясь все ближе к земле, чтобы уберечь себя от пуль. В этот момент понимаешь, насколько сильно хочется жить. Кажется, что готов перенести все, что

угодно, лишь бы выжить. Когда обстрел закончился, и мы добрались до части, то все почувствовали себя счастливыми лишь потому, что все благополучно закончилось.

В июне 1982 года наш батальон за успешное выполнение боевых задач указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красной Звезды. В нашей части было много военнослужащих, награжденных орденами и медалями нашей страны, а некоторые и по нескольку раз.

В августе 1982 года к нам в часть на должность командира взвода прибыл служить Соседов Сергей Эдуардович. Родился он в городе Котовске Тамбовской области. Прослужил он всего 35 дней и погиб во время проведения одной из военных операций в сентябре 1982 года. Мне пришлось сопровождать его в цинковом гробу домой на Родину. За несколько дней до его смерти у него родилась дочь, которую он не видел, и она никогда не увидит своего отца. Я привез гроб к его родителям. В глазах его матери я чувствовал немой вопрос – почему погиб именно мой сын. Это очень тяжелая миссия - привозить домой родителям погибших сыновей. Поэтому в дальнейшем я старался избегать этого.

Кроме боевых потерь большое количество людей временно выводили из строя различные инфекционные заболевания - гепатит, тиф или малярия. Трудновато было привыкнуть к жаре, которая утомляла, особенно с апреля по ноябрь.

Прошло уже почти 30 лет. Постепенно из памяти стираются все подробности службы на самых южных рубежах нашей родины. В июле 1982 года я вместе с тремя военными механиками-водителями ездил в командировку в город Курган. Оттуда мы перегоняли технику до Термеза. Во время нашего следования в эшелоне, гражданское население от чистого сердца угощало нас своей едой, и было хорошее человеческое отношение. От Термеза до Баграма мы добирались своим ходом. Я увидел много интересного для себя. Видел уничтоженную, сгоревшую и искореженную нашу боевую технику. В колонне проезжали по серпантину Саланга.

Отпуск. В конце декабря я вылетел с Кабула в очередной отпуск. Возвращение к мирной размеренной жизни радует каждого человека. Во время отпуска отметил свое 25-летие, весело и интересно встретил со своими друзьями Новый 1983

год. К 23 февраля прибыл обратно в часть из отпуска. С нетерпением ждал своей замены и отправки на Родину.

Мой сменщик приехал из Группы советских войск в Германии. 29 октября 1983 года я вылетел из Кабула в Ташкент. В аэропорту меня ждал сюрприз. На таможне меня задержали, в сумках оказались кирпичи – подарок от товарищей, на которых было написано «Не забывай нас». Таможенники, конечно, сразу не поверили мне, а подумали, что в кирпичах я провожу контрабанду, но потом мы вместе с ними посмеялись над этой шуткой.

В 1986 году я служил в Германии, и туда в командировку приехал Корчинский Сергей Николаевич. Он узнал, где я служу, и приехал в часть, где мы и встретились.

В апреле 1989 года я участвовал в ликвидации последствий катастрофы Чернобыльской АЭС и там встретился с Киреевым Анатолием. Когда я поступил учиться в Военную академию химической защиты, мы начали регулярно встречаться 9 мая в Москве. В июле 1987 года я узнал, что наш доктор Шаповалов Ю.И. умер от ран и был похоронен на кладбище города Железнодорожный. Поэтому каждый год мы приезжаем на могилу Юры, встречаемся с его мамой, братом и сестрой. Потом едем в село Дарна Истринского района, где настоятелем храма является отец Константин, наш сослуживец, а тогда Волков Константин, который еще во время службы дал обещание, что в случае успешного её окончания посвятит свою жизнь служению Богу. Сюда, в храм, из Украины, Белоруссии, Казахстана и других уголков нашей необъятной Родины приезжают на встречу сослуживцы. По возможности стараемся приезжать сюда семьями. Стараемся также собираться 15 февраля - в день вывода Советских войск из Афганистана, на Рождество, Крещение, Пасху. На этих встречах мы стараемся оказывать друг другу моральную поддержку, вспоминаем погибших товарищей, вспоминаем нашу молодость, общаемся.

Война - это трудное время и испытание для каждого. Она оставляет серьезный отпечаток в сердце каждого человека. Учит ценить каждое мгновение жизни и радоваться лишь тому, что жизнь продолжается.

Имею боевую награду - орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Родин Герман Алексеевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Шаманов Юрий Владимирович

Через два дня вылетаешь. Все подробности, всё там узнаешь.

В 1942 году моя мама, будучи беременной, была эвакуирована из Смоленска в далекий город Туркестан Чимкентской области Казахской ССР, где я появился на свет. В 1943 году, когда Смоленск был освобожден, мать с бабушкой вернулись обратно.

Солдаты нашли меня ползающим по мертвой бабушке - она умерла, а я был с ней один. Бабушка предусмотрительно привязала к моей шее мое свидетельство о рождении (на казахском и русском языках), завернув его в газету. В три года я оказался в детском доме.

Детский дом мой находился в деревне Шапы Демидовского района Смоленской области. Затем, меня перевели в другой детский дом, находившийся в самом Демидове, где в 1959 году окончил среднюю школу и начал самостоятельную жизнь.

Поехал я учиться в город Сафоново, где поступил в техническое училище и учился на бурового мастера. Когда окончил это училище, меня за отличную учебу направили в Москву, в УНР-261 (Управление начальника работ 261).

Затем меня отправили в Калининградскую область, где мы бурили шахты для континентальных баллистических ракет и для снабжения города питьевой водой. Но для меня такая

жизнь была не очень интересна, постольку я был молодым, энергичным парнем, а жили мы в лесу, кругом только лес, казармы и каждый день одна только водка, водка, водка, да солдаты кругом.

При Советской власти было так: как только зарегистрировался в гостинице, заведующая должна была подавать информацию в военкомат.

Прихожу я в военкомат, а мне там и говорят:

- Ну что, в армию пойдешь?

- Так у меня все документы в Москве, с собой только командировочное удостоверение.

- А ты, вообще, в армию хочешь?

А мне уже до того осточертела эта жизнь в казармах, с мужиками здоровыми, которые после работы пьют, пьют и пьют. А мне куда деваться? Ну и я с ними начал пить.

Так думаю, я вообще сопьюсь. Я и говорю:

- В армию я не очень хочу, а вот в училище я бы пошел.

- Серьезно? А у тебя 10 классов есть?

- Есть.

Чего-то они там обговорили, достали мне разнарядку: «Вот, выбирай!» Я все прочитал: Омск, Томск и прочие. Ленинград!

- А в Ленинград как?

- А что там за училище, их там куча?

- Так, Петродворец, потом еще три морских идут, нет, моряком я не хочу. Вот сюда! В Высшее общевойсковое командное училище имени Кирова. Как вы смотрите?

А была середина июля, мне уже через две недели ехать экзамены сдавать. Начальники военкомата собрались, посовещались:

- Проходи медицинскую комиссию. Потом посмотрим. Завтра сможешь?

- Да.

Медицинскую комиссию я прошел, все как положено. Выяснили, что я вполне здоров.

- Ну тогда сообщай своим руководителям.

- Да мои руководители пошлют вас куда подальше.

- Тогда ты это решение передай местному руководителю, а остальное мы берем на себя. Главное, что ты идешь в училище.

Я принимаю решение: поеду в училище сдавать экзамены. Когда в школе учился, физику и математику, как орехи щелкал. Единственное чего я боялся, так это литературу и сочинения. Перечня экзаменов не было, что, как сдавать я не знал.

Пришел я к старшему буровому мастеру.

- Григорий Иванович, вот такая картина, сопьюсь я с вами, пора кончать с этим.

Рассказал ему все, что случилось со мной за это утро.

- Да, ты все правильно сделал. Поезжай!

Потом им телеграмму послал: «Ребята, я сдал все экзамены без подготовки».

Приехал я в Ленинград, а через три дня сочинение писать, и пошло-поехало. Сочинение - на трояк, а все остальное на пятерки. Был зачислен одним из первых, в передовиках так сказать.

В 1966 году я окончил Высшее общевойсковое командное училище имени С.М. Кирова, и меня отправили в Заполярье, в Мурманск, в Печенгу. Что это такое? Это небольшой поселок, где 10 месяцев зима, а остальное – лето. Жить негде там, такие морозы, что страшнее и не придумаешь.

В 1974 году поехал поступать в Венную академию имени М.В. Фрунзе, которую с успехом и окончил.

После академии, в 1977 году, меня направили начальником штаба полка в город Лубны, на Украину, где я дослужился до командира полка и был отправлен военным советником в Сирийскую Арабскую Республику.

Самым первым узелком беспокойства оказался город Дереа, где я и находился все 3 года. Обычно там служили по 2 года, но меня за отличную работу попросили остаться еще на один год. В конце этого срока, Президент Сирии Асад вручил мне орден «За боевую подготовку» I-й степени.

После Сирии я основался в Москве, где стал начальником направления программно-уставного управления Главного управления боевой подготовки сухопутных войск. Принимал участие в разработке и являюсь соавтором Общевоинских уставов ВС СССР, Боевого устава и ряда программ боевой подготовки, являюсь автором-составителем Учебника сержанта мотострелковых войск.

В 1984 году меня включили в состав оперативной группы Министерства обороны: «Через два дня вылетаешь. Все подробности, всё там узнаешь, на месте». И вот, 4 января 1984 года я прибыл в Афганистан.

Здесь шла война! Война гуляла по городам, заглядывала в сады и виноградники. Были особые приемы борьбы в глинобитных лабиринтах кишлаков, подземных каналах – «киризах», пустынях, «зеленках», караванных путях, на перевалах, на вершинах, в долинах. Война охватила всю территорию страны. Нигде не было спокойного места!

Условия пребывания солдат в гарнизонах были, зачастую, очень тяжелыми. У войны свои боли и свои будни. Она не только страшна, жестока и кровава, она еще скучна и изматывающе однообразна. Я наблюдал в гарнизонах нудное завывание ветра, тоскующую степь за колючей проволокой. Иногда были высказывания: «Уж лучше бой, чем опостылевшая казарма».

Третий тост в Афгане всегда предлагали за павших. Страшней всего для живых было провожать на Родину мертвых. Все предпочитали бой, рану, но только не похороны друга. Не забыть «Черный тюльпан». Самолеты «гробовозики» таскали через перевалы в Союз свой тягостный груз.

Я не раз и не два наблюдал отправку «Груза 200». Это страшно излагать. «Черный тюльпан», цинковый ящик, запах формалина и сосновых досок, брезентовые носилки, черные от мертвой крови. И так девять лет! Девять лет подряд провожали в последний путь убитых солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров! Девять лет военкоматы приносили в дома похоронки! Девять лет!

Я не был добровольцем. Заявлений, чтобы меня послали в Афганистан, я не писал. Просто честно служил своей Родине. Командование приняло решение направить меня в Афганистан в составе оперативной группы МО СССР. Я выполнил это решение.

В Министерство обороны входили представители всех родов войск. Я представлял Главное управление боевой подготовки. Моим непосредственным начальником был начальник главного управления генерал-полковник Меримский. Я, образно говоря, был его правой рукой.

Мои полномочия, задачи, которые возлагались на меня, заключались в оказании помощи в боевой подготовке личного состава, солдат, офицеров, командного состава частей и подразделений; в подготовке мест учебы солдат с учетом сложной специфики Афганистана; в подготовке техники и вооружений, экипировки солдат и офицеров, запасов носимых боеприпасов, воды и питания; в участии, совместно с командирами частей, в разработке планов операций, боевых действий; непосредственное участие в проведении этих операций, боевых действий.

Я не считаю себя героем боевых действий. Я в атаку солдат не поднимал, не водил.

В силу моих полномочий, круга задач, выполнявшихся мною, я не подменял командиров частей подразделений. Я их лишь поддерживал и помогал им словом, советом и делом.

Но бывали моменты, когда приходилось вмешиваться в решения командира, вносить по ходу боевых действий коррективы, брать полную ответственность лично на себя - такая установка была определена маршалом Советского Союза С.Л. Соколовым, а затем и генералом армии В.И. Варенниковым.

Такие моменты были в операциях в районе Джелалабада, Кандагара и в районе города Герат.

На территории Афганистана я посетил все места дислокации наших частей, отдельных подразделений, а также все места дислокации частей армии и Царандоя Афганистана. Буквально ежедневно я осуществлял целевые перелеты к нашим частям на вертолетах или самолетах.

Афганская война - это не только официальные версии и документы, но и люди, и их воспоминания о ней, которые никогда не сотрутся.

Наиболее впечатляющие моменты во время пребывания в Афганистане – это эпизоды в ходе операций в районе Кандагара в 1985 году. Наш вертолет, в котором находился и я, на взлете был обстрелян и совершил вынужденную жесткую посадку. Вертолет был серьезно поврежден. Были ранены шесть человек. Ощущение было неприятным.

Еще был один случай, который произошел в районе Файзабада в 1986 году. В ходе операции я был на броне БМП с командиром части. Наша машина была подорвана афганцами.

Я, естественно, не удержался и был отброшен на очень приличное расстояние. В результате этого я получил серьезные ушибы, и у меня заложило уши. Последнее дает знать о себе и по сей день.

Незабываемое впечатление у меня осталось после совершения многодневного маршрута Кушка – Герат – Шинданд – Кандагар - Газни –Кабул - Кундуз - Термез; Кундуз - Файзабад; Кабул - Джелалабад, Кундуз – Мазари-Шариф. Поездка была проведена по решению генерала армии Варенникова с целью проверить на этих маршрутах состояние наших охранных постов и застав, их безопасность и боеспособность, а также оказать личному составу предметную помощь.

Я проверил 32 поста. В целом они обеспечивали относительную безопасность наших автоколонн по этим маршрутам. Но были и такие места, по которым требовалось немедленное принятие мер, ибо безопасность личного состава на посту не обеспечивалась должным образом. Средства связи в нерабочем состоянии, техника неисправна, охрана и оборона постов слабая, бытовые условия - ужасные. Решение по оказании помощи принималось незамедлительно.

Особо вспоминаю своих сослуживцев по Оперативной группе, тех командиров соединений и частей, с кем приходилось бок о бок выполнять тяжелую работу - воевать. Их поддержка, взаимное понимание, уважение друг к другу, любовь к своему делу, отцовские отношения к солдатам, офицерам и ко мне лично придавали уверенность в себе.

Там, в Афгане, я на деле прочувствовал что такое воинское братство. Наверное, в первую очередь, это благодаря генерал-полковнику В.А. Меримскому, генералу армии В.И. Варенникову, генерал-полковнику Б.В. Громову, генералу армии Грачеву, генерал-полковнику В.М. Барынькину, полковнику В.В. Веременко, генерал-полковнику А.А. Димидову, полковнику И.Д. Фаустову, полковнику А.С. Козину, полковнику Ф.Л. Штанько и еще многим другим замечательным боевым офицерам Генерального штаба.

В Афганистане про нас не забывали: не раз организовывали встречи с нашими артистами в разных гарнизонах. Хорошее впечатление оставил о себе писатель и корреспондент А. Проханов.

На завершающем этапе пребывания в Афганистане я занимался практическими делами по подготовке личного состава, техники, вооружения, планированию всех мероприятий, в первую очередь, вопросов безопасности предстоящего вывода Советских войск из Афганистана. Я был определен в оперативную группу по выводу частей 5-й мотострелковой дивизии по маршруту: Шинданд – Герат - Кушка. Это была настоящая боевая операция. Сложная и опасная. Лично сопроводил одну из первых колонн на броне БТР. Вывод завершен был успешно. Были досадные потери, ошибки. Но впереди уже была Родина.

19 сентября 1987 года я вернулся из Афганистана.

Материалы по опыту боевых действий частей и подразделений были обработаны, проанализированы, учтены при подготовке новых редакций Боевого устава Вооружённых Сил, программ боевой подготовки, наставлений, методических пособий, учебников. Они были рекомендованы для применения в ходе повседневной боевой учебы частей и подразделений всех Вооруженных Сил.

К сожалению, богатый опыт ведения боевых действий в особых условиях Афганистана, был забыт в ходе боевых действий в Чечне, особенно, в 1-ю Чеченскую войну, что незамедлительно отразилось на ходе боевых действий, на неоправданных решениях командиров, на огромных потерях солдат, офицеров, боевой техники.

В 1990 году был уволен из Вооруженных Сил Российской Федерации. Я был делегатом последнего XXVIII Съезда КПСС и 1-го Съезда Компартии Российской Федерации.

В 1993 году организовал Региональную общественную организацию ветеранов войны в Афганистане «Талока» («Зов помощи»). По сей день являюсь председателем правления этой организации.

С 1996 года был помощником депутата Государственной Думы, вице-спикера ГД РФ Бооса Г.В.

Был 15 лет депутатом районного собрания Бибирево, председателем районного собрания, руководителем муниципалитета Бибирево.

Декабрь 2011 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Марычева Антонина Николаевна****, студентка 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*

Шеенков Анатолий Григорьевич

На переговорах буду я, переводчик и связист

Родился я 6 июня 1939 года в городе Новосибирске в семье рабочего.

Отец был железнодорожником. Семья была большая у нас, 9 человек, из которых было семеро сестер. Все дети живы, а вот родителей нет уже в живых.

В семье я третьим был. В 1947 году пошел в школу. Школу закончил, когда электрификация железных дорог началась. Паровозы стали ликвидировать и отца перевели в город Чулым, административный центр Чулымского района Новосибирской области, что 130-ти км от Новосибирска. Там паровозное депо было. Школу я там и закончил, 10 классов.

В школе получил права на машину. Учитель у нас был офицер запаса, старший лейтенант, танкист. И вместо труда мы собирали какую-то машину типа ЗиС-5. Мы её называли - «Урал дрова», поскольку она была с деревянной кабиной. На ней на права и сдавали. Сдали экзамены, получили права.

Потом началось освоение Целины, и наша школа решила организовать колхоз, и всем классом отправиться на Целину. Вскоре все получили аттестаты. К этому времени я уже работал шофером в совхозе. Когда вызвали, я говорю, что с удовольствием поеду куда угодно.

Отправили меня на строительство Новокемеровского химического комбината, там я вплоть до призыва в армию работал шофером. В 1957 году умер мой отец, мне дали отсрочку от армии, а в 1959 году ушел всё же служить в армию.

Первый год прослужил в Омске, в войсках, а потом в Высшем общевойсковом командном училище в Омске. В 1963 году я его окончил.

После окончания училища меня направили служить командиром взвода в Группу советских войск в Германии. Попал я в 39-ю гвардейскую дивизию, которая была сформирована в годы войны на базе нашего Омского училища.

Прослужил я 6 лет, и уже в должности командира роты я поступил в Военную академию имени Фрунзе. В 1972 году я окончил академию и был направлен служить в город Абакан начальником штаба мотострелкового полка. Там я прослужил чуть-чуть более двух лет. Назначили меня командиром мотострелкового полка в Тувинскую автономную республику, в город Чадан. Там, за Саянами, я прослужил два с половиной года начальником штаба дивизии, затем был направлен в Новосибирск в 85-ю мотострелковую дивизию.

В 1978 году, когда свершилась Саурская революция в Афганистане, 15 мая 17 человек в качестве советников прибыли в Кабул. В их числе был и я. Так я стал советником командира 7-й пехотной афганской дивизии, которая дислоцировалась под Кабулом.

Служил. Куда направляли - туда и ехал. Приказ не обсуждается, а исполняется, вот и исполняли. Никто тогда не знал что Афганистан такой.

Стали изучать карту, посмотрели - судоходная река Кабул, горная местность. Когда приехали, увидели, что там воды почти нет, только ручеек течет, в котором белье стирают.

Через полгода и семьи приехали к нам, тогда там еще не было сложной ситуации. Началось всё в 1979 году. Начались перевороты, начались нападения, «духи» начали возникать везде, нападать на правительственные войска, тогда начали защищать, кого-то перевозить, а раньше нормальная обстановка была, было тихо и мирно.

Войска ввели в декабре 1979 года. Самая главная задача была, чтобы афганские войска не выступили против советских войск, которые вводились на территорию.

Я уехал после ввода войск и был назначен командиром дивизии в город Волгоград. Оттуда я опять попал в 39-ю дивизию, где прослужил четыре года и уехал учиться в Академию генерального штаба.

Два года учился в Академии, после чего был назначен первым заместителем командующего армии в Прикарпатский военный округ, на Украину, в 13-ю общевойсковую армию. Год я там побыл, участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

В нашей дивизии было 24 советника. У меня из «подсоветных» афганских офицеров были - командир дивизии и начальник штаба афганской дивизии. В качестве советника я проводил обучение, выдавал рекомендации и воевал, ездил и планировал всю военную деятельность как структуру.

Вначале все планово было хорошо. Там капитан был командиром дивизии. У нас советники были в каждом полку, советник командира и начальника штаба полка, по технической линии, по артиллерии, по связи, по политработе были даже, переводчики были. На последнем этапе у нас свои средства управления были, кадровые военные были наши.

Там же кроме афганского телефона ничего не было. Вот эти функции и выполняли мы. За время моего двух с половиной летнего пребывания у меня сменилось пять советников. Потому что там перевороты были. Когда пришел к власти другой правитель он своих назначил, потом, после ввода войск, Бабрак Кармаль своих из подполья вытащил. Вот последний - был уже генералом армии. У них тоже не плохие люди, двое по-русски разговаривали, учились у нас в наших военных учебных заведениях. Остальные работали через переводчика. Переводчики были таджики и азербайджанцы.

Рота была у меня - 10 БМТ на ходу, управляемые все, с десантом, никаких проблем. Где какая заварушка - сразу реагировали. Подвиги совершали бойцы, их не счесть сколько было. И по доставке военных грузов на простых КАМАЗах, в том числе. Это уже потом стали бронированные кабины делать. Попадали и в засады, и горели, и гибли.

В 1987 году в декабре меня назначали первым заместителем командующего 40-й армией. Я сразу попал на операцию «Магистраль», за подготовку и проведения которой командующий Громов получил звание Героя. Освобождали дорогу от Гардеза до Хосты. Боевые действия были ожесточёнными, конечно. Там и пакистанские регулярные

части были, были задействованы и «духи», и французы действовали хорошо.

Мощную операцию мы провели под Кандагаром. Там недалеко была наша ГЭС, которую советские специалисты строили и обслуживали. Освобождали от боевиков всю линию электропередач для снабжения Кандагара. Они взорвали мачты и опоры линии электропередач. Восстанавливали. Из Советского Союза с сопровождением доставляли мачты в Кандагар транспортными самолетами Ил-76.

Там у нас бригада спецназа была – выслеживала и уничтожала караваны, которые через пустыню шли из Пакистана с оружием и боеприпасами.

Потери были, конечно, война есть война, хотя и небольшие, но жизнь людей ведь количеством не определяется. Тяжело говорить много или мало - одного человека достаточно.

Самый тяжелый период – вывод войск. Первые выводы войск нормальные были у нас. Вывели без всяких потерь, хотя пришлось пару раз возвращаться.

В одном городе оставляли советников, сделали им бетонное укрытие, средства связи оставили. Уже полпути прошли, дают команду вернуться. Ночью вернулись, забрали их и опять ушли.

А вот когда выводили из Файзабада, это северо-восток, мы просили Генштаб, чтобы вывод сделали пораньше. Но Генштаб эту просьбу реализовать не мог, поскольку дело было связанно с ООН. Наблюдатели были, «белые каски», следили за выводом, за тем, что оставляем мы, что не оставляем.

Как раз началось таяние ледников, вода везде поднялась. Дорог и без этого нормальных не было, так и их еще повзрывали. Пришлось новые делать, взрывать скалы и насыпать дорогу.

Некоторые дороги заминированы были, из-за чего мы потеряли человек двенадцать. Два подполковника погибли, один майор, два лейтенанта.

Но самый трудный это, конечно, был Саланг. Связано это было с тем, что в декабре 1988 года, когда мы почти уже все вывели, остались части - в Кабуле, в Баграме, на Саланге и за Салангом.

Зима снежная очень была. Все заносит. Нас спасло то что, я сибиряк и знаю как со снегом бороться по опыту службы в

Сибири. Запросил сразу аэродромные шнековые машины. Таких нам пять машин прислали на базе «Уралов». Вот ими только и расчищали. Расчистишь, прошла колонна одна, а потом занесло снегом где-то под три метра толщиной.

Приезжал Шеварднадзе и привез четыре варианта того, как оставить войска в Афганистане, вместо того чтобы выводить. И все начали бунтовать, просто не исполнять стали, потому что некем вводить снова, когда все уже передали. И никакого смысла нет, и обязательства были вывести войска. В конце декабря он улетел, прилетел министр обороны Язов и сошлись на том, чтобы если не оставлять войска, то провести боевые действия с бандами Ахмад Шаха.

Мы не воевали, договаривались всякими способами. Ахмад Шах поставил цель, чтобы ему Саланг передали, а Наджибулла не соглашался. Он согласился на то, чтобы провести боевые действия, убрать войска Ахмад Шаха и поставить афганские заставы. Долго очень собирали людей, разбегались афганцы, пока мы все передавали. Я там руководителем боевых действий был.

Начали бомбить, начались переговоры. Договорился уже с его замами, чтобы идти к Ахмад Шаху. Договорились о том, что на переговорах буду я, переводчик и связист. Три человека. В девять утра должны были зайти в траншею, там наша застава стояла у входа. Доложили Министру обороны, а он запретил: «Возьмут в заложники, потом будут спекулировать». Я не пошел. Отставили переговоры - вот это трудность была.

Решили создать трехмесячные запасы продовольствия, техники, боеприпасов, горячего и прочих материалов для афганцев. И вот, вместо того чтобы выводить, пошли встречные колонны. Танки, самоходки, колонны автомобильной техники со всеми запасами. Часть передали того, что оставалось здесь.

Мы создали восемь боекомплектов ко всем видам оружия на Саланге, в каждой заставе. Выставляли и отдавали все, что там оставалось. Передавили и уходили.

Там мы испытали самоходную установку «Буратино». На базе танка, несколько пакетов стволов, стволы с зажигательными боеприпасами и с избыточным давлением. Испытали мы её в горах по «духам». Начали, когда у них первый намаз, в 5 утра. Мы знали, где и кто спит в

глинобитных этих домиках, где бандиты рядовые, где главари. Определили кто и куда бьет - и влепили, а потом пошли. Потери у нас были - 8 человек. Майор с десантной дивизии погиб. Последний погибший прибыл на последнем танковом тягаче. Случайная пуля, наверно, - он на трансмиссии сидел, сзади.

Еще были потери. Командир вертолетного полка погиб. Мы подсвечивали горы, но так и не нашли его. Снега тогда было много, если он врезался, то провалился в снег. Воздушная разведка ничего не нашла. Погиб полковник.

Перед окончательным выводом мы вытащили из афганского плена прапорщика и солдата в обмен на оружие и деньги. Обменяли.

Из тюрьмы вызволили. Я летал туда, привез «духов». Пару отдаем, а они нам одного, потом еще. Поменяли всех, ночью меняли, днем не выходят, боятся, не доверяют.

Еще один эпизод был в середине 1988 года, когда мы выводили из Газни и Гардезе. В Газни стоял отдельный полк, мотострелковый, а в Гардезе стояла парашютно-десантная штурмовая бригада. Наши советники выводили из-под Кандагара, через полупустынную зону афганские части и попали в крупную засаду. Погибли четыре человека наших. Дали команду вытащить их живыми или мертвыми.

Прислали нам вертолетный полк, сорок вертолетов. Мы десант собрали, что было там, 250 или 300 человек и полетели. Двумя рейсами вывезли туда десант, там договорились, собрали местных жителей и выведали, где завтра начинают.

Создали мы три кольца окружения зоны, где наши погибли, и на следующий день пошли. Получилось так: бронетранспортер стоит, сгоревший, солдат-водитель сгорел в нем, за рулем. У побежавшего от бронетранспортера пуля крупная в спине, убили. Полковник раненый был, его раненого везли. Он потом в БТР умер. Над всеми «духи» надругались - всех порезали и подожгли. Мы всех забрали и опознали. Двенадцать пленных взяли.

Еще один эпизод. В северной части Саланга стояла у нас трубопроводная бригада. Проложены было две нитки трубопровода, по которым качали мы керосин для самолетов до Баграма, стояли перекачивающиеся станции. Все нужно объезжать и контролировать, потому что поджигали и

простреливали трубы, а керосин «духи» забирали, да и местные жители.

Переписка

Письма отправляли. Я-то мало писал, потому что я был на боевых действиях. У нас была договоренность, космическая связь была, я звонил в свой штаб армии в Ровно, оперативному дежурному, а он там по городскому телефону приглашал жену. Жена приходила, и я с ней по закрытому каналу связи иногда разговаривал. Не запрещалось.

Мои заслуги перед Родиной отмечены наградами - два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Мужества, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, четыре афганских ордена.

Когда вывели войска, меня назначили командующим 13-й армией с дислокацией в Ровно. Потом меня в Москву перевели, в Главное управление кадров Министерства обороны СССР.

В 1993 году в звании генерал-лейтенанта ушел в отставку по болезни.

После выхода в отставку меня пригласили в профсоюз военнослужащих. В 1999 году создавался Институт уполномоченных по правам человека, меня туда пригласили. Там я был начальником отдела по правам военнослужащих и членов их семьи. Когда мне исполнилось 65 лет, я обратился к Громову и меня взяли в областной Мостехнадзор, где работаю главным экспертом.

На данный момент состою в российском профсоюзе военнослужащих. В свое время в КПСС был.

У меня есть дочь и сын, внучка и внук.

15 февраля считается днем вывода советских войск из Афганистана. Этот день мы традиционно начинаем с возложения венков в Александровском саду к могиле Неизвестного солдата и памятнику Жукову. Потом отправляемся в Перово, где стоит первый памятник и музей афганцев, посещаем Новодевичье кладбище, где похоронен генерал армии Дубинин.

Разбросала судьба многих, кого-то уже нет в живых. Я сейчас понимать стал, что когда ветераны встречаются, то

возвращаются в ту жизнь молодую, в те годы, а их воспоминания дают импульс положительным эмоциям.

Декабрь 2011 года

Языков Андрей Евгеньевич

Мы должны были сидеть внутри машины

Я родился 21 октября 1963 года, русский, христианин, беспартийный. Был членом ВЛКСМ.

Я вступил в комсомол, как и все, в 14 лет. Спустя 4 года, когда призывался в армию, обнаружил, что мой билет где-то затерялся. И нигде не было отмечено, что я состою в комсомоле, на работе я тогда не снялся с учета. Комсорг, мой прапорщик, заставил меня вступать в комсомол заново. Получается, в комсомол я вступал 2 раза – в 14 и 18 лет.

Школу я окончил в 1981 году, и, не поступив в ВУЗ, осенью, сразу после того, как мне исполнилось 18 лет, был призван в армию. Афганская война к тому времени уже шла, все «краем уха» слышали о сражениях, но никто в полной мере не знал, что она из себя представляет. Я даже не догадывался, что попаду туда. Отправили меня в Таманскую дивизию, в Подмосковье, где мы все пробыли буквально 3-4 дня. Между ребятами уже ходили слухи, что нас отправляют в Афганистан, но слухи слухами, и все надеялись на лучшее.

Затем нас отвезли в Домодедово, откуда мы долетели прямым рейсом до Ашхабада, столицы Туркмении, где меня направили в Иолотань, небольшой город в Марыйской области.

Там я находился два месяца, попал в танковую роту, где и учился на заряжающего танкового орудия. Зарядить снаряд

нужно было за 6 секунд, что считалось нормативом, - вытащить из боеукладки, вставить в ствол и произвести выстрел. Первый раз, после того, как нам продемонстрировали процесс, я заряжал снаряд 3 минуты. К слову, он весит примерно 40 килограмм. Потом, конечно, приловчился, действия отточились до автоматизма, и норматив я выполнял без проблем.

9 мая 1982 года мы приняли присягу, и где-то уже в июне месяце мы попали в Афганистан. Точно так же - на самолете, из Ашхабада в Кабул. В Кабуле на пересыльном пункте всю нашу роту, которая была в Иолотани, распределили по разным точкам по всему Афгану. Кто куда попал – кто в Кабуле остался, кто в Кандагар, кто в Герат. Что касается меня, то я попал в Баграм (населенный пункт примерно в 80-90 км от Кабула), в 108-ю мотострелковую Невельскую дивизию, 185-й танковый полк, в танковую роту заряжающим. В этой танковой роте я и провел полтора года службы, после чего был переведен в артдивизион в отделение разведки. Так я стал артразведчиком и прослужил еще год. Что это значит, быть артразведчиком? Вот, допустим, идет разведывательный батальон в горы, мы идем вместе с ним – артиллерийская разведка. По обыкновению, это офицер и два солдата, чтобы корректировать огонь. С горы мы определяем местоположение противника с помощью приборов-дальномеров и вызываем огонь артиллерии полка по позиции душманов. В общей сложности я прослужил два с половиной года, из которых два года и два месяца отслужил в Афганистане.

Наша батарея располагалась в Гульбахаре у входа в Панджшерское ущелье, и основной целью нашей батареи была защита входа в это ущелье.

Весною, в марте-апреле 1984 года, проходила широко известная крупномасштабная Панджшерская операция, в которой я, находясь в Гульбахаре, и принимал непосредственное участие вместе с разведбатом нашей дивизии. Чтобы оценить масштаб операции, достаточно сказать, что колонна автомобилей, танков и бронетехники вместе с личным составом, входящая в ущелье, двигается с самого утра, а к обеду - и половина её туда не вползла.

А когда я служил первые полтора года танкистом, мне довелось ходить в боевом охранении с колоннами, которые возили грузы для нашего полка, через перевал Саланг. Мы ездили в Термез (Узбекистан) почти через весь Афганистан, и мне довелось побывать во многих населенных пунктах, например, в Чарикаре, Пули-Хумри, Хайратоне. Всех и не вспомнить.

На волосок от смерти

Часто были случаи, когда я находился «на волосок» от гибели или увечья. Вот некоторые из этих эпизодов.

Не помню уже, за какое прегрешение, но мне капитан Бушин, наш комбат, назначил пять суток гауптвахты. Было это уже в Гульбахаре, когда я практически заканчивал службу. В Гульбахаре не было гауптвахты, но она существовала в Чарикаре, куда меня и отправили для исполнения наказания. И вот, пока мы туда ехали, наш тягач (МТЛБ) попал под обстрел. Попали из гранатомета в тот отсек машины, где мы должны были бы сидеть, если бы сидели внутри машины. К счастью, никто не пострадал, потому что мы сидели снаружи - на броне, и взрывной волной всех сбросило, благодаря чему мы и остались живы. В тягаче было оружие, мы открыли ответный огонь, но наш противник быстро прыгнул в кириз, колодец, связанный с сетью ходов под землей, и его уже было не найти.

Случай во время Панджшерской операции

Идя по горам, идем цепочкой. Впереди разведгруппа, а за ней, метрах в двухстах, основная группа. И вот при подъеме в гору прямо рядом со мной взорвалась противопехотная мина, задела идущего рядом со мной санинструктора Володю, из Донецка. Ему оторвало ноги чуть ниже колен, а мне повезло, даже не задело.

Первые дни

Запомнился один случай, произошедший буквально в первые дни службы. Был у нас такой старослужащий Сергей

Фокин, я с ним познакомился, он был из Подмосковья, уже собирался на дембель, хороший такой парень. И тут началась какая-то операция, в которой он принимал участие, и его убили. Снайпер убил - прямо в сердце. И мы с нашим прапорщиком принимали тело на опознание в морге. И вот, представляете – я, молодой совсем солдат, попадаю в морг и вижу там своего убитого товарища, с которым только что познакомился. Врезался глубоко в память этот случай. Со временем, конечно, привыкаешь к смерти, и живешь так, как будто это окружало тебя всю жизнь и является ее неотъемлемой частью. Выполняя приказы, о смерти не думаешь, просто выполняешь их и все.

Демобилизация

Оставался я в Гульбахаре до самого завершения боевых действий. Потом оттуда, нас, дембелей, привезли в Баграм, где выдали парадную форму - и на самолет, прямо до Ташкента. Ну, а из Ташкента - трое суток поездом до Москвы.

Боевых ранений не было, но во время одной операции, когда я служил еще танкистом, танк мой подорвался на мине, и меня контузило. А в остальном, слава Богу, всё хорошо!

Представление за участие в Панджшерской операции на награждение меня медалью «За отвагу», этой дорогой сердцу любого солдата награды, отправил мой командир батареи капитан Алексей Бушин. Её получил я в 1986 году уже в военкомате, потому что представление было сделано перед самой демобилизацией. Также награждён:

- медалью «70 лет Вооруженным Силам СССР»;
- знаком «Воин-интернационалист»;
- медалью «От благодарного Афганского народа».

Декабрь 2011 года

Bittcher Ernst

Биттхер Эрнст

Kampf um den Reichstag. Luftwaffenhelfer bei der Verteidigung des Reichstages

Ich, Bittcher Ernst, wurde am 13. November 1928 im Stadtteil Zehlendorf von Berlin in Deutschland geboren.

Meine Schulzeit am Zehlendorfer Gymnasium wurde durch die Einberufung als Flak-Waffenhelfer nach der zweiten Kinderlandverschickung unterbrochen.

Kurz nach meinem 15. Geburtstag im November 1943 erhielten meine Freunde und ich in dem Kinderlandverschickungslager Weichsel (Oberschlesien) die Einberufung zum Januar 1944 zur Flak nach Stahnsdorf. Dort wurde ich am Kommandogerät innerhalb der Messstaffel ausgebildet, die anderen an 88 mm Flakgeschützen.

Nach Stellungswechseln nach Siehten und nach Wietstock (Landkreis Zossen in Brandenburg) zum Schutz des dortigen Daimler-Benz-Werkes kamen unsere Lehrer in die Batterie, um uns in den Hauptfächern zu unterrichten.

In Wietstock war ich auch am 20. Juni 1944 und reagierte befreit, als ich Hitlers Stimme nach dem missglückten Attentat im Volksempfänger hörte.

Im November 1944 kam unsere Batterie nach Berlin-Düppel zwischen der Benschallee und dem Krummen Fenn, nahe dem

heutigen Museumsdorf und meinem damaligen Zuhause am Mexikoplatz.

Als die Rote Armee immer näher auf Berlin zurückte, wurden wir, vor allem die Geschützmanschaften, auf Erdzielbeschuss umgeschult.

Mir, als «Mann der Messstaffel», war es anvertraut, großformatige Zeichnungen der russischen Panzer «Stalinpanzer» und «T-34», schön auf grüner Wiese und mit blauem Himmel, für den Panzererkennungsunterricht zu zeichnen.

Dass wir uns angesichts des unentwegt anrückenden Gegners nicht beständig auf die Verteidigung Berlins konzentrierten, belegen folgende Tatsachen. Ende 1944 führten wir in der Kantinenbaracke zwei mal Schillers «Wallensteins Lager» auf. Bisher vom Dienst befreite («u.k.») Herren oberster Instanzen, Post- und Reichsbahnräte, Theaterleiter und Musikprofessoren dienten als Flakkanoniere bei uns, regten die Aufführungen an, studierten mit uns die Rollen ein und beschafften Kostüme aus elitären Beständen. Ich hatte die Ehre, den ersten Kürassier spielen – herrliches Erlebnis noch kurz vor dem Ende des Krieges.

Innerhalb Berlins wechselten wir bei dem russischen Anmarsch auf Teltow zunächst mit unseren Geschützen auf den damaligen Adolf-Hitler-Sportplatz in Lichterfelde am Teltowkanal, nahe dem Löwe-Opta-Haus gelegen. Ich war «VB» (vorgeschobener Beobachter) im Zeiss-Ikonwerk an der Goerzalle.

Als sich am Morgen der Nebel über dem Teltowkanal hob, sah ich auf dem gegenüberliegenden Ufer zahlreiche russische Panzer auffahren, mit Schussrichtung auf unseren Beobachtungsstand. Wir berichteten per Funk darüber an die Batterie. Die Panzer schossen erst unten, dann mittig und schließlich oben auf unseren Turm.

Wir konnten auf die Goerzallee hinaus laufen. Dann ging es nicht in das nächstgelegene Zuhause, sondern in die Batterie. Dort bereitete man sich bereits mit nur noch drei Geschützen auf den Stellungswechsel an die Südwestecke des Tempelhofer Flughafengebäudes am Tempelhofer Damm vor.

Ein besonderes Erlebnis in dieser Nacht war der Einsatz einer Reihe vermutlich russischer Flugzeuge,die in kreisendem Flug mit abgestellten Motoren aufschlagzündende Munition abwarfen, die aber ihr Ziel zum Glück nicht erreichte.

Dieser Moment rief Assoziationen mit dem Ersten Weltkrieg hervor.

Am folgenden Morgen des 26. April kamen im Nebel noch einige vermutlich deutsche Soldaten über das Rollfeld. Sie flohen vor dem Feind, der bereits die Bahnlinie am Südrand des Rollfeldes erreicht hatte. Bei starkem russischem Artilleriefeuer erfolgte unser letzter Stellungswechsel zum Königsplatz vor dem Reichstag. Ich fuhr, auf einem mit Munitionskisten beladenen LKW liegend, im Zickzackkurs rasend dahin. Plötzlich traf ein harter Schlag meine Schulter. Wir hatten die Füße eines an einer Laterne erhängten Menschen gestreift. Unser Kommandogerät, mittlerweile wohl schon gesprengt, war in Düppel geblieben. Deshalb half ich lediglich bei der Positionierung der restlichen drei Geschütze auf dem Königsplatz, die völlig ungeschützt, ohne Schutzwälle, einschließlich der Munition frei und offen stehend, dem steten Artilleriefeuer des Gegners ausgeliefert waren. Erste Verwundete unserer Batterie transportierten wir auf herumliegenden Zimmertüren aus den Trümmern in das Lazarett im Reichstag. Anders als in den Kellern des Tempelhofer Flughafens, wo ich unter den dort Gefallenen einen unserer vermissten Luftwaffenhelfer identifizieren sollte, sah ich die toten Soldaten auf dem Königsplatz, die durch den Staub der Explosion in ihren Uniformen feldgrau dalagen, Staub zu Staub, Erde zu Erde geworden, nicht mehr mit solchem Entsetzen wie noch kurz zuvor an.

Als die Batterie, meist in nördlicher Richtung, auf «Erdziele» schoss, hatte ich im Innern des Reichstages Zeit zum Herumstromern, fand als einzigen wehrhaften Posten oben im Südwestturm in freier Luft ein schweres Maschinengewehr, dessen Bedienung, zwei Landser, mich energisch darauf hinwiesen, ja nicht in den offenen Fensterbögen zu erscheinen, weil russische Scharfschützen draußen nur auf solche Gelegenheiten lauerten. So ging ich schnell in das Innere der menschenleeren oberen Etagen des Reichstagsgebäudes und entdeckte in einem Raum einige aufgestapelte Architekturmodelle, vielleicht zum Thema «Neugestaltung der Reichshauptstadt». Welche Augenweide waren für mich, der ich damals selbst einmal Architekt werden wollte, diese Modelle, in die man von unten her den Kopf hineinstecken konnte, um den Innenraum zu betrachten. All das stand in einem völligen Gegensatz zu dem Chaos und den umgebenden Ruinen.

Hier und dort standen kleine Figuren, auch ein kleiner Mädchenkopf, vielleicht von Arno Breker. Ich griff nach ihm und steckte ihn in meinen Rucksack in die kleine hölzerne Velveta-Kiste (Frischkäse-Verpflegungskiste), die für meine Mutter vorgesehen war. Später, an der Siegessäule, musste ich beides wieder ausschütten, um eine Eierhandgranate darin zu verstauen, um für einen eventuellen Ausbruchsversuch gerüstet zu sein. Auf dem Rückweg in die unteren Etagen wurde ich bei einem Fenster, das in den Innenhof des Reichstages führte, beinahe zum Zeugen der Erschießung eines Deserteurs. Man hatte ihn bereits an die Wand gestellt, das Erschießungskommando legte schon an – da schlug eine Artilleriesalve der Russen in den Hof ein. Alle Mann gingen in Deckung und der Deserteur konnte gerade noch so, in letzter Minute, entkommen.

Und ich musste wieder hinaus, in einen provisorischen Unterschlupf, der notdürftig mit Wellblech abgedeckt war, mit einem sandgefüllten Blechherd als Schutz vor dem Eingang. Dort fanden sich erschöpfte Soldaten, bevor sie im Reichstag Schutz suchten und ein derartig intensives Artilleriefeuer noch nie erlebt hatten, ein.

Am Vormittag des 30. April steigerten die Russen den Beschuss derart, dass ich doch im Reichstag Schutz suchte. Dies dauerte nur kurze Zeit, denn zwei Soldaten der SS, die sich seit dem 28. April im Reichstag befanden, scheuchten mich als «feiges Schwein» in die Küche. Dort wartete ich geduldig, bis die dort arbeitenden Frauen Butterbrote geschmiert, diese eingepackt und in zwei großen Blechkannen verstaut hatten.

Der Beschuss des Königsplatzes hatte inzwischen nachgelassen. Meine zwei Häscher von der SS zeigten mir den Weg zur Nordostecke des Innenministeriums, nahe der Schweizer Botschaft, über den einzigen Übergang des quer durch den Königsplatz verlaufenden Wassergrabens. Dort, in den Kellern, freuten sich die Soldaten riesig.

Insgesamt erledigte ich drei «Botengänge», so nannte man meine Wege über den Königsplatz, zunächst mit belegten Broten, dann mit Kaffee und Tee und schließlich mit Panzerfäusten, wobei ich keine Soldaten der Roten Armee sah. Auch am 29. April fiel auf mich aus dem eroberten Gebäude des Innenministeriums kein Schuss. Bei einem meiner Besuche im geräumigen Keller direkt an der Moltkestraße nahm ich an einem Panzerabschuss teil. Wir

hörten das Motorengeräusch des von der Moltkebrücke auf der Moltkestraße herannahenden Panzers. Neben mir lag ein Soldat mit einer Panzerfaust im Anschlag. Durch die Kellerfenster sahen wir, dass das Geschützrohr auf uns geschwenkt wurde. Mein Nachbar zog ab und traf den Panzer. Während der Staub um uns nach dem Abschuss niederging, hörten wir die Schreie der sich im Innern des brennenden Panzers befindlichen Soldaten. Wie auf Kommando hatten drei Soldaten und ich unsere Gewehre auf den Panzerturm gerichtet. Der Deckel wurde aufgestoßen und es erschien der Oberkörper des Panzerkommandanten. Ich schoss mit den anderen – mein einziger Schuss auf einen fliehenden sowjetischen Soldaten, der daraufhin leblos zusammenbrach. Von dieser dritten Tour unversehrt in den Reichstag zurückgekehrt, fand ich dort alles in heller Aufregung vor. Es hieß, Rotarmisten seien in das Gebäude eingedrungen

Es war am 30. April gegen 19 Uhr. Eine Parole wurde ausgegeben, um in der Dunkelheit Freund und Feind auf Anruf unterscheiden zu können. Nach kurzer Zeit nahm mich in unserem Südwestturm mein Batteriechef Oberleutnant Richter, der von meinen Exkursionen gehörte hatte, auf. Er umarmte mich herzlich wie einen Sohn. Zuvor, am 20. April, hatte er meinem Vater, der mit einem Gestellungsbefehl erschien, der mich von höchster Stelle in die Reichskanzlei beordern sollte, eine energische Absage erteilt.

Ich sei als vorgeschobener Beobachter seiner Batterie ausgebildet und im Einsatz. So musste mein Vater am 20. April aus der Lichterfelder Stellung wieder heimfahren. Oberleutnant Richter nahm mich nun mit auf einen nächtlichen «Ausflug» zum Kommandobunker des Flakturms Zoo, um Eiserne Kreuze zu holen.

Auf diesem nächtlichen «Ausflug» durch den verwüsteten Tiergarten südlich der Ost-West-Achse (heute: Straße des 17. Juni) begegnete uns niemand. Es brannte die Kaiser-Friedrich-Gedächtniskirche. Durch die Flammen im Turm läutete die Glocke. Im völlig unbewachten Bunker herrschte eine hektische Stimmung. Man sah in Zivil und in Uniform gekleidete Gestalten im Treppenhaus, in dem ich hingekauert wartete. Mein Batteriechef hatte für mich noch ein warmes Abendessen organisiert. Bald sah ich ihn nur kurz auf dem Marsch der Kriegsgefangenen kurz vor Küstrin wieder.

Ohne Stahlhelm – vergessen oder gestohlen - kam ich am Morgen des 1. Mai wieder ans Tageslicht. Von einem

Sturmgeschütz, das schräg in einem Bombentrichter lag, nahm ich einen Stahlhelm, der leidlich passte, an mich und ging zum Reichstag, ohne jegliche Feindberührung. Aus südwestlicher Richtung kommend, sah ich den Nordwestflügel des Reichstages in den oberen Etagen brennen. Was sollte ich dort noch? Als ich kehrt machte, pfiff es mir plötzlich um die Ohren, so, wie Gewehrschüsse klingen. Vor mir, in einem Bombentrichter, lagen drei russische Soldaten. Ich suchte sofort hinter einem umgestürzten Baumstamm Deckung, aber mein Rucksack schaute darüber hinaus. In der Hosentasche hatte ich noch eine Eierhandgranate, rekapitulierte kurz das Abziehen, zog ab und warf in Richtung Trichter, sprang auf und lief davon und wusste dabei nicht, dass die Granate nicht explodieren würde, weil sie keinen Zünder hatte. Der Gegner, in banger Erwartung der Explosion der Granate in voller Deckung verharrend, ließ mich laufen.

Ganz unbehelligt kam ich zur Siegessäule. Dort sprach man von gescheiterten Durchbruchsversuchen in den U-Bahnschächten Richtung Ruhleben, aber auch von Hitlers Heirat und Selbstmord. Für mich, der ich bis zu diesem Zeitpunkt noch an den Endsieg geglaubt hatte, bedeutete diese Nachricht das plötzliche Ende dieses «Halbgottes».

Mich bewahrten die Abschiedsworte meiner Mutter: «Mein Lieber, du bist in Gottes Hand» vor einer Kurzschlusshandlung.

So ging ich mit den anderen übrig gebliebenen Soldaten zum Schloss Bellevue. In dem abgesoffenen Heizkeller - die Grundwasserpumpen waren außer Betrieb – lagerten Männer und Frauen der SS, die versuchten, von ihren Uniformen alle Rangabzeichen zu entfernen und sich sonst als SS unkenntlich zu machen.

An diesem schönen Frühlingsmorgen des 2. Mai 1945 hörten wir vom Vorplatz des Schlosses russische Stimmen. Dann begann der Marsch der Gefangenen über Fürstenwalde, Küstrin und von dort per Bahn nach Posen. Zum Glück war ich dort nur vier Monate lang und wurde dann wegen körperlich bedingter Arbeitsunfähigkeit nach Hause entlassen.

Im Herbst 1945 kehrte ich aus der russischen Gefangenschaft zurück und machte 1947 mein Abitur.

Zu dieser Zeit begegnete ich dem Orgelbaumeister Karl Schuke in der Kirche von Schlachtensee und begann mit Begeisterung eine Lehre in seiner Werkstatt. Kurz vor der

Gesellenprüfung 1950 fragten meine Potsdamer Chefs Karl und Hans-Joachim Schuke mich Grenzgänger, der in Westberlin wohnte, ob ich unter ihrer geheimen Schirmherrschaft eine "Berliner Orgelbauwerkstatt" gründen wolle. Ich stimmte ohne zu zögern zu. Ich studierte an der Meisterschule für Kunsthandwerk Innenarchitektur, um später als Designer für die Orgel die Gehäuse zu entwerfen und zeichnerisch oder in Modellen darstellen zu können. Karl Schuke zog mit seiner Familie 1953 nach West-Berlin und übernahm die Firmenleitung, sein Bruder Hans-Joachim leitete später das Unternehmen in Potsdam. Ich arbeitete bei bedeutenden Projekten mit Prof. Egon Eiermann in der Kaiser-Wilhelm-Gedächtniskirche und wenig später mit Prof. Hans Scharoun in der Berliner Philharmonie zusammen. Auch Auslandsaufträge für den Bau großer Orgeln in den USA, Japan, Südkorea und Autralien waren von großer Bedeutung. Nebenbei unterrichtete ich mehr als zwanzig Jahre lang das Fach Orgelkunde Meine Arbeit bereitet mir große Befriedigung.

Bibliografie:

- Bittcher, Ernst; Wedemeyer, Jürgen: Kampf um den Reichstag // Schattenwelten. 1/2010. Deutschland;
- Bittcher, Ernst: Der Kampf um den Reichstag. Erinnerungen des Luftwaffenhelfers Ernst Bittcher // Rundbrief. 1-2. Die Linke. 2008 Deutschland;
- Heimatverein Zehlendorf (Hrsg.): Wallensteins Lager in der Flak-Stellung Düppel / Jahrbuch Zehlendorf . Selbstverlag. Berlin: 2007.

Erwähnung in:

- Hass, Gerhart, Prof. Dr.: Zum Kampf um den Berliner Reichstag (26. April bis 1. Mai 1945) // Rundbrief. 1-2. Die Linke. 2008. Deutschland;
- Vesper, Karlen: «Das war ein großes Geschenk». Warum Ernst Bittcher den Sowjetsoldaten dankbar ist. /// Neues Deutschland. 65. Jhrg. 1.05. 2010. Deutschland;
- Smolin, Aleksej. "In den letzten Kriegstagen verteidigte ich den Reichstag" /// Segodnya", 07.5.2010. Ukraine;
- Baker, Frederick: Rebuilding the Reichstag /// BBC Omnibus. Großbritannien: 1999;
- Greulich, Anja: Bis zum bitteren Ende /// ZDF. Deutschland: 2005;

- Elfers, Gerhard: The Lost Evidence /// History Channel. USA: 2006;
- Stein, Detlef W.: Zeitzeugen im Gespräch, Teil 3 Ernst Bittcher Heroischer Kampf um den Reichstag? Ein sowjetischer Mythos verblasst /// DVD. OEZ Berlin Verlag. Deutschland: 2010.

Dezember 2011

Битва за Рейхстаг.
Участник противовоздушной обороны Рейхстага

Я, Биттхер Эрнст, родился 13 ноября 1928 года в районе Целендорф города Берлина в Германии.

Мои школьные годы в целендорфской гимназии были прерваны призывом в войска зенитчиком противовоздушной обороны после второй отправки детей в эвакуационные лагеря.

Когда мне исполнилось 15 лет, в ноябре 1943 года, я и мои друзья получили в эвакуационном детском лагере в Вайкселе (Верхняя Силезия) распоряжение перейти с января 1944 года на зенитные установки расположенные в Штансдорфе. Там я учился управлению зенитным артиллерийским огнем на панели измерительных приборов, а остальные на 88-мм зенитных установках.

После переезда зенитной батареи в Зиитен и в Витсток (округ Цоссен, Бранденбург) для защиты завода Даймлер-Бенц туда прибыли учители из гимназии для преподавания основных предметов.

Я находился 20 июля 1944 года в Витстоке, где с чувством облегчения слушал голос Гитлера, раздававшемся в «народном радиоприемнике» после неудачного покушения на него.

В ноябре 1944 года наша батарея подошла к Берлин-Дюппель между Бенцаллеей и Круммен Фенн, недалеко от нынешнего Музеумсдорфа и моего дома на Мексикоплатц.

Красная Армия все ближе приближалась к Берлину, и нас переобучали, прежде всего орудийный расчет, стали обучать ведению огня по наземным целям. Мне, как «человеку с измерительной панелью», было доверено делать (идеаилизированно - на зеленом лугу с синим небом) зарисовки большого формата танков «Сталин» и «Т-34» для уроков по их распознанию.

На то, что, с учетом непрерывно приближающегося противника, мы не концентрировались на защите Берлина указывают следующие факты. В конце 1944 года мы в солдатской столовой дважды сыграли «Лагерь Валленштейна» Шиллера. Прежде освобожденные от службы («u.k.») господа высших инстанций: советники почты и имперской железной

дороги, руководители театра и профессоры музыки, служившие у нас в звании зенитчиков-артиллеристов, инсценировали постановки, изучали с нами роли и добывали костюмы из элитарных фондов. Я имел честь играть первого кирасира - приятное воспоминание.

При приближении русских в Тельтов мы переместились с нашим орудием на Спортивную площадку имени Адольфа Гитлера в район Лихтерфельде у Тельтов-канала, расположенную вблизи «Löwe-Opta-Haus». Я был передовым наблюдательного пункта («VB») на заводе «Zeiss-Ikon» на Гёрцаллее.

Как только утром исчез туман над Тельтов-каналом, я, находясь на верху на юго-западной башни, увидел на противоположном берегу приближающиеся многочисленные советские танки с направленными дулами на наш наблюдательный пункт. Мы сообщили об этом батарее по радиосвязи. Танки начали обстрел здания.

Мы смогли выбежать на Гёрцаллею. Потом пошли не домой, это было рядом, а на батарею. Там меняли позиции три орудия для стрельбы в юго-западном направлении – в направлении аэропорта Темпельхоф.

Особым событием для меня этой ночью стал боевой вылет ряда, предположительно, русских самолетов, которые в кружили с выключенными двигателями и сбрасывали бомбы, которые, к счастью, не достигли цели. Этот момент ассоциировался у меня с Первой мировой войной.

Следующим утром, 26 апреля у нас на батарее появились несколько германских солдат, которые в тумане пришли со взлетной полосы. Они убежали от противника, который уже достигшего железной дороги в южной части аэропорта. Под шквальным артиллерийском огнём русских наша зенитная установка в последний раз переместилась на Королевскую площадь (Königsplatz) недалеко от Рейхстага. Я ехал туда на грузовом автомобиле, нагруженном ящиками с боеприпасами. Автомобиль быстро мчался зигзагообразным образом. Внезапно что-то тяжело хлопнуло меня по плечам - это меня задели ноги повешенного на фонаре человека.

Наш прибор управления, по всей видимости, уже взорванный, остался в Дюппеле. Поэтому я только помогал в установке трех оставшихся пушек на Королевской площади,

которые были абсолютно незащищены, без защитного вала, снаряды находились на открытом месте, по которому непрерывно велся огонь противника.

Первых раненых с нашей батареи мы перевозили на валявшихся комнатных дверях в лазарет Рейхстага. В отличие от подвалов темпельхофского аэропорта, где я должен был среди погибших устанавливать личность одного нашего пропавшего рядового Люфтваффе, я на мертвых солдат на Королевской площади смотрел уже не с таким ужасом. Они лежали в сероватой от пыли форме, тело к телу.

В то время, когда батарея обстреливала в северном направлении наземные цели, у меня было время побродить внутри Рейхстага. Я обнаружил наверху на открытом месте в юго-западной башне единственный пост, на котором находились два солдата с пулеметом. Они сказали мне, что лучше не появляться у оконных арок, так как русские снайперы только и подстерегают такую возможность.

Я быстро вошел во внутреннюю часть опустевших верхних этажей Рейхстага и обнаружил в одной из комнат уложенные в ряд архитектурные модели, которые, предположительно, можно отнести к теме «перестройка имперской столицы Рейха». Какое же я испытал удовольствие (я сам тогда хотел стать архитектором) от этих моделей, в которые можно было сунуть голову и рассмотреть их изнутри. Все это было полной противоположностью окружавшим меня руинами и хаосу. Тут и там стояли небольшие фигуры. А вот и маленькая фигурка головы девочки, наверное, от Арно Брекера. Я схватил её и положил в мой рюкзак, в котором уже была маленькая деревянная коробочка с сыром «Velveta» из продовольственного пайка, которую хранил для мамы. Позже, у Триумфальной колонны я все это вытряхнул из рюкзака и запихнул туда гранату, чтобы позднее, в случае возможности прорваться, быть вооруженным.

На обратном пути на нижние этажи, у окна, выходящего во внутренний двор Рейхстага, я чуть не оказался свидетелем расстрела дезертира. Его уже было поставили к стене. Группа, приводящая в приговор исполнение приговор, уже приготовилась, и тут раздалась канонада артиллерии русских. Все мужчины ушли в укрытие, а дезертир смог уйти только в последнюю минуту. А мне надо было спрятаться в какой-то

яме, кое-как обшитой стальными листами и стоящей плитой, заполненной песком, закрывавшей вход. Там находились утомленные солдаты, которые позже прятались в Рейхстаге и которые еще никогда в своей жизни не переживали подобный интенсивный артиллерийский огонь.

Утром 30 апреля обстрел усилился до такой степени, что я тоже убежал в Рейхстаг. Всё сыпалось с его стен на нас, я побежал в котельную под бетонный лестничный марш. Но там просидел недолго, так как два солдата СС, которые находились в Рейхстаге с 28 апреля, погнали меня на кухню, обзывая меня «трусливой свиньей». Я на кухне терпеливо ждал, пока работавшие там женщины намазали масло на хлеб, упаковали и сложили в два больших стальных бидона.

Между тем обстрел на Королевской площади утихал. Мои преследователи-эсэсовцы показали мне дорогу на северо-восточный угол Министерства внутренних дел, что находился рядом с Швейцарским посольством - единственный переход через водоканал для прохода через Королевскую площадь. Там, в подвалах, солдаты очень порадовались моему приходу.

Всего у меня было три «посыльных» поручения, так назывались мои передвижения через Королевскую площадь, сначала с бутербродами, после, во второй половине дня, с кофе и чаем и, в завершении, с ручным противотанковым гранатометом. Выполняя эти поручения, я так и не увидел солдат Красной Армии. И 29 апреля в меня тоже не стреляли из захваченного здания Министерства внутренних дел.

В ходе одного из моих посещений просторного подвала прямо, на улице Мольтке, я участвовал в бое с танком. Мы услышали шум двигателя приближающегося танка от моста Мольтке. Рядом со мной лежал солдат, готовый бросить противотанковую гранату. Через подвальные окна мы увидели, что пушка танка пришла в движение и нацелилась на нашу позицию. Мой сосед снял чеку и бросил гранату в танк. Когда пыль от взрыва оседала, мы услышали крики советских солдат, находящихся внутри пылающего танка. Как по команде, я и трое солдат нацелили пулеметы на башню танка. Открылся люк, и показалась верхняя часть туловища командира экипажа. Я вместе с остальными выстрелил - это был мой единственный выстрел - в убегающего советского солдата, который тотчас безжизненно упал.

Вернувшись невредимым после третьего «посыльного» поручения в Рейхстаг, я обнаружил, что все были в сильном волнении. Говорили, что красноармейцы проникли в здание. Это было 30 апреля около 19 часов.

Был выдан пароль, чтобы по нему в темноте можно было отличить своего от врага. Спустя некоторое время меня принял в нашей юго-западной башне мой командир батареи оберлейтенант Рихтер, наслышанный о моих «экскурсиях».

Он искренне обнял меня, как сына. Он ещё 20 апреля, моему отцу, явившемуся с повесткой направить меня в Рейхсканцелярию, сказал категорическое «нет» на этот поступивший приказ, так как я был обученным наблюдателем в составе его батарее. Поэтому мой отец 20 апреля вернулся домой с лихтенфельдской позиции. Оберлейтенант Рихтер взял меня с собой в ночную «экскурсию» к командному бункеру зенитной башни у зоопарка, чтобы «взять железные кресты».

В ту ночную «экскурсию» через опустошенный парк Тиргартен, что южнее оси Восток-Запад (ныне – улица 17 июня), мы никого не встретили. Горела церковь Памяти кайзера Фридриха. Сквозь языки пламени на башне звенел колокол. В абсолютно неохраняемом бункере царило необычное лихорадочное настроение. На лестничной клетке, где я ждал, сидя на корточках, можно было увидеть фигуры, одетых в гражданской одежде и в военной форме. Мой командир батареи организовал для меня еще один «ужин». Позже я мельком увидел его недалеко от Кюстрина (Küstrin) на марше военнопленных.

Без стальной каски, забыл где-то или украли, я вновь 1 мая снова вышел из бункера. Рядом с зенитной установкой, которая лежала прямо у бункера в воронке от разрыва бомбы, я взял стальную каску, которую с трудом надел, и пошел по направлению к Рейхстагу, не встретив противника. По пути я увидел горящие верхние этажи северо-западного крыла Рейхстага. Что мне там теперь делать?

Когда я повернул обратно, раздался внезапный свист, как звучат выстрелы из винтовки. Передо мной, в воронке от разрыва бомбы, лежали три русских солдата. Я сразу спрятался за опрокинутым деревом, но мой рюкзак выглядывал наружу.

В кармане у меня была граната-лимонка, быстро вспомнил как выдергивать чеку, снял её, бросил в сторону

воронки, и побежал прочь, не зная, что граната никогда не взорвется, так как у нее отсутствовал детонатор. Противник, оставшийся в укрытии в жутком ожидании взрыва гранаты, дал мне возможность убежать.

Беспрепятственно я добрался до колонны Победы. Там говорили о неудачном прорыве через шахты метрополитена в направлении станции Рулебен (Ruhleben), а также о свадьбе и самоубийстве Гитлера. Для меня, верившего до тех пор в окончательную победу, эта новость означала явный конец этого «полубога».

Напутственные слова моей матери: «Мой дорогой, ты в божьих руках!» уберегли меня от необдуманных действий.

Итак, я пошел с остальными солдатами к замку Бельвю (Schloss Bellevue). В затопленной котельной (водонапорные помпы не работали) расположились эсэсовцы (мужчины и женщины), которые пытались сорвать со своих униформ знаки различия, и вообще сделать свою принадлежность к СС внешне незаметной.

Этим чудесным весенним утром 2 мая 1945 года мы услышали на площади перед замком русские голоса.

Потом был марш пленных через Фюрстенвальд (Fürstenwald), Кюстрин (Küstrin) и оттуда на поезде до Позена (Posen). К моему счастью, я там пробыл всего четыре месяца и оттуда был отправлен домой из-за физической неработоспособности.

Осенью 1945 года я вернулся на родину из русского плена, и в 1947 году сдал в гимназии выпускные экзамены.

В это время я встретил изготовителя органов Карла Шуке в церкви Шлахтензее и с воодушевлением стал проходить обучение в его мастерской в Потсдаме. В 1950 году, незадолго до экзамена на звание подмастерья, мои начальники Карл и Ханс-Йоахим Шуке спросили меня, не хотел бы я, так называемый "гренцгэнгер" (Grenzgänger - т. е. лицо проживающий в западном Берлине и работающий на востоке) основать под их негласным руководством западноберлинскую мастерскую по изготовлению музыкальных органов. Я, не раздумывая, ответил согласием.

Изучал в мастерской художественных промыслов архитектуру интерьера, чтобы в будущем стать дизайнером

органов и проектировать их корпуса, а также предоставлять их в графическом виде или в виде модели.

Карл Шуке переехал в Западный Берлин со своей семьей в 1953 году и взял на себя руководство фирмой, его брат Ханс-Йоахим потом руководил предприятием в Потсдаме. Я имел дело с важными проектами профессора Эгона Айэрманна в церкви «Памяти кайзера Вильгельма» и чуть позже с проектами профессора Ханса Шароуна в Берлинской филармонии.

Большое значение имели заказы на постройку органов в таких странах как США, Япония, Южная Корея и Австралия. При этом я в музыкальной школе более двадцати лет преподавал органную музыку и историю органной музыки. Моя работа мне доставляет удовольствие.

Мои публикации:

- Биттхер Эрнст. Ведемейер Юрген. Битва за Рейхстаг // Шаттенвельтен. 1/2010. ФРГ;

- Биттхер Эрнст. Битва за Рейхстаг. Воспоминания участника противоздушной обороны Эрнста Биттхера // Рундбриф (информационный бюллетень партии). 1-2. Левые. 2008. ФРГ;

- Лагерь Валленштейна в зенитной позиции Дюппел 1944 / Целендорфский ежегодник. Краеведческое общество «Цельендорф». Берлин: 2007.

Обо мне есть упоминания в следующих издсниях:

- Хасс Герхарт. О битве за берлинский Рейхстаг (26 апреля - 1 мая 1945) // Рундбриф. 1-2. Левые. 2008. ФРГ;

- Феспер Карлэн. «Большой подарок» За что Эрнст Биттхер благодарен советским солдатам. /// Нойес Дойчланд. 65 год. 1.05. 2010. ФРГ;

- Смолин Алексей. Последние дни войны я провел, обороняя Рейхстаг /// Сегодня, 07 мая 2010. Украина;

- Бейкер Фредерик: архитектурная перестройка Рейхстага /// BBC омнибус. Великая Британия. 1999;

- Гройлих Аня. До горького конца /// ZDF Второе немецкое телевидение. ФРГ. 2005

- Эльферс Герхард. Потерянное доказательство /// Телеканал истории, США. 2006;

- Штейн Детелф В. Беседы со свидетелями событий, часть 3. Эрнст Биттхер. Героическая битва за Рейхстаг? Выцветание

советской легенды /// DVD. Издательство OEZ Berlin. ФРГ. 2010.

Декабрь 2011 года

Mitarbeit: ***Monica Krüger****, Berlin*

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Моника Крюгер****, Берлин*

Оргкомитет по изданию 15-го тома мемуаров

в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Дементьева Василия Дмитриевича, Лидяевой Наталии Игоревны, Луценко Виктора Николаевича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Федуловой Татьяне Михайловны;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Карабанова Дмитрия Ивановича, Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
членов Оргкомитета от Московского комитета ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Попова Дмитрия Игоревича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

заведующему кафедрой истории Паршину Виктору Васильевичу, помощнику ректора Дёмину Александру Леонидовичу, помощнику проректора по учебной работе Соловьёву Александру Ивановичу Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана

.

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:

редакторам Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне

выражает благодарность переводчикам:

Krüger Monica (Berlin), Stepul-Hesse Olga (Berlin), Устиновой Елене Борисовне (Москва)

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

Председателю Московского комитета ветеранов войны Слухаю Ивану Андреевичу, Заслуженному врачу Российской Федерации, Руководителю внутригородского Муниципального образования «Басманное» в городе Москве, Председателю муниципального собрания Мороз Иве Васильевне, Президенту Российского благотворительного общественного фонда помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945» Магомедову Магомеду Гаирбековичу

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 15

ИБ№424

Подписано в печать 01.04.10. Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 35,0 Тираж 1300 экз. Заказ № 2154

Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

ISSN 1818-6688 ISBN 978-5-903076-25-3